

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М. А. КУМАХОВ

СРАВНИТЕЛЬНО -
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ФОНЕТИКА
АДЫГСКИХ
(ЧЕРКЕССКИХ)
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
МОСКВА 1981

Монография представляет собой первый опыт построения сравнительно-исторической фонетики адыгских (черкесских) языков. В ней дается реконструкция общеадыгской (проточеркесской) фонологической системы, освещается ее эволюция и отношение к более ранним праязыковым состояниям. В свете данных западнокавказских языков рассматривается общая теория моновокализма, поскольку для типологической верификации моновокалических систем (в том числе индоевропейского вокализма) чаще всего используется материал данной группы языков.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Дж. Н. КОКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа была задумана как фонетический раздел единой монографии, посвященной сравнительно-историческому изучению фонетики и грамматики адыгских (черкесских) языков. Однако фонетический и грамматический материал распределяется по двум книгам, тесно связанным по направлению, методическим принципам, отбору материала и хронологическим рамкам.

Книга представляет собой первый опыт построения сравнительно-исторической фонетики адыгских языков. Работа является итогом многолетних исследований автора, опиравшегося на собственные наблюдения, достижения западнокавказской компаративистики и накопленный огромный фактический (прежде всего диалектологический) материал, изданный в нашей стране и за рубежом.

Работа открывается вводной главой об историческом членении западнокавказских языков. Рассмотренные в этой главе вопросы касаются сравнительно-исторического изучения как фонетики, так и грамматики. Автор выдвигает точку зрения, согласно которой в эпоху после распада праязыкового единства праабхазский являлся самостоятельной единицей, тогда как адыгско-убыхское языковое единство продолжалось в течение определенного периода в истории развития данной группы языков. При этом под адыгско-убыхским языковым единством понимается совместное развитие диалектной группы на протяжении отрезка времени, охватывающего период от эпохи распада западнокавказской языковой общности до образования двух самостоятельных ареалов — адыгского и убыхского. В соответствии с новой трактовкой проблемы исторической дифференциации

западнокавказских языков определяется и содержание понятия общеадыгского языка, его отношение к более ранним праязыковым состояниям, что важно для уровневой реконструкции и выработки принципов относительной хронологии.

Во второй главе освещаются вопросы состояния и задачи сравнительно-исторического изучения фонетики адыгских языков, излагаются взгляды автора на содержание сравнительно-исторической фонетики и принципы ее построения.

Основные главы (третья и четвертая) охватывают исследование вокализма и консонантизма, их состав в общеадыгском языке, их тенденции развития, проявляющиеся в период истории выделившихся и обособившихся адыгских языков и диалектов. Фонологическая система, постулируемая автором для общеадыгского языка, значительно отличается от ранее предпринимавшихся другими исследователями попыток реконструкции общеадыгского консонантизма и вокализма.

В свете данных западнокавказских языков рассматривается широко распространенная теория моновокализма, поскольку для типологической верификации моновокалических систем (в том числе индоевропейского вокализма) чаще всего используется материал данной группы языков.

В монографии особое внимание уделяется анализу морфологических явлений. Системе аблаута, его генезису и относительной хронологии посвящена отдельная глава. Однако с морфологическими явлениями тесно связаны законы конца слова, подробно рассматриваемые на фоне характеристики особенностей вокализма, а также строение корня в общеадыгском и западнокавказском (четвертая глава).

Работа заканчивается краткими заключительными выводами, вытекающими из проведенного сравнительно-исторического анализа звукового строя адыгских языков.

Естественно, что в этой работе решены не все проблемы сравнительно-исторической фонетики адыгских языков. Это объясняется не только степенью разработанности тех или иных проблем, но и общим состоянием сравнительно-ис-

торического изучения всей группы западнокавказских языков. При современном состоянии западнокавказской компаративистики не представляется возможным дать однозначное решение всех вопросов сравнительно-исторической фонетики исследуемых языков. Окончательное решение отдельных проблем диктует необходимость углубленного анализа внутренних связей между западнокавказскими языками (в том числе звукосоответствий между ними). При рассмотрении спорных и альтернативных вопросов важно привлечение данных языковой типологии, в частности фонетических и фонологических универсалий.

По многим вопросам мы разделяем существующие точки зрения своих предшественников и коллег. Предлагая свое решение проблем сравнительно-исторической фонетики адыгских языков, мы не исключаем возможности существования иных взглядов на те же самые проблемы. Более того, не представляется возможным развитие западнокавказского языкознания, в том числе его компаративистского раздела, без конкурирующих мнений и гипотез по отдельным вопросам. Вспомним, что не только нерешенные и дискуссионные вопросы, но и полярно противоположные точки зрения по многим вопросам существуют до сих пор в таких подразделениях компаративистики, как германская, славянская и др., имеющие довольно длительные и богатые традиции.

Работа была завершена в 1976 г., поэтому исследования, вышедшие позднее, могли быть учтены лишь частично.

О п о д а ч е м а т е р и а л а. В литературе отсутствуют общепринятые формы подачи фактического материала. В разных работах по-разному дается материал, иллюстрирующий фонетические (как, впрочем, морфологические и лексические) соответствия в западнокавказских языках. При сравнительной характеристике материала вместо массовой формы преимущественно дается корень или основа глагола. Имена существительные в абхазском языке, как правило, приводятся без артиклевых элементов, а числительные в абхазском и абазинском языках — без классных показателей.

Как это принято в ряде других компаративистских исследований¹, звездочка (астерикс) не ставится перед архетипом, если указывается хронологический уровень, к которому он относится. В подобных случаях перед архетипом стоит помета - "общеадыгский", "западнокавказский" и т.д.

Материал западнокавказских языков дается в унифицированной транскрипции. В книге используются знаки адыгских (частично абхазского и абазинского) алфавитов с целым рядом дополнений и изменений. Лабиализация согласных (во всех западнокавказских языках) обозначается знаком у.

Ниже дается таблица транскрипционных знаков и их соответствий на латинской графической основе.

а	а	джъ	ʒ'	кIу	q'	пп	pp	h	h	ш	š
э	а	джу	ʒ°	къ	q	п	p	hy	h°	шш	šš
б	b	дз	ʒ	ккъ	qq	пI	p	xъ	x	шь	š'
б	b	дзу	ʒ°	къу	q'	пIу	p'	xъу	x'	шшь	šš'
в	v	дз	ʒ	ккъу	qq'	p	r	xъb	x'	шъ	š
в	v	ж	ʒ	къI	q	c	s	ц	c	шъу	š°
ф	ǵ	жь	ʒ'	къIу	q'	T	t	цц	cc	шI	š'
г	g	жу	ʒ°	къIъ	q'	тт	tt	цу	c'	шIу	š°
гъ	g'	жь	ʒ	къъ	q'	ту	t'	ццу	cc'	I	'
гу	g°	жьу	ʒ°	къ	q	tI	t	цI	ç	Iу	"
гъ	γ	з	z	къу	q'	tIу	t'	цIу	ç'		
гъь	γ'	и	i	къI	q	ŷ	w	ц̣	ç̣		
гъу	γ°	й	j	къIу	q'	ф	f	цI	ç		
гъ	γ	к	k	л	l'	фI	f	ч	ç		
гъу	γ'	кк	kk	лъ	l'	фу	f'	чч	çç		
гI	ш	къ	k'	лI	l'	х	x'	чу	ç'		
gly	ш°	ккъ	kk'	м	m	ху	x'	чъ	ç'		
ш	ш°	ку	k'	м	m	хъ	x	ччъ	çç'		
д	d	кку	kk'	н	n	хъу	x'	чI	ç		
ду	d'	кI	q	о	o	хъ	h	чIу	ç'		
дж	ʒ	кIъ	q'	п	p	xby	h°	чIъ	ç'		

См., например: Сравнительная грамматика германских языков. I. М., 1962, с. 14.

Глава I

ВОПРОСЫ ЧЛЕНЕНИЯ ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Теория генеалогического (родословного) древа, сформулированная А. Шлейхером в окончательном виде в 1861 г.¹, является предметом сокружительной и непрекращающейся критики на протяжении более чем столетия в сравнительном языкознании. Сущность теории А. Шлейхера заключалась, как известно, в том, что индоевропейское языковое единство распалось на славяно-германский и арио-греко-итало-кельтский праязыки, а последний – на арийский и греко-итало-кельтский. В соответствии с этой теорией ближе к индоевропейскому состоянию оказывается санскрит, а наиболее удаленными от него – славянские, балтийские и германские языки, праязык которых раньше других обособился от основного языкового ствола. Хотя в современном языкознании вопрос о диалектном членении индоевропейских языков не получил еще однозначного решения, последующее развитие компаративистики в противовес теории А. Шлейхера выдвинуло целый ряд других теорий о взаимоотношениях индоевропейских языков (волновая теория И. Шмидта, концепции А. Лескина, Г. Хирта, П. Кречмера, А. Мейе, итальянских неолингвистов и др.).

Справедливая критика теории А. Шлейхера обернулась, однако, против самих принципов генеалогического древа как возможной схемы исторического членения генетически родственных языковых групп (в том числе неиндоевропейских). Негативное отношение к принципам родословного древа утвердилось не только в индоевропейском сравнительном языкознании, но и в различных частных (неиндоевропейских) подразделениях компаративистики.

Между тем нет основания для элиминирования из арсенала сравнительного языкознания генеалогического древа как общей схемы исторической дифференциации некоторых языковых групп. Несостоятельность теории генеалогического древа применительно к диалектному членению индоевропейских языков не может служить причиной отказа от понимания развития отдельных языковых групп как следствия распада не только праязыкового единства, но и его последующих ответвлений. Это положение исходит из общей посылки, что в силу крайнего разнообразия процессов ди-

¹ Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar. 1861.

эргенции и конвергенции языкового развития различна история сложения и формирования разных языковых групп (семей). В разных языках и на разных этапах их развития действуют разные тенденции (например, процессы языковой дивергенции нередко затемняются поздними процессами языковой конвергенции), что осложняет взаимоотношения между языками в период после распада языкового единства. Это означает, однако, что генеалогическое древо не отражает общего направления развития отдельных языковых групп. Принципы генеалогического древа, хотя и не являются универсальными, нередко могут быть использованы для решения вопроса об исторической дифференциации и развитии генетически родственных языковых групп в течение длительного отрезка времени — от периода распада праязыкового состояния до образования новых праязыков и их самостоятельных ареалов в более поздние хронологические эпохи. Как увидим ниже, генеалогическое древо как общая схема дифференциации и взаимосвязей языковой группы применимо к истории западнокавказских языков.

Решение вопросов исторической дифференциации западнокавказских (абхазско-адыгских) языков актуально с разных точек зрения: для сравнительно-исторического изучения данной группы языков и выяснения ее взаимоотношений с южнокавказскими (картвельскими) и восточнокавказскими (чеченскими и дагестанскими) языками. Не выяснив вопросов дифференциации западнокавказских языков, основных хронологических периодов их исторического развития, не представляется вообще возможным решение проблем, связанных с реконструкцией языковых единиц, что необходимо для создания сравнительной грамматики как всей группы западнокавказских языков, так и отдельных ее подгрупп. В этом отношении нельзя не согласиться с К.-Х. Шмидтом, справедливо подчеркивающим, что "в связи с отсутствием исторической традиции (если не считать грузинский язык) для исследования соотношения кавказских языков друг к другу и к другим языкам особое значение приобретает замена отсутствующей временной перспективы строгой относительной хронологией"².

Между тем в западнокавказском языкознании сложилась несколько необычная для современной компаративистики ситуация: с одной стороны, в лингвистической литературе до сих пор не ставился вопрос о понятии западнокавказского языка, его структурных признаках и периодизации, а с другой — среди специалистов утвердилось мнение, согласно которому язык-основа распался на три ветви — абхазскую, убыхскую и адыгскую, где убыхский язык занимает промежуточное звено. Это положение, основывающееся на презумпции, что праязыковое единство одновременно распалось на три ареала, в настоящее время не может быть оддержано.

Хотя абхазская и адыгская подгруппы в их синхронном состоянии занимают полярные точки по отношению к убых-

Шмидт К.-Х. Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков. — ВЯ, 1972, № 4. с. 20.

скому языку, анализ материала показывает, что есть достаточные основания для выделения двух хронологических уровней — адыгско-убыхского и абхазского на раннем этапе формирования и развития западнокавказских языков. В специальной литературе (начиная с известной работы Н.С. Трубецкого³) выявлен целый ряд фонетических, грамматических и лексических единиц, общих для всей группы западнокавказских языков. Нет необходимости в перечислении этого достаточно хорошо известного специалистам материала, хотя он не является полным, исчерпывающим и должен быть значительно расширен в процессе дальнейшей сравнительно-исторической разработки фонетики, грамматики и лексики западнокавказских языков. В настоящей статье рассматривается другой вопрос — структурные особенности, дающие основания для разграничения двух хронологических уровней — адыгско-убыхского и абхазского, точнее — праабхазского. Обособление адыгско-убыхского языкового единства от праабхазского объясняется как сохранением ряда архаичных черт, унаследованных от западнокавказского языкового состояния, так и образованием новых явлений в области фонетики, грамматики и лексики. Разумеется, невозможно подробно остановиться на всех структурных особенностях, отличающих адыгско-убыхское языковое единство от абхазского. Ниже приводятся лишь некоторые основные явления, позволяющие постулировать существование указанных двух хронологических периодов в истории западнокавказских языков (в эпоху после распада праязыкового состояния).

Адыгско-убыхский вокализм, как и праабхазский, исторически характеризуется двучленной системой вокализма, состоящей из открытого *a* и закрытого *u*. Вместе с тем исходный двучленный вокализм в адыгских и убыхском языках разрушен, тогда как абхазский (с абазинским) сохраняет двучленную систему, продолжая в известной мере западнокавказское языковое состояние⁴. Правда, в адыгско-убыхском ареале образование новых фонем протекает с разной степенью интенсивности, о чем свидетельствует их разная функциональная нагрузка в убыхском и адыгских языках. Так, в убыхском языке долгий гласный *ā*, нередко являющийся результатом фонологизации слияния двух гласных *a + a*, встречается лишь в определенных словоформах. Однако разбираемое явление, ведущее к смене двучленного вокализма трехчленным, следует отнести к адыгско-убыхским новообразованиям.

В области консонантизма убыхский обнаруживает двусторонние связи — убыхско-абхазские и убыхско-адыгские изоглоссы, хотя в целом удельный вес адыгско-убыхских явлений (в том числе новообразований) более значителен по

³ *Trubetzkoy N. Nordkaukasische Wortgleichungen. — In: Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII, N. 1-2. Wien, 1930.*

⁴ *Куматов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. — ВЯ, 1973, № 6, с. 64.*

авнению с абхазско-убыхскими совпадениями. К адыгско-убыхским явлениям относятся латеральные *л-лʷ-лI*, среднеязычные *г-х* и шипящие-свистящие *жʷ-шI*. Из них латеральные *л-лʷ-лI* должны быть рассмотрены как архаизмы, исходящие к западнокавказскому состоянию. Что же касается среднеязычных *г-х* и шипяще-свистящих *жʷ-шʷ*, то они относятся к адыгско-убыхским инновациям. Характерно, что в адыгских языках (уже в период общеадыгского языкового единства) возникли лабиализованный *ху* и абруптивный *шI*, что привело к образованию двучленной оппозиции *х-ху* и трехчленной оппозиции *жʷ-шʷ-шI*. Убыхский консонантизм отличается с адыгским также общими тенденциями: палатализацией заднеязычных и ларингализацией фарингального. Ср. в адыгских и убыхском *г > гʷ*, *к > кʷ*, *ʔ > кIʷ*, *кʷI > I*. Палатализация заднеязычных и ларингализация *кʷI*, по-видимому, относятся к явлениям, возникшим в результате параллельного развития в эпоху после распада адыгско-убыхского диалектного единства.

Анализ материала на грамматическом уровне позволяет определить относительную хронологию многих морфологических категорий, что способствует решению вопросов исторической дифференциации исследуемых языков. Хотя в области морфологии абхазская подгруппа сближается с убыхским некоторыми общими чертами, морфологическая система обнаруживает целый ряд важнейших структурных особенностей, свидетельствующих о правомерности выделения адыгско-убыхского хронологического уровня, соответствующего периоду самостоятельного существования отдельных западнокавказских языковых единиц.

Прежде всего обращают на себя внимание принципы построения парадигматики имени и глагола. Абхазская подгруппа унаследовала от праязыкового состояния отсутствие грамматической категории падежа, в то время как это важнейшее морфологическое новообразование объединяет адыгские языки с убыхским. Общей структурной особенностью, тесно сближающей адыгские языки с убыхским, является ротивопоставление именительного и эргативного падежей. разбираемые языки обнаруживают структурное и функциональное тождество этих двух основных падежей. Указанные падежи как в адыгских, так и в убыхском функционально синcretичны (выражают не только субъектные, но и объектные отношения), их противопоставление определяется переходностью-непереходностью глагола (именительный субъектный управляется непереходным глаголом, именительный объектный — переходным глаголом, эргативный субъектный связан с переходным глаголом, эргативный падеж косвенного объекта выражает функции генетива, датива и т.д.). В плане выражения категории падежа разбираемые языки составляют единство в оформлении именительного и эргативного падежей. Именительный падеж выражается в убыхском и адыгских языках нулевым формантом, а форма множественного числа эргатива образуется от формы единственного числа с помощью чередования нулевой огласовки форманта эргативного падежа с гласным. Ср. адыг. *ккʷуз*, убых. *кʷуа* 'сын'

(им. п. ед. ч.), адыг. *ккѳуэм*, убых. *кѳуан* 'сын' (эрг. п. ед. ч.), адыг. *ккѳуэмэ*, убых. *кѳуана* 'сыновья' (эрг. п. мн. ч.). В адыгских языках оформление именительного падежа формантом -р (наряду с нулевой формой) и формы множественного числа в эргативе формантом -хэ (наряду с исходной формой на -э) является нововведением, восходящим к более позднему хронологическому периоду, т.е. к эпохе самостоятельного существования адыгской подгруппы западнокавказских языков.

Важнейшим лингвистическим признаком, обосновывающим существование двух хронологических уровней - адыгско-убыхского и абхазского в течение определенного исторического периода после распада западнокавказского языкового единства, является отсутствие в адыгско-убыхском ареале грамматической категории класса, пронизывающей всю морфологическую систему абхазской подгруппы.

Категория грамматического класса в абхазском и абазинском языках подробно описана в литературе. В частности, этому вопросу много внимания уделено в трудах К.В. Ломтатидзе⁵. Поскольку категория класса представляет значительный интерес для решения вопросов исторической дифференциации западнокавказских языков, представляется необходимым кратко остановиться на этом грамматическом явлении с точки зрения его относительной хронологии.

В абхазском и абазинском категория класса выражается в именах существительных, числительных, местоимениях и глаголах. В названных лексико-грамматических разрядах слов категория класса представлена по-разному. Имена существительные единственного числа не дифференцируются по классам. Категория класса в именах существительных проявляется в том, что формы множественного числа класса человека оформляются суффиксом -*цѳа* (абх.), -*цѳа* (абаз.), а формы множественного числа класса вещи - суффиксом -*куа*. Причем морфологическое противопоставление двух классов при выражении формы множественного числа проводится не очень последовательно: суффикс класса вещи -*куа* оформляет также класс человека или же дополнительно присоединяется к суффиксу класса человека. Ср. аб. *ан-цѳа*, *ан-куа* 'матери', абаз. *акѳа-цѳа-куа* 'мужчины'. Заметим, что в абхазском и абазинском для выражения множественного числа используются также другие форманты. Ср. абх. -*ра*: *адзара* 'козлята', *аа*: *Агра-аа* 'Агрбовцы' (фамилия). Обилие форм выражения множественного числа в абхазском и абазинском - явление вторичное. Состояние западнокавказского праязыка с точки зрения вы-

⁵ Ломтатидзе К.В. Грамматический обзор тапантского диалекта абхазского языка. Тбилиси, 1944; Она же. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954; Она же. Категория переходности в абхазском глаголе. - Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, т. XII. Тбилиси, 1942.

нения числа в именах существительных в известной мере продолжает убыхский язык, не различающий форм единственного и множественного числа (за исключением форм эргатива и поссесивности)⁶. Поэтому есть основания считать, что классное противопоставление форм выражения множественного числа существительных, возникнув на праабхазской почве, не получило дальнейшего развития. Вариантное оформление формы множественного числа (абаз. *ан-чуа*, *-куа* 'матери', *аха-чуа-куа* 'мужчины'), наличие нейтральных форм выражения множественного числа (с помощью *-аа*) свидетельствуют о тенденции к снятию классно-противопоставления форм выражения множественности в абхазском и абазинском языках.

Грамматические классы устойчиво удерживаются в числительных. Однако тот факт, что классный формант *-уи* сохраняет семантические и фонетические связи с основой *иуи* 'человек' (абх.) говорит в пользу его оформления в качестве классного показателя на праабхазской почве.

Классы выражаются в местоимениях лексически (причем только во 2 и 3 лице ед. числа), в глаголе — грамматически. Характерно, что во втором лице при персонификации названий вещей, природы и т.д. последние (названия) попадают в класс мужчины (обнаруживается семантическая параллель: названия вещей, природы, предметов и т.д. объединяются с названиями людей мужского пола). Отсюда следует, что в местоимениях лексически разграничиваются лишь два класса. При этом из двух классов маркированным является класс женщины, который противопоставляется классу всего остального, в том числе мужчины, вещи и т.д. Поэтому при описании местоимений лексические классы, на наш взгляд, правомерно было бы назвать по их назначению: 1. класс женщины, 2. класс всего остального (кл. не-женщины). *бара* 'ты' (кл. женщины), *лара* 'она' (кл. женщины), *йара* 'ты' (кл. не-женщины), *йара* 'он, она, оно' (кл. не-женщины). Другое дело — синтаксическая связь местоимения и существительных с глагольными классными показателями. В этом отношении между местоимением и формой глагола второго лица единственного числа сохраняется симметричность: глагол морфологически выражает классы, соответствующие местоимению: *бара б-цойтI* 'ты (женщина) идешь', *йара у-цойтI* 'ты (не-женщина: мужчина, лошадь, медведь и т.д.) идешь', *бара сара б-с-аадзойтI* 'тебя (женщину) я воспитываю', *йара сара у-с-аадзойтI* 'тебя (мужчину, щенка и т.д.) я воспитываю'. Положение меняется в третьем лице: субъект непереходного глагола и прямой объект переходного глагола различаются по классам человека и вещи [*йара (лара) д-цойтI* 'он (она) идет', *йара б-цойтI* 'он, она, оно (кл. вещи) идет', *дара йара б-бойтI* 'они его (кл. человека) видят', *дара лара д-*

Гумахов М.А. К истории категории числа в абхазо-адыгских языках. — Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969, с. 57.

р-бойтI 'они ее (кл. человека) видят', *дара йара (й)-р-бойтI* 'они его (кл. вещи) видят'], а субъект переходного глагола и косвенный объект — по классам человека, женщины, вещи [*йара сара йара с-йи-й-тойтI* 'он (кл. мужчины) меня тебе (кл. мужчины) отдает', *лара сара йара с-йи-л-тойтI* 'она (кл. женщины) меня тебе (кл. мужчины) отдает', *йара сара йара с-йи-на-тойтI* 'он, она, оно (кл. вещи) меня тебе (кл. мужчины) отдает', *сара йара лара й-ли-с-тойтI* 'я тебя (кл. мужчины) ей (кл. женщины) отдаю', *сара йара йара й-йи-с-тойтI* 'я тебя (кл. мужчины) ему (кл. мужчины) отдаю', *сара йара йара й-а-с-тойтI* 'я тебя (кл. мужчины) ему (кл. вещи) отдаю'].

Классы в местоимении и глаголах взаимосвязаны: глагольные классные показатели возводятся к классным местоимениям. Вообще генетическая связь классных местоимений и глагольных классных аффиксов в подавляющем большинстве случаев совершенно прозрачна (что отчасти видно из вышеприведенного материала). В этом заключаются отличия абхазского и абазинского языков от восточнокавказских (нахских и дагестанских) языков с точки зрения генезиса и относительной хронологии категории класса. Этот факт говорит о многом. Указанное явление, во-первых, свидетельствует о том, что в западнокавказских (абхазском и абазинском) языках система грамматических классов в глаголе возникла в более поздние эпохи, чем категория класса восточнокавказских языков⁷. Повсеместная утрата генезиса классных показателей в обширном и разнообразном восточнокавказском (нахско-дагестанском) языковом ареале отражает более древний тип грамматической категории класса в восточнокавказских языках. Во-вторых, генетическое тождество классных местоимений и классных показателей в глаголе характеризует своеобразие формирования и сложения категории класса в западнокавказских (абхазском и абазинском) языках с точки зрения диахронической типологии спряжения.

Категория класса в глаголе абхазского и абазинского языков восходит к праабхазскому хронологическому уровню. Независимо от того, унаследована ли категория класса в глаголе от западнокавказского языкового состояния или возникла в эпоху существования праабхазского языка, отсутствие разбираемого явления в адыгско-убыхском ареале указывает на его обособленную позицию. Во всяком случае, изменение адыгско-убыхского глагола по лицам (личное спряжение), в то время как классное спряжение прочно удерживается в абхазско-абазинском глаголе (во 2 и 3-м лице) исторически не может быть случайным: это явление говорит о совместном историческом развитии диа-

⁷ Существует мнение, что современной системе грамматических классов в абхазском и абазинском языках предшествовало типологически иное состояние — другая система классов. (См.: *Рогова Г.В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, с. 132).

лектной группы адыгско-убыхского ареала. Заметим, что типологически разные принципы спряжения - классное и личное - относятся к существенным признакам, определившим основные черты глагольной системы не только в эпоху существования праабхазского и адыгско-убыхского языковых единств, но и в последующий период индивидуального развития западнокавказских языков.

Иначе стоит вопрос о категории грамматического класса в именах существительных и прилагательных западнокавказских языков. Среди специалистов по западнокавказским языкам (и не только по западнокавказским) получила поддержку и широкое распространение теория грамматического класса, выдвинутая одним из крупнейших исследователей данной группы языков Г.В. Рогава. По мнению Г.В. Рогава, грамматические классы исторически различались не только в глаголе, местоимении и числительных, но и в именах существительных и прилагательных западнокавказских языков с помощью префиксальных морфем. Речь идет не о классном противопоставлении форм выражения числа, как это имеет место в современных абхазском и абазинском, а о дифференциации имен (независимо от формы числа) с помощью классных префиксальных морфем. Вычленению былых именных префиксальных классных показателей и суффиксов-детерминативов в адыгских языках посвящена известная монография Г.В. Рогава⁸. Заметим, что эта монография наряду с теорией классов и детерминативов содержит много новых и глубоких наблюдений над исторической морфологией и лексикологией адыгских и шире - западнокавказских языков.

Не ставя целью опровергать другие точки зрения, а исходя из возможности существования разных гипотез по вопросам исторической грамматики западнокавказских языков, автор этих строк предлагает несколько иное решение вопроса о категории класса в именах существительных и прилагательных. Предлагаемая точка зрения основывается на принципах относительной хронологии и динамической теории реконструкции, получившей признание в современном сравнительном языкознании. В соответствии с динамической теорией реконструкции важным является учет того обстоятельства, что корень как единица онтологического уровня подвергается постоянным преобразованиям, исключающим возможность существования только одной единственной структурной модели корня в языке и праязыковой системе⁹. На протяжении длительного развития и складывания языка корень не может оставаться однотипным и неизменным. Отсюда представляется теоретически правомерной точка зрения, согласно которой для определенного хронологического периода развития языка постулируется не одна модель, а разные модели корня или основы.

Многосложные образования типа адыг., каб. *мышъэ*

⁸ Рогава Г.В. Указ. соч.

⁹ Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейском и германских языках. М., 1970, с. 277.

'медведь', адыг. *машгуэ*, каб. *мафIэ* 'огонь', адыг., каб. *дишъэ* 'золото', адыг. *тижъини*, каб. *дижъин* 'серебро', адыг., каб. *йатIэ* 'земля, грязь', адыг. *шъхъали*, каб. *шъхъэл* 'мельница', адыг. *бидэи*, каб. *бидэ* 'грудь', адыг. *шкIэ*, каб. *шчIэ* 'теленок', адыг., каб. *штабэ* 'мягкий' и др. рассматриваются нами как нечленимые корневые образования на общеадыгском уровне. Вычленение в образованиях разбираемого типа префиксов *м-*, *д-*, *т-*, *й-*, *ш-*, *шъ-* на общеадыгском уровне наталкивается на трудности, поскольку не сохранилась морфологическая оппозиция производящей и производной основы, необходимая для их реконструкции. Если предположить этимологическую производность (членимость) этих образований, т.е. возможность вычленения префиксальных морфем в более ранние хронологические периоды, то все же представляется правомерным признать, что процесс опрошения (отход префиксов к корню) имел место уже в общеадыгском, поскольку не только на адыгском, но и на западнокавказском материале не обнаруживается живых морфологических связей между префиксом и корнем.

С точки зрения членимости морфемного строения в другую группу входят двухсложные (правда, немногочисленные) образования типа адыг. *мафэ*, каб. *махуэ* 'день', адыг., каб. *мацIэ* 'саранча', адыг. *махъэ*, каб. *махъэ* 'гребень', адыг. *мацIэ*, каб. *машIэ* 'малый', адыг. *махульэ*, каб. *малъхъэ* 'зять' и др. Последние могут быть сегментированы на *ма(э)* + корень. Первоначальное двуморфемное строение этих образований устанавливается этимологической соотношенностью их второй части с самостоятельными корневыми морфемами, на что справедливо указывает Г.В. Рогава¹⁰. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие семантического инварианта у разбираемых лексем. То обстоятельство, что *ма(э)* - входит в состав слов, распределяющихся по разным семантическим классам, в том числе классам человека и вещи (ср. адыг. *махульэ*, каб. *махъльэ* 'зять', адыг. *махъэ*, каб. *махъэ* 'гребень'), значительно осложняет определение первоначальной функции *ма(э)*-. Отсутствие в современных западнокавказских языках и диалектах модели основообразования с элементом *ма(э)* - свидетельствует о том, что опрошение некогда этимологически двуморфемных образований типа *ма(э)* - + корень имело место не позже эпохи общеадыгского языкового единства.

Характерно, что в абхазском и абазинском языках, ныне различающих грамматические классы, именная основа представлена в более простом виде, т.е. имя обладает структурным оформлением, менее благоприятным (по сравнению с адыгскими языками) для вычленения префиксальных морфем. Ср., адыг. *мэшъи* (< *мэчи*), каб. *мэш* 'просо', абх. *(а)ча* 'хлеб', адыг., каб. *шъхъэ*, абх. *(а)-хъи*, абаз. *къа* 'голова', адыг., каб. *бадээ* 'муха', абх. *(а)-дэ* 'блоха', адыг. *тфи*, каб. *тхуи*, абх., абаз. *хъу-* 'пять'. Если предположить, что в подобных случаях адыгский ма-

¹⁰ См.: Рогава Г.В. Указ. соч., с. 25.

териал включает древние префиксальные элементы *м-*, *шв-*, *б-*, *т-*, отпавшие в абхазском и абазинском, то это означает, что процесс опрошения в абхазском и абазинском завершился еще раньше, чем в адыгских языках. В этой связи показательным является также то, что адыгский (отчасти и убыхский) материал, на котором строится реконструкция классных показателей, часто не имеет корреспондентов в абхазском и абазинском языках. К ним относятся адыг. *тигъэ*, каб. *дигъэ*, убых. (н) *дигъа* 'солнце', адыг., каб. *дишъэ* 'золото', адыг. *шъхъали*, каб. *шъхъэл* 'мельница', адыг. *мажъэ*, каб. *мажъэ* 'гребень', адыг. *бидз*, каб. *бидз* 'грудь', адыг. *шкIэ*, каб. *шчIэ* 'теленос', адыг. *мжъуэ*, каб. *мжъэ* 'камень', адыг., каб. *йатIэ* 'грязь', адыг. *пIчIау*, каб. *пIчIауэ* 'стрекота', адыг., каб. *пIа-лъэ* 'срок', адыг., каб. *шъабэ* 'мягкий' и др. Как видно, материал абхазского и абазинского языков оказывается менее богатным для этимологического вычленения префиксальных морфем в именных основах.

Вышеизложенные соображения приводят к следующей гипотезе: если постулировать существование действующих классных префиксальных показателей в именных основах, то с точки зрения релятивной хронологии они могут соотноситься лишь с эпохой, предшествовавшей периоду западнокавказского языкового единства¹¹.

¹¹ Характерно, что классы морфологически не различаются в именах существительных современных восточнокавказских (нахских и дагестанских) языков. Случаи типа авар. *вас* 'сын', *йас* 'дочь', баб. *вашо* 'брат', *йашо* 'сестра' носят единичный (нерегулярный) характер. Иначе: грамматически (точнее — морфологически) категория класса не свойственна имени существительному современных восточнокавказских языков, хотя при описании морфологии имени существительного по традиции выделяется категория класса. Между тем, на наш взгляд, целесообразно было бы говорить лишь о синтаксической связи глагольных классных показателей с именами существительными и рассматривать вопрос о закреплении различных глагольных классных показателей за различными группами существительных в разделе, посвященном глаголу, поскольку преимущественно именно последнему (а не существительному) присуща морфологическая категория класса. В этом отношении глагольные классные показатели восточнокавказских языков напоминают глагольные превербы (локальные префиксы) западнокавказских языков, закрепленные за определенными группами существительных. Ср., например, превербы *дэ-*, *хэ-*, *йи-* в каб.: *пхъуантэм дэ-лъшэ* 'в сундуке лежит', *уэсым хэ-лъшэ* 'в снегу лежит', *матэм йи-лъшэ* 'в корзине лежит'. Хотя разные группы имен существительных закреплены за разными глагольными локальными префиксами, не может быть речи о выделении грамматической категории места в именах существительных западнокавказских языков.

Наличие тесной адыгско-убыхской диалектной группы в прошлом доказывается не только отсутствием классного спряжения, характерного для праабхазского языка. Адыгские языки (как и общеадыгский) объединяются с убыхским как тождеством распределения личных и деривационных (основообразующих) морфем, так и общими тенденциями развития парадигматики глагола в целом. Нам уже приходилось писать, что разграничение статических и динамических глаголов, характерное для всей группы западнокавказских языков, "выявляет немало общих и специфических черт для убыхского, адыгейского и кабардинского языков"¹². В этой связи обращают на себя внимание принципы построения парадигмы статических глаголов. Адыгско-убыхская парадигма статического глагола, обособляясь от абхазско-абазинской, образует единство, т.е. строится на общих признаках. Ср. адыг. *си-тель*, убых. *си-гъылъ* - 'я лежу на чем-то', адыг. *џи-тель*, убых. *џи-гъылъ* - 'ты лежишь на чем-то'. То же самое можно сказать об адыгско-убыхской модели статических глаголов от именных основ. Ср. убых. *џ-чIа* 'ты счастлив', *чIа* 'он счастлив'. Адыгско-убыхская парадигма статического глагола отличается от абхазско-абазинской не только огласовкой личных аффиксов и формой (нулевой) выражения 3 лица, но также отсутствием суффиксального оформления, свойственного абхазско-абазинскому глаголу. Ср. абх. *с-тIу-оџнI* 'я сижу', *о-квIуш-џнI* 'он умен (она умна)'. Отсутствие суффиксального оформления, отражающее древнее адыгско-убыхское диалектное единство, по-видимому, унаследовано от западнокавказского языка, тогда как наличие суффиксального оформления - абхазско-абазинское новообразование¹³.

Много общего между адыгскими и убыхскими языками в построении парадигмы динамических глаголов, в частности в оформлении личных аффиксов. Некоторые особенности оформления личных аффиксов настолько специфичны для адыгско-убыхской глагольной парадигматики, что их можно объяснить лишь существованием адыгско-убыхского единства в течение длительного времени после распада западнокавказского языка. Ср. адыг. *си-текIуэ*, убых. *си-бгъа-кIбан* 'я его побеждаю', адыг. *с-а-текIуэ*, убых. *с-а-бгъа-кIбан* 'я их побеждаю', адыг. *те-кIуэ*, убых. *бгъа-кIбан* 'он его побеждает', адыг. *а-те-кIуэ*, убых. *а-бгъа-кIбан* 'он их побеждает'. Из приведенных примеров видно, что как в адыгейском, так и в убыхском косвенный объект 3 лица ед. числа выражается нулевой морфемой, а косвенный объект 3 лица мн. числа - аффиксом *а-*. При этом огласовка лич-

¹² Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 328. Ср. также: Рогава Г.В. К истории структуры статических глаголов в абхазско-адыгских и картвельских языках. - Шестая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1975.

¹³ Рогава Г.В. Там же.

ных аффиксов и их распределение также идентичны в адыгейском и убыхском. Абхазско-абазинская парадигма в этом отношении отличается от адыгейско-убыхской не только классным спряжением, но также тем, что косвенный объект последовательно остается маркированным. Ср. абх. *с-йи-ку-хьа-йайтI* 'я на него падаю', *с-лику-хьа-йайтI* 'я на него (кл. вещи) падаю', *си-ри-куа-хьа-йайтI* 'я на них падаю'. Факты, иллюстрирующие общность материального и структурного оформления адыгско-убыхской личной парадигматики глагола, многочисленны.

Адыгско-убыхское диалектное единство поддерживается общностью форм выражения ряда важнейших грамматических категорий. К ним относятся: категория потенциалиса, ср. каб. *-фи*, убых. *-фа*, адыг. *-шъу* (каб. *си-ми-кIуэ-ф*, *си-кIуэ-фи-р-къIим*, убых. *си-м-кIа-фан*, адыг. *си-кIуэ-шъу-рз-п* 'я не могу идти'); категория версии, ср. каб. *хуэ-*, адыг. *фэ-*, убых. *хъа-* (каб. *хуэ-з-гъуэтакъIим*, адыг. *фэ-з-гъуэ-тигъэп*, убых. *хъа-з-гъуау-къIа-ма* 'я не смог найти для него'); категория возвратности действия, ср. адыг. *-жъ*, каб. *-ж*, убых. *-(а)й* (адыг. *кIуэ-жъи-гъ*, каб. *кIуэ-ж-а-шъ*, убых. *акIа-й-къIа* 'он вернулся'); форма регулярности действия, ср. адыг. *си-кIуэ-гу(а)*, убых. *си-кIа-гъан* 'я иду', адыг. *сэ-лъагъуэ-гу*, убых. *а-з-бIа-гъа-н* 'я вижу'); ср. также адыг. *-гу(а)*, убых. *-гъ(а)* в императиве: адыг. *Iуэгъу!*, убых. *ауджикъIагъа!* 'скажи же!')¹⁴. Адыгско-убыхская форма каузативного аффикса *гъ-* хотя и обнаруживает генетическую связь с абхазско-абазинским *-р*¹⁵, также относится к явлениям, возникшим в период совместного развития адыгско-убыхской диалектной группы.

Заслуживают внимания процессы сложения и формирования форм выражения локальных отношений. Показательным является то, что для адыгско-убыхского ареала не характерны превербы - корни типа абх., абаз. *т(а)*, *л(а)* и др., вступающие в роли корневых элементов статических глаголов и превербов в составе самостоятельных глаголов. Превербы в адыгских и убыхском языках выражают локальные и пространственные отношения и имеют статус аффиксальных морфем. Важно отметить, что некоторые употребительные превербы, обнаруживающие функциональное и генетическое тождество, сложились на адыгско-убыхской почве. Так, адыг., каб. *И-* (**с-къIи-*), убых. *къIа-* (ср. адыг. *с-Ии-гъ < *с-къIи-гъ*, убых. *а-с-къIа-гъ* 'я держу') и др. восходят к адыгско-убыхскому состоянию. Ср. также: адыг. (шапс.) *гуэ-*, убых. *гъ-* в значении 'на': шапс. *си-гуэ-си*, убых. *си-гъи-си* 'я сию на чем-то' (ср. шапс. *шим сигуэс* 'сiju на лошади').

¹⁴ Dumézil G. Le verbe oubykh. - Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série, t. 1, 1975.

¹⁵ Ломтатидзе К.В. К звукосоотношению *γ//r* в абхазско-адыгских языках. - Сообщ. Груз. ССР, т. XXI, № 5. Тбилиси, 1958.

К адыгско-убыхскому хронологическому уровню могут быть возведены отдельные продуктивные типы словообразования. Так, использование корневой морфемы *кIуэ-* (адыг., каб.) *кIуа-* (убых.) относится к древним типам адыгско-убыхского основообразования. Ср. адыг. *шакIуэ*, каб. *штакIуэ*, убых. *штуакIуа* 'охотник' и др.

Хотя при определении принципов членения языковой общности и степени родства между языками лексика, как известно, не играет решающей роли, положение о древнем адыгско-убыхском диалектном единстве поддерживается также лексическим материалом. В лексике (как и в фонетике и грамматике) обнаруживаются некоторые изоглоссы, специфичные для убыхского, абхазского и абазинского языков. Так, убыхский разделяет с абхазским и абазинским ряд корневых морфем, отсутствующих или не имеющих надежных корреспонденций в адыгских языках. Ср., например, убых. *бла*, абх. *ла*, абаз. *ла* 'глаз', убых. *ла*, абх. *ла*, абаз. *хьа* 'заяц', убых. *бйа-*, абх. *ба-* 'видеть' и др. Для западнокавказских языков характерны также адыгско-абхазские лексические изоглоссы. Ср., например, адыг. *уина*, абх. *шун*, абаз. *гIуна* 'дом', адыг. *ли*, абх. *хьн* 'мясо', адыг. *цIикIу*, абаз. *цIикIуин* 'малый' и др. Однако подобные двусторонние лексические изоглоссы (как и двусторонние грамматические изоглоссы) по своему удельному весу не идут в сравнение с теми многочисленными корневыми морфемами, которые убыхский разделяет с адыгскими языками. Адыгско-убыхский корнеслов (сюда, разумеется, не входят многочисленные внутреннее заимствования, в основном адыгизмы в убыхском) включает довольно большое число единиц, относящихся к разным сферам лексики. Важно отметить, что адыгско-убыхский корнеслов составляют не разрозненные лексические единицы, а слова, образующие определенные подсистемы. Кроме того, для вычленения адыгско-убыхского языкового единства важен не только факт наличия тех или иных корневых морфем, но и специфика их структурного оформления и функционирования в языке. В этом отношении очень показательны адыгско-убыхские корневые морфемы статических глаголов. Речь идет о корневых элементах типа адыг. *с-*, каб. *с-*, убых. *с-* 'сидеть', *т-* (*ту-*) 'состоять, быть, находиться', *ль-* 'лежать', характеризующихся не только особой парадигмой, но и тождественной дистрибуцией как в убыхском, так и в адыгских языках: они являются морфологически связанными, несвободными, т.е. их оформление как основы статических глаголов возможно в сочетании с локальными префиксальными морфемами. Ср. основообразующие модели *преверб + корень* типа *с-(т-, ль-)*, иллюстрирующие наличие не только генетически тождественных адыгско-убыхских корневых морфем, но и их тождественного структурного оформления. Как разбираемые корневые элементы, так и их структурные признаки являются веским аргументом в пользу существования адыгско-убыхской языковой общности.

Тематическую системность адыгско-убыхского корнесло-

ва составляют также первообразные числительные адыг. (шапс.) (*тIкъIуэ*, убых. *тIкъIуа* 'два', адыг., каб. *бгъуи*, убых. *бгъа* 'девять' и др.), вопросительные местоимения (адыг., каб. *хэ-т*, убых. *ша* 'кто', адыг. *си-д*, каб. *си-т*, бел. *си*, убых. *са-* 'что'), названия частей тела и организма (адыг. *фэ*, каб. *хуэ*, убых. *ха* 'жила', адыг., каб. *пхэ*, убых. *пхъа* 'зад, задняя часть') и др. В адыгско-убыхский фонд входят адыг. *тигъэ*, каб. *дигъэ*, убых. (*н*)-*дигъэ* 'солнце', адыг. *уэ* 'небо', убых. *уа* 'бог' (ср. адыг. *уашхъуэ*, каб. *уашхъуэ* 'божество неба'), адыг. *ккъуэ*, убых. *ккъуа* 'сын', адыг., каб. *Iэ*, хакуч. *къIэ*, убых. *къIа-(нIа)* 'рука', адыг. *гъуицIи*, каб. *гъуишI*, убых. *уицIуа* 'железо', адыг., каб. *уанэ*, убых. *уауа* 'седло', адыг., каб. *кIуэ-*, убых. *кIа-* 'идти', адыг. *Iуэ-*, хакуч. *къIуэ-*, убых. *къIа-* 'говорить', адыг., каб. *гъуэти-*, убых. *гъуау-* 'находить', адыг. *пIчIэ-*, каб. *пIшIэ-* 'полоть', убых. *пIчIа-* 'чистить', адыг., каб. *пхъи-* 'сеять', убых. *пхъа-* 'рассеивать', адыг. *хъуэ-*, каб. *вэ-*, убых. *хъуа-* 'пахать', адыг. *шъэ-*, каб. *шъэ-*, убых. *шъа-* 'продавать', адыг., каб., убых. *гуи-* 'толочь, рушить', адыг., каб. *бзи-*, убых. *бза-* 'резать, разрезать на куски' и мн. др. Характерно, что многие единицы из адыгско-убыхского корнеслова не находят надежных соответствий в абхазском и абазинском языках. Возможность же их последующего выявления на основе внутренней и сравнительной реконструкции может свидетельствовать об обособленной позиции абхазско-абазинского ареала.

В этой работе, естественно, не ставится вопрос об адыгско-убыхских параллелях на разных уровнях языковой структуры, что является предметом специального исследования. В ходе дальнейшей сравнительно-исторической разработки западнокавказских языков адыгско-убыхский фонд пополнится новым материалом. Это касается также убыхско-абхазского материального фонда, нуждающегося в более тщательном освещении с опорой на данные внутренней и сравнительной реконструкции. Однако независимо от результатов дальнейшего изучения вопроса о внутреннем соотношении западнокавказских языков представляется бесспорным тот факт, что убыхский язык стоит ближе к адыгским языкам. Если даже оставить в стороне явления, относящиеся к другим языковым уровням, о многом свидетельствуют такие важнейшие факторы, как развитие категории падежа и отсутствие категории грамматического класса в адыгско-убыхском ареале.

В свете всего вышесказанного членение западнокавказских языков может быть представлено схематически следующим образом:

Итак, вышеизложенное заставляет пересмотреть существующее положение об исторической дифференциации западнокавказских языков и принять новую точку зрения, согласно которой в эпоху после распада праязыкового единства праабхазский являлся самостоятельной единицей, тогда как адыгско-убыхское языковое единство продолжалось в течение определенного периода в истории развития данной группы языков. Несмотря на наличие двусторонних изоглосс (убыхско-абхазских и адыгско-абхазских), адыгско-убыхская языковая общность характеризуется рядом важнейших структурных особенностей в области фонетики, грамматики и лексики, отличающие ее от праабхазского. Обособлению адыгско-убыхской общности от праабхазского языка способствовала не только консервация ряда явлений, восходящих к западнокавказскому языковому состоянию, но и зарождение значительных инноваций, определивших своеобразие структуры адыгско-убыхской диалектной группы как в эпоху ее совместного развития, так и в последующий период самостоятельного существования западнокавказских языков.

Глава II

СРАВНИТЕЛЬНО - ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИКИ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ: СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

Сравнительно-историческое изучение фонетики западнокавказских (абхазско-адыгских) языков не имеет длительной традиции. Первые наблюдения в этой области сделаны Н.С. Трубецким, установившим некоторые фонетические соотношения между западнокавказскими языками¹. Хотя в последующий период не все положения Н.С. Трубецкого оказались бесспорными, ряд выявленных им фонетических соотношений остался до сих пор важной опорой для исследования истории развития отдельных подсистем консонантизма западнокавказских языков. К ним относится, например, соответствие между латеральными и шипящими спирантами в данной группе языков.

В ранних работах Н.Ф. Яковлева рассматриваются отдельные вопросы исторической фонетики адыгских (черкесских) языков. В одной из них высказано мнение об историческом моновокализме кабардинского языка, получившее распространение среди части специалистов (в основном зарубежных) по западнокавказским языкам (см. с. 89-106), а в другой - исследуются различия между адыгскими диа-

¹ Troubetzkoy N. Les consonnes latérales des langues caucasiennes-septentrionales. - Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 1922, XXIII, № 3; Он же. Nordkaukasische Wortgleichungen. - Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. XXXVII, N. 1-2. Wien, 1930.

лектами, дается их классификация на основе фонетических признаков². Однако основные работы Н.Ф. Яковлева по адыгским языкам, хотя и содержат отдельные сведения об исторической фонетике, посвящены синхронному анализу.

В 30-е годы вопросы звуковых соотношений в западно-кавказских языках затрагиваются в работах Г. Деетерса, Г. Дюмезиля, Ю. Месароша и др.³

С 40-х годов начинается уже систематическая разработка фонетики западнокавказских языков в сравнительно-историческом аспекте. Этот новый этап открывается трудами Г.В. Рогава и К.В. Ломтатидзе, внесших неоценимый вклад в сравнительно-историческое изучение западнокавказских языков⁴.

² Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) языков и наречий. - Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского ин-та, т. I. Ростов н/Д., 1928.

³ Deeters G. Der abchasische Sprachbau. - In: Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch historische Klasse, N. 3. Berlin, 1931; Dumezil G. Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Paris, 1932; Он же. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord. Paris, 1933; Он же. Morphologie comparée et phonétique comparée. À propos des langues caucasiennes du nord. - Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Paris, 1937, XXXVIII, 2 (N 113); Mézard J. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934.

⁴ Рогава Г.В. Звонкий фарингальный спирант γ' в адыгейских языках. - Изв. ин-та языка, истории и материальной культуры, т. X. Тбилиси, 1941; Он же. Шипящие аффрикаты в нижнеадыгейском языке. - Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, т. XII, 1942; Он же. Четвертичная система смычных в адыгейских языках. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. IV, № 3, 1943; Он же. К четвертичной системе смычных в кавказских языках. - Там же, т. IV, № 8; Он же. Спирантизация шипящих аффрикат в адыгейских языках. - Там же, т. V, № 4, 1944; Он же. К вопросу о рядах фарингальных взрывных в картвельских и адыгейских языках. - ИКЯ, т. I, 1946; Он же. Об одном случае аффрикатизации глухого шипящего спиранта в нижнеадыгейском и грузинском языках. - ИКЯ, т. II, 1948; Он же. К истории абруптивного смычного p в адыгейских языках. - Там же, т. VII, 1955; Он же. К истории шипящих спирантов в кабардинском языке. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. XX, № 5, 1958; Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 8, 1942; Она же. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944; Она же. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. - Доклады и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, IV. М., 1953; Она же. К звукосоотношению $g\gamma$ || + p в абхазско-адыгских языках. - Сообщ.

в фонетическом разделе "Грамматики адыгейского языка" по существу подводятся итоги многолетней работы Г.В. Рогава по сравнительно-историческому изучению фонетики адыгских языков⁵. Итоговый характер носит также статья, посвященная фонетическим процессам согласных в адыгских языках⁶. При освещении вопросов вокализма Г.В. Рогава отмечает, что гласные *a*, *э*, *я* являются протестими, а так называемые долгие гласные *o*, *y*, *я*, *e*, *и* - дифтонгическими образованиями. При этом гласную фонему и Г.В. Рогава относит к инновациям, самостоятельно выделившихся и обособившихся адыгских языков⁷. По мнению Г.В. Рогава, назализованные гласные в бжедугском и шапсугском диалектах вызваны отпадением конечного *н*. Этот вывод основан на положении, согласно которому слова типа адыг. *пси* 'вода', *пшъэ* 'облако' восходят к словам с конечным сонантом *н*: *пси* > **псин* 'вода', *пшъэ* > **пшъэн* 'облако'⁸. Г.В. Рогава устанавливает акцентологические модели именных и глагольных основ, выявляет исторические тенденции их развития, анализирует изменения в фонетической структуре основы, связанные с перемещением ударения в слове⁹.

Уже в первых своих работах Г.В. Рогава выдвинул идею о том, что четырехчленная (четверичная) система смычных, представленная в западных адыгейских диалектах, является первичной. В соответствии с теорией Г.В. Рогава такая система смычных была характерна также для других иберийско-кавказских языков¹⁰. Автор полагает, что четырехчлен-

АН Груз. ССР, т. XXI, № 5, 1958; Она же. Ашхарский диалект и его место среди других абхазских диалектов. Тбилиси, 1954; Она же. Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазско-адыгских языков. - XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Она же. К истории свистяще-шипящих сибилантов в протоадыгском. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. XVI, № 2; Она же. К вопросу об изменениях исходных комплексов *tq*, *tq'* в абхазско-адыгских языках. - XXVI Научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР. План работы и тезисы докладов, 1970; Она же. Об основе глагола 'знать' в абхазско-адыгских языках. - Труды Тбилисского ун-та. В 3 (142), 1972; Она же. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976.

⁵ Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар - Майкоп, 1966.

⁶ Рогава Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974.

⁷ Там же, с. 25.

⁸ Там же, с. 24.

⁹ Там же, с. 25-28.

¹⁰ Рогава Г.В. К четверичной системе смычных в кавказских языках.

ная система смычных редуцирована, т.е. преобразована в трехчленную за счет утраты преруптивов в темиргоевском, абадзехском и кабардинских диалектах.

Г.В. Рогава считает, что адыгские языки в прошлом различали звонкие фарингальные смычные, т.е. фарингальный ряд, как и другие ряды смычных, исторически характеризуется четырехчленной системой.

В работах Г.В. Рогава подробно освещается история шипящих спирантов и аффрикат. Автор разграничивает старые и новые спиранты и аффрикаты, выявляет их диахронические соотношения, тенденции развития, звукосоответствия, обусловленные утратой старых спирантов и аффрикат в разных диалектах. Согласно Г.В. Рогава, адыгские языки утратили свистящие-шипящие аффрикаты *ɖz*, *ɕ*, *ɕI*, *ɕɕ*, *ɖzu*, *ɕu*, *ɕI*, *ɕɕu* (типа бзыбских сибилантов), лабиализованные ларингальные *xIy*, *ɖIy*, придыхательный латерал *l* (четвертый член латеральных), сонорный *r*¹¹. Четвертый член латеральных, по мнению Г.В. Рогава, "в адыгейском языке заменился среднеязычным спирантом *x* в суффиксе мн. числа *xɛ* (*ɕɛnɛxɛ-r* 'дома'), а в кабардинских диалектах как среднеязычным спирантом *x* (*ɕɛnɛxɛ-r*) 'дома', так и слабым ларингальным *h* (*ɕɛnɛhɛ-r*)¹². В отношении сонорного *l* считается, что он "заменился во всех случаях сонорным *r*"¹³.

К инновациям Г.В. Рогава относит (наряду с лабиальными спирантами *ɓ*, *ɸ*, *ɸI*, новыми шипящими спирантами и аффрикатами) среднеязычные *ɖ*, *x*, *xu*, которые в адыгских языках считаются "рефлексами звуков более заднего образования"¹⁴. Г.В. Рогава полагает, что согласные *ɖzu*, *ɕu* в адыгейском языке "исторически являются лабиализованными аффрикатами свистяще-шипящих спирантов *xɖ*, *шɖ*, *шI*"¹⁵.

Здесь нет возможности подробно остановиться на всех вопросах фонетики, рассматривающихся в работах Г.В. Рогава по адыгским языкам. Как увидим ниже, мы предлагаем иное решение по целому ряду проблем сравнительно-исторической фонетики адыгских языков (это касается как процедуры реконструкции, отношения к принципам относительной хронологии, так и понимания общеадыгской фонологической системы и ее эволюции). Однако разные точки зрения вполне естественны и неизбежны в такой молодой лингвистической дисциплине западнокавказского языкознания, как адыгская компаративистика. Следует подчеркнуть, что Г.В. Рогава является основоположником сравнительно-исторического направления в адыгском языкознании. Труды этого первого и виднейшего компаративиста-адыговеда оказали значительное влияние на специалистов разных поколений по адыгским языкам. Одним из существенных достоинств

¹¹ Рогава Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках, с. 71-78.

¹² Там же, с. 75.

¹³ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 43.

¹⁴ Там же, с. 42.

¹⁵ Там же, с. 30.

фонетических исследований Г.В. Рогава является широкое использование фактов адыгских языков и диалектов, на основе которых устанавливаются им звуковые соответствия.

Очевидны большие заслуги К.В. Ломтатидзе в разработке сравнительно-исторической фонетики адыгских языков. Вопросы фонетики адыгских языков рассматриваются в ее работах, посвященных не только адыгским языкам, но и абхазскому и абазинскому языкам. Кроме того, ей принадлежат исследования, касающиеся истории отдельных подсистем исторического консонантизма всей группы западнокавказских языков. В одной из своих ранних работ К.В. Ломтатидзе освещает историю образования лабиальных *в*, *ф*, *фI*, выявляет их архетипы и соотношения с другими рядами согласных¹⁶. Опираясь на данные внутренней и сравнительной реконструкции, К.В. Ломтатидзе специально анализирует происхождение адыгских спирантов *хв*, *шв*, *шI*, устанавливает их соотношенность с разными хронологическими периодами¹⁷. Интересные соображения высказаны ею о свистяще-шипящих сибилантах в общеадыгском (протоадыгском)¹⁸, об эволюции консонантных групп в абхазско-адыгских языках¹⁹. Вопросы сравнительно-исторической фонетики адыгских языков затрагиваются также в ряде других работ К.В. Ломтатидзе, непосредственно касающихся абхазско-абазинских диалектов.

Для изучения общеадыгского вокализма и консонантизма, их отношения к праязыковым состояниям более ранних хронологических уровней, для выяснения общих и частных тенденций развития фонетики всей группы западнокавказских языков важное значение имеет обобщающая монография К.В. Ломтатидзе, посвященная историко-сравнительному исследованию фонетики абхазского и абазинского языков²⁰. В этой значительной по содержанию и богатой по материалу монографии освещается история звукового строя абхазского и абазинского языков, выдвигается целый ряд важных положений, основанных на убедительной реконструкции фонетических и фонологических явлений, что дает возможность объяснить последовательные трансформации фонологической системы абхазского и абазинского языков. Опираясь на данные исследуемых языков, планомерно сравнивая их различные фонетические и фонологические подсистемы, используя остаточные формы, архаизмы и тенденции развития, заложенные в праязыковом состоянии, автор умело,

¹⁶ Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах.

¹⁷ Ломтатидзе К.В. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках.

¹⁸ Ломтатидзе К.В. К истории свистяще-шипящих сибилантов в протоадыгском.

¹⁹ Ломтатидзе К.В. К вопросу об изменениях исходных комплексов *tq*, *tq'* в абхазско-адыгских языках.

²⁰ Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976.

с глубоким знанием материала применяет к данным языкам приемы внутренней реконструкции. Это позволяет проецировать в прошлое многие отличительные особенности фонетики и фонологии абхазского и абазинского языков. В монографии также используются данные сравнительной реконструкции, т.е. в целях восстановления исходных единиц привлекается материал других родственных языков. Монография является значительным вкладом в сравнительно-историческое изучение западнокавказских (и не только западнокавказских) языков. С точки зрения материала, новизны решения и постановки вопросов разбираемый труд бесспорно имеет широкий выход в общую типологию языков и социалингвистику, а также представляет несомненный интерес для теоретической фонологии²¹.

На материалах Ш.Б. Ногмова целый ряд фонетических закономерностей кабардинского языка анализируется в одной из работ Г.Ф. Турчанинова²².

Общедыгский консонантизм рассматривается в статье голландского кавказоведа А. Койперса²³. Основываясь на положении Г.В. Рогава, А. Койперс реконструирует для общедыгского (проточеркесского, по его терминологии) состояния четырехчленную систему смычных, за исключением увулярного (фарингального) ряда. То же самое следует сказать об историческом взаимоотношении одного ряда адыгейских аффрикат и кабардинских спирантов. В этом вопросе А. Койперс стоит на точке зрения Г.В. Рогава, установившего исходность адыгейских шипящих аффрикат и вторичность кабардинских спирантов. А. Койперс относит к праязыковому состоянию 12 преруптивных согласных - 10 смычных (почти во всех зонах образования смычных) и 2 шипящих спиранта (*шш*, *шш'*). По А. Койперсу, в систему проточеркесского консонантизма входят также ларингалы *г*, *гу*, шипяще-свистящая лабиализованная аффриката *цу*. В список проточеркесских согласных под вопросом включаются твердая шипящая аффриката *дж* и шипяще-свистящая лабиализованная аффриката *дзу*. К вопросам реконструкции консонантизма А. Койперс возвращается и в более поздней работе, посвященной проточеркесскому корнеслову²⁴. В этой работе дается таблица проточеркесских фонем. В нее А. Кой-

²¹ См. Кумахов М.А., Чкадуа Л.П. [рец.]. Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976 - ВЯ, 1978, № 6.

²² Турчанинов Г.Ф. О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половины XIX столетия. - Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. II. М.-Л., 1949.

²³ Kuipers A.H. Proto-Circassian Phonology: An essay in Reconstruction. - In: Studia Caucasica, I. The Hague, 1963.

²⁴ Kuipers A.H. A Dictionary of Proto-Circassian Roots. Lisse/Netherlands, The Peter Ridder Press, 1975.

перс внес некоторые изменения: из списка проточеркесских фонем исключены ларингалы *ɬ*, *ɬʷ* и аффриката *ɬʃ*. Исследование (как, впрочем, и первое) строится на материале кабардинского языка и бжедугского диалекта. В этой связи автор пишет: "Для реконструкции в основном достаточно иметь бжедугские и кабардинские формы"²⁵. В целом попытки реконструкции общеадыгского консонантизма, предпринимавшиеся А. Койперсом, хотя не отличаются особой новизной, заслуживают внимания и представляют несомненный интерес для специалистов. Автор сам ограничил свои возможности, приняв неверную установку, согласно которой для реконструкции проточеркесских форм достаточно иметь материал кабардинского языка и бжедугского диалекта. Фактическим эталоном или моделью для праязыкового (проточеркесского) состояния в данном случае оказывается или почти оказывается бжедугский диалект, что не согласуется с данными внутренней и сравнительной реконструкции.

Много занимался исследованием вопросов сравнительно-исторической фонетики адыгских языков Б.Х. Балкаров²⁶. Основные результаты своих работ в этом направлении Б.Х. Балкаров излагает в монографии, специально посвященной фонетике адыгских языков. В этой монографии автор рассматривает звуковые соответствия между адыгскими языками, исторические фонетические процессы, отношение адыгской фонетической системы к фонетическим системам других иберийско-кавказских языков²⁷. Свое отношение ко многим положениям диахронической части разбираемой книги мы высказываем в соответствующих разделах нашей монографии. Здесь ограничимся указанием на некоторые особенности итоговой работы Б.Х. Балкарова. Работа содержит большой фактический материал, ценные выводы и наблюдения, способствующие более глубокому осмыслению истории звукового строя адыгских языков. Б.Х. Балкаров не ставит задачи реконструкции вокализма и консонантизма на общеадыгском уровне. Этим объясняется и структура книги: в ней отсутствуют главы о реконструкции фонологической системы общеадыгского языка на основании формул звукосоответствий, прослеживающихся между адыгскими языками и диалектами, вместо характеристики звукового состава праадыгского языка дается перечень фонем, постулируемых для праязыкового состояния²⁸. Список общеадыг-

²⁵ Там же, с. 3.

²⁶ Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959; *Он же*. О происхождении свистящих согласных в кабардинском языке. - Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., т. XXIII, вып. 5. М., 1964; *Он же*. История некоторых кабардинских согласных. - Учен. зап. КБНИИ, т. XX, Нальчик, 1964; *Он же*. Фонетика - Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957; *Он же*. История некоторых согласных и гласных адыгских языков. Нальчик, 1967; *Он же*. Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование), Нальчик, 1970.

²⁷ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 101-277.

²⁸ Там же, с. 259-260.

ских согласных фонем, приведенный в книге Б.Х. Балкарова, составляет как бы середину между двумя моделями, построенными его предшественниками, — Г.В. Рогава и А. Койперсом. Что касается анализа праадыгского вокализма, то автор ограничивается следующей характеристикой: "В праадыгском вокализме были представлены неносовые краткие гласные *э* и *и*. Они также были носовыми *э^н*, *и^н*. Начало их сопровождалось придыханием. Кроме того, имелись дифтонгические сочетания"²⁹. Таким образом, в праадыгский вокализм включены носовые гласные, но из него исключена гласная фонема *а*. Спецификой работы Б.Х. Балкарова является то, что в ней даются фонетические сопоставления адыгских языков с другими языками, в том числе дагестанскими. На основании таких сопоставлений автор рассматривает генезис отдельных подсистем адыгского консонантизма. Так, согласно Б.Х. Балкарову, материал дагестанских языков доказывает аффрикатное происхождение адыгских латеральных спирантов³⁰. Подобные сопоставления и выводы, на наш взгляд, остаются пока недостаточно убедительными в силу того, что постановка вопроса о фонетических соответствиях между адыгскими (шире — западнокавказскими) и нахско-дагестанскими языками (с учетом условий реконструкции в сравнительно-историческом языкознании) методически недостаточно еще подготовлена.

Вопросы внутренних и внешних фонетических связей абхазско-адыгских языков рассматриваются в работах А.И. Абдокова³¹. В одной из них делаются ценные и полезные наблюдения над фонетическим соотношением между абхазско-адыгскими языками, а также приводится новый материал абхазского и абазинского языков, хотя не все положения и сопоставления автора для нас приемлемы. Что касается абхазско-адыгских и нахско-дагестанских фонетических сопоставлений, то слишком смелые и далеко идущие выводы автора при нынешнем состоянии изученности общей проблемы отношения абхазско-адыгских языков к нахским и дагестанским языкам носят необязательный и противоречивый характер.

Разумеется, говоря об источниках и предпосылках построения сравнительно-исторической фонетики, нельзя не указать на тот материал, который включает существующие описательные грамматики адыгских языков. Выше отмечалось, что фонетическая часть "Грамматики адыгейского языка" (1966) по своему содержанию не укладывается в рамки обычных описательных грамматик. Соотношение фонетического и грамматического материала неодинаково в разных описательных грамматиках. Неодинаково в них соотно-

²⁹ Там же, с. 260.

³⁰ Там же, с. 231.

³¹ Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973; *Он же*. К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976.

шение синхронного и диахронного анализа; различна степень разработанности фонетики, глубина анализа тех или иных явлений базового диалекта. Тем не менее большую ценность представляют фонетические разделы описательных грамматик Ш.Б. Ногмова, Л.Г. Лопатинского, Т.М. Борукаева, Н.Ф. Яковлева, Д.А. Ашхамафа, Г.Ф. Турчанинова, М. Цагова и др.³² То же самое следует сказать о фонологической части монографии А. Койперса³³, хотя мы не разделяем основного положения автора об отсутствии в исследуемом им языке противопоставления гласных и согласных фонем³⁴. В некоторых работах рассматриваются отдельные фонетические явления современных адыгских языков, что представляет также определенный интерес для разработки истории консонантизма и вокализма³⁵.

Главным источником для построения сравнительно-исто-

³² Ногма Ш.Б. Филологические труды, II. Нальчик, 1959; Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891; Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932; Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941; Яковлев Н.Ф. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.-Л., 1948; Турчанинов Г., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.-Л., 1940; Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.

³³ Kuipers A.H. Phoneme and Morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe) 's-Grawenhage, 1960.

³⁴ Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. - ВЯ, 1973, № 6.

³⁵ Шарданов А.Х. Фонетические заметки. - Учен. зап. КБГУ, вып. 7. Нальчик, 1960; Анажев М.Л. Об одной фонетической закономерности в кабардинском языке и ее отражение в русских заимствованиях. - Учен. зап. КБНИИ т. XX. Нальчик, 1964; Шенгелиа В.Г. Начальные консонантные группы в адыгейском литературном языке. - Научная конференция аспирантов и молодых научных работников Ин-та языкознания АН Груз. ССР. План работы и тезисы докладов, 1969; Он же. Конечные консонантные группы в адыгейском литературном языке. - Научная конференция аспирантов и молодых научных работников Ин-та языкознания АН Груз. ССР. План работы и тезисы докладов, 1970; Он же. Об одном случае позиционного образования латерального согласного в адыгских языках. - XXVII Научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР. План работы и тезисы докладов, 1971; Он же. Опыт позиционного объяснения двух звуковых соотношений между адыгейским и кабардинским языками. - Научная конференция аспирантов и молодых научных работников Ин-та языкознания АН Груз. ССР. План работы и тезисы докладов, 1972; Зекох У.С. Из истории адыгейской фонетико-грамматической литературы. - Учен. зап. АНИИ, т. XVI. Майкоп, 1972.

рической фонетики адыгских языков являются живые диалекты и говоры. В изучении последних достигнуты значительные успехи: по всем основным диалектам и говорам, представленным в нашей стране, имеются исследования, охватывающие разные уровни звуковой структуры³⁶.

Возрастает число публикаций (исследований, текстов), посвященных отдельным диалектам и говорам зарубежных адыгов³⁷. Дан-

- ³⁶ Люлье Л. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикой. Одесса, 1846; Лопатинский Л.Г. Заметка о кяхском наречии адыгского языка, собственно бжедугского его говоре, на основании текста "Бзиекская битва". - СМОМПК, вып. XII, отд. I. Тифлис, 1891; Он же. Заметка о фонетических особенностях хакучинского и абадзехского говоров кяхского наречия. - Там же, вып. XXI, отд. II, 1896; Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) языков и наречий; Ашхамф Д. Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп, 1939; Турчанинов Т.Ф. Материалы по диалекту моздокских кабардинцев. - Учен. зап. Кавардинского НИИ, т. I. Нальчик, 1946; Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957; Мамрешев К.Т. Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. Нальчик, 1957; Куашева Т.Х. Терские говоры. - Учен. зап. КВНИИ, т. XIII. Нальчик, 1957; Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев; Кумахов М.А. К вопросу о классификации адыгских диалектов. - Учен. зап. КВГУ, вып. 2. Нальчик, 1957; Он же. К вопросу об аффрикатизации заднеязычных согласных в адыгских языках. - Учен. зап. КВГУ, вып. IV. 1958; Он же. Фонетические особенности кубанского диалекта кабардино-черкесского языка. - Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961; Шагиров А.К. Фонетические особенности малкинского говора кабардино-черкесского языка. - Там же; Кумахова З.Ю. Особенности абадзехского диалекта. - Учен. зап. КВГПИ, т. XII. Нальчик, 1957; Она же. Особенности абадзехского диалекта (продолжение). - Учен. зап. КВНИИ, т. XIV. Нальчик, 1959; Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта. - Учен. зап. АГПИ, т. III. Майкоп, 1963; Он же. Преруптивные смычные бжедугского диалекта. - Учен. зап. АНИИ, т. XII. Майкоп, 1971; Ттаркахо Ю.А. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка. - Там же, т. II. Майкоп, 1963; Набокова Н.М. Фонетические особенности армавирского говора адыгейского языка. - Учен. зап. КВНИИ, т. XX. Нальчик, 1964; Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968; Уджуху Т.Ш. Преруптивные смычные согласные западных диалектов адыгейского языка. - В кн.: Строение предложения в адыгейском языке. Майкоп, 1976.
- ³⁷ Dumézil G. Textes Chepsoug (tcherkesse occidental). - Journal Asiatique. Paris, 1954; Alparslan O., Dumézil G. Le parler besney de Zennun köyü. - Journal Asiatique, I. Paris, 1963; II, Paris, 1964; Dumézil G.

ные о звуковом строе диалектов и говоров зарубежных адыгов представляют значительный интерес для сравнительно-исторического анализа фонетики адыгских языков. Диалектологический материал, собранный Г. Дюмезилем, К. Пари и др. позволяет по-новому подойти к решению некоторых вопросов фонетических соотношений между адыгскими языками и диалектами. В целом накопленный советскими и зарубежными учеными за последние десятилетия большой и разнообразный диалектологический материал составляет основную базу для сравнительно-исторической фонетики адыгских языков.

Проблема реконструкции общеадыгской фонологической системы и ее отношения к праязыковым состояниям более ранних хронологических эпох немыслима без опоры на данные других западнокавказских языков: убыхского, абхазского и абазинского. В этой связи следует указать на исключительно важное значение материала убыхского языка. К настоящему времени накоплен огромный материал, охватывающий фонетический, грамматический и лексический уровни убыхского языка. Особое место занимают работы Г. Дюмезиля — крупнейшего исследователя убыхского языка, ныне представленного только на территории Турции³⁸. На-

Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. I, Paris, 1960; *Paris C.* Le pain mince. Texte besney (tscherkesse oriental). — Bedi Kartlisa, XXIX-XXX. Paris, 1972; *Она же.* Les occlusive "fortes" dans le parler Chapsouch de Cemilbey (tcherkesse occidentale). — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. LXVII, fasc. 1. Paris, 1972; *Она же.* Système phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler besney de Zennun Köyü (tcherkesse oriental). Colletion Linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris, LXIX. Paris, 1974; *Она же.* La Princesse Kahraman. Contes d'Anatolie en dialecte chapsough (tcherkesse occidentale). Société d'Etudes Linguistique et Antropologiques de France. Paris, 1974; *Она же.* Textes chapsough d'Anatolie (tcherkesse occidentale) avec Vocabulaire aux textes. Collection Linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris, LXIV. Paris, 1974; *Smits Rieks.* Sept histoires en Šapsəğ (racontées par Nazim Met et suivies de quelques remarques sur le parler du conteur). — Studia Caucasica, 3, The Patter de Ridder Press, 1976.

³⁸ *Dumézil G.* La Langua de Oubykhs. Collection linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris, t. XXXV. Paris, 1931; *Dumézil G., Namitok A.* Le system de sons de l'oubykh. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. L, f. I, Paris, 1954; *Они же.* Recits Oubykh. — Journal Asiatique. t. CCXLIII-1. Paris, 1955; *Они же.* Recits Oubykh, II. — Journal Asiatique, t. CCXLIII-4. Paris, 1955; *Dumézil G.* Les gutturales de l'oubykh. — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, LI. Paris,

ряду с фонетическими и грамматическими исследованиями Г. Дюмезиля значительный интерес представляют для сравнительно-исторической разработки адыгских языков (в том числе их фонетического строя) его многочисленные публикации текстов, отражающих особенности живого убыхского языка, его фонетики, грамматики и лексики. Очень ценным для сравнительно-исторического анализа фонетики адыгских языков является большая работа Г. Фогта, содержащая краткое фонологическое описание убыхского языка, тексты и убыхско-французский словарь³⁹. Исследование Ю. Месароша, хотя и устарело по сравнению с работами Г. Дюмезиля и Г. Фогта, все же дает представление о строении убыхского языка⁴⁰. Включение в орбиту исследователя убыхского материала создает благоприятные условия для сравнительно-исторического изучения фонетики адыгских языков, помогает отделить архаизмы от инноваций, глубже осмыслить отношение вокализма и консонантизма общеадыгского языка к состоянию западнокавказского языкового единства.

Выше указывалось, что исследования К.В. Ломтатидзе по фонетике абхазского и абазинского языков являются важной опорой для построения сравнительно-исторической фонетики адыгских языков. По абхазскому и абазинскому языкам имеется также ряд других работ, в той или иной мере способствующих сравнительной реконструкции фонологических и морфонологических явлений адыгских языков⁴¹.

1955; *Он же*. Contes et Légendes des Oubykhs. - Tra-
vaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, t. LX.
Paris, 1957; *Он же*. Le vocalisme de l'oubukh. - Bul-
letin de la Société de Linguistique de Paris, t. LIII.
Paris, 1958; *Он же*. Récits Oubykh, III. - Journal
Asiatique, t. CCXLVII-2, Paris, 1959; *Он же*. Etudes
Oubykhs. - Bibliothèque archéologique et historique
de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul,
t. VII. Paris, 1959; *Он же*. Trois Récits Oubykhs. -
Anthropos, v. 54, Fribourg (Suisse), 1959; *Он же*.
Récits Oubykh, IV. - Journal Asiatique, CCXLVIII-4,
Paris, 1960; *Он же*. Documents Anatóliens sur les Lan-
gues et les Traditions du Caucase, I. Paris, 1960;
II. Paris, 1962; III. Paris, 1965; *Он же*. Le verbe
Oubykh. - Mémoires de l'Académie des Inscriptions et
Belles-Lettres. t. I. Paris, 1975.

³⁹ Vogt H. Dictionnaire de la langue, avec Introduction
phonologique. Oslo, 1963.

⁴⁰ Meszaros J. Die Pächy - Sprache. Chicago, 1934.

⁴¹ Генко А.Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и
абазинского языков. - Труды Абхазского Ин-та языка,
литературы и истории, вып. XXVIII. Сухуми, 1957; Бгаж-
ба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. Сухуми,
1964; Шахрип К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам.
Сухуми, 1971; Аршба Н.В. Динамическое ударение и ре-
дукция гласных в абхазском языке, Тбилиси, 1979.

Из вышеизложенного становится ясным, что к настоящему времени уже подготовлена солидная база для внутренней и сравнительной (внешней) реконструкции, составляющей одну из главных задач сравнительно-исторической фонетики адыгских языков. Создание же сравнительно-исторической фонетики необходимо с разных точек зрения.

Реконструкция единиц более высоких уровней языка основывается на реконструкции единиц менее высоких уровней. Из этого очевидного положения общей теории компаративистики вытекает, что создание сравнительно-исторической фонетики должно предшествовать созданию других дисциплин компаративистики, поскольку степень разработки и методика анализа истории фонетических соотношений определяют надежность реконструкции единиц морфологического и лексического уровней. Однако и в наши дни в сравнительно-историческом языкознании нередки случаи, когда попытки реконструкции праязыковых морфологических и лексических единиц предпринимаются при отсутствии реконструированной фонологической системы на основе известных постулатов и методических приемов, лежащих в основе всей процедуры реконструкции.

Со времен младограмматиков стало аксиомой, что реконструкция основывается на звуковых соответствиях. Однако описание механизма фонетических корреспонденций является лишь начальным этапом сравнительно-исторического анализа генетически родственных языков. Реконструкция языковых единиц предполагает соблюдение не только формул звукосоответствий, но и других правил и методических приемов исследования языкового материала.

Самым значительным достижением сравнительно-исторического языкознания, на наш взгляд, является внедрение в него принципов временной иерархичности изучаемых и реконструируемых явлений. Современная компаративистика окончательно отказалась от прямолинейного проецирования на праязыковую плоскость языковых единиц без учета их хронологической и пространственной соотнесенности, что было характерно для представителей младограмматической школы. В современном сравнительно-историческом языкознании фундаментальным и доминирующим стал принцип относительной хронологии. Соблюдение принципа относительной хронологии является необходимым условием сравнительно-исторического анализа языковых единиц вообще и реконструкции в особенности. Достаточно сказать, что до внедрения принципа относительной хронологии в компаративистику в прошлое (точнее сказать, в одну кучу) переносились все старые и остаточные формы, включая иногда и разного рода аномалии, т.е. все то, что подводилось под понятие архаизма.

Было бы, однако, ошибкой полагать, что в компаративистике всюду и окончательно преодолена старая младограмматическая концепция, хотя ее анахронизм не нуждается в пояснениях. В сравнительно-историческом языкознании, в его частных подразделениях, нередко накладывается младограмматический подход к анализу языкового материала. Все,

что можно отнести к прошлому, часто рассматривается как архетип. При этом само понятие архетипа не определяется хронологическими рамками, т.е. архетип (или исходная форма), по сути дела, оказывается явлением вневременного порядка. Авторы часто приводят соответствующие параллели из родственных языков, полагая, что тем самым соблюдают принципы временной соотнесенности исследуемого материала. Однако подобные исследования остаются полностью свободными от принципов относительной хронологии, если под относительной хронологией не понимать простое разграничение архаизмов и инноваций. Так, в некоторых общеадыгских основах шипяще-свистящим спирантам (сибилянтам) в других родственных языках соответствуют шипяще-свистящие аффрикаты. Ср. адыг., каб. *жъэ* - 'жариться, печься', абх. (бзыб.) *дз* - 'жарить, жариться', адыг., каб. *шIэ* - 'знать', убых. *цIа* - 'знать, учиться', абх. (бзыб.) *цIа* - 'учиться'⁴². Считается, что в этих сопоставлениях шипяще-свистящие аффрикаты являются более древними. Однако на этом основании было бы по меньшей мере рискованным делать вывод, что шипяще-свистящие аффрикаты, отвечающие спирантам, были характерны для адыгских языков и диалектов. Признание архаичности аффрикатного ряда указанных звукосоответствий не означает, что шипяще-свистящие аффрикаты *дз*, *ц*, *цI* должны быть включены в общеадыгский консонантизм. С точки зрения относительной хронологии существенным является тот факт, что шипяще-свистящие спиранты в приведенных общеадыгских основах возводятся к общеадыгской эпохе, т.е. входят в состав общеадыгского консонантизма. Что касается их корреспонденций в родственных языках (шипяще-свистящих аффрикат), то их отношение к общеадыгскому консонантизму (не говоря уже об историческом консонантизме отдельных адыгских языков и диалектов) не может быть доказано данными ни внутренней, ни внешней реконструкции. Соблюдение принципа относительной хронологии при реконструкции означает, что аффрикаты, если их считать более древними по сравнению с их корреспонденциями - спирантами, относятся к более глубоким хронологическим уровням, чем общеадыгский.

То же самое следует сказать о некоторых других согласных. То, что исходная фонетическая корреспонденция встречается в абхазском или убыхском, не означает, что она непременно в прошлом была представлена в адыгских языках и диалектах и на этом основании должна быть включена в систему общеадыгского консонантизма. Для доказательства этого положения можно привести немало хрестоматийных примеров. Вот один из них. Как известно, индоевропейское **t* устанавливается на основании таких соответствий, как слав. *три*, лит. *trys*, скр. *tray-as*, греч. *τρεῖς*, лат. *trēs*, гот. *þreis* (др.-в.-нем. *dri*), хет. *tri*. В германских языках старое (индоевропейское) *t* по первому передвижению согласных перешло в *f*, а в древненемецком по

⁴² Ломтатидзе К.В. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. с. 95-97.

второму передвижению согласных $\bar{b}$ дало d . Наличие индоевропейского t во многих языках не может служить аргументом в пользу включения его (в данном ряде звукосоответствий) в древнегерманский (общегерманский) консонантизм. Подобный подход к реконструкции носит универсальный характер, т.е. не ограничен материалом одной языковой семьи.

Хотя в компаративистике широкое распространение получили такие понятия, как "исходная форма", "первичная форма", "вторичная форма", последние лишены временных и пространственных характеристик, если они не соотносятся с определенными хронологическими уровнями. Если мы говорим о первичности или исходности фонемы, то мы должны иметь в виду определенный хронологический период, не проецируя ее в прошлое, лишенное временных параметров.

Едва ли нужно доказывать, что сравнительно-историческое изучение адыгских языков должно опираться на принципы относительной хронологии. Мы разграничиваем следующие хронологические периоды: западнокавказский, адыгско-убыхский, общеадыгский, уровень существования самостоятельных адыгских языков, уровень поздних диалектных инноваций.

Разумеется, в нашу задачу не входит рассмотрение явлений, относящихся ко всем выделенным хронологическим уровням. Глубина реконструкции определяется исследуемым материалом, степенью разработки отдельных проблем и т.д. Однако признание существования названных хронологических уровней определяет характер реконструкции. Уровневая реконструкция ориентирована на общеадыгское языковое единство и его последующие этапы развития. Уровневая реконструкция предполагает также рассмотрение (там, где это возможно) отношения общеадыгских явлений к праязыковым состояниям более глубоких хронологических эпох — адыгско-убыхского и западнокавказского.

Вместе с тем в этой работе не делается попыток выйти за пределы западнокавказских языков. Недостаточная методическая фундированность проблемы взаимоотношения западнокавказских языков с другими языковыми группами иберийско-кавказских языков неизбежно делает, за немногими исключениями, необязательными и противоречивыми те широкие фонетические и лексические сопоставления адыгских языков с другими языками (например, нахскими и дагестанскими), которые даются в последнее время в ряде работ. Фонетические, морфемные и лексические соположения не могут быть надежными и убедительными, если они строятся без учета правил реконструкции. О глубине же реконструкции следует сказать словами Е. Куриловича: "Невозможно реконструировать *ad infinitum*"⁴³. Иными словами, сопоставления и соположения в различных языках, как и реконструкция самого материала, должны быть ограничены определенными хронологическими рамками и — что

⁴³ *Kurylowicz J. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, с. 58.*

самое важное — подготовлены ходом развития того или иного частного подразделения компаративистики.

Учитывая эти обстоятельства, в работе не дается сопоставлений изучаемого материала с другими группами иберийско-кавказских языков. Нужно признать, что это и не входит в задачу нашего исследования, но относится к вопросам методики исследования. Однако наше негативное отношение ко многим сопоставлениям адыгского (шире, западнокавказского) материала с другими языками, в частности, нахскими и дагестанскими, вовсе не означает, что мы отрицательно относимся к поискам межгрупповых генетических связей. Эти поиски имеют свои традиции, накоплен уже известный опыт и работы в этом направлении должны быть продолжены. Речь идет о довольно многочисленных фонетических и межгрупповых сопоставлениях, носящих бездоказательный характер в силу чрезвычайно слабой подготовленности их методической основы.

Другое дело — типологические параллели в сравнительно-исторической фонетике адыгских языков. Как известно, в современной компаративистике значительно возрастает роль типологических критериев при разработке генетических проблем. Естественно, что типологические критерии не заменяют генетических критериев, но дополняют и расширяют последние, способствуют выяснению общих тенденций развития отдельных микросистем. А это особенно важное значение приобретает для сравнительно-исторического анализа языков, не имеющих древних письменных памятников. При решении вопросов, связанных с разграничением архаизмов и инноваций и определением исходного состояния тех или иных явлений, отдельных подсистем языка, в том числе фонологического уровня, типологические критерии уточняют и делают более надежными и убедительными выводы, вытекающие из сравнительно-исторического анализа материала. В соответствии с этим в данной монографии при решении некоторых вопросов (например, исходного состояния смычных) учитывается роль типологических критериев.

Существенными были изменения, внесенные современным сравнительно-историческим языкознанием в понимание реконструкции. Здесь необходимо указать на динамическую теорию реконструкции. Как известно, реконструкция в ее традиционной трактовке является статической. Это означает, что для праязыкового состояния допустимо существование, например, только одной модели корня или основы. В сравнительно-историческом языкознании на статической теории построены модели корня многих праязыковых состояний, в том числе индоевропейского. Так, модель индоевропейского корня в понимании Э. Бенвениста является образцом статической реконструкции⁴⁴. В основе известной концепции, согласно которой в абхазско-адыгских языках все типы основ исторически восходят к односложным корням типа "согласный + гласный", также лежит статическая теория корня.

⁴⁴ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

Ни у кого не вызывает сомнения, что в естественном языке существуют разные модели структурного оформления корня и основы. Однако это бесспорное положение в сравнительно-историческом языкознании долгое время считалось неприемлемым применительно к праязыку. Для праязыкового состояния постулировалась одна модель корня или основы, т.е. праязык в сущности оставался неподвижным научным конструктом, лишенным длительной истории и временных параметров. Между тем праязык (например, общеадыгский или общеабхазский), как и живой язык (например, современный адыгейский, современный абхазский), — категория историческая, т.е. характеризуется временными параметрами и имеет длительную историю становления, что исключает существование только единственной модели корня или основы.

В настоящее время вряд ли возможно возвращение к статической теории реконструкции вообще и реконструкции корня и основы, в частности. В соответствии с динамической теорией реконструкции мы постулируем для эпохи общеадыгского языкового единства разные модели корня. Допустимо также существование разных моделей корня для более ранних хронологических уровней, в том числе западно-кавказского.

Автор данной монографии также отказался от понятия архаичной модели, когда при реконструкции один язык (или диалект) рассматривается как основа праязыкового состояния. Подобная методика реконструкции, восходящая к А. Шлейхеру (последний считал санскрит почти эталоном для исходного праязыкового состояния индоевропейских языков)⁴⁵, получила широкое распространение в сравнительно-историческом языкознании. Разумеется, среди генетически родственных языков и диалектов одни из них могут составить зону консервации, а другие — зону инновации. Однако с рассматриваемой точки зрения различны разные языковые группы, а само понятие живой "праязыковой" модели весьма относительно. Чаще всего архаизмы и их инновации охватывают лишь отдельные подсистемы языка, в том числе фонологического строя.

Адыгские языки и диалекты значительно различаются по своему консонантизму. Но среди них нет такого диалекта, который может быть рассмотрен как основа для реконструкции общеадыгского консонантизма. Между тем среди специалистов укрепилось мнение об архаичности бжедугского диалекта с точки зрения его консонантной системы. Более того, бжедугский диалект избирается в качестве основной модели для реконструкции консонантизма общеадыгского языка. Выше отмечалось, что у А. Койперса своеобразным эталоном для общеадыгского консонантизма, точкой отсчета при его реконструкции оказывается бжедугский диалект. Подобная процедура реконструкции не может быть принята, поскольку полностью исключена возможность тождества живого диалекта (языка) и праязыкового состояния.

⁴⁵ *Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Veimar, 1861.*

В отношении западнокавказских (да и не только западнокавказских) языков одним из существенных вопросов реконструкции является разграничение явлений параллельного (независимого) развития от явлений генетического свойства. Ввиду того, что исследователь подобных языков лишен возможности решения данного вопроса классическим (филологическим) методом (с помощью анализа письменных памятников), при реконструкции постоянно возникает вопрос: возможно ли отсутствие (наличие) в праязыке таких явлений, которые представлены (отсутствуют) во всех сравниваемых языках? Разумеется, речь идет о фонологическом и морфологическом уровнях (этот вопрос снимается на лексическом и синтаксическом уровнях очевидной проницаемостью последних). Явления параллельного развития возможны в языках, входящих в любую генетическую группу. Однако решение вопроса во многом определяется хронологической глубиной реконструкции. Мы исходим из того, что фонемы, представленные в одних и тех же исконных морфемах во всех сравниваемых адыгских языках и диалектах (и не могут быть рассмотрены вторичными в соответствии с звуковыми соотношениями), относятся к праязыковому (общеадыгскому) состоянию, а не являются продуктом параллельного (независимого) развития. Заметим, что подобный методический прием может быть применен при реконструкции фонологической системы языков, не имеющих письменных традиций.

В компаративистской литературе до сих пор существует мнение об исключительной роли старых межгрупповых заимствований в генетических родственных языках в реконструкции фонологической системы. Не стоит специально оговаривать, что старые межгрупповые лексические заимствования нередко служат опорой для восстановления утраченных фонем, сохраняя исходные формы в заимствовавшем их языке. Вместе с тем нельзя недооценивать факторов, связанных с фонетической адаптацией заимствований. Так, в кабардинизмах (в том числе поздних) абазинского языка вместо заднеязычных спирантов отмечаются ларингальные спиранты. Принято считать, что кабардинизмы проникли в абазинский язык с исходными ларингальными спирантами, утраченными сравнительно недавно адыгскими языками. Мы полагаем, что в данном случае, по-видимому, имеем дело с фонетической адаптацией (субституцией), т.е. с ларингализацией кабардинских заднеязычных спирантов в абазинском языке. Заметим, что ларингализации подвергаются не только заднеязычные *гъ*, *гъу*, *хъ*, *хъу*, но и спирант *ху*: ср. абаз. *лъынт-хъуи* < каб. *лъынтхуэ* 'кровеносный сосуд'. Другое дело — вопрос об историческом соотношении абхазско-абазинских ларингальных спирантов и адыгских заднеязычных спирантов. Адыг., каб. *гъуи*-, абх. *шуа*-, абаз. *гъуа*- 'сохнуть', адыг., каб. *хъэ*-, убх. *хъа*-, абх., абаз. *хъа*- 'вязать, плести', бесспорно, входит в общий корнеслов. В подобных случаях правомерно утверждать, что ларингальные члены звукосоответствий являются исходными для заднеязычных (*гъу* > *ш* > *гъу*, *хъ* > *хъ*). Однако исходность ларингальных чле-

нов указанных звукосоответствий не дает оснований постулировать их для исторического консонантизма адыгейского и кабардинского языков. В соответствии с принципами относительной хронологии ларингальные члены звукосоответствий могут быть отнесены к западнокавказскому хронологическому уровню. Тот факт, что в адыгских языках и диалектах не обнаруживается следов абхазско-абазинских (resp. западнокавказских) ларингальных спирантов, а вместо них всюду представлены заднеязычные спиранты, говорит в пользу того, что утрата старых ларингалов имела место уже в эпоху общеадыгского языкового единства. Это положение поддерживается материалом убыхского языка, в котором старым (западнокавказским) ларингалам корреспондируют заднеязычные спиранты.

Таким образом, понятие общеадыгского языка, его звуковая система, его отношение к другим хронологическим уровням связаны с теми установками сравнительно-исторического изучения группы родственных языков, которые приняты автором настоящей монографии. Эти же установки определяют как методические приемы анализа языкового материала, так и структуру монографии, ее содержание, принципы построения.

Глава III ВОКАЛИЗМ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Не только в кавказоведческой лингвистической литературе, но и в исследованиях по общей типологии языков и различного рода учебных пособиях по языкознанию стало общим местом положение об исключительном богатстве и многообразии фонологической системы западнокавказских языков¹. Следует, однако, заметить, что о многообразии и богатстве фонологической системы западнокавказских языков правомерно говорить лишь применительно к консонантизму. Что же касается вокализма, то с этой точки зрения западнокавказские языки могут служить образцом противоположного явления – упрощенной вокалической системы. Система вокализма во всей группе западнокавказских языков характеризуется немногочисленностью входящих в нее гласных фонем. Сказанное отнюдь не означает (как, впрочем, полагают некоторые исследователи), что вокализм относится к менее спорным проблемам фонологии западнокавказских языков. Напротив, вопрос о вокализме в этой группе языков остается до сих пор нерешенным, весьма дискус-

¹ См., например: Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания. – В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963.

сионным, возбуждая острые споры и значительные разногласия среди лингвистов.

Заметим, что проблема вокализма западнокавказских языков решается по-разному не только специалистами данной группы языков, но и в работах по общим вопросам фонологии. Материал западнокавказских языков широко используется для решения теоретических проблем фонологии, общей типологии, реконструкции фонологических моделей языков различных типов. Как увидим ниже, в зарубежной лингвистической литературе появился ряд исследований, непосредственно рассматривающих или затрагивающих вопросы вокализма западнокавказских языков.

В настоящее время уже четко обозначились противоположные точки зрения по вопросу о вокализме западнокавказских языков. Число гласных фонем в этих языках в настоящее время разными исследователями исчисляется от восьми до нуля. Иными словами, споры ведутся не только вокруг вопроса о количестве гласных фонем, что было характерно для представителей традиционного учения о фонологической системе западнокавказских языков. В новой и новейшей лингвистической литературе ставится вопрос о том, имеются ли вообще гласные фонемы в западнокавказских языках. Обсуждается вопрос: не опровергает ли материал западнокавказских языков известное положение, согласно которому противопоставление гласных и согласных фонем является основой любой фонологической системы языка? В обсуждении вопросов вокализма западнокавказских языков участвуют видные представители современного советского и зарубежного языкознания.

Естественно, что возросший интерес лингвистов к вокализму западнокавказских языков делает актуальной разработку вокализма всей группы языков в свете достижений теоретической фонологии и новых данных сравнительной и внутренней реконструкции.

Что касается исторического вокализма адыгских языков, то этот вопрос специально был поставлен сравнительно недавно в адыгском языкознании². Однако об историческом вокализме адыгских языков существуют разноречивые мнения, выдвинутые в порядке гипотезы разными исследователями.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АДЫГСКОГО ВОКАЛИЗМА

Еще Ш.Б. Ногмов (Ногма) в фонетической системе кабардинского языка выделял три класса звуков: гласные, согласные и полугласные. Однако четкого деления этих классов Ш.Б. Ногмов не дает, хотя его алфавит включает графемы *а, о, е, и, у, ю, і* для обозначения гласных. Для передачи одной и той же фонемы (звука, по терминологии Ш.Б. Ногмова) автор первой грамматики кабардинского языка использует разные графемы³. Так, фонема *я* у Ш.Б. Ног-

² Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. - ВЯ, 1973, № 6.

³ Ногма Ш.Б. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959.

мова обозначается графемами *и, у, и*, ср.: *ши (ши)* 'лошадь', *физ (физ)* 'женщина', *цук (цIукIу)* 'маленький', *цухубз (цIухубз)* 'женщина', *кунажин (кьIуинажин)* 'трехлетняя кобыла'. Для Ш.Б. Ногмова характерно также обратное явление: изображение разных звуковых сегментов одной графемой, ср.: *ши (ши)* 'лошадь', *ших (ших)* 'шестьсот'. Ср. также обозначение графемой *о* двух фонем – сонанта *ў* и гласной *э*: *о (ўэ)* 'ты', *он (ўэн)* 'бить', *осэпс (ўэсэпс)* 'роса', *ошх (ўэшх)* 'дождь'. Заметим, что этот принцип графической системы Ш.Б. Ногмова спустя 100 лет, был использован Н.Ф. Яковлевым при разработке им графики и орфографии адыгейского литературного языка: ср.: адыг. лит. *о* 'ты', *он* 'бить', *осэпс* 'роса', *ошхи* 'дождь'.

Л.Г. Лопатинский выделяет в кабардинском языке 18 гласных звуков, причем из них гласные *а, и, о, е, э, и* он считает простыми, остальные – сложными⁴.

Согласно Т.М. Борукаеву, в кабардинском языке представлена шестичленная система вокализма из гласных *а, е, и, о, у*⁵. Полемизируя с Л.Г. Лопатинским и Н.Ф. Яковлевым, Т.М. Борукаев подвергает критике точку зрения, согласно которой кабардинские гласные делятся на краткие и долгие. Вместо группировки гласных на краткие и долгие Т.М. Борукаев предложил классификацию гласных на твердые (*а, о, и, у*) и мягкие (*э, и*). Деление на мягкие и твердые гласные было поддержано некоторыми исследователями в последующий период.

Н.Ф. Яковлев, сделавший первую попытку с фонологической точки зрения осмыслить звуковой состав адыгских языков, в своих ранних исследованиях довольно противоречиво толкует вопросы идентификации и классификации гласных фонем. Не только в разное время и в разных работах, но иногда в одной и той же работе Н.Ф. Яковлев по-разному подходил к решению проблемы вокализма адыгских языков. Гипотеза Н.Ф. Яковлева о единственной гласной фонеме в кабардинском языке, предложенная им в одной из его ранних работ⁶, была подхвачена сторонниками теории моновокализма. В последующих работах Н.Ф. Яковлева дается классификация гласных на семь самостоятельных фонем (*а, э, и, у, о, у, е*)⁷.

Классификация Н.Ф. Яковлева (семичленная система вокализма) получила широкое распространение в описательных грамматиках и специальных исследованиях⁸.

⁴ Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. – СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.

⁵ Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932, с. 6.

⁶ Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923, с. 108–109.

⁷ Более подробно о взглядах Яковлева Н.Ф. на вокализм адыгских языков см. ниже, с. 92–95.

⁸ См., например: Турчанинов Г., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.–Л., 1940, с. 31; Грамматика кабардино-черкесского литературного языка, М., 1970,

Новую точку зрения на вокализм кабардинского языка высказал голландский лингвист А. Койперс⁹. В соответствии с концепцией Койперса в кабардинском языке отсутствует противопоставление гласных и согласных фонем. По А. Койперсу, кабардинский язык не различает гласных на фонологическом уровне. Мнение А. Койперса находит поддержку среди части зарубежных лингвистов (об этом см. ниже, с. 96-102).

Вопрос о вокализме адыгских языков рассматривается в работах Г.В. Рогава. Касаясь системы гласных фонем современного адыгейского языка, Г.В. Рогава пишет: "Простых гласных фонем в адыгейском языке три"¹⁰. К ним относятся: открытое *a*, узкое *э*, иррациональный *и*. Вопрос о том, имеются ли в адыгейском языке другие гласные фонемы (непростые, производные или дифтонгические) остается не совсем ясным. Г.В. Рогава не признает — и это представляется вполне обоснованным — существования гласных *o*, *y* на правах самостоятельных фонем¹¹, но не касается вопроса о фонемном статусе звуковых сегментов *e*, *и*, т.е. долгих или производных гласных (в терминологии других авторов).

В отношении же исторического вокализма Г.В. Рогава, специально не ставя этого вопроса, высказал точку зрения, согласно которой гласный *и* является вторичным в адыгейском языке. Г.В. Рогава пишет: "Трудно определенно высказаться относительно первичности (или вторичности) простых гласных *a*, *э*. Но нет оснований считать гласный *и* первичным гласным в адыгейском языке: гласный *и*, надо полагать, является рефлексом какого-то основного гласного"¹². Как видно, в соответствии с этим положением гласный *и* относится к адыгейским инновациям, т.е. его нельзя включить в систему общеадыгского вокализма.

В несколько иной форме та же мысль (о вторичности гласного *и*) проводится в других работах. Так, З.И. Керашева отмечает, что "данные шапсугского диалекта и материалы родственных языков указывают на ошибочность мнения о первичности *и* и о возникновении *э* из *и*"¹³.

Б.Х. Балкаров, как и Г.В. Рогава, отмечает наличие трех гласных фонем в современном адыгейском языке¹⁴.

с. 28; *Дзасэжъ Хъ. Иджырей къэбэрдей-черкесыбзэ* (Дзасежев Х.Э. Современный кабардино-черкесский язык), Черкесск, 1964, с. 63-64.

⁹ Kuipers A. Phoneme and Morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe). 's-Gravenghage, 1960.

¹⁰ Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966, с. 21.

¹¹ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 23.

¹² Там же, с. 24-25.

¹³ Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, с. 41.

¹⁴ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик, 1970, с. 97.

В отличие от Г.В. Рогава, не признающего противопоставления гласных по признаку краткий-долгий, Б.Х. Балкаров пользуется традиционной характеристикой, называя гласные *э*, *и* краткими, а гласный *а* – долгим. В отношении же кабардинского языка Б.Х. Балкаров принимает точку зрения, согласно которой этому языку свойственна семичленная система вокализма – краткие *э*, *и*, долгие *а*, *и*, *е*, *о*, *у*¹⁵. Тем самым Б.Х. Балкаров приходит к выводу, что в области фонологии гласных между современными адыгскими языками имеются значительные расхождения (семичленный вокализм кабардинского языка, трехчленный вокализм адыгейского языка). Как увидим ниже, этот вывод наталкивается на трудности и не подтверждается материалом.

Что касается исторического вокализма, то Б.Х. Балкаров, как и его предшественники, специально не занимался его исследованием. В его последней работе, однако, вскользь отмечается, что "в праадыгском вокализме были представлены неносовые краткие гласные *э*, *и*. Они были и носовыми: *э^н*, *и^н*"¹⁶. По мнению Б.Э. Балкарова, "в системе вокализма неносовые *э*, *и* противопоставлялись *э^н*, *и^н*"¹⁷. Иными словами, Б.Х. Балкаров полагает, что в праадыгском существовала четырехчленная система вокализма: неносовые *э*, *и*, носовые *э^н*, *и^н*. Это положение существенно отличается от взглядов Н.Ф. Яковлева и Г.В. Рогава на исторический вокализм адыгских языков. Однако Б.Х. Балкаров не делает попытки реконструировать четырехчленную систему вокализма на конкретном материале, хотя "неносовые *э*, *и* и носовые *э^н*, *и^н*" включаются им в праадыгскую (общееадыгскую) фонологическую систему.

Итак, разными специалистами высказаны разные мнения по вопросу о вокализме современных адыгских языков. Существуют также взаимоисключающие гипотезы об историческом вокализме адыгских языков, его генезисе и составе в целом, возникновении и развитии его отдельных членов.

ОБЩЕАДЫГСКИЙ ВОКАЛИЗМ

Вопрос о составе общеадыгского вокализма и его отношении к системе западнокавказского вокализма был поставлен нами в 1973 г. в связи с критическим рассмотрением теории моновокализма¹⁸. Впервые было выдвинуто положение о трехчленной системе общеадыгского вокализма и двухчленной системе западнокавказского вокализма¹⁹.

В соответствии с указанным положением гласные *а*, *э*, *и* возводятся к эпохе общеадыгского языкового единства. Это положение зиждется на том факте, что гласные *а*, *э*, *и* широко представлены в фундаментальном лексическом ма-

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ Там же, с. 260.

¹⁷ Там же, с. 261.

¹⁸ Кумахов М.А. Указ. соч.

¹⁹ Там же, с. 64-67.

териале всех современных адыгских диалектов, восходящем к общеадыгскому фонду. Ср., например:

а: адыг. *мафэ*, каб. *махуэ* 'день', адыг., каб. *напэ* 'лицо', адыг. *лваккхуэ*, каб. *лваккхуэ* 'нога', адыг., каб. *макхуэ* 'он идет', адыг., каб. *матхэ* 'он пишет', адыг., каб. *швабэ* 'мягкий', адыг., каб. *дахэ* 'красивый';

э: адыг., каб. *нэ* 'глаз', адыг., каб. *нэ* 'нос', адыг. *хэ*, каб. *хэ* 'рот', адыг., каб. *гэ* 'рука', адыг., каб. *куэ* 'бедро', адыг., каб. *шгэн* 'делать', адыг., каб. *шхэ* 'голова', адыг., каб. *бзэ* 'язык', адыг., каб. *кхуэн* 'идти', адыг., каб. *шхэн* 'кушать', адыг. *шээн*, каб. *шээн* 'продавать', адыг., каб. *уэн* 'бить';

и: адыг., каб. *лхи* 'кровь', адыг., каб. *гуи* 'сердце', адыг., каб. *тхи* 'спина', адыг., каб. *зи* 'один', адыг. *шри*, каб. *шри* 'три', адыг., каб. *пхли* 'четыре', адыг., *тфи*, каб. *тхуи* 'пять', адыг., каб. *хи* 'шесть', адыг., каб. *бли* 'семь', адыг., каб. *йи* 'восемь', адыг., каб. *бегуи* 'девять', адыг., каб. *пхли* 'десять', адыг., каб. *хын* 'нести', адыг., каб. *дин* 'шить', адыг., каб. *тин* 'давать', адыг., каб. *хин* 'косить', адыг., каб. *дын* 'бросать'.

Нет никаких оснований полагать, что гласные а, э, и в наиболее устойчивом лексическом фонде, относящемся к общеадыгскому употреблению, развились после распада языка-основы. Напротив, с полным основанием гласные а, э, и могут быть отнесены к общеадыгскому языку. Гласные а, э, и отличаются друг от друга разной степенью открытости. Открытое а противопоставляется закрытому или минимально открытому и. Третий член вокализма э по степени открытости образует среднее звено между открытым а и минимально открытым и.

Общеадыгские гласные а, э, и различаются в дистрибутивном плане. В начальной позиции возможна лишь гласная фонема а. Однако фонема а в начальной позиции фонетически реализуется с ларингальной протезой *h*. Иными словами, в общеадыгском языке фонетически невозможно вокалическое начало.

В начальной позиции общеадыгская ларингальная протеза *h* сохраняется в современных адыгских языках. Ср., например, адыг. *нашхуэ* 'кольчуга', *напэ* 'впереди', *напс* 'миска (деревянная)'. В кабардинском языке общеадыгский начальный сегмент *ha* изменяется в *hэ*. Ср. каб. *хэнэ* 'мать', *хэр* 'он'. Хотя адыгейский язык и сохраняет общеадыгский начальный *ha*, в нем (в зависимости от акцентного строения слова) возможно чередование а:э после начальной ларингальной протезы *h*. Ср. адыг. *хэпхалхэ* 'стекольник', *хэпхил* 'специалист по изготовлению мисок', *хэдм-габзэ* 'адыгейский язык'.

Адыгские языки и диалекты унаследовали от общеадыгского состояния и другую фонетическую особенность гласного а: невозможность ларингальной протезы этой фонемы в нена начальной позиции. Ср. адыг. *хан*, каб. *хэнэ* 'мать', но адыг., каб. *сханэр* 'моя мать', адыг. *хатэхэ* 'дедушка', но *схатэхэ* 'мой дедушка', каб. *хэдэ* 'отец', но *схадэ* 'мой отец', *шхыкхуадэ* 'тесть', *шхыкхуганэ* 'теща'.

Чаще всего общеадыгское *а* встречается в инлауте.

В этой позиции общеадыгское *а* достаточно устойчиво сохраняется в адыгских языках. Ср. адыг., каб. *л'вабхъэ* 'корень', адыг., каб. *бадзэ* 'муха', адыг. *тамэ*, каб. *дамэ* 'крыло', адыг., каб. *мазэ* 'луна', адыг. *мафэ*, каб. *махуэ* 'день', адыг. *уашуэ*, каб. *уафэ* 'небо', адыг. *уан*, каб. *уанэ* 'седло', адыг., каб. *гъатхэ* 'весна', адыг., каб. *гъашIэ* 'жизнь', адыг., каб. *дахэ* 'красивый', адыг., каб. *ш'абэ* 'мягкий'.

Как увидим ниже, в ряде случаев в инлауте общеадыгское *а* возводится к западнокавказскому уровню.

В конечной позиции старое (западнокавказское) *а* изменилось в э еще в ранний период общеадыгского языкового единства. Ср. абх., убых. *цуа*, абаз. *чуа*, адыг. *ш'уэ*, каб. *фэ* 'кожа', абх., абаз. *мца*. убых. *миджа*, адыг. *машIуэ*, каб. *мафIэ* 'огонь', абх. *мза*, убых. *мидза*, адыг., каб. *маза* 'луна, месяц'.

В современных адыгских языках в конечной позиции *а* реализуется (как значимый элемент) в кабардинских причастных образованиях типа *да* 'сшитый', *тха* 'написанный', *ва* 'сваренный' и адыгейских вопросительных формах типа *хэта?* 'что?', *сида?* 'что?', *йэджа?* 'он читает?', *йэджэна?* 'он прочтет?'. Конечный *а* в современных адыгских языках — поздняя инновация, возникшая после распада общеадыгского языка на самостоятельные языки.

Общеадыгская гласная фонема *э* возможна в неначальной позиции. В этом же положении *э* сохраняется в адыгских языках. Ср. общеадыгские корни: адыг., каб. *сэ* 'я', адыг., каб. *уэ* 'ты', адыг., каб. *ш'э* 'сто', адыг., каб. *хэт* 'кто', кдыг., каб. *сэн* 'сеять', *хэн* 'жать'. В конечной позиции общеадыгское *э* фонетически оказалось более устойчивым в кабардинском языке (об этом см. ниже).

Общеадыгская гласная фонема *и* реализуется также в неначальной позиции. Ср. общеадыгские корни: адыг., каб. *ли* 'мужчина', адыг., каб. *ши* 'лошадь', адыг., каб. *ци* 'шерсть', адыг. *ш'уици* > каб. *физ* 'женщина', адыг. *оиди* > каб. *дид* 'шило', адыг. *йини* > каб. *ийи* 'большой', адыг. *пл'вижи* > каб. *пл'вижэ* 'красный'.

Как видно, в многосложных образованиях общеадыгское *и* в абсолютном исходе сохраняется только в адыгейском языке (об этом см. ниже). Вместе с тем кабардинский язык оказался более устойчивым в распределении гласного *и*: в этом языке, как и в общеадыгском, гласный *и* возможен лишь в неначальной позиции. В адыгейском языке начальное *и* реализуется как сегмент *хи*. Ср. *хишIигъ* 'он сделал', *хитхигъ* 'он написал', *хин* 'его глаз'. В начальной позиции сегмент *хи*, как и убыхское начальное *и*, всегда выступает в роли морфологического элемента: *хи* является либо личным префиксом, либо притяжательным префиксом. Протеза *h* в сегменте *хи*, как и протеза *h* в начальном *ha(hэ)*, утрачивается в постконсонантном положении. Ср., например, *хитхигъ* 'он написал', но *к'хитхигъ* 'он написал сюда'. Начальный *хи* — адыгейское новообразование.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕАДЫГСКОГО И ЗАПАДНОКАВКАЗСКОГО ВОКАЛИЗМА

Западнокавказские языки в их современном состоянии различаются по своему вокализму. В абхазском и абазинском языках представлена двухчленная система вокализма из гласных *a* и *и*, противопоставляемых друг другу по степени открытости. Открытое *a* противостоит закрытому, или минимально закрытому *и*. В абхазском и абазинском языках *a* реализуется в начальной и нена начальной позиции. Ср., абх., абаз. *сара* 'я', *уара* 'ты', абх., аб., абаз. *аба* 'отец', абх. *алагара* 'начинать', *акъIацIара* 'делать'. Закрытое *и* характеризуется дефектной дистрибуцией: реализуется лишь в нена начальной позиции. Ср. абх., абаз. *сис* 'ягненок', абх., абаз. *чыи* 'лошадь', абх., абаз. *гум* 'сердце'.

Для убыхского языка исходность двухчленного вокализма также очевидна, хотя в этом языке обнаруживаются некоторые признаки разрушения первоначальной системы вокализма из гласных *a* и *и*. Наряду с гласными *a* и *и* в убыхском языке представлено долгое $\bar{a}$, обладающее минимальной функциональной нагрузкой. Долгое $\bar{a}$ реализуется лишь в медиальной позиции, причем оно характерно для глагольных форм типа *йафин* 'они едят', *азбийан* 'я их вижу'. В таких формах долгое $\bar{a}$ противопоставляется гласному *a*: *йафин* 'он ест', *азбийан* 'я его вижу'. Гласный $\bar{a}$ — убыхское новообразование. Долгое $\bar{a}$ является результатом стяжения *аа*: *йафин* < **йаафин*²⁰. Ср., также *синала* < **сиаала*²¹ 'и моя мать' (*сина* 'моя мать', *ала* — союзная морфема "и"). Н. Фогт выделяет в убыхском четвертый член системы вокализма — долгое *о*, указывая при этом на его производность от дифтонга *ау*²². Ж. Дюмезиль рассматривает долгое *о* как комбинаторный вариант гласного *a*²³. Однако независимо от того, является ли долгое *о* фонемой или вариантом фонемы, его генезис довольно прозрачен: *о* возникает как результат монофтонгизации дифтонга *ау*. Гласные *a* и *и*, лежащие в основе убыхского вокализма, реализуются в начальной и нена начальной позициях. Ср., например, *ашьа* 'рубашка', *абгььа* 'гнездо', *бача* 'палка', *бана* 'трава', *бийи* 'баран', *тыт* 'человек', *бзи* 'вода'. Начальное *и* в убыхском языке возможно лишь в глагольных формах, где *и* выступает в качестве префиксального морфа. Ср., *иккIбан* 'он идет', *иккьIакьIа* 'он ему сказал', *избийан* 'я его вижу'. В этих глагольных формах элемент *и* является личным префиксом.

Данные сравнительной и внутренней реконструкции свидетельствуют о древности двухчленной системы вокализма

²⁰ Dumézil G. Etudes Oubykh's. — Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul, t. VII. Paris, 1959, p. 13.

²¹ Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo, 1963, с. 26-27.

²² Там же, с. 26, 28.

²³ Dumézil G. Op. cit., p. 26.

в западнокавказских языках. Можно с уверенностью предположить, что двухчленная система вокализма восходит к эпохе западнокавказского языкового единства.

Гласные *a*, *и*, составляющие двухчленную систему вокализма, представлены в древнейшем лексическом и морфологическом фонде, восходящем к эпохе западнокавказского языкового единства. Ср., например, западнокавказская морфема с артиклевой функцией *a*, абх., абаз. *пъаа*, убых. *пъаа* 'дочь', абх. *баа*, абаз. *баа*, адыг. *баджэ*, каб. *бажэ* 'лиса', абх., абаз., адыг., каб. *гуи*, убых. *гъи* 'сердце', абх., абаз. *жуи*, убых. *жуи*, адыг., каб. *жъи* 'старый', абх., адыг., убых. *цуи*, абаз. *чуи*, каб. *ви* 'вол'. Хотя не во всех западнокавказских языках гласные как *a*, так и *и* являются фонетически тождественными, они (как правильно отметил еще Н.С. Трубецкой) отличаются друг от друга разной степенью открытости. Характерной чертой многих слов, содержащих гласные *a*, *и*, является их принадлежность к древнему фонду западнокавказских языков, что дает основания приписать гласные *a*, *и* состоянию их языкового единства. Возможность позднего, т.е. вторичного происхождения гласных *a*, *и* в рассматриваемом слое лексик всех западнокавказских языков представляется маловероятной. Тем самым вопрос о наличии гласных *a*, *и* положительно решается не только в отношении общеадыгского языкового состояния, но и в отношении более отдаленного хронологического периода, т.е. западнокавказского языкового единства²⁴ (подробнее см. ниже). В то же время в западнокавказских языках гласные *a*, *и* относятся к разным хронологическим периодам. Иными словами, далеко не все гласные *a*, *и* возводятся к западнокавказскому хронологическому периоду. Как увидим ниже, гласные *a*, *и* в современных западнокавказских языках могут быть и вторичными, т.е. продуктом их индивидуального развития.

В трехчленную систему общеадыгского вокализма наряду с гласными *а, и*, образующими двухчленную систему западно-кавказского вокализма, входит *э*. Гласные трехчленной системы вокализма, как и гласные двухчленной системы вокализма, характеризуются разной степенью открытости, причем полярными в этом отношении оказываются гласные *а, и*, т.е. гласные двухчленного вокализма. Закрытое *э*, т.е. третий член общеадыгского вокализма по степени открытости занимает промежуточное звено между открытым *а* и минимально открытым *и*. Иными словами, признак средней открытости, являющийся фонологически несущественным в двухчленной системе вокализма, оказывается релевантным в трехчленной системе общеадыгского вокализма.

Итак, анализ материала показывает, что с точки зрения вокализма адыгский ареал оказался зоной инновации. Трехчленная система общеадыгского вокализма – новообразование, восходящее к двухчленной системе западнокавказского вокализма.

²⁴ Кумаров М.А. Указ. соч., с. 64.

О ГЕТЕРОГЕННОЙ ОСНОВЕ ОБЩЕАДЫГСКОГО ВОКАЛИЗМА

Каждый член трехчленной системы адыгского вокализма восходит к разным историческим эпохам. Так, с точки зрения относительной хронологии в адыгейском языке гласный *a* в словах *баджэ* 'лиса', *напэ* 'лицо', *чъигай* 'дуб', *гуишбаI* 'слово' относится к различным историческим периодам.

В слове *баджэ* 'лиса' есть основания усмотреть старое *a*, унаследованное от западнокавказского языкового единства. Ср., абаз. *бага*, абх. *бга* < **бага* 'лиса' (о первичности полногласия в абхазском языке см. ниже).

Гласный *a* в слове *напэ* 'лицо' возводится к общеадыгскому хронологическому уровню, но не может быть возведен к эпохе западнокавказского языкового единства. Ср., *напэ* 'лицо' < адыг., каб. *нэ* 'глаз' + *пэ* 'нос'.

Гласный *a* в слове *чъигай* 'дуб' относится к более поздней исторической эпохе, а именно к эпохе индивидуального развития адыгейского языка. Иными словами, гласный *a* в слове *чъигай* 'дуб' – адыгейское новообразование, возникшее после распада общеадыгского языка на адыгейский и кабардинский. Ср. *чъигай* < **чъиги* + *йэ* 'дуб'.

Гласный *a* в слове *гуишбаI* 'слово' представляет собой позднейшее диалектное явление, образованное уже после диалектной дифференциации адыгейского языка. Гласный *a* в слове *гуишбаI* 'слово' – локальная инновация, свойственная западным диалектам адыгейского языка. Ср., бжедуг., шапс. *гуишбаI* < темирг., абаз. *гуишбаI* 'слово'.

Как показывает материал, гласный *a* соотносится не только с разными хронологическими эпохами, но этимологически возводится к разным явлениям. В слове *напэ* 'лицо' гласный *a*, восходящий к общеадыгской эпохе, является рефлексом гласного *э*. В слове *гуишбаI* 'слово' гласный *a* как поздняя и локальная инновация, возникшая в период индивидуального развития адыгейского языка и его диалектов, образован в результате комбинаторного изменения гласного *и* перед ларингальным.

Гласные могут быть этимологически гетерогенными не только в случаях их возникновения в разные исторические эпохи. Тот же гласный *a* оказывается этимологически разнородным и в том случае, если его истоки возводятся к одному хронологическому периоду. Так, гласный *a* в слове *шъуизаб* 'вдова', как и в слове *напэ* 'лицо', образован в эпоху общеадыгского языкового единства. Однако гласный *a* в слове *шъуизаб* 'вдова', в отличие от гласного *a* в слове *напэ* 'лицо', восходящего к *э*, является результатом перехода сочетания *ийэ* > *a* на стыке двух морфем (*шъуизаб* 'вдова' < *шъуизи* 'женщина' + *йибэ* 'сирота').

Аналогичная история прослеживается также у гласных *э*, *и*. Каждый из них восходит не только к разным явлениям с этимологической точки зрения, но и к разным хронологическим периодам. Ниже дается анализ гласных фонем с точки зрения относительной хронологии. Данные внутренней и

сравнительной реконструкции позволяют выделить следующие хронологические слои:

- а) Общезападнокавказские явления.
- б) Общеадыгско-убыхские явления.
- в) Общеадыгские явления.
- г) Явления, относящиеся к эпохе индивидуального развития адыгских языков.
- д) Поздние адыгские диалектные инновации.

ОБЩЕЗАПАДНОКАВКАЗСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Отражением начального *a*, восходящего к праязыковому состоянию западнокавказских языков, следует считать фонему *a* в морфемах и словах типа адыг., каб. *a* 'этот, тот', убых., абаз., абх. *a*- артиклевая морфема со значением 'этот', абх., абаз. *ари*, абх. *абри* 'этот', абх., абаз. *ани* 'тот', адыг., каб. *адэ* 'там, туда, оттуда', убых. *айда* 'тот, другой' и др. Как отмечалось выше, в адыгских языках фонема *a* в начальной позиции фонетически реализуется с ларингальной протезой *h*. Ср., также: адыг. *армэу*, каб. *армиу* 'ленивый', абх., абаз., убых. *арма* 'левый'.

Есть основания утверждать, что следы общезападнокавказского *a* сохранились в неначальной (межконсонантной) позиции. Отражением старого *a*, по-видимому, является фонема *a* в межконсонантном положении в словах типа адыг. *мацIэ*, каб. *машIэ*, абаз., убых. *мачI* 'малый', адыг. *матхульэ*, каб. *малхъэ*, абх. *матху* 'зять', адыг., каб. *мацIэ*, абх., абаз., убых. *мацIа* 'саранча'. То же самое следует сказать о гласном *a* в таких словах, как адыг. *мафэ*, каб. *матхуэ* 'день', адыг., каб. *мазэ* 'луна', адыг. *машIуэ*, каб. *мафIэ* 'огонь' и др. Это предположение основывается не только на соответствии адыгского *a* абхазско-абазинско-убыхскому *a* в древнейшем фонде лексики западнокавказских языков, но также на том, что для абхазского, абазинского и отчасти убыхского языков полногласие является исходным. Характеризуя фонетическое строение слова в абхазском языке. К.В. Ломтатидзе справедливо отмечает: "Для исходного состояния было характерно полногласие. Скопление согласных - результат действия сильного ударения; безударные гласные *a*, *и* (при наличии сильного ударения соседнего слога) редуцировались: *амш* 'день' < **a*-*ма*-*ша*, *адздэра* 'мыть' < **адзадэра*"²⁵. В соположениях типа адыг. *мафэ*, каб. *матхуэ*, абх. *мш*, абаз. *мши* 'день', адыг., каб. *мазэ*, абх. *мза*, абаз. *мзи* 'луна', адыг. *машIуэ*, каб. *мафIэ*, абх., абаз. *мца* 'огонь' исходным следует считать адыгское полногласие: абх. *мш* < абаз. *мши* < **маша* 'день', абаз. *мзи* < абх. *мза* < **маза* 'луна' абх., абаз. *мца* < **маца* 'огонь'. Однако общезападнокав-

²⁵ Ломтатидзе К.В. Абхазский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. IV. 1967, с. 105; Она же. Абазинский язык. - Там же, с. 127.

казское *a* имело в адыгских языках различные судьбы. Во многом судьба старого *a* в адыгских языках определяется комбинаторными условиями. Если в начале и середине слога прослеживаются следы западнокавказского *a* в адыгских языках, то в конечной позиции старое *a* не сохранилось. Как показывает приведенный материал, старое *a* в конечной позиции дает э: *маза > мазэ 'луна', *маша > матуэ > мафэ 'день'. Иными словами, конечное *a* для общезападнокавказского языка реконструируется на основании фонетических соответствий: абх. *a*:абаз. *a*:убых. *a*: адыг. э:каб. э. Соответствие абхазско-абазинско-убыхского *a* адыгейскому и кабардинскому э в конечной позиции может быть продемонстрировано на большом материале, относящемся к фундаментальному слою лексики западнокавказских языков. Ср., абх., абаз. ла, убых. ъа, адыг., каб. хъэ 'собака', абх., абаз. хъа, убых. хъа, адыг. ккхъэ, каб. кхъэ 'свинья', абх., убых. цуа, абаз. чуа, адыг. шхъэ, каб. фэ 'кожа', абх., абаз. мца, убых. миджа, адыг. машуэ, каб. мафIэ 'огонь', абаз. гIуна, адыг., каб. уинэ 'дом', абх., абаз. тIатIа, адыг., каб. тIатIэ 'мягкий' и др. В подобных случаях исходность конечного (как и медиального) *a*, по-видимому, не вызывает сомнений.

В этом же лексическом фонде абхазско-абазинскому (реже убыхскому) *a* в конечной позиции иногда отвечает и в адыгских языках. Ср., абх., абаз. пхъа, убых. пхъа, адыг., каб. пхъум 'дочь'.

Следует, однако, сказать, что рассматриваемые звуко-соответствия не отличаются регулярностью в пределах древнего лексического фонда. Ср., например, абх., абаз. пси, убых. пса, адыг., каб. псэ 'душа', абх. хъи, абаз. кха, убых. ша, адыг., каб. шхъэ 'голова', абх., абаз. гIу-, убых. тIкхъIуа, адыг. (шапс.) тIкхъIум, каб. тIиу 'два', абх., абаз. шу-, убых. шъа, адыг., каб. шъэ 'сто', абх., абаз. бил-, адыг., каб. блэ- 'гореть', абх., абаз. шу-, адыг. шхъи-, каб. фи- 'гнить, гноиться'.

Итак, для праязыкового состояния западнокавказских языков реконструируется *a* в начальной и нена начальной позициях.

В адыгских языках представлено немало древних корневых морфем, содержащих общезападнокавказский гласный *a*.

Конечное *a* для общезападнокавказского может быть реконструировано на основании фонетических соответствий типа адыг., каб. ши, абх., абаз. чъи, убых. чи 'лошадь', адыг., абх., убых. цуи, каб. ви, абаз. чум 'вол', адыг., каб., абх., абаз. гуи, убых. гви 'сердце', адыг. пккхи, каб. пIкхъIи, убых. пкхи, абх. башу, абаз. бгIум 'кость, остов', адыг., каб. хъи, убых. хъи, абх. жу, абаз. жуи 'старый', адыг., каб., убых. плъи, абх., абаз. -пшъи 'красный', адыг. фи, каб. хуй, убых. хъа, абх. ши 'просо' и др.

Характерно, что в древнем лексическом фонде гласный *a* представлен не только в конечной позиции, но и в середине слова. Ср. адыг., каб. гуигъэ 'надежда', абх. гуигъ-, абаз. гуигъа- 'надеяться', убых. гвигъа- 'полагать, ду-

мать', адыг. *гуйбжи*-, каб. *гуйбжхи*-, убых. *гуйбжхи*-, абх. *гуйбжуа*- 'разгневаться, рассердиться', адыг. *гирзи*-, каб. *гизи*-, убых. *гизи*-, абх., абаз. *гвиз*- 'стонать' и др. Нет оснований утверждать, что в древнейшем лексическом фонде западнокавказских языков гласный *и* является инновацией. Напротив, рассматриваемый материал свидетельствует о том, что гласный *и* может быть реконструирован для эпохи западнокавказского языкового единства. В противном случае пришлось бы объяснить происхождение гласного *и*, представленного материалом древнейшего лексического фонда, как результат не только позднейшего, но и параллельного его возникновения во всех западнокавказских языках в период их самостоятельного развития.

Таким образом, для общезападнокавказского языка реконструируются гласные *а* в начальной и нена начальной позициях, *а* гласный *и* в нена начальной позиции.

ОБЩЕАДЫГСКО - УБУХСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Хотя адыгско-убыхские изоглоссы дают неровную и сложную картину, обусловленную не только факторами языковой дифференциации, но факторами языковой дивергенции, представляется возможным выделить адыгско-убыхские явления. В инлауте гласный *а* реализуется в целом ряде адыгско-убыхских основ. К ним относятся адыг., каб. *хакIуэ*-, убых. *шъуакIа* 'жеребец', адыг. *уан*, каб. *уанэ*, убых. *уауа* 'седло', какуч. *лванIквIэ*, адыг. лит., каб. *лванIэ*, убых. *лванIа* 'дорогой', адыг. *шакIуэ*, каб. *шъакIуэ* убых. *шъуакIа* 'охота, охотник' и др. В подобных случаях (когда адыгско-убыхский лексический материал не находит надежных соответствий в абхазском и абазинском) инлаутное *а* может быть отнесено к адыгско-убыхскому уровню. К этому уровню возводимо и конечное *а* в убыхских основах, а гласный *э* в адыгских параллелях - локальная инновация, образованная на общадыгской почве.

Значительный список составляет общие основы и корни, включающие адыгско-убыхский вокализм *и*. Последний особенно характерен для конечной позиции. Ср., например, адыг., каб., убых. *пIлIи* 'четыре', адыг. *тфи*, каб. *тхуи*, убых. *шъхи* 'пять', адыг., каб., убых. *бли* 'семь', адыг., каб. *бгъуи*, убых. *бгъви* 'девять' и др.

С точки зрения взаимоотношения между общадыгским и убыхским показателями личные префиксы (и не только личные префиксы) с огласовкой на гласный *и*. Ср., например, адыг., каб., убых. *си*-, *уи*- и др.: адыг. *си-тэйт*, каб. *си-тэйт-шъ*, убых. *си-гъит* 'я стою на чем-то', адыг. *уи-тэйт*, каб. *уи-тэйт-шъ*, убых. *уи-гъит* 'ты стоишь на чем-то'.

Если в нена начальной позиции гласный *и* реконструируется для общадыгско-убыхского языкового состояния, то этого нельзя сказать о начальном *и*. Характерно, что в начальной позиции гласная фонема *и* в адыгейском и убыхском реализуется в функционально тождественных условиях, а именно: в глагольных формах, где *и* выполняет роль лично-

го префикса. Ср., например, убых. *иккЪлакЪла* 'он сказал ему', адыг. *иIуагъ* 'он сказал'. Однако начальный *и* в подобных грамматических формах скорее всего относится к новообразованиям, на что косвенно указывает отсутствие личных и указательных местоимений с начальным *и*, лежащих в основе личных префиксов. С точки зрения распределения и общеадыгско-убыхское состояние, по-видимому, продолжает кабардинский язык, допускающий реализацию *и* только в ненадлежащей позиции.

Характерно вместе с тем, что адыгскому *и* нередко соответствует убыхское *а*. Ср., например: адыг., каб. *зи*, убых. *за* 'один', адыг. *тIуи*, убых. *тIкЪIуа* 'два', адыг. *шви*, убых. *шра* 'три', адыг., каб. *йи*, убых. *гъуа* 'восемь'. Более древнюю огласовку в этих числительных, по-видимому, сохранил убыхский язык. Ср., абаз. *за(кI)* 'один'.

В адыгских заимствованиях гласный *э* в убыхском языке, как правило, дает гласный *а*. Ср., например, адыг., каб. *гуайэ*, убых. *гуайа* 'гнев, обида', адыг. *лаккхуэ*, убых. *лакхуа* 'семья, род'.

ОБЩЕАДЫГСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Общеадыгский язык характеризуется трехчленным вокализмом. Из предшествующего изложения видно, что гласные *а*, *и* реконструируются не только для общеадыгского языкового состояния, но и для общезападнокавказского языка. Что касается третьего члена адыгского вокализма – гласного средней открытости *э*, то глубина его реконструкции ограничивается общеадыгским хронологическим уровнем. Рассмотрение гласного *э* как ареальной инновации в западнокавказских языках подтверждается вышеприведенным материалом.

Однако, как уже отмечалось выше, гласные *а*, *и*, *э* в адыгских языках соотносятся с разными хронологическими периодами. Так, во многих случаях фонема *а* в межконсонантном положении является адыгским новообразованием, т.е. она образована в эпоху общеадыгского языкового единства и не может быть возведена к западнокавказскому хронологическому периоду. Типичным для общеадыгского языка фонетическим процессом оказывается переход *э > а* на стыке морфем. Общеадыгский переход *э > а* на стыке морфем обусловлен фонетическими условиями: изменение гласного *э* в гласный *а* происходит перед последним слогом типа "С + гласный *э*" или "СС + гласный *э*" (где символ С означает огласный). Ср., например, общеадыг. *бзагэ* 'злой, хитрый' (<бзэ 'язык' + суф. -гэ), общеадыг. *михъуалъэ* 'каменистый' (< *михъуэ* 'камень' + суф. -лъэ), общеадыг. *хъашъуэ* 'кора' (< *пхъэ* 'дерево' + *шъуэ* 'кожа'), общеадыг. *тIуицIашъуэ* 'темноватый' (< *шIуицIэ* 'темный' + *шъуэ* 'вид, цвет'), общеадыг. *кIасэ* 'поздний' (< *кIэ* 'конец' + уф. -сэ), общеадыг. *чалъэ* 'ведро' (< *чэ* 'молоко' + суф. -лъэ), общеадыг. *напэ* 'лицо' (*нэ* 'глаз' + *пэ* 'нос'), *па-э* 'гордый, высокомерный' (< *пэ* 'нос' + суф. -гэ), общеадыг. *лъашъхъэ* 'подъем, часть ноги' (< *лъэ* 'нога' + *шъхъэ* 'голова').

В общеадыгскую эпоху на переход $\varepsilon > a$ на стыке морфем накладываются ограничения. Так, гласный ε удерживается в соседстве с ларингальным $x\bar{b}$. Ср., например, общеадыг. $x\bar{b}\varepsilon s\bar{e}$ 'гряда, участок' (< $x\bar{b}\varepsilon$ 'ячмень' + $s\bar{e}$ 'сеять'), но общеадыг. $nas\bar{e}$ 'ранний' (< $n\bar{e}$ 'нос' + 'первый, начальный' + суф. $-s\bar{e}$), общеадыг. $y\bar{i}n\bar{e}x\bar{b}\varepsilon$ 'домашняя собака' (< $y\bar{i}n\bar{e}$ 'дом, домашний' + $x\bar{b}\varepsilon$ 'собака'), но общеадыг. $y\bar{i}n\bar{a}g\bar{b}\varepsilon$ 'семья' (< $y\bar{i}n\bar{e}$ 'дом' + $g\bar{b}\varepsilon$ 'место'). Следует полагать, что нерегулярность перехода $\varepsilon > a$ в современных адыгских языках унаследована от праязыкового состояния. Ср., с одной стороны, адыг. $n\bar{a}c\bar{i}\bar{e}$, каб. $n\bar{a}sh\bar{i}\bar{e}$ < общеадыг. $n\bar{a}c\bar{i}\bar{e}$ 'усы' (< $n\bar{e}$ 'нос' + $c\bar{i}\bar{e}$ 'дно'), где переход $\varepsilon > a$ имеет место в языке-основе, а с другой — адыг., каб. (resp. общеадыг.) $k\bar{i}y\bar{e}c\bar{i}\bar{e}$ 'походка' (< $k\bar{i}y\bar{e}$ 'ходить' + суф. $-c\bar{i}\bar{e}$), где в той же позиции (на стыке морфем) в современных адыгских языках, как и в языке-основе, гласный ε .

Поведение вторичного a (< ε) на стыке морфем в синтагматическом плане не отличается от поведения первичного a в инлауте. Ср., $nap\bar{e}$ (< $n\bar{e}$ 'глаз' + $p\bar{e}$ 'нос') 'лицо', $mas\bar{e}$ (< * $masa$) 'луна, месяц', $n\bar{e}p\bar{e}sh\bar{e}$ 'большое лицо', $m\bar{e}z\bar{e}sh\bar{e}$ 'большая луна'. Переход вторичного a в ε ($n\bar{e}p\bar{e}sh\bar{e}$), как и переход первичного (започнокавказского) a в ε ($m\bar{e}z\bar{e}sh\bar{e}$), обусловлен сочетанием $nap\bar{e}$ 'лицо', $mas\bar{e}$ 'луна', 'месяц' с $-sh\bar{e}$ 'большой'. Подобный фонетический процесс, имеющий место во всех современных адыгейских и кабардинских диалектах, может быть отнесен к общеадыгской эпохе.

Если в абсолютном исходе вместо гласного ε представлен гласный i , на стыке морфем в общеадыгском, как правило, сохраняется гласный ε . Ср., например, общеадыг. $n\bar{e}bg\bar{i}$ 'переносица, спинка носа' (< $n\bar{e}$ 'нос' + $bg\bar{i}$ 'спина'), общеадыг. $n\bar{e}sh\bar{e}u$ 'слепой' (< $n\bar{e}$ 'глаз' + $sh\bar{e}u$ 'гноить').

К общеадыгским явлениям следует отнести переход $\varepsilon > a$ в положении перед заднеязычным спирантом $g\bar{b}$ в старых причастных образованиях типа адыг. $x\bar{b}uag\bar{b}\varepsilon$, каб. $vag\bar{b}\varepsilon$ 'пахня', (ср. адыг. $x\bar{b}u\bar{e}$ -, каб. $va\bar{e}$ -'пахать'), а также в производных именах типа адыг., каб. $d\bar{e}xag\bar{b}\varepsilon$ 'красота' (ср. адыг., каб. $dax\bar{e}$ 'красивый'), адыг. $c\bar{i}\bar{e}lag\bar{b}\varepsilon$ 'ребячество', каб. $sh\bar{i}\bar{e}lag\bar{b}\varepsilon$ 'молодость, неопытность' (ср. адыг. $c\bar{i}\bar{a}l\bar{e}$, каб. $sh\bar{i}\bar{a}l\bar{e}$ 'молодой'). Реже a развивается из i перед $g\bar{b}$. Ср., общеадыг. $y\bar{i}n\bar{a}g\bar{b}\varepsilon$ 'величина' (< $y\bar{i}n\bar{i}$ 'большой' + суф. $-g\bar{b}\varepsilon$). Таким образом, гласный ε , хотя и образован в общеадыгскую эпоху, в более поздний период развития общеадыгского языка в результате комбинаторных изменений дает гласный a . Отсюда в общеадыгском языке хронологически различаются старое a и новое a , причем последнее нередко возникает как продукт сложных звуковых преобразований. Например, гласный a в адыг. $guy\bar{i}sh\bar{i}yak\bar{i}y\bar{e}$, каб. $guy\bar{i}sh\bar{i}yak\bar{i}y\bar{e}$ 'поздравитель' образован в общеадыгскую эпоху непосредственно на базе гласного ε , восходящего в свою очередь к гласному i . Ср., адыг. $guy\bar{i}sh\bar{i}yak\bar{i}y\bar{e}$ 'поздравитель' (< $guy\bar{i}sh\bar{i}\bar{e}$ 'радость' + $k\bar{i}y\bar{e}$ -'идти'), $guy\bar{i}sh\bar{i}y\bar{e}$ 'радость', (< $guy\bar{i}$ 'сердце' + $sh\bar{i}y\bar{i}$ 'хороший').

Иными словами, общеадыгское *a* на стыке морфем по происхождению является разнородным. Фонема *a* в эпоху общеадыгского языкового единства развивается не только на базе *э*, но и в результате фонетических изменений звуковых сочетаний, в том числе дифтонгических образований. Ср., например, адыг. *ѳэтау* 'молотобоец' (< *ѳатэ* 'молот' + *ѳэѳэ* 'бить, ударить'), *шѳуизаб* 'вдова' (< *шѳуиза* 'женщина' + *ѳибэ* 'сирота'), *Ізгуапль* 'хиромант' (< *Ізгуа* 'ладонь' + *ѳипльэ* 'смотреть'); ср. каб. *ѳэдауэ* 'молотобоец', *ѳизабэ* 'вдова', *Ізгуипльэ* 'гадалка'.

Как комбинаторный вариант этимологического *э* гласный *a* возникает в эпоху общеадыгского языкового единства в глагольных основах презентной формы типа адыг. *мэлажэ*, каб. *мэлажэ* 'он работает', адыг. *мэцаккэ*, каб. *мэдазакъІэ* 'он кусается', адыг., каб. *мэбанэ* 'он борется'. В позиции минимального смысловоразличения гласный *a* в глагольных формах чередуется с гласным *э*, т.е. фонетически восстанавливается исходный вариант. Ср., адыг. *лэжэшьт*, каб. *лэжэнуш* 'он будет работать', адыг. *цэккэшьт*, каб. *дзэкъІэнуш* 'он будет кусаться', адыг. *бэжэшьт*, каб. *бэжэнуш* 'он будет бороться'. Оппозиция *a* : *э* в разбираемых глагольных формах является фонетической, поскольку данное противопоставление реализуется в пределах словоформ одного слова.

То же самое следует сказать о префиксальных образованиях типа общеадыг. *нэчэ* 'привези туда', *ѳэгъацэ* 'заставь отвести и др.', где гласный *a* исторически возводится к *э*. Ср., общеадыг. *нэчэн* 'привести туда', *ѳэгъэчэн* 'заставить отвести'.

Следует указать на несостоятельность акцентологического объяснения перехода *э* > *a* в предпоследнем слоге. В специальной литературе существует мнение, согласно которому переход *э* > *a* в предпоследнем слоге обусловлен акцентологическими особенностями слова. Предлагая акцентологическую трактовку перехода *э* > *a* в предпоследнем слоге кабардинского языка, Н.Ф. Яковлев писал: "Краткий гласный *э* в предпоследнем слоге основы в том случае, если последний ее слог оканчивается на *э*, переходит в *a* долгое под ударением (т.е. предконечное *э* основы под ударением обычно переходит в *a*). Этому правилу подчинены и некоторые префиксы спряжения, например, префикс побудительного залога *гъэ-* | *гъа-*, префикс 3-го лица непереходных глаголов *мэ-* | *ма-* и др."²⁶ Точку зрения Н.Ф. Яковлева принимают другие исследователи. Так, в связи с разбираемым явлением Б.Х. Балкаров отмечает: "Краткий гласный *э* в середине слова количественно увеличивается при слиянии двух корней, если на него падает ударение: *напэ* из *нэ+пэ*, *хъачІэ* из *хъэ+чІэ*, *нашІэ* из *нэ+шІэ*"²⁷.

Акцентологическое объяснение перехода *э* > *a* в предпоследнем слоге (чаще всего на стыке морфем) в словах с

²⁶ Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948, с. 342.

²⁷ Балкаров Б.Х. Указ. соч., с. 212.

конечным э нельзя признать убедительным. Дело в том, что переход э > а в предпоследнем слоге слов типа каб. *шIалэ* 'юноша', *хуабэ* 'теплый', *шIабэ* 'мягкий', *напэ* 'лицо', *хIвачIэ* 'борода', *нашIэ* 'усы', *хIаIакIуэ* 'приходи сюда', *накIуэ* 'приходи туда' хронологически предшествует передвижению ударения с конечного слога на предпоследний. Переход э > а в предпоследнем слоге относится к эпохе общеадыгского языкового единства, когда ударным был не предпоследний, как это наблюдается в отношении кабардинского языка, а конечный слог. Об этом свидетельствует материал адыгейского языка, сохранившего акцентологические особенности общеадыгского языка. Такие слова, как адыг. *лIаккхуэ* 'нога', *начIэ* 'усы', *гьуанэ* 'дыра' и др. отражают общеадыгскую акцентуационную модель слов рассматриваемого типа. В адыгейском (как и в общеадыгском) ударение в этих словах падает на конечный слог, хотя в предпоследнем слоге (на стыке морфем) имеет место переход э > а. Иными словами, переход э > а не зависит от места ударения: конечный слог остается ударным, тогда как этимологическое э в предпоследнем слоге дает а. Что касается оттяжки ударения - передвижения его с конечного слога на предпоследний в кабардинском языке, то это явление - новообразование. Заметим, что рецессивное передвижение ударения отмечается также в адыгейском языке, хотя в нем прочно удерживаются еще явления общеадыгского ударения. Ср., например, передвижение ударения с конечного открытого слога на предпоследний в адыгейском языке: адыг. *джанэ* < общеадыг. *ганэ* 'рубашка', адыг. *матэ* < общеадыг. *матэ* 'корзина', адыг. *уанэ* < общеадыг. *уанэ* 'седло', адыг. *санIэ* < общеадыг. *санIэ* 'ножны', адыг. *мацIэ* < общеадыг. *мацIэ* 'саранча'²⁸.

Таким образом, объяснение перехода э > а на стыке морфем в общеадыгском языке как следствия переноса ударения с конца слова на предпоследний слог не согласуется с данными сравнительной реконструкции. Развитие гласного а на стыке морфем объясняется слоговым строением общеадыгского слова. Переход э > а в словах типа *напэ* 'лицо', *начIэ* 'усы', *хIачэ* 'приведи сюда', *начэ* 'приведи туда' вписывается в общеадыгскую систему ударения. В данном случае имеет место выравнивание слогового строения сложных слов и аффиксальных образований по продуктивной модели общеадыгских непроизводных слов типа *махуэ* 'день', *ганэ* 'рубашка', *тамэ* 'плечо', *пшIашэ* 'девушка'. Процесс передвижения ударения с конца слова на предпоследний слог, начавшийся после общеадыгского перехода э > а, закончен в кабардинском языке, а в адыгейском языке действует еще на данном этапе его развития.

В общеадыгском языке переход э > а на стыке морфем предпоследнего слога сопровождается переходом и > э в абсолютном исходе. Ср., например, общеадыг. *шIуашIэ* 'шорник' (< *шIуэ* 'кожа' + *шIы-* 'делать'), общеадыг. *цыхэ* 'человек с редкими зубами' (< *цэ* 'зуб' + *хIы* 'сеть'),

²⁸ Рогава Г.В., Кзрасева З.И. Указ. соч., с. 25.

общеадыг. *бжъахъуэ* 'рог' (< *бжъэ* 'рог' + *хъуи* 'отросток, ручка'), общеадыг. *бжъахъуэ* 'пчеловод' (< *бжъэ* 'пчела' + *хъуи* - 'пасти').

В общеадыгском языке отмечается переход *и* > *э* в абсолютном исходе после лабиализованного шипяще-свистящего спиранта *ш**и**у*. Ср., например, общеадыг. *бжъиш**и**уэ* 'статный' (< *бжъи* 'возраст, поколение' (?)²⁹ + *ш**и**и* 'хороший'), общеадыг. *лиш**и**уэ* 'мясистый, жирный' (< *ли* 'мясо' + *ш**и**и* 'хороший'), общеадыг. *гумиш**и**уэ* 'радость' (< *гум* 'сердце' + *ш**и**и* 'хороший'). Каб. *бжъиш**и**уэ* 'статный', *лиш**и**уэ* 'мясистый, жирный', *гумиш**и**уэ* 'радость' показывают, что переход *и* > *э* в абсолютном исходе предшествовал переходу общеадыгского лабиализованного шипяще-свистящего спиранта *ш**и**у* в губно-зубной абруптивный спирант *ш**и* в кабардинском языке. Заметим, что переход конечного *и* > *э* после согласного морфем в предпоследнем слоге. Ср., общеадыг. *жаш**и**уэ* 'красноречивый' (< *жэ* 'рот' + *ш**и**и* 'хороший').

К эпохе общеадыгского языкового единства относится переход *и* > *э* в конечном слоге производных глагольных основ. При этом переход *и* > *э* не зависит от открытости или закрытости конечного слога. Ср., например, префиксальные формы типа общеадыг. *хэ́хъуэ́н* 'вырасти, прибавиться' (< *хэ́* - преверб + *хъуи* - 'стать, становиться'), *хэ́хъуэ́!* 'расти!, прибавляйся!', общеадыг. *хэ́гъуэ́н* 'высохнуть' (*хэ́* - преверб + *гъуи* - 'сохнуть'), общеадыг. *хэ́ш**и**и́н* 'делать внутри чего-то' (< *хэ́* - преверб *ш**и**и* - 'делать'), общеадыг. *ч**и́эриш**и́н* 'прицепить' (< *ч**и́эри* - преверб + *ш**и**и* - 'делать'), общеадыг. *ч**и́эриш**и́н*! 'прицепи!'.³⁰

К общеадыгскому языку возводятся также продуктивные аблаутные чередования в корневых и аффиксальных морфемах глагола типа *э:и*, *э:нуль*: *к**и́уэ́н* 'идти' — *к**и́уи́н* 'пройти' (расстояние)', *сик**и́уагъэ́* 'я ходил' — *ск**и́уи́гъэ́* 'я прошел (расстояние)', *и́йчэ́н* 'вводить' — *и́йчи́н* 'выводить' (об этом см. с. 232-237).

АДЫГСКИЕ ИННОВАЦИИ

С точки зрения относительной хронологии под адыгскими инновациями понимаются явления, восходящие к периоду индивидуального развития адыгских (адыгейского и кабардинского) языков, т.е. фонетические явления, образованные после распада общеадыгского языка. По своему ареалу адыгские инновации различны. Выделяются новообразования, характерные для одного языка или отдельных его диалектов и говоров. Наряду с ними отмечаются диалектные изогlossы, дающие более разнообразную и пеструю картину распространения диалектных явлений.

1. В эпоху индивидуального развития адыгейского языка общеадыгское *э* изменилось в *а* после ларингального *хъ*. Ср., например, *тхъари**и́у* 'клятва', *тхъарккхъуэ́* 'голубь',

²⁹ Ср., каб. *л**и́зуйхъи́р бжъи́блч**и́э мауэ́* 'Наследственность дает о себе знать через семь поколений'.

Характерно вместе с тем, что процесс перехода $\varepsilon > a$ после ларингального $x\bar{b}$ в ряде случаев более интенсивен в бжедугском диалекте, о чем свидетельствуют следующие соответствия: бжедуг. *тхъачэт* < темирг. *тхъэчэт* 'индейка', бжедуг. *тхъамафэ* < темирг. *тхъэмафэ* 'неделя', бжедуг. *хъацІэпІацІ* < темирг. *хъэцІэпІацІ* 'насекомое'. Встречается, однако, обратное явление: темирг. *хъабзи* < бжедуг. *хъэбзи* 'сука', темирг. *хъахъу* < бжедуг. *хъэхъу* 'псарь'.

Вопрос о фонологизации a после ларингальных l , $x\bar{b}$ остается сложным, поскольку процесс перехода $\varepsilon > a$ в этой позиции еще протекает в адыгейских диалектах, причем его действие характеризуется разной степенью интенсивности не только в разных диалектах, но и в пределах одного и того же диалекта. Отсюда оппозиция гласных $\varepsilon : a$ после ларингальных l , $x\bar{b}$ не всегда несет фонологическую функцию в адыгейских диалектах, оставаясь на уровне фонетических вариантов.

Соответствие адыгейского a кабардинскому ε после ларингального $x\bar{b}$ представлено материалом старых заимствованных слов. Ср., например, адыг. *хъанс*, каб. *хъэнс* 'тюрьма', адыг. *хъатир* 'дар', каб. *хъэтир* 'услуга, одолжение', адыг. *хъархъ*, каб. *хъэрхъ* 'буква'. Если в исконных словах рассматриваемое звукосоответствие между адыгскими языками обусловлено переходом $\varepsilon > a$ после ларингального $x\bar{b}$ в адыгейском языке, то этого нельзя сказать в отношении всех старых заимствований. Здесь адыгейский язык оказался более консервативным по сравнению с кабардинским языком. Следует полагать, что во многих старых заимствованиях развитие звукового процесса после ларингального $x\bar{b}$ шло в обратном направлении: в кабардинском языке ε после $x\bar{b}$ является рефлексом a . Ср., например, адыг. *хъаджэ*, каб. *хъэжи* 'хаджи (человек, совершивший пономничество в Мекку)', адыг. *хъаккъ*, каб. *хъэккІ* 'истина, должное', адыг. *хъанс*, каб. *хъэнс* 'тюрьма', адыг. *хъамам*, каб. *хъэмэм* 'баня'.

2. В связи с воздействием, оказываемым ларингальными на гласные, обращает на себя внимание переход $\varepsilon > a$ в положении перед $x\bar{b}$, l . Позиционный переход $\varepsilon > a$ перед ларингальными характерен для шапсугского и бжедугского диалектов. Ср., например, шапс. *пхъахъын* < темирг. *пхъихъын* 'отнесешь', шапс. *цахъ* < темирг. *цихъэ* 'надежда', шапс. *фэмийаІэу* < темирг. *фэмийыІэу* 'не имея терпения', шапс. *гуишъаІ* < *гуишъыІэ* 'слово'³¹. Переход $\varepsilon > a$ в положении перед ларингальными $x\bar{b}$, l , судя по материалам, представлен в бжедугском диалекте не единичными случаями. Ср., например, бжедуг. *псахъын* < темирг. *психъан* 'закалить', бжедуг. *куахъ* < темирг. *куихъэ* 'воз', бжедуг. *чІахъ* < темирг. *чІихъэ* 'длинный', бжедуг. *къэкІуахъын* < темирг. *къэкІуихъан* 'ходить', бжедуг. *чІахъ-лахъ* < темирг. *чІихъэ-лихъ* 'затянувшийся', бжедуг. *хэлІахъын* <

³¹ Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка, с. 44.

темирг. *хэлIмхьан* 'умереть в чем-либо', бжедуг. *гуишь-аI* < темирг. *гуишьиIэ* 'слово', бжедуг. *гуаIэн* < темирг. *гуиIан* 'зрориться'³².

Переход *и* > *а* перед ларингальным *хь*, как диалектная инновация, наблюдается также в кубано-зеленчукских говорах: *чиIахь* < *чиIмхь* 'длинный'³³.

В бжедугском диалекте в середине слова *а* является также новообразованием в таких словах, как *псауи* 'целый', *гьуиIнапкь* 'краница, предел', *псинэчIачь* 'родник'. Ср. темирг. *псэуи* 'целый', *гьуиIнэпкь* 'граница, предел', *псинэчIэчь* 'родник', где сохраняется этимологический гласный *э*.

3. К области инноваций в бжедугском диалекте относится также переход *э* > *а* после локальных и направительных превербов. Ср., например, бжедуг. *ккьакIуэ* < темирг. *ккьэкIуэ* 'он идет сюда', бжедуг. *ккьэплэ* < темирг. *ккьэплэ* 'он смотрит сюда', бжедуг. *наплэ* < темирг. *нэплэ* 'он идет', бжедуг. *факIуэ* < темирг. *фэкIуэ* 'он идет (к, для)', бжедуг. *гуахьэ* < темирг. *гуэхьэ* 'подходит сбоку', бжедуг. *хаплэ* < темирг. *хэплэ* 'он всматривается', бжедуг. *ккьисажэ* < темирг. *ккьисэжэ* 'он меня ждет'³⁴. Переход *э* > *а* после превербов и каузативного аффикса *гь-* имеет место и в хакучинском говоре адыгейского языка³⁵. Ср., хакуч. *ккьахь* < темирг. *ккьэхь* 'принеси', хакуч. *ачIахьэжьышт* < *ачIэхьэжьышт* 'он их догонит', хакуч. *агьагьуи* < темирг. *агьэгьуи* 'высушив', *шэ-гьанIсIагь* 'кислое молоко'.

4. Переход *э* > *а* перед сонантом *й* имеет широкое распространение в адыгейском языке. Ср., например, адыг. *дайэ* < **дэйэ* 'орешник', *уэстигьай* < **уэстигьэйэ* 'пихта', *зэрджай* < **зэрджэйэ* 'калина'. В кабардинском языке общеадыгский гласный *э* сохраняется перед сонантом *й*: каб. *дэй* < **дэйэ* 'орешник' (ср. *дэ* 'орех'), *уэздэгьэй* < **уэздигьэйэ* 'сосна' (ср. *уэздигьэ* 'лампа'), *зэриджэй* < **зэриджэйэ* 'калина' (ср. *зэриджэ* 'ягоды калины'), *миIэрисэй* < **миIэрисэйэ* 'яблоня' (ср. *миIэрисэ* 'яблоко'). Ср., также адыг. *шIмчIай*, каб. *шIмчIэй* 'невоспитанный' (ср. *шIмчIэ* 'поведение, манера'), адыг. *шьиIэчIай*, каб. *псэуиIэй* 'трудный образ жизни' (ср. адыг. *шьиIаIэ*, каб. *псэуиIэ* 'жизнь'), адыг. *кIуэгьуай*, каб. *кIуэгьуэй* 'труднопроходимый', адыг. *гумбжьгьайэ*, черк. *гумбжьагьэй* 'очень сердитый', адыг. *бзэджай*, каб. *бзэджэй* 'чрезмерно хитрый, вредный' (ср. *бзаджэ* 'хитрый, злой').

Переходом *э* > *а* перед сонантом *й* следует объяснить

³² Тхаркахо Ю.А. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка. - Учен. зап. АНИИ, т. II, 1963, с. 103.

³³ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1978, с. 60.

³⁴ Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. - Учен. зап. АГПИ, вып. 3, 1963, с. 112.

³⁵ Керашева З.И. Указ. соч., с. 43.

также соответствие кабардинского *э* адыгейскому *а* в группе слов типа каб. *КъІэбэрдэй*, адыг. *Ккъэбэртэй* 'Кабарда' (ср. *КъІэбардэ* собств. имя), каб. *ТэхутэмикъІуэй*, адыг. *Тэхутэмиккъуэй* 'Тахтамукай'.

Однако не во всех случаях указанная закономерность (переход *э > а* перед *й*) проявляется столь последовательно. Так, в ряде случаев перед сонантом *й* этимологический *э* изменяется в *а* не только в адыгейском языке, но и в кабардинском. Ср., например, каб. *майэ* < **мэйэ* 'питательный, очень жирный' (ср. *мэ* 'запах'), *файэ* < **фэйэ* 'бледный, неяркий'), адыг., каб. *уайэ* < **уэйэ* 'буря, непогода' (ср. адыг. *уэ* 'воздушное пространство', каб. *уэ* 'град'). Показательно, что в этих словах в адыгских языках удерживается гласный *э* в абсолютном исходе, что сближает их со структурными моделями типа адыг., каб. *напэ* 'лицо' (из *нэ* 'глаз' + *пэ* 'нос'), где этимологический *э* изменяется в *а* в межконсонантном положении.

5. Переход *и > а* перед сонантом *й*. В адыгейском языке перед *й* гласный *а* развивается также из этимологического *и* в производных словах типа *чыгай* < **чыгиги+йэ* 'дуб' (ср. *чыгиги* 'дерево'), *кхуижбай* 'грушевое дерево' (ср. *кхуижги* 'груша'). В кабардинском языке этимологический гласный *и* в абсолютном исходе производящего слова изменяется в гласный *э*. Ср. *жигэй* 'дуб', *кхуижгэй* 'груша (дерево)'. В производных словах рассматриваемого типа эта закономерность более регулярно действует в кабардинском языке, где этимологический гласный *и* перед конечным сонантом *й* переходит в *э*, а гласный *э* в абсолютном исходе последовательно редуцируется до нуля. Ср., например, каб. *мэй* < адыг. *мийэ* 'дикая яблоня'. Адыгейская форма *мийэ* 'дикая яблоня' иллюстрирует общеадыгское состояние огласовки производных слов разбираемого типа, не говоря уже о том, что в форме *мийэ* сохраняется и этимологический гласный *э* (ср. адыг. *ми* 'кислица', каб. *ми* 'дикое яблоко').

6. Соответствие адыгейского *а* кабардинскому *э* перед конечным сонантом *й* прослеживается на материале заимствованной лексики: адыг. *дунай*, каб. *дукэй* 'мир, вселенная' (ср. араб. *дунуа* 'мир, вселенная'), адыг. *домбай*, каб. *домбэй* 'зубр' (ср. осет. *домбай*, карач.-балк. *доммай* 'зубр'), адыг. *хъуирай*, каб. *хъуирэй* 'круглый', адыг. *бай*, каб. *бэй* 'богатый, богач' (ср. тур. *baу* 'господин'), адыг. *кхуилай* 'способ, зажиточный', каб. *кхуилэй* 'зажиточный, богатый' (ср. тур. *kolay* 'легкий, средство, способ'), адыг. *шбай*, каб. *шэй* 'чай', адыг. *сарай* 'плетень', каб. *сэрэй* 'высокая каменная ограда'. Как видно, в адыгейском языке внутренняя тенденция к переходу *э > а* перед *й* способствовала закреплению *а* и в заимствованных словах; в кабардинском языке закономерность развития исконого *э* перед *й* также распространяется на материал иноязычного происхождения.

В кабардинском языке свободным фонетическим вариантом гласного *э* перед сонантом *й* выступает *е*, т.е. звуки *э*, *е* перед *й* являются реализациями одной фонемы. Ср., *мэй* -

мей 'дикое яблоко', хигэй - хигей 'дуб', КъІэбэрдэй - КъІэбэрдей 'Кабарда', бзэдхэй - бзэджей 'чрезмерно хитрый, вредный', дунэй - дуней 'мир, вселенная' (см. с. 65).

7. Как отмечалось, старое (западнокавказское) *a* в конечной позиции не сохранилось в адыгских языках. Утрата старого (западнокавказского) *a* в абсолютном исходе относится к ранней эпохе развития общеадыгского языка. В более поздний период развития общеадыгского языка и к моменту его распада на отдельные диалекты, гласный *a* реализуется в начальной и медиальной позициях. Появление вторичного гласного *a* в конечной позиции должно быть отнесено к позднему периоду самостоятельного существования адыгских языков.

Встречаемость гласного *a* в конечной позиции в современных адыгских языках обусловлена факторами морфологического порядка. В кабардинском языке конечное *a* реализуется в причастной форме прошедшего времени. Ср., например, та 'отданный', тха 'написанный', бжа 'считанный', ва 'вспаханный'. Нетрудно заметить, что конечное *a* в подобных образованиях восходит к общеадыгскому суффиксу прошедшего времени -гъэ. Последний сохраняется не только в адыгейском языке, но и в кабардинских субстантивных причастных образованиях. Ср. тигъэ 'подарок', бжигъэ 'число', вагъэ 'пашня', тхигъэ 'письменность'³⁶. К старому перфектному суффиксу восходит конечное *a* в вопросительных формах типа каб. сикІуа?, 'я пошел?', ыкІуа 'ты пошел?', кІуа? 'он пошел?'.

Что касается конечного *a* в вопросительных формах типа адыг. сикІуэна? 'я пойду', хэта? 'кто?', сйда? 'что?', каб. ара? 'он?', мира 'этот?', то оно представляет собой вторичное и локальное явление, возникшее после распада общеадыгского языка. Обращает на себя внимание вариативный характер функционирования конечного *a* в формах типа адыг. хэта? 'кто?', сйда? 'что?', где гласный *a* выступает в качестве свободного альтернанта нуля: хэт? 'кто?', сид? 'что?'.

ПРОБЛЕМА ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ

В лингвистической литературе довольно прочно утвердилась точка зрения, согласно которой долгие гласные *e*, *и*, *о*, *у* считаются производными от дифтонгов, хотя гетерогенность происхождения долгих гласных очевидна. Ср., например, каб. *e* < эй: тесэн < тэйсэн 'сеять', *e* < э: хейин < хэйин 'спать', *и* < ий: хидзашъ < хийдзашъ 'он выбросил', *и* < и: чІийин < чІийин 'кричать'. До сих пор остается также нерешенным вопрос о фонологическом статусе дифтонгов и их соотношении с долгими гласными. Вопрос о том, являются ли дифтонги бифонемными, а долгие гласные - самостоятельными фонемами или вариантами фонем также остается открытым, хотя нередко предлагается пря-

³⁶ Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Нальчик, 1964, с. 120.

молинейное решение этого вопроса или вообще снимаются подобные "острые" вопросы при характеристике звукового строя адыгских языков. Чаще всего долгие гласные рассматриваются отдельными фонемами, а дифтонги просто звукосочетаниями. Между тем нет достаточных оснований для отнесения гласных *е, и* к отдельным фонемам в приводившихся формах *тесэн* 'сеять', *хейин* 'спать', *хидзашь* 'он выбросил', *чиийин* 'кричать'. Точно так же следует сказать, что два дифтонга в форме *йирийташь* 'он отдал' имеют разный фонологический статус: начальный дифтонг *йи* является бифонемным сочетанием, дифтонг же *ий* в медиальной позиции нельзя считать бифонемным сочетанием, поскольку он выступает свободным вариантом долгого гласного *и*: *йирийташь* - *йирийташь* 'он отдал'.

Предложенное Н.Ф. Яковлевым и Д.А. Ашхамафом деление гласных на краткие *э, и* и долгие *а, е, и, о, у* сохраняется в описательных грамматиках и специальных исследованиях³⁷. В соответствии с этой классификацией долгие гласные *е, и, о, у* рассматриваются как отдельные фонемы. Классификацию гласных фонем на краткие и долгие отвергает Г.В. Рогава и З.И. Керашева. В этой связи они пишут: "В адыгейском языке не имеется долгих и кратких гласных... Что касается гласного *а*, то этот гласный, несомненно, произносится более протяженно, чем гласный *э*, но между этими гласными имеется не только количественная разница (долгота), но и качественная: *а* - открытый гласный, а *э* - закрытый"³⁸.

Вопрос о том, является ли та или иная гласная фонема краткой или долгой, относится к проблеме чисто физической (фонетической) стороны звуков, т.е. не имеет прямого отношения к фонологической характеристике вокализма. Более существенным представляется вопрос о фонемном статусе кратких и долгих гласных. Собственно говоря, вокруг этого вопроса идут основные споры о вокализме адыгских языков. С этим вопросом неразрывно связана и проблема дифтонгов в адыгских языках.

Семичленная система вокализма основывается на точке зрения, согласно которой сегменты, орфографически обозначаемые графемами *е, и, о, у*, являются отдельными фонемами. Между тем фонологический анализ показывает, что разбираемые звуковые сегменты неоднородны по своему содержанию. В исконном лексическом материале так называемые долгие гласные *е, и, о, у* имеют только фонетический статус. Для отнесения их к самостоятельным фонемам нет достаточных оснований.

Поведение гласных *е, и, о, у* в разных позициях различно. В начальной позиции рассматриваемые звуковые сегменты являются бифонемными сочетаниями. Это доказывается тем, что дистинктивную функцию несет не сегмент *е* в целом, а его член, противопоставленный члену другого сег-

³⁷ Грамматика кабардино-черкесского языка. М., 1970, с. 28; Балкаров В.Х. Указ. соч., с. 96-97.

³⁸ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 24.

мента. Для выявления дистинктивных вокалических элементов сопоставим следующие пары в адыгейском языке:

<i>йэс</i> (орф. <i>ес</i>)	'мужественный'	<i>уэхи</i> (орф. <i>охи</i>)	'низменность'
<i>йис</i> (орф. <i>ис</i>)	'он сидит'	<i>уихи</i> (орф. <i>уи</i>)	'кончай'

После элиминирования фонетически общих корневых элементов каждой пары остаются:

<i>йэ</i> (орф. <i>е</i>)	<i>уэ</i> (орф. <i>о</i>)
<i>йи</i> (орф. <i>и</i>)	<i>уи</i> (орф. <i>у</i>)

Оставшиеся единицы включают общие элементы. После элиминирования последних остаются:

э
и

Эти вокалические элементы несут дистинктивную функцию. Члены минимальных пар *ес* 'мужественный': *ис* 'он сидит внутри', *охи* 'низменность': *уи* 'кончай' различаются противопоставлением не дифтонгов или долгих гласных, а простых вокалических фонем *э:и*. Иными словами, в начальной позиции сегменты, обозначаемые графемами *е, и, о, у*, представляют собой бифонемные сочетания типа "сонант + гласная фонема": *йэ, йи, уэ, уи*.

В абсолютном исходе сегменты *е, и, о, у* также нельзя считать отдельными фонемами. В кабардинском языке гласные *и, о, у* в конечной позиции находятся в отношении свободного варьирования с дифтонгами *ий, эй, иу*, что теоретически делает несостоятельным широко распространенное мнение о том, что кабардинские конечные *и, о, у* обладают статусом самостоятельной фонемы. Фонетически долгие гласные *и, о, у* в словах *тхилъи* 'и книга', *бо* 'хлев', *бу* 'рев, мычание' чередуются с дифтонгами *ий, эй, иу*: *тхилъий* 'и книга', *бэй* 'хлев', *биу* 'рев, мычание'. Иными словами, оппозиции типа *бо* 'хлев': *бу* 'рев, мычание' являются вариантными, поскольку имеются оппозиции типа *бэй* 'хлев': *биу* 'рев, мычание', где различие слов базируется на противопоставлении гласных *э:и*. Однако и последние в данном случае нельзя отнести к самостоятельным фонемам в силу того, что они в сочетании с сонантом *у* находятся в альтернативе с долгими гласными *о, у*. С фонологической точки зрения кабардинские конечные *и, о, у* на современном этапе их развития выступают лишь вариантами дифтонгических образований *ий, эй, иу*. Вариантные формы *тхилъий* | *тхилъи* 'и книги', *чэй* | *чо* 'плетень', *квIарий* | *квIару* 'сила' оказываются чисто фонетическими, т.е. не различаются на фонологическом уровне. Поэтому объяснение кабардинских конечных *ий, эй, иу* (орф. *и, о, у*) как бифонемных сочетаний наталкивается на трудности, в то время как бифонемность кабардинских начальных *йи, уэ, уи* (орф. *и, о, у*) совершенно очевидна. Фонологическая иррелевантность противопоставлений конечных дифтонгов *ий, эй, иу* и долгих *и, о, у* - кабардинское новообразование, обусловлен-

ное тенденцией к стяжению дифтонгических образований. Этот фонетический процесс, действовавший еще в эпоху общеадыгского языкового единства, более интенсивно протекает в кабардинском языке. Адыгейский язык в этом отношении в значительной степени продолжает состояние общеадыгского языкового единства. Конечные дифтонги *эу*, *иу* в адыгейском языке выступают как бифонемные звуко сочетания. Ср., например, *шэуэу* 'мед', *гэуэу* 'глашатай', *чэу* 'плетень', *шиу* 'всадник', *хэитиу* 'сеть'. Отсюда оппозиция *э:и* в минимальных парах типа *бэу* 'хлев': *биу* 'рев, мычание' в адыгейском языке, в противоположность кабардинскому, является фонологически релевантной.

Что касается конечного *йэ* (орф. *е*), то его дифтонгический характер не вызывает сомнений, хотя бифонемность этого звуко сочетания в кабардинском языке остается труднодоказуемой. Дело в том, что в кабардинском языке, в отличие от адыгейского языка, конечный дифтонг *йэ* несет минимальную функциональную нагрузку. В этом языке *йэ* встречается в единичных словах типа *майэ* 'питательный, жирный', *йайэ* 'буря', *файэ* 'бледный, неяркий', причем последние не образуют минимальных пар, необходимых для рассмотрения дифтонга как бифонемного сочетания. В отношении же конечного дифтонга *ий* следует сказать, что он обнаруживает тенденцию к монофтонгизации не только в кабардинском, но и в адыгейском языке, хотя степень ее интенсивности различна в этих языках. Ср., например, адыг., каб. *тихлбий*, *тихлби* 'и книга', адыг. *ичIий*, *ичIи*, каб. *йикIий*, *йичIи* 'и' (союз).

В межконсонантном положении гласные *е*, *и*, *о*, *у* могут находиться в альтернации с дифтонгами *эй*, *ий*, *эу*, *иу*. Ср., адыг. *сехъи*, каб. *сехъ* | адыг. *сэйхъи*, каб. *сэйхъ* 'он меня несет', адыг. *сихъигъ*, каб. *сихъашъ* | адыг. *сий-хъигъ*, каб. *сийхъашъ* 'он меня нес', каб. *сохъ* | *сэухъ* 'я несу', *схъинушъ* | *схъиниушъ* 'я понесу'. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что процесс монофтонгизации гораздо интенсивнее протекает в межконсонантном положении, хотя окончательную фонологизацию дифтонгических образований и в этой позиции нельзя считать завершенной. Субституция *е*, *и*, *о*, *у* дифтонгами *эй*, *ий*, *эу*, *иу* означает, что они относятся друг к другу как факультативные варианты. Иными словами, в рассматриваемой позиции дифтонг и долгий гласный являются вариантами одного инварианта. Во многих случаях современный адыгейский язык сохраняет исходные дифтонгические образования, оказавшиеся втянутыми в процесс стяжения в кабардинском языке. Адыгейские слова типа *гэуэу* 'глашатай', *чэу* 'плетень' удерживают конечные дифтонги, в то время как последние в кабардинском языке находятся в альтернации с долгими гласными.

Монофтонгизация бифонемных дифтонгов в современных адыгских языках находится в действии, хотя степень ее интенсивности различна применительно не только к разным языковым ареалам, но и к разным дифтонгам. Незавершенностью процесса монофтонгизации дифтонгов объясняется

варьирование последних с долгими гласными. Заметим, что тенденция к монофтонгизации, заложенная в фонетической системе адыгских языков, значительно усиливается внешними факторами языкового развития. Процесс монофтонгизации стимулируется действием языкового контактирования, т.е. огромным пластом заимствованной лексики, включающей иноязычные долгие гласные *e, u, o, y*. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что бифонемные дифтонги в адыгских языках в наименьшей степени проявляли тенденцию к монофтонгизации до наступления периода усиленного языкового контактирования, в результате которого в адыгские языки проникло огромное количество иноязычных слов, содержащих долгие гласные *e, u, o, y*. Внешними факторами в известной степени можно объяснить также варьирование исконных дифтонгов, разную степень их стяжения в речи различных возрастных и социальных групп говорящих. Соотношение вариантных единиц – дифтонга и долгого гласного как вариантов одного инварианта – во многом определяет также степень развития билингвизма у носителей исследуемых языков. Традиционная трехчленная система вокализма характерна для языка представителей старого поколения, менее подверженного изменениям, обусловленным внешними факторами языкового развития. Язык же билингвов, как показывает экспериментальный анализ материала, с рассматриваемой точки зрения отличается тем, что в нем более интенсивно протекает процесс стяжения исконных адыгских дифтонгов. С фонологической точки зрения соотношения между дифтонгами и долгими гласными как факультативными вариантами во многом аналогично соотношению между аффрикатами *дж, ч, ɕ* и палатализованными заднеязычными смычными *ɟʷ, ɕʷ, ɕʷʲ*, поскольку оппозиции *дж:ɟʷ, ч:ɕʷ, ɕI:ɕʷʲ* также являются чисто фонетическими. Используются ли подобные оппозиции для стилистических или иных целей – безразлично для фонологии.

Тенденция к стяжению дифтонгов ведет к возникновению гласных *e, u, o, y*. Последние на данном этапе развития адыгских языков выступают на уровне вариантов. Однако сам факт появления гласных *e, u, o, y*, находящихся в альтернативе с дифтонгическими сочетаниями, свидетельствует о явных признаках разрушения традиционного трехчленного вокализма в адыгских языках.

Гласные *e, u, o, y* не всегда являются результатом монофтонгизации дифтонгов. В кабардинском языке гласные *e, u* в положении перед сонантом *й* чередуются с простыми гласными *э, и*. Ср., например, *лей* | *лэй* 'лишний', *нэш-хъей* | *нэшхъэй* 'грустный', *бжей* | *бжэй* 'чинара', *жейин* | *жэйин* 'спать', *бий* | *биэй* 'враг', *ɕийин* | *ɕийэйин* 'кричать', *дийин* | *дийэйин* 'остыть'. То же самое следует сказать о гласных *o, y*, находящихся в свободной альтернативе с простыми гласными *э, и* в положении перед сонантом *у*. Ср., например, *гъуоуитI* | *гъуэуэйитI* 'два глашатая', *пкъуоуифI* | *пкъуэуэйифI* 'хороший столб', *бууин* | *буэйин* 'мычать', *шууифI* | *шуйэйифI* 'хороший всадник', *бзууижо* | *бзуйэйжо* 'старый воробей'.

Гласные *е, и, о, у*, находящиеся в свободной альтернативе с простыми гласными *э, ы* в положении перед сонантами *й, ь*, являются вторичными: они получены в результате изменения простых гласных *э, ы* перед сонантами *и, у*. Однако процесс фонологизации долгих гласных *е, и, о, у*, восходящих к кратким *э, ы* (как и процесс фонологизации долгих гласных *е, и, о, у*, восходящих к дифтонгам), не завершен в кабардинском языке. Что касается адыгейского языка, то гласные *э, ы* в этом языке оказались более устойчивыми, сохранив свое качество в положении перед сонантами. Ср., адыг. *лийэ* 'лишний', *нэштэый* 'грустный', *чыйээн* 'спать', *пый* 'враг', *чийын* 'кричать', *дийын* 'застыть', *гуэуэ* 'глашатай', *пккэуэ* 'столб', *шыу* 'всадник'.

Для хронологии стяжения бифонемных сочетаний в кабардинском языке определенный интерес представляют текстовые записи, относящиеся к дореволюционному периоду. Так, у Ш.Б. Ногмова вместо долгих *е, и* встречаются дифтонги *эй, ый*. Ср. "*КъГуишъхъэзэ миггуэгуэ сипхуэзэ*", - *жэйГэрий къГашэчГшъ*³⁹ 'Тебя, злополучника, встретил я', - сказал он и вышел'. Как видно, в словоформе *жэйГэрий* сохраняются дифтонги в разных позициях: *эй* в медиальной, *ый* в конечной. Ср., также: *Фаете зыкГышъичГэхэгуэ къГэйзат*⁴⁰ 'Оборванцем став (сделавшись), он воюет'. Однако в передаче дифтонгов и долгих гласных в материалах Ш.Б. Ногмова нет последовательности. Нередко в одной и той же позиции у Ш.Б. Ногмова дифтонг чередуется с долгим гласным, что, по-видимому, объясняется сосуществованием в его языке (диалекте) обеих вариантных форм. Ср., например, *жэйГэрий, жиГэри* 'он сказал и', где в конечной позиции дифтонг *ый* чередуется с гласным *и*. Подобные явления отмечаются также у более поздних авторов.

В связи с процессом стяжения бифонемных сочетаний показательны некоторые факты, касающиеся способов передачи дифтонгов в первый период развития письменности. Так, в этот период вместо гласного *е*, восходящего к дифтонгу, в кабардинском языке последовательно отмечается дифтонг из сонанта *й* и краткого гласного *э*, обозначаемый графемами *je, ej* в зависимости от позиции. Ср. *jetbn* 'отдать', *djetbn* 'отдать вместе с ним', *jetx* 'он пишет', *fjetx* 'он вас записывает', *faje* 'бледный, неяркий'. В этот период дифтонгом заменяется даже гласный *е* в заимствованных словах. Ср. *fejvral* 'февраль', *k'ezejt* 'газета', *tabejl* 'табель'. Этот же дифтонг в адыгейском языке обозначается графемами *ye*. Ср. *yetbn* 'отдать', *ryet* 'он отдает'. То же самое следует сказать о кабардинском гласном *э* перед сонантом *й*. В рассматриваемый период вместо долгого гласного *е* в положении перед *й* последовательно отмечается краткий гласный *э*. Последний (как и в сочетании с сонантом) обозначается не графемой *э*, а графемой *е*. Ср. *lej* (лэй) 'лишний', *tej* (мэй) 'дикая яблоня', *zejbn* (жэйин)

³⁹ Ногма Ш.Б. Филологические труды, т. I. Нальчик, 1956, с. 97.

⁴⁰ Там же, с. 96.

'спать', *ʔeʃɒn* 'взлететь', *xeʃɒn* 'шевелиться'. При всей условности орфографических норм, действовавших в 20-е и начале 30-х годов, письменная фиксация дифтонгов и кратких гласных в тех позициях, в которых последние заменены в последующий период их вариантами, т.е. долгими гласными свидетельствует о некоторой эволюции исконных дифтонгических сочетаний и кратких гласных. Монофтонгизации бифонемных сочетаний и развитию долгих гласных из кратких перед сонантами, как отмечалось выше, мог способствовать мощный приток заимствованной лексики, содержащей долгие гласные *e, u, o, y*.

В этом отношении заслуживает внимания кабардинский текст, опубликованный Н.Ф. Яковлевым в 1923 г.⁴¹ Кабардинский текст Н.Ф. Яковлев записал в фонетической и фонематической транскрипциях, что дает возможность выяснить некоторые вопросы соотношения дифтонгов и долгих гласных. Долгие гласные, за исключением *a*, Н.Ф. Яковлев относит к фонетическим явлениям, а краткие гласные *э, и* и долгое *a* — к фонологическим явлениям. Вместо долгих *e, u, o, y* Н.Ф. Яковлев отмечает бифонемные *йэ(эй), ий(ий), эу(үэ), иу*. Ср. *йэ(эу), иу(иу)*. Ср. *уэшх кээйширэйш* 'дождь часто идет', *бжыхъэр кыишыйхъэч* 'когда наступает осень', *йэгъагъэм йэукиуэл* 'возвращаются в школу и учатся', *шъхъэхумт мэжъурий* 'становятся свободными и', *бзиу* 'птица'⁴². Н.Ф. Яковлев специально оговаривает, что в приведенном тексте "графически выражены только отдельные фонемы". Иными словами, дифтонги *йэ, эй, ий, эу, иу, эу, иу* в указанных словах рассматриваются им в любой позиции как бифонемные сочетания, а не как фонетические варианты долгих гласных. Следует, однако, подчеркнуть, что Н.Ф. Яковлев не очень долго стоял на этой позиции. Как уже отмечалось, в последующих работах Н.Ф. Яковлев на правах самостоятельных фонем выделяет уже долгие гласные *e, u, o, y*, хотя в современных адыгских языках фонологизацию последних нельзя считать завершенной даже в начальной позиции, не говоря уже о начальных *e, u, o, y*, носящих явно бифонемный характер. Отнесение Н.Ф. Яковлевым долгих гласных к самостоятельным фонемам, как и рассмотрение им в начале 20-х годов дифтонгов, лежащих в основе долгих гласных, как бифонемных сочетаний в любой позиции, нельзя признать теоретически обоснованным. Ведь сосуществование дифтонгов и долгих гласных отмечено самим Н.Ф. Яковлевым в той же работе, где он дифтонги трактует как бифонемные сочетания. С одной стороны, бифонемный дифтонг и долгий гласный рассматриваются Н.Ф. Яковлевым как варианты, а с другой стороны — одному из этих вариантов приписывается им статус фонемы. При этом дифтонг и долгий гласный меняются "ролями": вначале дифтонг рассматривается как бифонемная

⁴¹ Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка, с. 102-104.

⁴² Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка, с. 104.

единица, а затем, напротив, долгий гласный, чередующийся с дифтонгом, оказывается самостоятельной фонемой. Иными словами, находящиеся друг к другу в отношении факультативных вариантов фонетические единицы трактуются как фонологические единицы. То же самое Н.Ф. Яковлев делает в отношении адыгейского языка. В этом языке Н.Ф. Яковлев в список самостоятельных фонем включает долгие гласные *е, и, о, у*⁴³, одновременно указывая на то, что во всех случаях "можно произвольно параллельно произносить вместо долгой гласной также сочетание двух кратких гласных, которое лежит в основе появления долгой гласной"⁴⁴. Как видно, хотя наряду с каждым из долгих *е, и, о, у* можно "параллельно произносить вместо долгой гласной также сочетание кратких гласных", долгие гласные отнесены к фонологическому уровню. Здесь имеет место неразличение двух явлений - варианта и инварианта: дифтонг и долгий гласный - варианты одного инварианта. Заметим, что на вариантность дифтонгов и долгих гласных в кабардинском языке справедливо указывал Т.М. Борукаев. Так, в отношении долгих гласных *о, у* Т.М. Борукаев отмечает что "во всех случаях можно произносить вместо них сочетания *эу* и *иу*, из которых они образовались, например, *гъэдэиу* 'кошка', *нэубэ* 'сегодня', *Дзиуэнэ* (собств. имя), *дзудэ* 'мы шьем'"⁴⁵. В то же время Т.М. Борукаев считает, что в словах типа *гъэдэиу* 'кошка', *бзиу* 'воробей' гласный *и* может быть заменен гласным *у*. Как основные варианты Т.М. Борукаев приводит формы типа *гъэдуу* 'кошка', *бзуу* 'воробей', *дуу* 'сапетка'⁴⁶. Последние встречаются в кабардинском языке. Иными словами, к фонетическим вариантам типа *бзу* | *бзиу* 'воробей', *ду* | *диу* 'сапетка' прибавляется третий член: *бзуу*, *дуу*. Это означает, что долгий гласный *у* и звуко сочетание *иу*, *уу* - варианты одного инварианта. Собственно говоря, отношение *бзуу* и *бзиу* 'воробей', аналогично отношению между *мей* и *мэй* 'дикая яблоня', *чиийн* и *чиийн* 'кричать'.

С рассматриваемой точки зрения представляют интерес адыгские материалы, собранные Ж. Дюмезилем в Анатолии. Вместо долгих гласных Ж. Дюмезиль отмечает либо дифтонгические сочетания, либо краткие гласные. Особенно показательны последние публикации Ж. Дюмезиля, характеризующиеся четкостью и последовательностью способов передачи языкового материала. В адыгейских и кабардинских материалах вместо долгих гласных *е, и, о, у*, восходящих к дифтонгам, у Ж. Дюмезиля регулярно даются во всех позициях исходные формы, т.е. звуко сочетания, а вместо долгих *е, и, о, у*, полученных из *э, и* в положении перед сонантами *й, у*, - также исходные краткие гласные *э, и*,

⁴³ Яковлев Н.Ф., Аштамаф Д.А. Краткая грамматика адыгейского (кахского) языка. Краснодар, 1930, с. 122.

⁴⁴ Там же, с. 113.

⁴⁵ Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка, с. 11.

⁴⁶ Там же, с. 6, 11.

обозначаемые в его транскрипции графемами *e* (орф. *э*), *ə* (орф. *и*). Ср. *уеззэрэу* (йэзирй) 'и сам', *адрэуһет* (ад-рэйһет) 'другие', *уэҗэзэр* (йифизир) 'его жена', *бәулаҗәт* (шыйлваггум) 'когда он увидел', *зэрэу* (зирй) 'ничего', *рвew* (нсэу) 'целый', *k'edəw* (күэдй) 'много', *leу* (лей) 'лишний'⁴⁷. То же самое следует сказать о записях материалов бесленеевского диалекта, произведенных К. Пари в Анатолии в 1969 г. Вместо долгих гласных К. Пари во всех позициях отмечает исходные дифтонги или исходные краткие гласные. Ср. *уеп* (йән) 'большой', *теуллап* (тэйлвхван) 'класть на что-то', *лауе* (лвайэ) 'высокий', *уэлес* (ймлэс) 'год', *уэлесэут* (ймлэсийтI) 'два года', *тəралһарəу* (м-рəлвхварй) 'кладут и', *t'əw* (тIй) 'два', *хəреу* (хруи-рэй) 'круглый', *лев'эw* (лвэшй) 'сильно'. Исключение К. Пари делает в отношении долгого *o* в презентных формах. Ср., *q'one* (квIonэ) 'остаётся', *wolaɣ°* (йолəггү) 'ви-дишь'⁴⁸. Однако гласный *o* в презентных формах выделяется чисто фонетически: фонологически *o* интерпретируется как сочетание "простой гласный + сонант (эу)".

Итак, в адыгских языках долгие гласные *e*, *и*, *o*, *у* являются по своему происхождению гетерогенными. Они возникли в результате звуковых процессов, разнонаправленных по своей тенденции. В одних случаях гласные *e*, *и*, *o*, *у* получены путем стяжения дифтонгов, в других, — напротив, путем изменения кратких *э*, *и* в долгие гласные в положении перед сонантами *й*, *й̣*. Гласные *e*, *и*, *o*, *у*, хотя и проявляют сильную тенденцию к фонологизации, остаются вариантами либо дифтонгов, либо кратких гласных *э*, *и*. Как показывает вышеприведенный материал, процессы стяжения, т.е. монофтонгизация дифтонгов в адыгских языках протекает с разной степенью интенсивности. В конечной позиции бифонемные дифтонги проявляют большую устойчивость в адыгейском языке. То же самое следует сказать о гласных в положении перед сонантами, где адыгейские *э*, *и* остаются менее подверженными к изменениям в долгие гласные. Фонетическое изменение кратких гласных в долгие перед сонантами *й̣*, *й̤* — кабардинское новообразование.

ПРОБЛЕМА НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ

Специалисты отмечают наличие носовых гласных в некоторых адыгейских диалектах. Однако вопрос о природе носовых гласных до сих пор остается нерешенным. Достаточно сказать, что ни один из специалистов, затронувших вопрос о носовых гласных в адыгейском языке, не ставил вопроса о том, является ли назализация дифференциальным признаком, т.е. различаются ли в современных диалектах адыгейского языка гласные на фонологическом уровне по признаку назализации — отсутствие назализации. Кроме того, требует

⁴⁷ Dumézil G. Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, III. Paris, 1965.

⁴⁸ Paris C. Le pain mange. Texte besney (tcherkesse oriental). — Bedi Kartlisa. Paris, 1972, p. 64.

внимательного рассмотрения отношение носовых гласных к общеадыгскому вокализму.

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф пишут: "В конце речи краткие гласные *и*, *э* в западноадыгейских наречиях (бжедугском и шапсугском) произносятся с весьма явственным носовым оттенком. Этот носовой оттенок не зависит от качества предшествующих согласных"⁴⁹. Далее авторы отмечают: "Носовой оттенок краткого гласного в этих диалектах, вероятно, слышится и в середине слова, но здесь он, по-видимому, менее ясно выражен, и, во-вторых, свойственен, по-видимому, вообще всем гласным"⁵⁰. Из этого определения видно, что назализация имеет лишь фонетическое значение.

Г.В. Рогава и З.И. Керашева указывают на наличие назализованных гласных в конце слова в бжедугском и шапсугском диалектах⁵¹. Данное явление Г.В. Рогава и З.И. Керашева объясняют "отпадением конечного согласного *н*: *псэ* < *псэн*, 'вода', *пшэ* < *пшэн* 'облако' и т.д."⁵²

Более подробно вопрос о носовых гласных рассмотрел Б.Х. Балкаров. Принимая точку зрения Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа, согласно которой носовые гласные встречаются не только в конце слова, но и в середине, Б.Х. Балкаров приходит к выводу, что назализация характерна для гласных *а*, *э*, *и*, причём "носовой оттенок гласного находится в определенной зависимости от качества предшествующего гласного: он появляется главным образом после ларингальных"⁵³. Из этого определения вытекает, что носовые гласные – позиционное явление, точнее – фонетический (носовой) оттенок, связанный с качеством согласного. Поэтому несколько неожиданным является, когда при характеристике праадыгской фонологической системы носовые гласные выделяются Б.Х. Балкаровым в качестве самостоятельных единиц. Б.Х. Балкаров пишет: "В системе вокализма (праадыгского – М.К.) неносовые *э*, *и* противопоставлялись *э^н*, *и^н* (носовым – М.К.)"⁵⁴.

Как видно, существуют разные мнения о носовых гласных. Одни авторы считают, что носовыми могут быть все гласные в середине и конце слова, другие же, относя к носовым только гласные *э*, *и* в конце слова, трактуют это явление как результат отпадения конечного согласного *н*. Третье мнение исходит из наличия в середине и конце слова трех носовых гласных в современном состоянии и двух носовых гласных в праадыгском вокализме.

Трактовка носовых гласных как следствия отпадения конечного согласного наталкивается на трудности, поскольку

⁴⁹ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л. 1941, с. 409.

⁵⁰ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Там же, с. 410.

⁵¹ Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка, с. 24.

⁵² Там же, с. 24.

⁵³ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 251.

⁵⁴ Балкаров Б.Х. Там же, с. 261.

в адыгейских диалектах носовой оттенок характерен для конца многих слов, исторически не включающих согласный *н*. Ср., например, *пІлІи*^н 'четыре', *бли*^н 'семь', *лѣи*^н 'кровь' и др. Реконструкция конечного *н* в подобных словах, входящих к общему фонду западнокавказских языков, невозможна не только для общеадыгского уровня, но и для более отдаленной эпохи — западнокавказского языкового уровня. Ср., абх., абаз. *пшѣ-*, убых. *пІлІи* 'четыре', абх., абаз. *бжѣ-*, убых. *бли* 'семь', абх., абаз. *шѣа*, убых. *лѣа* 'кровь'.

Вызывает возражения материал, на основании которого производится реконструкция носовых гласных для общеадыгского (праадыгского) уровня. Б.Х. Балкаров считает, что следы назализованных гласных сохранились в адыгейском и кабардинском языках в словах типа адыг. *лѣинтѣ*, каб. *лѣинтхуэ* 'кровеносный сосуд', адыг. *ланчѣэ* (ср. каб. *блашэ*) 'клен', *ланлэ* (ср. каб. *лалэ*) 'слабый', *лѣиндин* (ср. каб. *лѣиндин*) 'заряжать', *зандэ* (ср. каб. *задэ*) 'крутой' и др. Согласный *н* в этих словах рассматривается Б.Х. Балкаровым как след былой назализации гласного *и*. По мнению Б.Х. Балкарова, "по этим следам восстанавливаются в адыгских языках назализованные гласные, подобно тому, как по отпечаткам на геологических пластах наука воссоздает растительный и животный мир древнейших времен"⁵⁵. К сожалению, слова типа *лѣинтѣ*, *лѣинтхуэ*, *ланчѣэ*, *ланлэ*, *лѣиндин*, *зандэ* и др. не могут служить материалом для реконструкции назализованных гласных на общеадыгском уровне. Дело в том, что в подобных словах согласный *н* не имеет отношения к исторической назализации гласных. Согласный *н*, как и другие сонорные *м*, *р*, является фонетическим наращением, получившим широкое распространение в адыгских языках. Ср., например, сонорные *р*, *м*: адыг. *лѣрзэ* (ср. каб. *лѣрзэ*) 'солома', адыг. *пІэртІэуэн* (ср. каб. *пІэртІэуэн*) 'шевелиться', каб. *пшѣампІэ* (ср. адыг. *пшѣапІ*) 'воротник', каб. *сампІэ* (ср. адыг. *сапІ*) 'ножны'. Свидетельством того, что сонорный *н* в рассматриваемой позиции не связан с исторической назализацией гласных, т.е. не является следом бывших носовых гласных, служит его появление в поздних заимствованиях типа каб. *чІэнтроф* 'картофель', *чІэлиндор* 'коридор' и др. Характерно, что сонорный *н* чаще всего встречается в положении перед переднеязычными, например, адыг. *гѣуинджэ* (каб. *гѣуинджэ*) 'зеркало', адыг. *лѣинтѣ*, каб. *лѣинтхуэ* 'кровеносный сосуд', каб. *лѣинчІифІин* (< *лѣинчІифІин*) 'гаснуть', *лѣнчІапІэ* (< *лѣнчІапІэ*) 'голень', адыг. *лѣкуанджэ* (каб. *лѣкуанджэ*) 'колени', адыг. *штѣуэнч* (каб. *фоч*) 'ружье'.

Заметим, что эпентеза *н* перед переднеязычными согласными имеет место также в родственных языках, что лишний раз доказывает отсутствие ее связи с явлением исторической назализации гласных. Ср., убых. *ндѣгѣа* (< *дѣгѣа*) 'солнце', *нданишь* (< *данишь*) 'быстрота', *ндуаша* (< *дуаша*) 'веревка', *ндуикѣІа* (< *дукѣІа*) 'сад'. Наконец, следует указать на то, что вставной *н* менее характерен как

⁵⁵ Балкаров Б.Х. Там же, с. 253.

раз для тех диалектов, которые считаются с точки зрения сохранности носовых гласных зоной консервации. Ср., с одной стороны, темирг., абадз. *џэнтэгу*, каб. *џэндэгу*, но бжедуг. *џэнтэгу* 'тяжелый', темирг., абаз., каб. *чэдж*, но бжедуг. *чэдж* 'неглубокий, мелкий', темирг., абадз., каб. *пхээнчІин*, но бжедуг. *пхээнчІин* 'подметать'. Если бы сонорный *н* в подобных словах являлся отражением исторических носовых гласных, то было бы закономерным ожидать его именно в бжедугском диалекте, а не в тех диалектах, которые не знают этих гласных.

На основании вышеизложенного носовые гласные в западных диалектах адыгейского языка должны получать иное осмысление. Прежде всего следует подчеркнуть, что постулирование носовых гласных для общеадыгского (или праадыгского) вокализма становится невозможным из-за отсутствия сколько-нибудь убедительных данных как внутренней, так и внешней реконструкции. Материалом внутренней реконструкции носовых гласных служит по существу лишь носовой оттенок гласных в определенной позиции в некоторых (но не во всех) районах распространения бжедугского и шапсугского диалектов. Других следов носовых гласных не удается обнаружить ни в самих адыгских, ни в родственных языках. Поэтому на данном этапе изученности истории вокализма западнокавказских языков представляется более правомерным квалифицировать назализацию как локальное фонетическое явление адыгейского вокализма.

ЯВЛЕНИЯ КОНЦА СЛОВА

Предварительные замечания

Конец слова в адыгских языках является весьма динамичным и неустойчивым в фонетическом отношении. Можно с уверенностью утверждать, что в адыгских языках и диалектах действуют разные тенденции развития конца слова, восходящие к разным хронологическим эпохам. С одной стороны, имеются тенденции, характеризующие все западнокавказские языки. Эти тенденции могут быть возведены к эпохе западнокавказского языкового единства (см. об этом ниже). С другой стороны, отмечаются закономерности развития конца слова, относящиеся к эпохе раздельного существования западнокавказских языков.

В адыгских языках прослеживаются общеадыгские и более поздние особенности вокализма конца слова. При этом следует подчеркнуть, что явления конца слова определяют не только чисто фонетических но также фономорфологических и грамматических факторов.

В ряде работ затрагивались вопросы конца слова в адыгских языках⁵⁶, хотя следует подчеркнуть, что разби-

⁵⁶ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка, с. 412-415; Рогова Г.В. К словарной форме имен в адыгейском языке. - Учен. зап. АНИИ, сер. лингвистическая, т. II. Майкоп, 1963; Зекох У.С. О сис-

раемое явление остается еще недостаточно исследованным не только в диахронном плане, но и в синхронном, что значительно затрудняет решение вопроса о фонетическом строении общеадыгского слова. Ждет своего решения также вопрос об относительной хронологии действия закона конца слова в адыгских языках.

Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф утверждают, что конечные гласные *э*, *и* "могут сохраняться в адыгейских словах только под ударением"⁵⁷. Однако многочисленные случаи сохранения конечных безударных *э*, *и* не согласуются с этим утверждением. Ср., например, *джанэ* 'рубашка', *псалтэ* 'слово', *йэди* 'он шьет', *йэшИи* 'он делает'. Различие в судьбе конечного гласного адыгейских слов Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф объясняют "историческим наличием или отсутствием ударения на конечном кратком гласном"⁵⁸. Для иллюстрации этого положения авторы приводят слова *йинижь* 'великан', *лИижь* 'старик', *Иумдан* 'нитка', *псинэ* 'колодец' и др. Несостоятельность подобного объяснения состоит в том, что в определенных позициях с точки зрения фонетического строения конца слова обнаруживается тождество как слов типа *йинижь* 'великан', *лИижь* 'старик', так и слов типа *Иумдан* 'нитка', *псинэ* 'колодец'. Ср., например, *йинижь* *Иай* 'страшный великан', *лИижь* *дэггу* 'хороший старик', *Иумданэ* *фижь* 'белая нитка', *псинэ* *куйу* 'глубокий колодец'. Впрочем, сами авторы указывают на неустойчивость конечных гласных. "При слиянии двух вторичных основ первая основа никогда не восстанавливает, т.е. всегда теряет свой конечный гласный *и*, *и* восстанавливает или сохраняет такой же гласный *э* независимо от ударности этих гласных"⁵⁹. Однако это утверждение справедливо лишь в отношении гласного *э*. Что касается гласного *и*, то здесь дело обстоит несколько иначе, поскольку широко распространены случаи чередования *и* с нулем в указанной позиции не только в диалектах, но и в литературном языке (об этом см. ниже).

Г.В. Рогава справедливо отмечает, что так называемые словарные формы типа *ѳан* 'седло', *джан* 'рубашка', *мацІ* 'саранча' являются формами предиката. В других формах (объектно-субъектных) основы этих слов восстанавливают конечный *э*: *джанэ*, *ѳанэ*, *мацІэ*. В этой связи Г.В. Рогава пишет: "Имена с ударением на последнем слоге *хъачІэ* 'гость', *тигъэ* 'солнце', *чІалэ* 'юноша' и т.д. в форме предиката, т.е. в глагольной форме сохраняют конечный гласный *э*, а имена с ударением на предпоследнем слоге в форме предиката теряют конечный гласный *э*"⁶⁰. О предикативном характере форм типа *ѳан* 'седло', *джан* 'рубашка'

теме склонения в адыгейском языке. — Там же; Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 47-49; Балкаров Б.Х. Указ. соч., с. 209-219.

⁵⁷ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка, с. 412.

⁵⁸ Там же, с. 415.

⁵⁹ Там же, с. 416.

⁶⁰ Рогава Г.В. Указ. соч., с. 29.

писал также У.С. Зекох, одновременно рассматривая их как формы назывные⁶¹. В отношении конечного гласного и Г.В. Рогава считает, что в именных основах "в большинстве случаев ударение сохранилось в конечном открытом слоге с гласным и: *милий* 'лед', *дидий* 'шило', *цИифий* 'человек'... В некоторых именных основах ударение с конечного гласного перешло на предыдущий гласный, вследствие чего конечный гласный (и) отпал: *шэуиз* (жена) < *шэуизий*, *бэвэжэ* (орел) < *бэвэжий*, *цИикИу* (маленький) < *цИикИуй*..."⁶² По мнению Г.В. Рогава, заударный конечный гласный и отпадает в формах статических глаголов: *шэит* < *шэйти* < *шэитий* (тот) стоит', *си-цИиф* < *си-цИифий* < *си-цИифий* 'я - человек'⁶³. В этой связи заметим, что конечный и, как и конечный э, носит позиционный характер. Как увидим ниже, с точки зрения наличия или отсутствия конечного и слова типа *милий* 'лед', *дидий* 'шило', *цИифий* 'человек' и слова типа *шэуиз* 'жена', *бэвэжэ* 'орел', *цИикИу* 'маленький' могут быть тождественными и нетождественными в зависимости от позиционных условий. Формы же типа *си-цИиф* 'я - человек' чередуются также с формами типа *ар цИифий* 'он - человек', т.е. наличие или отсутствие конечного гласного и является опять-таки позиционно обусловленным.

Б.Х. Балкаров сделал ряд интересных наблюдений над поведением конечных гласных э, и. Вместе с тем некоторые положения Б.Х. Балкарова нуждаются в уточнении. Исходя из традиционного акцентологического объяснения, восходящего к Н.Ф. Яковлеву, Б.Х. Балкаров о конечных гласных в адыгейском языке пишет: "Если на конечном гласном э исторически стояло ударение, то он сохраняется, а если же нет, то этот гласный опускается"⁶⁴. Это укоренившееся мнение Б.Х. Балкаров сам же справедливо отвергает, указывая на то, что "в потоке речи сохранение и редукция конечного э связана с определенными позициями"⁶⁵. По Б.Х. Балкарову, в словах типа *джанэ* 'рубашка', *анэ* 'мать' конечный гласный "опускается при изолированном их употреблении"⁶⁶. К сожалению, понятие "изолированное употребление", широко применяемое автором, лингвистически остается несколько расплывчатым, поскольку оно не связано у него с какой-либо формой языкового выражения. Касаясь конечного гласного и, Б.Х. Балкаров приходит к выводу: "Обычно конечный краткий гласный и в двух - и многосложных словах сохраняется: *биний* 'семья', *бидзий* 'грудь', *гэуицИий* 'железо', *нэпкий* 'берег', *ийний* 'большой', *гиний* 'порох', *бэжий* 'лук', *блиний* 'стена', *дидий* 'шило' и др. В этих словах гласный и не подвергается редукции, так как он находит-

⁶¹ Зекох У.С. Указ. соч., с. 64.

⁶² Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 25.

⁶³ Там же, с. 47.

⁶⁴ Балкаров Б.Х. Указ. соч., с. 213.

⁶⁵ Там же, с. 214.

⁶⁶ Там же, с. 215.

ся под ударением (разрядка наша. — М.К.)⁶⁷. Это положение вызывает возражения. Ведь именно в этих словах гласный и подвергается редукции до нуля, т.е. отпадает во многих позициях. Ср. *ар бини* 'это — семья', но *ар бин дэгву* 'это — хорошая семья'. Если автор имеет в виду позицию предиката, то и в этом случае его положение наталкивается на трудности, поскольку в непредикативной позиции чередование и' с нулем имеет широкое распространение. Ср., например у И.Машбаша: *йилъэс тЮчГи* 'двадцать лет', *йилъэс тЮчИ* 'двадцать лет'.

Из вышеизложенного становится очевидным, что вопрос о конце слова в адыгских языках остается еще недостаточно разработанным. Правила поведения конечных гласных э, и, сформулированные исследователями, характеризуются статичностью и излишней категоричностью. Между тем процесс отпадения конечных гласных э, и протекает весьма неравно в адыгских языках и диалектах. В силу незавершенности разбираемого звукового процесса не только в разных диалектах, но и в одном и том же диалекте отмечается довольно широкий диапазон колебаний и варьирования фонетической формы конца слова. Заметим также, что явления конца слова сводятся не только к звуковому процессу отпадения конечных гласных э, и в исконных словах. Наряду с процессом отпадения конечных э, и действует противоположная тенденция — развитие гласных э, и в конце слов иноязычного происхождения, что связано с выравниванием слогового строения слова.

Отпадение конечного и

Поведение конечного гласного и в общеадыгском языке и в эпоху самостоятельного существования адыгских языков и диалектов связано с фонетическим строением слова. В то же время поведение конечного и не может быть рассмотрено лишь с фонетической точки зрения, поскольку структурные особенности конца слова тесно переплетаются с грамматическими процессами.

В отношении конечного и можно сказать, что имеются тенденции, свойственные как всем западнокавказским языкам, так и отдельным ареалам или языкам данной языковой группы. Так, тенденция к отпадению конечного гласного при сочетании односложных слов типа "С + гласный и" со слогообразующими элементами действует во всех западнокавказских языках.

В адыгских языках конечный и отпадает в исторически многосложных словах. В кабардинском языке общеадыгский открытый слог с конечным гласным и возможен лишь в односложных словах и словоформах. Ср., ли 'мясо', но *шъхъэл* (< *шъхъэли) 'мельница', *бзи* < самка, но *цIижуибз* (< *цIижуибзи) 'женщина'.

Процесс преобразования общеадыгских многосложных слов с конечным гласным и в закрытый слог завершен в кабар-

⁶⁷ Там же, с. 216.

динском языке, а в адыгейском он еще протекает. Ср., **йини* > каб. *йин* 'большой', **хуижь* > каб. *хуижь* 'белый', *цИиху* > каб. *цИиху* 'человек', **кьГуэжу* > каб. *Гуэжу* 'дело'. Отсюда становится очевидным, что фонетическое строение слова влияет на поведение гласного *и* в абсолютном исходе.

В то же время приходится отметить, что преобразования, имевшие место в конце слова, зависят и от других факторов. Дело в том, что формы *йин* 'большой', *фижь* 'белый', *цИиф* 'человек', *Гуэф* 'дело' в адыгейском языке являются лишь позиционными, в отличие от форм *йин* 'большой', *хуижь* 'белый', *цИиху* 'человек', *Гуэжу* 'дело' в кабардинском языке. Иначе говоря, в исторически многосложных словах процесс отпадения конечного *и* в кабардинском языке закончен, а в адыгейском языке остается позиционно обусловленным. Ср., например, адыг. *а йинэр йини* 'этот дом - большой', но ар *йинэ йин* 'это - большой дом', *а йинэр фижь* 'этот дом - белый', но ар *йинэ фижь* 'это - белый дом', ар *цИифи* 'он - человек', но ар *цИиф дэгву* 'он - прекрасный человек', ар *Гуэф* 'это - дело', но ар *Гуэф цИикГу* 'это - небольшое дело'.

В приведенных примерах разбираемые слова находятся в позиции предиката. Однако в этой грамматической позиции одно и то же слово ведет себя по-разному: в одном случае слово сохраняет конечный *и*, в другом - оно его утрачивает. Естественно, возникает вопрос о том, что же влияет на строение конца слова. В случае *а йинэр йини* 'этот дом - большой' слово *йини* 'большой' сохраняет *и* в конце слова, тогда как в конструкции ар *йинэ йин* 'это - большой дом' происходит отпадение конечного *и*. Анализ материала показывает, что слова типа адыг. *йини* 'большой', *фижь* 'белый', *цИифи* 'человек', *Гуэф* 'дело', *мэзи* 'лес', *цуинди* 'ворон', *хьали* 'клин', *гьуицГви* 'железо', *уижь* 'след', *уизь* 'болезнь', *пчэни* 'коза', *чэми* 'корова' сохраняют конечный гласный *и* в том случае, если они выступают в роли простого предиката. Если же эти слова входят в состав словосочетания, выступающего в роли предиката, то они теряют конечный гласный *и*, что приводит к образованию закрытого слога. Характерно, что конечный гласный *и* отпадает независимо от того, является ли слово постпозитивным или препозитивным членом определительного словосочетания. Ср., адыг. ар *цИиф дэгву* 'он - прекрасный человек', ар *джирэ цИиф* 'он - современный человек', но ар *цИифи* 'он - человек'.

Отпадение конечного *и* имеет место не только в предикативной позиции определительного словосочетания. Гласный *и* в конце слова отпадает и в других позициях определительного словосочетания. Ср., адыг. *ЦИиф дэгву ккьэ-кГуагь* 'Пришел прекрасный человек', *ЦИиф дэгву сэлъэгьуи* 'Вижу прекрасного человека'. Отпадение конечного *и* отнюдь не ограничивается определительными словосочетаниями. Ср., адыг. *ЦИиф ккьэкГуагь* 'Человек пришел', *ЦИиф сэлъэгьуи* 'Вижу человека'.

На основе анализа материала можно сделать вывод, что

в адыгейском языке отпадение *и* в конце слова характерно для любой позиции, за исключением позиции предиката, выраженного одним знаменательным словом (существительным, прилагательным, местоимением, числительным, причастием и др.). В конструкции мир *цИифи* 'это - человек' в позиции слова *цИифи* 'человек' любое из слов *йини* 'большой', *ари* 'он', *тЮочИи* 'двадцать', *никквэутхи* 'недописанное' удерживает конечный гласный *и*, утрачиваемый ими не только в других позициях, но в сочетании с другими словами в той же позиции. Ср. мир *цИифи* (*йини*, *ари*, *тЮочИи*, *никквэутхи*) 'это - человек (большой, он, двадцать, недописано)'.

Заметим, что в адыгейском языке конечный гласный *и* удерживается и в глагольных основах. Ср., адыг. *йэштх* > каб. *йэшт* '(он) пишет', адыг. *йэшИи* > каб. *йэшИ* '(он) делает', адыг. *йэгичИи* > каб. *йэгвишИ* '(он) стирает', адыг. *мэгвуэгги* > каб. *мэгвуэг* '(он) ревет'. Поэтому сохранение конечного *и* в основах имен и местоимений в предикативной позиции в какой-то мере можно объяснить действием аналогии, т.е. образованием предикативной формы имен и местоимений по модели предикативной формы глагола. Вообще рассмотрение поведения гласного *и* в конце слова в плане чисто фонетическом наталкивается на трудности, хотя следует также учитывать акцентологические факторы. В самом деле, наличие гласного *и* в слове *йини* в конструкции *тиуинэ йини* 'наш дом - большой' и его отсутствие в слове *йин* в конструкции *ар тиуинэ йин* 'это - наш большой дом' не представляется возможным интерпретировать только на фонетической основе. Так как наличие гласного *и* в конце слова имеет место в определенной грамматической позиции и при наличии определенного акцентологического рисунка слова (ударение падает на конечный *и*), в данном случае переплетаются фонетические и грамматические факторы, в совокупности влияющие на слоговое строение конца слова в адыгейском языке.

Следует отметить, что в адыгейском языке отпадение гласного *и* в конце слов разбираемого типа относится к живым, незавершенным фонетическим процессам. Этим объясняются колебания в поведении конечного гласного *и*, его неустойчивость, случаи его чередования с нулем в одних и тех же фонетических условиях. Кроме того, процесс отпадения конечного гласного *и* в адыгейских диалектах протекает неравномерно.

Выше отмечалось, что конечный *и* более регулярно реализуется в позиции простого предиката. Вообще возникает вопрос о функциональной значимости конечного гласного *и* в этой позиции. В этом отношении показательно, что конечный ударный *и* может служить дифференциальным признаком на синтаксическом уровне. Так, конструкции *тиуинэ йини* 'наш дом - большой', *тиуинэ йин* 'наш большой дом', *тихэ-ку йини* 'наш край - большой', *тихэку йин* 'наш большой край' противопоставляются с помощью конечного ударного *и*.

Конечный гласный *и* характеризуется наибольшей устойчивостью в позиции простого предиката (*ар цИифи* 'он - че-

ловек', *ар йини* 'он большой', *ар сэри* 'это - я'). Однако и в этой позиции гласный *и* не обладает абсолютной стабильностью: имеются случаи чередования *и* с нулем, что свидетельствует о действии общей тенденции к утрате конечного *и* в разных позициях. Ср., например, конечный закрытый слог вместо ожидаемого открытого слога на конечный *и*: Ср., у Т. Керашева: *Тэ тигу зитекгуадэрэр нэмичи* 'Мы беспокоимся о другом'. *Зир Юсиф* - *хкыигуагъ* *Исмелэ*. - *Адрэр Куко ари* 'Один - Юсуф, - сказал Исмел'. - Другая - *Куко*'. У М. Паранука: *Ау йизекгуэчигэ гвэпсичигэр хвайуан* 'Но по своему образу жизни он - скотина'. *Сидэу ар гуиэхэчигэ* 'Какое это огорчение'. У Х. Ашинова: *Ау а чигалэр чан* 'Но этот парень - энергичный'. В приведенных предложениях вместо ожидаемых предикативных форм *нэмичиги*, *Юсифи*, *хвайуани*, *чани*, *гуиэхэчиги* в позиции простого предиката представлены формы без конечного гласного *и*: *нэмичигэ*, *Юсиф*, *хвайуан*, *чан*, *гуиэхэчигэ*.

В позиции простого предиката степень устойчивости конечного гласного *и* зависит от лексических и грамматических факторов. Выше отмечалось, что конечный гласный *и* регулярно реализуется в позиции предиката в личных и указательных местоимениях, что нельзя сказать об именах существительных. Регулярность реализации конечного *и* в именах существительных может определяться грамматической формой. Так, конечный *и* часто редуцируется до нуля в поссесивной форме. Ср., например, у М. Паранука: *йигуэф* 'это его дело', *йишэн* 'это его поведение'; у Т. Керашева: *йинасин* 'это твое счастье'. Так как двухсложные и многосложные словоформы в позиции простого предиката могут выступать с конечным гласным *и*, отсутствие последнего в предикативных формах типа *йигуэф* 'это его дело' не представляется возможным объяснить только с фонетической точки зрения, т.е. увеличением числа слогов за счет притяжательного префикса *йи-*. Однако в позиции предиката для поссесивных форм также характерны колебания в оформлении конца слова, т.е. процесс отпадения *и* и в этих условиях не доведен до конца. Что же касается других позиций, то в этом отношении отмечаются значительные колебания в адыгейском языке. Эти колебания, хотя и встречаются в языке художественной литературы, вызваны, бесспорно, особенностями местных говоров и диалектов.

Ср., например, варианты формы у М. Паранука: *чэм дийтэр* 'золотая корова', но *цигфи гвушъагъэр* 'заблудившийся человек', *йиц чигир* 'высокая трава', но *гвуицъиги узъхэр* 'железный дождь', *пчэдижъ нэфильэм* 'утренняя зоря' но *тихльицижъти шигуэйр* 'грязная бумага', *тин заккхуэр* 'единственный подарок', но *йизи хьиллэр* 'тяжелая болезнь', *мэз гвуинэр* 'опушка, край леса', но *бэшьи пэчигитигу* 'два конца палки'.

Как видно, слова *чэм* 'корова', *йиц* 'трава', *пчэдижъ* 'утро', *тин* 'дар, подарок', *мэз* 'лес', сохраняющие конечный гласный в позиции простого предиката (ср. *ар чэма* 'это - корова', *ар йици* 'это - трава', *ар пчэдижъи* 'это - утро', *ар тини* 'это - подарок', *ар мэзи* 'это -

лес'), как препозитивные члены словосочетания утрачивают его. Напротив, слова *цИифи* 'человек', *гъуичИи* 'железо', *уизи* 'болезнь' и др., относящиеся также к разбираемому типу слов, как препозитивные члены словосочетания сохраняют конечный гласный *и*, обнаруживая в этом отношении тождество с формой простого предиката (ср. ар. *цИифи* 'он - человек', ар *гъуичИи* 'это - железо', ар *уизи* 'это - болезнь', ар *бэши* - 'это палка').

Можно указать на вариантное употребление одного и того же слова в тождественных окружениях, обусловленное незавершенностью процесса отпадения конечного гласного *и*. Ср., например, у И. Машбаша: *пчэдижъ тигъэу* 'как утреннее солнце', но *пчэдижъи хъацИэу* 'как утренний гость', *натриф хъасэмэ* 'кукурузные грядки', но *натрифи шъхъацхэр* 'кукурузные волосы', *цИиф лъэпккъим* 'человеческий род', но *цИифи зиризхэм* 'некоторые люди', *чъиг закхуэр* 'одинокое дерево', но *чъиги шъхъапэм* 'верхушка дерева', *йилъэс тЮчИ* 'двадцать лет', но *йилъэси тЮчИи* 'двадцать лет', *йилъэс шъэнккъуэ* 'пятнадцать лет', но *йилъэси минхэр* 'тысячи лет', *уадэжъ сиккхэкИуэшт* 'приду к тебе', но *уадэжъи сиккхакИуэ* 'иду к тебе'. Как видно, наличие или отсутствие конечного *и* относится к иррелевантным явлениям: в тождественных условиях конечный *и* свободно чередуется с нулем.

С точки зрения сохранности общеадыгского конечного гласного *и* наибольший интерес представляет бжедугский диалект. В этом диалекте удерживается конечный гласный *и* в тех позициях, в которых он отпал или чередуется с нулем в других диалектах. Думается, что именно влиянием бжедугского диалекта объясняется широкое употребление конечного гласного *и* в разных позициях в языке некоторых писателей, в частности А. Евтыха.

Ср. у А. Евтыха: *нарти шэнхэр* 'нартские нравы', *лъэпккъи шэи* 'нрав, обычай народа', *Иуэфи тхъабзакИуэ* 'помощник', *чэшы закхуэр* 'одна ночь', *кхуи дахэм* 'красивая компания', *чІэпхуи цІикИуир* 'маленькая юбка', *уэрэди тІэкИу* 'немного песни', *лІижъи шъхъацифир* 'седоголовый старик', *мэзи Іапчъэм* 'дорога через лесную чашу', *тичи лъапІэр* 'дорогой подарок' и др. Ср. также у А. Евтыха конечный *и* в других позициях: *тилъэпккъи цІикИуигъ* 'наш народ был маленьким', *шъхъацифи хуиуэгъи* 'если и стал седовласым', *нахъи чижъэу* 'более отдаленно', *уэб нахъи дахий* 'красивее тебя', *мишъи нэси* 'до этих пор', *ипккъи кхичІуцІэ* 'исходя из этого'. Однако ср. у того же А. Евтыха колебания в оформлении конца слова: *чъиг ккхуитамэм* 'ветка дерева', но *чъиги лъагэм* 'высокое дерево', *лъэпккъ лъэрихъи* 'сильный народ', но *лъэпккъи лІинчъэр* 'народ без мужчин', *уэрккъ лъэрихъимэ* 'сильные уздени', но *уэрккъи чІалэр* 'молодой уздень'.

Противоположная тенденция - отпадения конечного *и* в непредикативной позиции характерна для языка писателей, стоящих ближе к темиргоевскому диалекту, хотя, как в этом убеждает язык М. Паранука, И. Машбаша и др., далеко не во всех случаях эта закономерность проявляется последо-

вательно. Ср., также у А. Хаткова: *хэбзэжы милхэр* 'льды старых обычаев', но *хэбзэжъ хийуайэхэм* 'штормы старых обычаев', у Т. Керашева: *чыгы жъаум* 'в тени дерева', но *чыг чIгъэгым* 'под деревом', *цIифы зэхэдзы шэнэу* 'как индивидуальный характер человека', но *цIиф шIичIэ цыпккэу* 'как настоящее поведение человека', *ийуэнэ шъхъэн-тэ чIгъэгы ккычIилъэфи* 'вытащив из-под седельной подушки', но *сийэнэ чIгъэгъ чIгъэль* 'лежит под моим седлом', у Х. Ашинова: *уэсы штыгъэр* 'оледеневший снег', но *гуэф гъэнэфэгъэр* 'ясное дело'.

Обращает на себя внимание устойчивость реализации конечного гласного *и* в позиции перед глаголом *хъуин* 'стать, становиться'. Ср., например, *ар пльыжы (фыжы, гъуэжы, шэлъы, йины, джэфи) хъуигъэ* 'это стало красным (белым, желтым, розовым, большим, бледносерым)', *ар цIифы (лIи-жы, шуйжы) хъуигъэ* 'он стал человеком (старым, опытным наездником)'.

Приведенный материал свидетельствует о незавершенности процесса отпадения конечного *и* в непредикативной позиции в адыгейском языке. Естественно, что этот фонетический процесс протекает в разных диалектах с разной степенью интенсивности, что косвенно находит отражение в языке художественной литературы. Бжедугский диалект оказался более консервативным в отношении конечного гласного *и*, хотя и в других диалектах процесс отпадения *и* далек еще от своего завершения.

Что касается кабардинского языка, то в словах разбираемого типа общеадыгский *и* отпал во всех позициях. Исконные слова типа *ийджы* 'теперь' в кабардинском языке единичны. Форма *ийджы* 'теперь', по-видимому, вторична, т.е. образована от *джи* путем осложнения протетическим *ий* на кабардинской почве после завершения процесса отпадения конечного *и* в многосложных основах и словоформах. Ср. адыг. *джи* 'теперь'. Конечный гласный *и* удерживают также некоторые заимствования слова в кабардинском языке. Ср. каб. *уахъты* 'время', *йэчэндй* 'время после полудня', *жасы* 'поздний вечер', *Гэхълы* 'родственник', *апэсы* 'монета в двадцать копеек', *белджылы* 'ясный, определенный', *йэрыскъIи* 'пища', 'пропитание', *къIамышы* 'плеть', *арэзы* 'довольный'. Эти слова как бы нарушают фонетические закономерности конца слова в кабардинском языке. Причиной этого является, очевидно, их позднее проникновение в кабардинский язык, когда в последний уже был закончен процесс преобразования открытого слога (на гласный *и*) в закрытый слог.

Выше речь шла о поведении конечного гласного *и* в исторически многосложных словах. В односложных словах типа "С + *и*", "СС + *и*" поведение конечного гласного зависит от характера их сочетания с другими морфемами или словами. В кабардинском языке при сочетании слов этого типа с постпозитивными слогаобразующими единицами отпадает конечный гласный *и*. Ср., например, *шы* 'лошадь', но *сишь* 'моя лошадь', *уэнэш* 'верховая лошадь', *псы* 'река, вода', *дыс* 'наша река', *нэпс* 'слеза'. Действие этого

звукового закона сохраняется также в отношении глагольных основ. Ср. *ды* 'шей', но *йэд* 'он шьет', *тхи* 'пиши', но *йтх* 'он пишет'. Иначе говоря, в кабардинском языке в синтагматическом плане поведение конечного гласного *и* в словах типа *ши* 'лошадь', *пси* 'река' аналогично поведению конечного гласного *и* в многосложных словах, т.е. односложные слова в сочетании с препозитивными слогообразующими единицами подчиняются той же закономерности, что и многосложные слова.

То же самое нужно сказать об адыгейском языке, где в позиции предиката односложные слова в сочетании с постпозитивными слогообразующими элементами сохраняют конечный гласный *и*, а в других позициях характеризуются неустойчивостью, причем диапазон колебаний различен в различных диалектах. Ср.: адыг. *ар сшш* 'это - моя лошадь', *ар тшси* 'это - наша река', но *сшш йэсэти* 'я даю тебе мою лошадь', *тшс йини* 'наша река - большая'. Вместе с тем неединичны варианты оформления конца слова в посессивной форме. Ср., у М. Паранука: *Сиуэрэд гуицIайэ йэ-шгуэгуи дэкIуайэ* 'Моя скорбная песнь поднимается до небес', но *Сиуэрэди ципэ ашь шьисэуи* 'Конец моей песни я здесь завершаю'.

Итак, общеадыгский открытый слог, оканчивающийся на гласный *и* в многосложных образованиях, оказался весьма неустойчивым в адыгских языках. Общеадыгский гласный *и* в исходе многосложных образований отпал в кабардинском языке, что и привело к преобразованию открытого слога в закрытый. В адыгейском языке наличие (или отсутствие) общеадыгского *и* в исходе многосложных образований носит позиционный характер. Однако процесс преобразования открытого слога в закрытый слог в результате отпадения общеадыгского *и* протекает в адыгейских диалектах крайне неравномерно и допускает вариативные формы (свободное чередование *и* с нулем и т.д.), что характеризует переходную ступень развития рассматриваемого фонетического явления.

Развитие конечного *и*

В адыгских языках действует не только тенденция к образованию закрытого слога, что является результатом исчезновения этимологического гласного *и* в конце слова, но и противоположная тенденция, ведущая к образованию открытого слога с конечным гласным *и*. Речь идет о словах иноязычного происхождения, оканчивающихся на согласный. Последние в позиции простого предиката становятся открытыми, т.е. приобретают конечный гласный *и*. Эта закономерность распространяется на старые и новые заимствования. Ср., например, *ар самбири* (мабири, хвабири, чэфи, тинчи, джауири) 'он - тихий (мирный, готовый, веселый, легкий, неверный)', *ар аккыли* (джэнэти, зэмани, Гэмали, гуэнахы, мэли, билими) 'это - ум (рай, время, средство, грех, овца, скот)'. В данном случае мы имеем дело с действием аналогии, т.е. происходит выравнивание слогового строения по модели исконных слов.

зуется под действием аналогии с конечным *и* в исконных словах *цIиҕи* 'человек', *чыҕи* 'дерево'.

Следует отметить, что в позиции эргатива *и* не отличается стабильностью, что вообще характерно для гласного *и* в конце слова. Ср., чередование *и* с нулем в позиции эргатива: у Т. Керашева: *ккыIуагъ Юсиф* 'сказал Юсуф', *ккыIуагъ Юсифи* 'сказал Юсуф'; у Х. Ашинова: *иIуагъ Хьарийэт* 'сказал Хариет', *ккыIуагъ Хьарийэти* 'сказал Хариет'; чередование *и* с нулем в неэргативной позиции у Т. Керашева: *чыҕи жьаум* 'в тени дерева', *гыг чIгъгым* 'под деревом', *уэси штыгъэр* 'обледеневший снег', *Iуэф гънэфагъэр* 'ясное дело'. Как видно, конечный *и* в позиции эргатива, как и в неэргативной позиции, не имеет грамматического значения, поскольку его противопоставление нулю лишено инвариантного значения. Заметим, что в отличие от *и* в позиции эргатива, *и* в неэргативной позиции далеко не всегда чередуется с нулем. Например, в личных и указательных местоимениях, находящихся в позиции предиката, чередование *и* с нулем исключено, что делает его функционально значимым. Ср. *ар сэри* (*уэри, тэри, шбуэри, ари*) 'это - я (ты, мы, вы, он)'. Между тем вопрос о функциональной значимости конечного *и* в предикативной позиции вообще не ставился, тогда как в позиции эргатива конечному *и*, находящемуся в отношении свободного варьирования с нулем, приписывается статус двухпланового знака-морфологической единицы. Сегмент *и* в единицах *тиуинэ йини* 'наш дом - большой': *тиуинэ йин* 'наш большой дом' служит формальным признаком их грамматического противопоставления. Иными словами, сегмент *и*, выражающий предикативность, на грамматическом уровне более устойчив, нежели сегмент *и* в позиции эргатива, поскольку последний допускает чередование с нулем, т.е. менее грамматикализован по сравнению с показателем предикативности *и*. Во всяком случае, генезис *и* в падсжной и предикативной формах и его грамматическая функция должны быть рассмотрены в свете морфонологической природы конца слова.

Отпадение конечного *э*

Как отмечалось выше, с точки зрения устойчивости конечного гласного *и* адыгейский язык и его диалекты представляют собою зону консервации, а кабардинский язык и его диалекты - зону инновации. С точки зрения устойчивости конечного гласного *э* между адыгскими языками устанавливаются обратные отношения: кабардинский язык и его диалекты оказываются зоной консервации, а адыгейский язык и его диалекты - зоной инновации. Данные внутренней и сравнительной реконструкции свидетельствуют о том, что

эргатива. Иными словами, здесь отмечается такое же соотношение, что и между исконными и заимствованными словами в других позициях. Ср., *ар цIиҕи* 'это - человек', *ар насипи* 'это - счастье', *чыҕи йинир* 'большое дерево', *быхыгъ быхыгъ* 'большое здание'.

Как чисто фонетическое явление конечный *и* развивается в других позициях слов иноязычного происхождения. Ср. у И. Машбаша: *хъазаби нстэури* 'и все муки', *уирами чыгхэр* букв. 'уличные деревья', *бираккы пльыжьхэр* 'красные знамена', *сурэти цыккыуэу* 'как маленькая картина', *шэ-рэхы джадэм* 'громадное колесо'. У М. Паранука: *дини нэ-пццым* 'обманчивая религия', *феврала мазэм* 'в феврале месяце', *ккыуитири гыуинэггым* 'близкий хутор', *народи нстэури* 'и все народы', но *народ нстэуимчи* 'и всем народом'; у А. Евтыха: *тучани цыккыуир* 'маленький магазин', *ккыэзаккы нэпккыр* 'казачий берег', *насыи лпагэу* 'как большое счастье', *сэлами дахэццэ* 'красивым приветствием', *самбыри зыккышынэг* 'он стал тихим', *бираккы пльыжьыр* 'красное знамя', но *бираккы нстэури* 'и все знамена'. Как видно, выравнивание слогового строения слова по модели исконных слов сопровождается нерегулярностью реализации конечного *и*, что связано с незавершенностью процесса отпадения этого гласного в различных позициях.

Для кабардинского языка, где исконные слова давно утратили конечный гласный *и*, естественно, не характерно появление гласного *и* в конце слов иноязычного происхождения. Исключение составляют приводившиеся выше заимствованные слова типа *цэблы* 'родственник', *уингуирли* 'добрый'. К этой изолированной группе слов иноязычного происхождения примыкают также единичные слова, образованные с помощью заимствованного словообразовательного суффикса *-ли*. Ср., *шыхыли* 'почтенный', *гышцэггули* 'жалостливый', *шыхуэли* 'должник, имеющий много долгов'.

В связи с преобразованиями конца слова встает вопрос о статусе так называемого окончания эргатива *и* в адыгейском языке. Исследователи единодушны в том, что элемент *и* в позиции эргатива конструкций типа *Аминэти йэтхи* 'Аминет пишет', *Юсифи йэшги* 'Юсуф делает' является двухплановым знаком, т.е. морфемой, выражающей эргативный падеж единственного числа.

Однако анализ материала подтверждает не только фонетическое происхождение элемента *и* в позиции эргатива⁶⁸, но — что более важно — его структурный изоморфизм с рассматриваемым явлением — с гласным *и* в конце слова. Элемент *и* в позиции эргатива, в отличие от элемента *и* в неэргативной позиции, обычно квалифицируется как морфологическая единица, хотя для такого резкого разграничения нет достаточных оснований. Напротив, элемент *и* в позиции эргатива, как и в других (неэргативных) позициях, следует рассматривать в свете общих закономерностей конца слова в адыгейском языке.

Наличие *и* в эргативе собственных имен иноязычного происхождения типа *Аминэти* 'Аминет', *Нафисэти* 'Нафисет', *Биболэти* 'Биболет', *Юсифи* 'Юсуф' объясняется выравниванием парадигмы по модели исконных слов типа *Гушэцэфыжы* 'Гошфиж', *Гушэцэфы* 'Гошнеф', *мэзнэсы* 'лесник' в позиции

⁶⁸ См. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 104–109.

эргатива. Иными словами, здесь отмечается такое же соотношение, что и между исконными и заимствованными словами в других позициях. Ср., *ар цIифи* 'это - человек', *ар насипи* 'это - счастье', *чыгги йинир* 'большое дерево', *быраккы йинир* 'большое знамя', где конечный *и* в заимствованных словах *насипи* 'счастье', *быраккы* 'знамя' реализуется под действием аналогии с конечным *и* в исконных словах *цIифи* 'человек', *чыгги* 'дерево'.

Следует отметить, что в позиции эргатива *и* не отличается стабильностью, что вообще характерно для гласного *и* в конце слова. Ср., чередование *и* с нулем в позиции эргатива: у Т. Керашева: *ккыиIуагъ Юсиф* 'сказал Юсуф', *ккыиIуагъ Юсифи* 'сказал Юсуф'; у Х. Ашинова: *иIуагъ Хъарийэт* 'сказал Харие́т', *ккыиIуагъ Хъарийэти* 'сказал Харие́т'; чередование *и* с нулем в неэргативной позиции у Т. Керашева: *чыгги хъау́м* 'в тени дерева', *гъиг чIгъэгъим* 'под деревом', *у́эси штыгъэр* 'обледеневший снег', *Iуэ́ф гъэ́нэфагъэр* 'ясное дело'. Как видно, конечный *и* в позиции эргатива, как и в неэргативной позиции, не имеет грамматического значения, поскольку его противопоставление нулю лишено инвариантного значения. Заметим, что в отличие от *и* в позиции эргатива, *и* в неэргативной позиции далеко не всегда чередуется с нулем. Например, в личных и указательных местоимениях, находящихся в позиции предиката, чередование *и* с нулем исключено, что делает его функционально значимым. Ср. *ар сэри* (*у́эри, тэри, шъуэри, ари*) 'это - я (ты, мы, вы, он)'. Между тем вопрос о функциональной значимости конечного *и* в предикативной позиции вообще не ставился, тогда как в позиции эргатива конечному *и*, находящемуся в отношении свободного варьирования с нулем, приписывается статус двухпланового знака-морфологической единицы. Сегмент *и* в единицах *тиу́нкэ йини* 'наш дом - большой': *тиу́нкэ йин* 'наш большой дом' служит формальным признаком их грамматического противопоставления. Иными словами, сегмент *и*, выражающий предикативность, на грамматическом уровне более устойчив, нежели сегмент *и* в позиции эргатива, поскольку последний допускает чередование с нулем, т.е. менее грамматикализован по сравнению с показателем предикативности *и*. Во всяком случае, генезис *и* в падежной и предикативной формах и его грамматическая функция должны быть рассмотрены в свете морфонологической природы конца слова.

Отпадение конечного э

Как отмечалось выше, с точки зрения устойчивости конечного гласного *э* адыгейский язык и его диалекты представляют собою зону консервации, а кабардинский язык и его диалекты - зону инновации. С точки зрения устойчивости конечного гласного *э* между адыгскими языками устанавливаются обратные отношения: кабардинский язык и его диалекты оказываются зоной консервации, а адыгейский язык и его диалекты - зоной инновации. Данные внутренней и сравнительной реконструкции свидетельствуют о том, что

общаадыгская форма с конечным гласным э в достаточной степени сохранилась в современном кабардинском языке. В односложных и многосложных словах типа каб. нэ 'глаз', шэжэ 'голова', лъагэ 'высокий', джанэ 'рубашка', гуи-кхIанэ 'огорчение, обида' конечный гласный э восходит к общаадыгскому состоянию. Общаадыгскую форму – гласный э в конце слова – кабардинский язык удерживает в различных окружениях, т.е. реализация конечного э позиционно не обусловлена. Как отмечалось выше, сочетание корневых морфем С + гласный и, СС + гласный и с любым слогообразующим элементом обуславливает утрату конечного гласного и, т.е. ведет к образованию закрытого слога (каб. шм 'лошадь', йиш 'его лошадь', пси 'река', йанс 'их река'). Этот фонетический закон не распространяется на корневые морфемы и основы с конечным гласным э. Ср. каб. шэ 'молоко', йишэ 'его молоко', псэ 'душа', йансэ 'их душа'. Иными словами, кабардинский язык довольно последовательно продолжает общаадыгское состояние открытого слога, оканчивающегося на гласный э.

Что касается адыгейского языка, то реализация конечного э определяется позиционными условиями. Нельзя сказать, что адыгейский язык всегда демонстрирует новую форму конца слова с историческим э в абсолютном исходе. Об инновациях в адыгейском языке уместно говорить лишь применительно к определенным позициям. Во многих же случаях адыгские языки не различаются в отношении сохранности и устойчивости конечного гласного э.

Как уже отмечалось в литературе, односложные словоформы типа джан 'рубашка', уан 'седло', лъанс 'корень' находятся в отношении дополнительной дистрибуции с словоформами типа джанэ 'рубашка', уанэ 'седло', лъансэ 'корень'. Закрытый слог характерен для предикативной позиции, открытый слог – для непредикативной позиции⁶⁹. Ср. ар джан (уан, лъанс) 'это – рубашка (седло, корень)'. Как видно, в позиции простого предиката конечный гласный э не реализуется, тогда как реализация конечного гласного и свойственна именно данной позиции. Ср. ар цIиш 'он – человек'. В непредикативной позиции восстанавливается этимологический конечный гласный э. Ср. джанэ дахэр 'красивая рубашка', уанэ цIишIуир 'маленькое седло', лъансэ йишир 'большой корень'. В непредикативной позиции в словах разбираемого типа устойчиво реализуется конечный гласный э, отличающийся в этом отношении от конечного гласного и, обнаруживающего в своей реализации широкий диапазон колебаний в непредикативной позиции. Ср. чыгги дахэр, чыг дахэр 'красивое дерево', но только джанэ дахэр 'красивая рубашка' (невозможна форма джан дахэр в значении 'красивая рубашка'). Отсюда становится очевидным, что в адыгейском языке процесс отпадения конечного гласного э происходит менее интенсивно по сравнению с процессом отпадения конечного гласного и, хотя во многих случаях адыгейский язык, как и кабардинский,

⁶⁹ Рогава Г.В. Указ. соч.

сохраняет гласный э в конце слова. Ср. адыг., каб. *уанэ цIикIуир* 'маленькое седло', адыг. *уанэ ккышэфигъ*, каб. *уанэ кыIишэуашъ* 'он купил седло'.

Конечный гласный э реализуется во всех позициях, за исключением позиции простого предиката. Более того, в адыгейском языке далеко не во всех двухсложных и многосложных словах имеет место отпадение конечного э в позиции простого предиката. Ср., например, *нсыр фабэ* 'вода теплая', *пшашъэр дахэ* 'девушка красивая', *уэсир чыIэ* 'снег холодный'. Характерно, что в составе сложного предиката эти слова уже проявляют тенденцию к утрате конечного гласного э. Ср. *ар нси фаб.* 'это - теплая вода', *ар пшэшъэр дах* 'она - красивая девушка', *ар уэс чыI* 'это - холодный снег'. Как видно, в позиции сложного предиката оба конечные гласные обнаруживают тенденцию к редукции до нуля (ср. *ар нси фаб* < *ар нсыхуабэ* 'это - теплая вода', *ар нси йин* < *ар нси йини* 'это - большая река'), в то время как в позиции простого предиката подобная тенденция проявляется у конечного гласного э (ср. *ар уанэ* < *ар уанэ* 'это - седло', *ар цIифи* < *ар цIихуи* 'это - человек').

Если закономерности реализации конечного и проявляются крайне неравномерно, допуская значительные колебания не только в разных, но и в тождественных позициях, то конечный э характеризуется более или менее устойчивым поведением. Вместе с тем нельзя говорить об абсолютной устойчивости поведения конечного э в адыгейском языке. Как отмечалось, в составе сложного предиката слова типа *дахэ* 'красивый', *фабэ* 'теплый' *Iазэ* 'искусный' обнаруживают тенденцию к утрате конечного гласного. Однако эта закономерность характеризуется непоследовательностью. Так, в конструкциях типа *ар гьунчIэ Iаз* 'он - искусный кузнец' конечный э нередко сохраняется, что показывает его вариативность, т.е. способность реализовываться как свободный вариант нуля. Ср., например, у М. Паранука: *Сэ сйатэжъ гьунчIэ Iазэ* 'Мой дедушка - искусный кузнец'. Ср. также фонетические варианты конца слова в тождественных окружениях у А. Евтыха: *Джанккылишъыр бэу пшъи хафэ*, *Джанккылишъыр бэу пшъи хаф* 'Джанкилиш - очень суровый князь'. Вместо ожидаемой формы *Iаз* (*чъунчIэ Iаз*) М. Паранук употребляет форму *Iазэ* (*гьунчIэ Iазэ*), а у А. Евтыха встречаются взаимозаменяемые варианты - *хафэ* (*пшъи хафэ*), *хаф* (*пшъи хаф*). Указанные особенности характеризуют лишь некоторые общие тенденции развития конца слова. Поведение конечного гласного э (как и конечного и) неодинаково во всех адыгейских диалектах. Тем не менее можно констатировать, что общеадыгский конечный гласный э, сохраняющийся в разных позициях в кабардинском языке, отпадает в предикативной позиции определенного типа слов в адыгейском языке. Есть основание утверждать, что в данном случае адыгейский язык демонстрирует начальную стадию развития закрытого слога на базе преобразования многосложных слов с конечным этимологическим (общеадыгским) гласным э.

Сказанное не распространяется на все типы слов в адыгейском языке. Исключение составляют случаи, когда конечный *э* находится в позиции после сонанта *й*. В этой позиции общеадыгское состояние во многих словах продолжает адыгейский язык, сохраняя конечный гласный *э*, утраченный кабардинским языком. Ср. адыг. *ийэ* > каб. *мэй* 'яблоня', адыг. *ккыуайэ* > каб. *ккыуэй* 'сыр', адыг. *джайэ* 'сом' > каб. *джэй* 'кит', адыг. *тхйэ* > каб. *хэй* 'невиновный, честный', адыг. *лийэ* > каб. *лэй* 'лишний', адыг. *чыйэ* > каб. *жэй* 'сон'. Однако общеадыгское сочетание *йэ* в конце слова сохраняется не во всех случаях в адыгейском языке. Ср., например, адыг. *чыгай* 'дуб', но *чыгайэ* *пичагашьэхэр* 'дубовые листья', *дэжый* 'орех', но *дэжыйэ* *чыг* 'ореховое дерево', адыг. *тхыгуай* 'то, что пишется трудно', но *а тхылгыр тхыгуайэ* 'эту книгу трудно писать'.

В словах типа адыг., каб. *пхыр* 'сноп' адыг. *чээр*, каб. *хэр* 'бегун', адыг. *стыр*, каб. *пштыр* 'горячий', адыг., каб. *чир* 'высокий, длинный' выделяется общеадыгский суффикс *-р*, восходящий к причастному суффиксу *-рэ*. Ср. адыг. *кIуэрэ-р* 'идуший', *чээрэ-р* 'бегущий'. Надо полагать, что субстантивация старых причастных форм типа *пхыр* (< *пхырэ*) 'сноп' относится к эпохе общеадыгского языкового единства. К этому хронологическому периоду следует возвести отпадение конечного *э* в суффиксе причастия рассматриваемых слов.

Сказанное распространяется также на другие суффиксальные морфемы, в частности форманты именительного падежа *-р* < *-рэ* и эргативного падежа *-м* < *-мэ*. Судя по всему, отпадение *э* в форманте именительного падежа произошло раньше, чем отпадение *э* в форманте эргативного падежа. Общеадыгскую огласовку формант эргативного падежа единственного числа сохраняет в некоторых диалектах. Ср., например, в кабардинских диалектах: *хэмэ* *кIилыхуа* 'суп-кин сын', куб. *пшашьэмэ* 'девушка', *чIихумэ* 'человек', шапс. *бинмэ* 'семья', *йинижэмэ* 'великан'. Несмотря на сохранение общеадыгской формы в диалектах, тенденция к редукции огласовки форманта эргатива (*-мэ* > *-м*), по-видимому, относится к общеадыгскому периоду (по крайней мере, к позднему периоду существования общеадыгского языка).

К кабардинским инновациям следует отнести отпадение *э* в форманте условного наклонения. Ср. каб. *кIуэмэ* > *кIуэм* 'если он идет', *тхэмэ* > *тхэм* 'если он пишет'. Характерно, что в данном случае адыгейский язык проявляет устойчивость, более последовательно удерживая общеадыгскую огласовку суффикса *-мэ*. То же самое можно сказать об огласовке некоторых других формантов, адыгейские варианты которых характеризуются общеадыгской огласовкой. Ср. адыг. *-фэ*, каб. *-ху*: адыг. *сиккыэкIуэжы-фэ*, каб. *си-кIэкIуэжи-ху* 'пока я вернусь'.

Развитие конечного э

В адыгейском языке наряду с отпадением конечного э действует противоположная тенденция: развитие гласного э в конце слова. Слова иноязычного происхождения с исходом на сонорные м, н, р проявляют тенденцию к образованию открытого слога с конечным гласным э. В эту группу слов попадают как ранние, так и поздние заимствования. Появление гласного в конце заимствованных слов закрытого типа, как и отпадение гласного э в конце исконных слов открытого типа, относится к позиционным явлениям. Так, старое заимствованное слово *нур* 'свет, сияние' в сочетании с поспозитивными членами употребляется не как односложное слово, а как двухсложное с конечным э. Ср., *тигъэм йинурэ дахэр* 'красивое сияние солнца'. Ср. также: *джинэ* 'духи, призраки', *джорэ* 'крест', *Хъасанэ* 'Хасан' (собств. имя). Заметим, что к этой группе слов примыкают также слова, оканчивающиеся на согласные б, д. Ср. *джиб* 'карман': *Йиджибэ нэчи* 'Его карман пустой'; *Асхъад* 'Асхад': *Асхъадэ инхэр* 'глаза Асхада'.

Описываемое явление имеет довольно широкое распространение в адыгейском языке. В кабардинском языке слова аналируемого типа сохраняют устойчивость с точки зрения фонетического строения конечного слога, хотя отмечаются отдельные случаи, свидетельствующие о развитии гласного э в абсолютном исходе старых лексических заимствований. Ср. слово *сатир* 'ряд, линия, строчка' в форме *сатирэ* в диалектах и говорах (ср. араб. *satr* 'ряд, строчка, линия'). Заметим, что в адыгейском языке появление конечного э наблюдается также в словах, относящихся к новейшему пласту заимствованной лексики. Ср. *октябрэ мафэр* 'октябрьский день', *январэ мазэр* 'январь месяц'.

Относительная хронология законов конца слова

Вопрос об относительной хронологии действия законов конца слова в адыгских языках остается до сих пор неисследованным. Вообще этот вопрос не ставился в литературе, хотя имеются попытки объяснить причины отпадения конечных гласных в адыгских языках на основе акцентологических особенностей слова.

Фономорфологические преобразования конца слова восходят к различным хронологическим периодам. Характерно, что во всех западнокавказских языках четко прослеживаются некоторые общие закономерности, связанные с концом слова. Так, конечные гласные односложных слов открытого типа отпадают при сочетании со слогообразующими элементами (префиксальными и корневыми морфемами), обуславливающими оттяжку ударения. Ср., например, абх. *ацу* (< а+цуи) 'бык' (родовая форма), абаз. *ачу* (< а+чуи) 'бык' (определенная форма), убых. *ацу* (< а+цуи) 'бык' (определенная форма), адыг. *йицу* (< йи+цуи), каб. *йив* (< йи+ви) 'его бык', абх. *агу* (< а+гуи) 'сердце' (родовая форма), абаз. *агу* (< а+гуи) 'сердце' (определенная форма), убых. *агъ* (< а+гъи) 'сердце' (определенная форма), адыг. *игу*, каб. *йигу* (< йи+гуи) 'его сердце'.

Есть все основания утверждать, что указанное явление – тенденция к отпадению конечного безударного гласного – относится к эпохе, предшествовавшей образованию общеадыгского языкового единства. Однако тенденция к отпадению гласных в исходе слова продолжала действовать с разной степенью интенсивности в период самостоятельного существования западнокавказских языков, что обусловило ареальные особенности конца слова в их современном состоянии.

В адыгских языках разбираемое явление характеризуется гетерогенностью с хронологической точки зрения. Наряду с явлениями, восходящими к более глубоким хронологическим эпохам, отмечаются общеадыгские явления, а также новообразования, свойственные эпохе раздельного существования адыгских языков и их диалектов.

Сравнение форм типа адыг. *цIифи*, каб. *цIиху* 'человек', адыг. *йини*, каб. *йин* 'большой', адыг. *мэзи*, каб. *мэз* 'лес' может натолкнуть на вывод о том, что отпадение конечного *и* – кабардинское новообразование. Однако подобный вывод был бы несостоятельным. Дело в том, что адыг. *цIифи* 'человек', *йини* 'большой', *мэзи* 'лес' являются лишь позиционными вариантами. Как отмечалось выше, в адыгейском языке слова разбираемого типа в позиции простого предикативного члена удерживают конечный гласный *и*, тогда как в роли препозитивного или постпозитивного члена словосочетания теряют его: *ар цIифи* 'он – человек', но *ар цIиф дэгъу* 'он – прекрасный человек' и др. В кабардинском языке процесс отпадения конечного этимологического гласного *и* в словах типа *цIиху* 'человек', *мэз* 'лес', *йин* 'большой' не зависит от позиционных условий. Анализ материала показывает, что позиционная обусловленность конечного гласного *и* – общеадыгское явление, т.е. хронологически возводится к общеадыгской эпохе, а отпадение конечного *и* в любой позиции – кабардинское новообразование. Сравнение словарных форм типа адыг. *псалъ*, каб. *псалъэ* 'слово', адыг. *уан*, каб. *уанэ* 'седло', адыг. *сан*, каб. *сэбэ* 'пыль', адыг. *джан*, каб. *джанэ* 'рубашка' выявляет обратное соотношение в том смысле, что кабардинский язык во всех позициях сохраняет этимологический гласный *э* в абсолютном исходе, продолжая состояние общеадыгского языка. Отпадение конечного гласного *э* – адыгейское новообразование. Как и в случаях с конечным *и*, отпадение конечного *э* в адыгейском языке носит позиционный характер: адыг. *ар ашь йипсалъ* 'это его слово', *ар ашь йиджан* 'это его рубашка', но *ашь псалъэ ккыIуагъ* 'он сказал слово, речь', *ашь джанэ ккыIшьэфигъ* 'он купил рубашку'. Как показывают примеры, фонетическое строение конца слова изменяется в зависимости от грамматической позиции: в одной позиции конечный этимологический гласный отпадает, а в другой – сохраняется.

Итак, в отношении конца слова в адыгских языках наблюдаются разнонаправленные тенденции. В словах с конечным этимологическим гласным *и* адыгейский язык продолжает состояние общеадыгского языка, сохраняя в определен-

ных позициях исходное фонетическое строение конца слова, тогда как кабардинский язык в подобных случаях утрачивает общеадыгскую форму конца слова. Напротив, в словах с конечным этимологическим гласным э кабардинский язык проявляет консерватизм, т.е. продолжает состояние общеадыгского языка, сохраняя исходную форму, восстанавливаемую лишь в определенных позициях в адыгейском языке. Исключения могут составить слова с дифтонгом *йэ* в абсолютном исходе. Конечный э в этом положении оказывается более устойчивым в адыгейском языке, позиционно продолжающим общеадыгское состояние: адыг. *дэжъий* 'орех', но *дэжъийэ* *пайу* 'шапка из орехов', *чъыгай* 'дуб', но *чъыгайэ* *чъыг* 'дубовое дерево'.

В целом преобразование конца слова в результате отпадения конечных гласных является незавершенным фонетическим процессом, протекающим с разной степенью интенсивности в разных диалектах. В этом отношении особенно отличаются адыгейские диалекты, допускающие варианты формы строения конца слова в различных позициях.

ТЕОРИЯ МОНОВОКАЛИЗМА В СВЕТЕ ДАННЫХ ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

За последние два десятилетия на страницах ряда зарубежных лингвистических изданий ведется дискуссия по вопросу о вокализме западнокавказских языков⁷⁰. Повышенный интерес к вокализму языков Западного Кавказа неслучаен: материал данной группы языков используется для решения проблем общей фонологии, реконструкции фонологических моделей различных языков, их типологического обобщения и т.д. Известное положение о моновокализме индоевропейского корня, тесно связанное с ларингальной теорией, до сих пор остается дискуссионным⁷¹. Сторонники моново-

- ⁷⁰ См., например, *Allen W.S.* On one-vowel systems. - *Lingua*, v. 13, № 2, 1965; *Szemerényi O.* The new look of Indo-European: reconstruction and typology. - *Phonetica*, v. 17, №2, 1967; *Kuipers A.H.* Unique types and typological universals. - *Pratidānam: Indian, Iranian and Indo-European studies. Presented to F.B.J. Kuiper.* The Hague, 1968; *Он же.* Typologically salient features of some North-West Caucasian languages. - *Studia Caucasica*, III, The Petter de Ridder Press, 1976; *Halle M.* Is Kabardian a vowel-less language? - *Foundations of language*, v. 6, № 1, 1970.
- ⁷¹ *Jakobson R.* Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. - *Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists.* Oslo, 1958; *Kuryłowicz J.* Probleme der indogermanischen Lautlehre, II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962; *Szemerényi O.* Structuralism and substratum. Indo-Europeans and Aryans in the acient Near East. - *Lingua*, v. 13, № 1, 1964; *Макаев Э.А.* Структура сло-

кализма в индоевропейском для его типологического обоснования широко используют материал западнокавказских языков, поскольку современные языки Западного Кавказа, по их мнению, характеризуются моновокалической системой. В этих же целях материал западнокавказских языков привлекается в исследованиях по диахронической типологии фонологических систем других языковых групп, в частности, для верификации теории группофонем в истории славянских языков ее сторонники обращаются к материалу западнокавказских языков⁷².

Внимание к вокализму западнокавказских языков усиливается тем обстоятельством, что теория моновокализма находится в явном противоречии с некоторыми положениями как классической фонологии (в интерпретации Н.С. Трубецкого), так и одного из распространенных в современном языкознании направления - дихотомической фонологии. Дело в том, что сторонники моновокализма используют материал западнокавказских языков не только в целях постулирования моновокализма для истории развития фонологической системы языков различных типов, но и для опровержения провозглашенного Н.С. Трубецким⁷³ и поддержанного основателями дихотомической фонологии положения о том, что противопоставление гласных и согласных фонем является одной из лингвистических универсалий. Поэтому естественно, что сторонники дихотомической фонологии также включились в дискуссию по проблемам вокализма в современных западнокавказских языках⁷⁴. Таким образом, дискуссия вышла за пределы западнокавказского языкознания, возбуждав интерес специалистов разных языковых групп и разных лингвистических направлений.

В зарубежной лингвистической литературе спор о вокализме западнокавказских языков начался уже в связи с выступлением Р. Якобсона на VIII Международном конгрессе лингвистов. В своем докладе Р. Якобсон отметил: "Противоречия между реконструированным состоянием какого-либо языка и общими законами, которые устанавливает типология, делает реконструкцию сомнительной... Представление о протоиндоевропейском языке как языке, обладавшем лишь одним гласным, не находит подтверждения в засвидетельствованных языках земного шара"⁷⁵. На указанном конгрессе точка зрения Р. Якобсона была подвергнута критике У. Алленом, защищавшим тезис о возможности существования моно-

ва в индоевропейских и германских языках. М., 1970, с. 146-147.

⁷² Журавлев В.К. Группофонема как основная фонологическая единица. - В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966, с. 82.

⁷³ Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с. 107.

⁷⁴ Halle M. Op. cit.

⁷⁵ Jakobson R. Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, p. 23.

вокалической системы, ссылаясь при этом на современный абазинский язык⁷⁶. Возражая У. Аллену, в своем заключительном слове Р. Якобсон заявил: "Типологическая верификация повышает вероятность реконструированных фонологических и морфологических моделей и делает реконструкцию из чисто цифрового каталога более реалистическим изображением лингвистической системы... Несмотря на смелую попытку найти современный северокавказский язык, не различающий гласных фонем, отнесение моновокалического статуса к протоиндоевропейскому противоречит, однако, нашему представлению о фонологическом строе языка"⁷⁷. После VIII Международного конгресса лингвистов развернулась дискуссия вокруг проблемы моновокализма. В частности, У. Аллен подробно останавливается на теории моновокализма в полемической статье, направленной не только против традиционной реконструкции пятичленной системы вокализма в индоевропейском, но отстаивающей положение об отсутствии противопоставления гласных и согласных фонем в западнокавказских языках⁷⁸. Однако прежде чем перейти к рассмотрению взглядов У. Аллена и других сторонников моновокализма, следует напомнить об истоках этой фонологической теории.

Как известно, традиционная пятичленная система индоевропейского вокализма была отвергнута в 1879 г. Ф. де Соссюром, заложившим основы теории моновокализма индоевропейского корня⁷⁹. Идея Ф. де Соссюра получила дальнейшее развитие в многочисленных трудах сторонников ларингальной теории, заменивших сонотические коэффициенты Ф. де Соссюра ларингальными в связи с открытиями клинописного хеттского языка в конце первой четверти XX в. Наиболее распространенный вариант теории моновокализма индоевропейского корня, представленный в работе Э. Бенвениста, основывается на ларингальной теории⁸⁰. Сущность теории моновокализма в понимании Э. Бенвениста заключается в том, что единственный гласный *e* в индоевропейском в различной комбинации с ларингальными дает краткие и долгие гласные. Основываясь на положении Ф. де Соссюра о консонантном характере индоевропейского *э*, получившем признание и развитие у Мёллера, Педерсена, Куни, Куриловича и др., Бенвенист отмечает: "Мы полагаем, следовательно, известным и принятым, что *e*, *a*, *o* (не являющиеся аблаутным вариантом *e*) и *ē*, *ā*, *ō* отражают *e* с предшествующим или последующим *э* в одной из его трех форм, а именно

⁷⁶ Proceedings of the Eighth international congress of linguists. Oslo, 1958, p. 28.

⁷⁷ Там же. с. 34.

⁷⁸ Allen W. On one-vowel systems, p. 111-124.

⁷⁹ Saussure F. de. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Paris, 1879.

⁸⁰ Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

$\varepsilon_1 + e = e$; $\varepsilon_2 + e = a$; $\varepsilon_3 + e = o$; $e + \varepsilon_1 = \tilde{e}$; $e + \varepsilon_2 = \tilde{a}$; $e + \varepsilon_3 = \tilde{o}$. Эти три разновидности ε оставили след в хеттском языке"⁸¹.

Как отмечается выше, в отношении западнокавказских языков мнение о вокализме впервые было высказано Н.Ф. Яковлевым в одном из его ранних фонетических исследований по кабардинскому языку⁸². Хотя идею о моновокализме Н.Ф. Яковлев предложил в качестве гипотезы применительно к истории развития фонологической системы кабардинского языка, в последующий период мнение этого ученого нередко принимается как цельная теория, не нуждающаяся в лингвистических обоснованиях. Причем сторонники теории моновокализма утверждают, что моновокалическая система характерна не только для истории развития кабардинского языка, как это предполагал Н.Ф. Яковлев, но и для его современного состояния.

Между тем, высказывая предположение об историческом моновокализме кабардинского языка, Н.Ф. Яковлев не делал даже попытки обосновать свое мнение данными внутренней или сравнительной реконструкции. Судя по характеру постановки вопроса, Н.Ф. Яковлев и не ставил этой задачи. Проецируя моновокализм в историю развития фонологической системы кабардинского языка, Н.Ф. Яковлев полагал, что из трех гласных фонем $и$, ε , a последняя представляет собой комбинацию ларингального (в терминологии Н.Ф. Яковлева - "гортанного спиранта") h и гласного ε . Тем самым трехчленный вокализм Н.Ф. Яковлева возводит к двухчленному вокализму, поскольку сегмент $h\varepsilon$, отождествленный им с гласным a , включает одну из двух оставшихся гласных фонем. Затем двухчленный вокализм у Н.Ф. Яковлева еще редуцируется путем элиминирования из системы "факультативного" гласного $и$. При этом вся аргументация Н.Ф. Яковлева ограничивается следующими соображениями: "Долгое a в кабардинском в части случаев также может восходить к $h\varepsilon$, получающему долготу в середине слова после согласного. Таким образом, в области гласных в кабардинском языке мы можем признать достоверно установленными лишь две краткие гласные фонемы $и$, ε , результатом слияния которых, при участии гортанного спиранта h (предположительно) генетически можно объяснить все остальные слоговые гласные элементы в языке. Далее, если принять во внимание, что краткий гласный $и$ факультативно является неслоговым и носителем слоговости в этих случаях бывает согласный одного с ним слога, а в исходном положении этот гласный систематически отпадает, то следует поставить вопрос, не имеем ли мы в кабардинском, по крайней мере, в известный период его развития пример языка с одной гласной фонемой"⁸³. Других доводов, подтверждающих возможность существования моновокализма "в известный период развития

⁸¹ Бенвенист Э. Указ. соч., с. 179.

⁸² Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка, с. 108-109.

⁸³ Там же.

кабардинского языка", Н.Ф. Яковлев не приводит. Поэтому естественно, что предположение Н.Ф. Яковлева об историческом моновокализме кабардинского языка остается уязвимым, неподтвержденным материалом.

Прежде всего обращает на себя внимание неоправданная произвольность операции, с помощью которой трехчленная система вокализма сначала возводится к двухчленной, а затем двухчленная система — к одной гласной фонеме. Из трехчленной системы исключается гласный *a* лишь на основании чисто умозрительного заключения, что эта фонема "в кабардинском в части случаев может восходить к *hэ*". В двухчленной же системе вокализма один из членов — гласная *и* — исторически считается нерелевантной потому, что она "в исходном положении систематически отпадает". Все построенное не может рассматриваться как обоснованное и согласующееся с фактами адыгских и других западнокавказских языков. Характерно, что Н.Ф. Яковлев отождествляет гласный *a*, рассматриваемый им как комплекс фонем, с сегментом *hэ* в морфеме множественного числа, ср. *мир* 'этот', *ми-hэ-р* 'эти'. Однако простое испытание на коммутацию единиц типа *йисар* 'сидевший' — *йисhэр* 'сидевшие' не дает оснований интерпретировать сегменты *a* и *hэ* как варианты одного и того же инварианта. Во всех позициях, за исключением начальной, гласный *a* не представляется возможным фонологически свести к сегменту *hэ* (о чем см. ниже). Что же касается диахронического аспекта (Н.Ф. Яковлев постулирует моновокализм "для известного периода развития кабардинского языка"), то в настоящее время можно считать установленным тот факт, что представленный во всех современных западнокавказских языках гласный *a* не относится к инновациям. Как показано выше, гласный *a* без каких-либо натяжек реконструируется для эпохи общеадыгского языкового единства.

Столь же мало убедительно рассмотрение Н.Ф. Яковлевым гласного *и* как кабардинского новообразования. Основным материалом, на основании которого гласный *и* считается инновацией, служит отсутствие его в абсолютном исходе глагольных основ типа *йэтх* 'он пишет', *йэхь* 'он несет'. В действительности же исторически исходными оказываются здесь основы с конечным гласным *и*, сохранившиеся в адыгейском языке. Ср. адыг. *йэтхи* 'он пишет', *йэхьи* 'он несет'. Иначе говоря; не подлежит сомнению исходность гласного *и* для общеадыгского состояния. Более того, гласный *и* прослеживается в истории всех западнокавказских языков, т.е. имеются серьезные основания рассматривать ее как общезападнокавказское явление. Тем самым мнение Н.Ф. Яковлева об историческом моновокализме кабардино-черкесского языка, хотя оно и взято на вооружение многими исследователями, следует признать несостоятельным.

Как отмечалось выше, в отношении вокализма современных западнокавказских языков Н.Ф. Яковлев в разное время высказывался по-разному. В работе "Таблицы фонетики кабардинского языка" Н.Ф. Яковлев отмечает, что "в области гласных в кабардинском языке мы можем признать

достоверно установленными лишь две гласные фонемы *и*, *э*⁸⁴. В работе "Математическая формула построения алфавита" Н.Ф. Яковлев пишет: "Здесь (в кабардинском языке. — М.К.) имеется всего 6 гласных фонем: *э*, *и*, *а*, *Іэ*, *Іи*, *Іа*. Последние три фонемы физиологически различаются на "крепкий приступ" *І* и соответствующую гласную фонему первой тройки"⁸⁵. Как видно, к гласным фонемам причисляется не только *а*, но и группы фонем — ларингальный* в сочетании с любым из гласных *э*, *и*, *а*. В этой же работе относительно абхазского и адыгейского языков Н.Ф. Яковлев делает заключение: "Основных гласных в абхазском языке, так же как и в кяхском (адыгейском. — М.К.), всего три: *и*, *э*, *а*, как это установлено мною, в противоположность академику Марру, который насчитывает их значительно больше"⁸⁶. Однако спустя два года Н.Ф. Яковлев в адыгейском языке выделяет уже семь гласных фонем — краткие *и*, *э* и долгие *а*, *е*, *и*, *о*, *у*⁸⁷. Эти же семь гласных позже Н.Ф. Яковлев включает в таблицу гласных фонем кабардинского языка, отказавшись от высказанной им в работе "Математическая формула построения алфавита" точки зрения, согласно которой в число гласных фонем были включены сочетания фонем "ларингальный + *и*", "ларингальный + *э*", "ларингальный + *а*"⁸⁸. Как гласные фонемы Н.Ф. Яковлевым рассматриваются уже дифтонгические образования *иэ*, *иэ*, *иэ*, *эй*, *иу*, *эу* и др., т.е. бифонемные сегменты из консонантного и вокалического элементов.

Заметим также, что вопрос о вокализме адыгских языков иногда решается Н.Ф. Яковлевым противоречиво в одной и той же работе. Так, говоря о вокализме кабардинского языка, в последней работе, посвященной этому языку, Н.Ф. Яковлев писал: "Всего в кабардино-черкесском языке 8 гласных фонем"⁸⁹. Остается, однако, неясным вопрос о восьмой гласной фонеме, поскольку приведенная автором классификация гласных фонем построена на семичленной системе, предложенной в его работах (в соавторстве с Д.А. Ашхамафом) по адыгейскому языку.

Итак, крупный специалист по западнокавказским языкам, внесший свой вклад и в разработку вопросов общей фонологии, Н.Ф. Яковлев в то же время проявляет непоследовательность в решении теоретических проблем фонологии, в частности, вокализма рассматриваемой группы языков. Особенно уязвимы его высказывания, касающиеся теории разви-

⁸⁴ Там же, с. 108.

⁸⁵ Яковлев Н.Ф. Математическая формула для построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории). — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. I. М., 1928, с. 55.

⁸⁶ Там же, с. 59.

⁸⁷ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Краткая грамматика адыгейского языка, с. 121-122.

⁸⁸ Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, с. 336.

⁸⁹ Там же, с. 331.

тия системы вокализма западнокавказских языков, хотя сторонники теории моновокализма опираются именно на его гипотезу об историческом моновокализме кабардинского языка.

После работ Н.Ф. Яковлева признаки моновокалической модели стали усматривать в других западнокавказских языках. Отмечая исключительную сложность консонантизма и простоту вокализма в абазинском языке, А.Н. Генко высказывал предположение о моновокализме этого языка, хотя его аргументация остается малоубедительной и несколько двусмысленной, т.е. допускает двойную интерпретацию. А.Н. Генко утверждает, что "абазинский язык обладает всего навсего двумя, а если учесть некоторые особенности гласного *и*, позволяющие считать его факультативным гласным субститутом сонантической (слоγοобразующей) разновидности согласных, то, быть может, одной гласной фонемой"⁹⁰. Важно заметить, что интерпретация гласного *и* как слогообразующей разновидности согласного в дальнейшем окажется одним из основных положений сторонников как теории моновокализма, так и вообще полного отрицания существования гласных фонем в западнокавказских языках. Характерно, что сомнение в наличии статуса фонемы у гласного *и* А.Н. Генко пытается подкрепить материалом абхазского и кабардинского языков. В этой связи он пишет: "В отличие от *а*, безусловно самостоятельного звука абазинского языка, *и* приходится считать стоящим на грани между фонемой и лишенным самостоятельного смыслового значения звуковым оттенком. Дело в том, что в абазинском языке, так же как и в абхазском и кабардинском, наблюдается та интереснейшая особенность, что сочетание в слове какого-либо согласного с гласным *и* фонематически, т.е. с точки зрения реального или формально-грамматического смысла сочетания, тождественно одному данному согласному, и поэтому не встречается ни одного примера, когда бы такое сочетание согласного с гласным *и*, противопоставленное одному данному согласному, в каком-либо отношении влияло на изменение значения (разрядка наша. — М.К.)"⁹¹. Трудно согласиться с мнением А.Н. Генко, что гласный *и* в отличие от гласного *а*, не является самостоятельной фонемой в абазинском, поскольку оппозиция типа *куа* 'дождь' — *куи* 'крыша', *кѳуа* 'зола' — *кѳуи* 'шерсть', *чуа* 'сено' — *чуи* 'вол' базируется на противопоставлении этих двух гласных. Нельзя считать убедительным также утверждение, что в языке этой группы снимается противопоставление согласного с гласным и одному согласному (*С + и : С*). Распространенные оппозитивные пары типа каб. *пѳишѳэн* 'мерзнуть' : *пѳишѳэн* 'полоть', *пѳишѳин* 'отпилить' : *пѳишѳин* 'связать' опровергают столь категорическое утверждение, что "не встречается ни одного примера", подтверждающего реализацию противопоставления согласного с гласным *и* одному согласному (*С + и : С*).

⁹⁰ Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955, с. 20.

⁹¹ Там же, с. 29.

В этой связи вообще существенно подчеркнуть, что различие переходных и непереходных парадигм, играющих важнейшую роль не только в образовании всей глагольной парадигматики, но и в построении основных синтаксических конструкций предложений (например, номинативной и эргативной конструкций), во многих случаях основывается лишь на противопоставлении $C + и : C$. Ср., например, глагольные формы в кабардинском: *сыкIуашъ* 'я ходил' : *сыкIуашъ* 'я прошел (какое-то расстояние)'; *дыжашъ* 'мы бежали' : *дыжашъ* 'мы пробежали (какое-то расстояние)'. Противопоставление $C + и : C$, точнее - аблаутное чередование гласного с нулем несет значительную функциональную нагрузку в глаголе. Морфонологическое чередование *и* с нулем менее характерно для имен существительных, хотя в этом отношении этот класс слов не является полностью изолированным. А выводы А.Н. Генко об отсутствии реализации противопоставления $C + и : C$ построены на материале имен существительных.

Мнение Н.Ф. Яковлева об историческом моновокализме кабардинского языка, поддержанное без достаточного основания Н.А. Генко в отношении современного состояния западнокавказских языков, хотя и не встретило сочувствия со стороны советских исследователей данной группы языков, привлекло внимание широкого круга других специалистов в связи с возрастающим интересом лингвистов, в особенности зарубежных, к теории моновокализма.

Отталкиваясь от теории Н.Ф. Яковлева, попытку обосновать положение об отсутствии противопоставления гласных и согласных фонем в кабардинском языке сделал голландский лингвист А. Койперс⁹². Поскольку фонологическая концепция, развиваемая А. Койперсом на материале кабардинского языка, в последнее время стала предметом широкого обсуждения среди лингвистов, представляется необходимым более подробное критическое рассмотрение его основных положений.

Сразу же отметим, что в отличие от Н.Ф. Яковлева, допускавшего наличие лишь одной гласной фонемы в кабардинском языке "в известный период его развития", А. Койперс приходит к выводу об отсутствии вообще гласных фонем в современном кабардинском языке⁹³. Вслед за Н.Ф. Яковлевым А. Койперс считает, что долгий гласный *а* представляет собой комбинацию ларингального *h* и краткого *э*. В противоположность Н.Ф. Яковлеву, отмечавшему позиционную обусловленность ларингального *h* в сочетании с гласным *э*, А. Койперс утверждает, что долгий гласный *а* в любом окружении сводится к сочетанию ларингального *h* и краткого гласного *э*, последовательность которых меняется в зависимости от позиции: в начальной *а* отождествляется с *hэ*, в нена начальной - с *эh*⁹⁴ (ср. положение ларингалистов, идущее от Соссюра, в соответствии с которым индоевропейские

⁹² Kuipers A.H. Phoneme and Morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe), 's - Gravenhage.

⁹³ Там же, с. 104-106.

⁹⁴ Там же, с. 38.

долгие гласные сводятся к сочетанию краткого гласного *e* с ларингальными в различной последовательности). В доказательство членимости *a* А. Койперс приводит некоторые фонологические и морфологические данные. По А. Койперсу, гласный *a* как *hə* в начальной позиции и как *əh* в начальных позициях вполне вписывается в систему дифтонгических образований *йэ, эй, үэ, эү*, где *й, ү* соотносительны с *h* в сегментах *hə, əh*. Членимость гласного *a* на *h + э, э + h* А. Койперсу представляется оправданной также с акцентологической точки зрения: влияние гласного *a* на ударение "соответствует тому, что характерно для отрезка *VC*" (где символ *V* обозначает краткий гласный, т.е. либо *и*, либо *э, с* - любой согласный)⁹⁵. А. Койперс, как и Н.Ф. Яковлев, гласный *a(hə)* усматривает в морфеме множественного числа *hə*. Этим, собственно, заканчивается первая часть анализа системы вокализма, ставившая целью элиминировать гласный *a*.

Следующий этап анализа вокализма у А. Койперса - это попытка обоснования тезиса о нерелевантности гласного *и* на фонологическом уровне. Отмечая случаи чередования гласного *и* с нулем в различных фонетических условиях, А. Койперс пишет: "Если считать *и* (А. Койперс обозначает его графемой *э*. - М.Н.) отдельной фонемой, то это приведет к серьезным осложнениям при описании морфологии, потребует произвольного понимания границ морфем, не даст возможности четко разграничить фонологический уровень от морфологического, приведет к неточным правилам при учете простейших единиц языка"⁹⁶. Указанные трудности устранились тем, что сочетания типа "согласный + гласный *и*" рассматриваются им "как простые фонемы с невокалическими имплозивными вариантами"⁹⁷. А. Койперс утверждает, что "краткие верхние гласные не различаются на уровне морфемы"⁹⁸, хотя не приводит убедительных доводов для обоснования столь ответственного заявления.

После того, как из системы фонем исключены гласные *a, и*, остается лишь единственный член вокализма - гласный *э*. А. Койперс идет дальше сторонников моновокализма: он считает, что гласный *э* также не является отдельной фонемой. В этой связи он утверждает, что в словах типа *шм* 'лошадь' : *шэ* 'молоко', *лви* 'кровь' : *лвэ* 'нога' "второй член каждой пары отличается от первого исключительно признаком открытости"⁹⁹. Иначе говоря, гласный *э* считается не отдельной фонемой, а признаком открытости согласного, т.е. такой же особенностью, как палатализация, лабиализация. "Открытость не встречается самостоятельно; она встречается только в соединении с признаком консонантности. В этом отношении она параллельна палатализации и лабиализации"¹⁰⁰. А. Койперс приходит к выводу об

⁹⁵ Там же, с. 35.

⁹⁶ Там же, с. 49.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, с. 50.

¹⁰⁰ Там же, с. 51.

отсутствии вообще гласных фонем в кабардинском языке. В итоге он заявляет: "Наиболее разительной особенностью фонологической системы кабардинского языка является отсутствие противопоставления согласного и гласного"¹⁰¹. По мнению А. Койперса, материал кабардинского языка опровергает положение Н.С. Трубецкого, принятое и основателями дихотомической фонологии, согласно которому противопоставление согласных и гласных относится к числу основных языковых универсалий. В то же время А. Койперс указывает на типологическое сходство фонологической системы кабардинского языка с моделью, реконструированной Бенвенистом для индоевропейского¹⁰². В этом, собственно, заключаются основные выводы голландского лингвиста, дебатлируемые лингвистами и в настоящее время.

Точку зрения А. Койперса поддержал У. Аллен¹⁰³. Хотя У. Аллен указывает на недостаточную обоснованность некоторых выводов А. Койперса, он отмечает, что не может быть возражения против того, что гласный "становится сопутствующей особенностью согласного, как палатализация или лабиализация"¹⁰⁴. Полемизируя с О. Семереньи, выступившим в защиту традиционной теории пятичленной системы индоевропейского вокализма¹⁰⁵, У. Аллен признает типологическую релевантность западнокавказских языков (в его терминологии — языков северозападного Кавказа) для фонологической системы индоевропейского¹⁰⁶. Впрочем, эту идею У. Аллен выдвинул еще раньше на материале абазинского языка, опираясь на высказывания А.Н. Генко о признаках моновокалической модели в абазинском¹⁰⁷.

Что касается О. Семереньи, то он категорически отвергает попытку типологического обоснования теории моновокализма индоевропейского корня путем привлечения материала западнокавказских языков¹⁰⁸. Следует согласиться с У. Алленом, справедливо указывающим на то, что этноцентрическая позиция (*ethnocentric attitude*) отнюдь не способствует решению вопроса о типологии вокализма в индоевропейском. Вместе с тем сам У. Аллен без достаточных оснований принимает положение А. Койперса об отсутствии противопоставления гласных и согласных фонем в кабардинском языке. Вообще позиция У. Аллена в вопросе о вокализме абазинского языка не отличается устойчивостью. Если в работе 1956 г. У. Аллен, вслед за А.Н. Генко, говорил о моновокализме абазинского языка в определенных по-

¹⁰¹ Там же, с. 104.

¹⁰² Там же, с. 104-105.

¹⁰³ Allen W.S. On one-vowel systems, p. 114-123.

¹⁰⁴ Там же, с. 123.

¹⁰⁵ Szemerényi O. Structuralism and substratum. Indo-Europeans and Aryans in the ancient Near East.

¹⁰⁶ Allen W.S. Op. cit, p. 123.

¹⁰⁷ Allen W.S. Structure and system in Abaza verbal complex. — Transactions of the Philological Society. Hertford, 1956.

¹⁰⁸ Szemerényi O. The new look of Indo-European, p. 79-81.

зициях¹⁰⁹, то в работе 1965 г. он, вслед за А. Койперсом, отрицает противопоставление гласных и согласных в кабардинском языке, а также в категорической форме утверждает, что "моновокалическая система ясно устанавливается для абазинского языка"¹¹⁰.

Нужно признать, что теория А. Койперса выглядит весьма элегантно и заманчивой. Однако построение голландского лингвиста, принятое не только У. Алленом, но и некоторыми советскими учеными, вызывает серьезные возражения. Нетрудно заметить, что начальная процедура анализа материала и исходные позиции у Н.Ф. Яковлева и А. Койперса оказываются общими: трехчленная система вокализма сводится к двухчленной путем расчленения гласного *a* на два сегмента – ларингального и краткого гласного *э*. Что касается объяснения А. Койперса, то оно наталкивается на ряд существенных затруднений.

Прежде всего, представляется малоубедительным рассмотрение гласного *a* как сочетания *эh* в начальной и неначальной позиции. Нельзя отрицать того очевидного факта, что начальным может быть только консонантный элемент. Это подтверждается не только изменением *a* > *ha*, *hэ* в начальном положении, но и изменением *и* > *hi* в этом же положении в адыгейском языке. Как отмечалось, в адыгейском языке начальное *и* фонетически реализуется как сочетание *hi*, образуя параллель с начальным *hэ*. Формы типа *hitxigъ* 'он написал', но *kitxigъ* 'он написал сюда', *hэн* 'мать', но *сйан* 'моя мать' показывают, что сегменты *hi*, *hэ* – комбинаторные варианты, обусловленные строением начального слога в адыгских языках. В связи с рассматриваемым явлением заслуживает внимания иноязычная лексика, указывающая на невозможность чисто вокалического начала, т.е. без протетического элемента. В словах иноязычного происхождения начальные гласные подвергаются фонетической адаптации, заменяясь сегментами с протетическим ларингальным *h*. Характерно, что старая адыгская орфография отражала эту специфику строения начального слога: начальные гласные *a*, *и*, *о*, *у* в иноязычных словах орфографически выражались графемами *he*, *hi*, *ho*, *hu*. Ср., например, принцип передачи начальных гласных в иноязычной лексике в 20-е и 30-е годы в адыгских литературных языках: каб. *heprejl* 'апрель', *hoktjabr* 'октябрь', *hustav* 'устав', адыг. *hijul* 'июль', *hijun* 'июнь', *Hispanije* 'Испания', *Habram* 'Абрам'. Как видно, невозможность гласных в начальной позиции фиксируется специальным графическим знаком *h*, служащим для обозначения протетического ларингала. В этом отношении современные орфографические нормы более условны, так как графически не выражается произношение начального слога слов иноязычного происхождения, хотя ларингальная протеза прочно сохраняется в этом слое лексики¹¹¹.

¹⁰⁹ Allen W.S. Structure and system in Abaza verbal complex, p. 172.

¹¹⁰ Allen W.S. On one-vowel systems, p. 119.

¹¹¹ Заметим, что ларингальное начало – довольно распространенное явление в языках различных типов (Э.А. Ма-

В то время как наличие начального консонантного элемента в словах типа *хэр* (орф. *ар*) 'он', *хэнэ* (орф. *анэ*) 'мать' не вызывает сомнений, материал не только кабардинского, но и других западнокавказских языков вряд ли дает основания трактовать *а* как *эһ* в нена начальной позиции. Мало удовлетворяет объяснение, исходящее из того, что гласный *а* обнаруживает тождество с дифтонгическими образованиями, т.е. с сегментами *йэ*, *эй*, *үэ*, *эү*. То, что в словах *мэй* 'яблоня', *фэү* 'мед' конечными являются сонанты *й*, *ү*, очевидно. Нельзя, однако, этого сказать о словах *да* 'сшитый', *жа* 'бежавший', *тха* 'писавший'. Последние, по Койперсу, включают сегмент *эһ*: *дэх* 'сшитый', *жэх* 'бежавший', *тхэх* 'писавший'. Если принять объяснение А. Койперса, форма множественного числа указанных причастий должна включать еще второй сегмент *һэ*: *дэхһэр* 'сшитые', *жэхһэр* 'бежавшие', *тхэхһэр* 'писавшие', что представляется крайне сомнительным и опровергается данными экспериментального анализа. Заметим, что вполне возможны сочетания типа *эүүэ*, *эйэ*. Ср. *фэүүэ* 'мед' (обстоятельств. падеж), *мэййэхэ* 'он несет яблоню'. Если даже предположить, что сочетание *эһэ*, в отличие от сочетаний *эүүэ*, *эйэ*, дает *эһэ* (в этом случае пришлось бы признать особую специфику отрезков *һэ*, *эһ*), то и тогда формы *дэхэр*, *жэхэр*, *тхэхэр* не согласуются с пониманием *а* как сегмента *эһ* в нена начальной позиции. Ср. *дэхэр* 'те, кто шьют', *жэхэр* 'бегающие', *тхэхэр* 'пишущие'.

Еще менее удовлетворяет трактовка *а* как *эһ* в положении между согласными. Экспериментальный анализ не подтверждает наличия *эһ* вместо *а* в этой позиции, т.е. в словах типа *мазэ* 'луна', *хадэ* 'огород', *джанэ* 'рубашка', *шэбэ* 'мягкий', *пасэ* 'ранний'. Отметим, что интерпретация *а* как *эһ* в нена начальной позиции не только не подтверждается данными экспериментального анализа, но не имеет реальных оснований с точки зрения соотношений между элементами фонологической системы кабардинского языка. Расчленения гласный *а* в нена начальной позиции на гласный *э* и согласный *һ(эһ)*, А. Койперс не учитывает одного существенного обстоятельства, связанного с синтагматическими отношениями фонем и их вариантов исследуемого им языка. В кабардинском языке в нена начальной позиции встречается согласный *һ*, причем последний по своему происхождению не связан с долгим гласным, а представляет собой свободный альтернант заднеязычного *х*, входящего в состав морфемы множественного числа. Ср. *үйнэ* 'дом', *үйнэхэр* 'дома', *мир* 'этот', *михэр* 'эти'. Именно с ларингальными *һ*

каев. Указ. соч., с. 149-150). В этой связи заметим, что особенности строения начального слога в языках разных типов с типологической точки зрения могут поколебать и без того спорное объяснение начального *һ* в армянском как рефлекса индоевропейского ларингального. Ср., например, адыг. *һан*, *һэн* (< *ан*) 'мать', арм. *һап* 'бабушка'.

в морфеме множественного числа А. Койперс отождествляет ларингальный *h* в сегментах *hэ*, *эh* (а). И, действительно, по своей физической характеристике ларингальный *h* в сегменте *hэ*, т.е. в начальной позиции, не отличается от *h* в морфеме множественного числа. Ср. *hэхэрий* (орф. *ахэ-ри*) 'они' (в союзной форме), где начальный сегмент *hэ* представляет собой корневую морфему, передаваемую орфографически с помощью *а*, сегмент *hэ* в медиальной позиции — аффиксальную морфему множественного числа.

Согласно А. Койперсу, сегмент *а* в словах *да 'сшитый'*, *мазэ 'луна'* заменяется сегментом *эh*: *дэх 'сшитый'*, *мэх-зэ 'луна'*. Однако остается необъясненным, почему у А. Койперса ларингальный *h* как часть сегмента *эh* занимает особое, необычное синтагматическое положение. Выделенный А. Койперсом сегмент *эh* никогда не встречается в положении перед гласными. Ведь синтагматически вполне возможно сочетание *эhэ*. Из приведенных примеров *уинэхэр 'дома'*, *михэр 'эти'* видно, что кабардинский ларингальный *h* реализуется именно перед гласным. Более того, кабардинский *h* возможен только в положении перед гласным, обнаруживая в этом отношении тождество с английским *h*. Факт этот свидетельствует о том, что интерпретация гласного *а* как сегмента *эh* в нена начальной позиции не подтверждается с точки зрения синтагматики кабардинского *h*.

Касаясь акцентологических особенностей кабардинского языка, следует отметить, что сохранение ударения на *а*, "если префиксы прибавляют к моносиллабическому слогу с конечным *а*", не может также служить надежным основанием для отождествления *а* с сегментом *эh*. Вообще высказывания А. Койперса, касающиеся ударения в слове, нельзя считать бесспорными: число примеров, иллюстрирующих иную акцентологическую структуру слова в современном кабардинском языке, гораздо больше, чем он это предполагает.

Не представляется возможным согласиться также с мнением о том, что любой консонантный элемент в сочетании с гласным является реализацией одной фонемы. Вообще попытки элиминировать *и* не могут рассматриваться удачными и согласующимися с фактами западнокавказских языков. Дело в том, что *и* противопоставляется нулю не только в ударном положении, но и в безударном. Причем противопоставление безударного *и* нулю становится фонологически релевантным для большого числа значимых единиц, относящихся к разным классам слов. Как отмечалось выше, в адыгских языках переходные и непереходные парадигмы, имеющие важнейшую функциональную значимость в языках эргативного строя, различаются путем противопоставления гласных, в том числе безударных *и*, *э*, нулю, что делает теоретически невозможным принятие положения, согласно которому гласные не различаются на уровне морфемы¹¹². Степень различительной релевантности чередования *и* с нулем особенно возрастает с вступлением в силу морфологических факторов, на что справедливо указывал Г. Фогт применитель-

¹¹² Kuipers A. H. Phoneme and Morpheme... p. 42.

но к убыхскому языку¹¹³. Что же касается предлагаемой А. Койперсом упрощенной записи безударных кратких гласных, то она не учитывает всех морфологических факторов, обусловленных различительной функцией гласных, в том числе безударного *и*.

Не ближе к истине и объяснение гласного *э* не как отдельной фонемы, а как признака открытости согласной фонемы. В соответствии с разбираемой теорией вокализма сегменты *пI*, *пIи*, *пIэ* в кабардинских словах *пIшIэн* 'полоть', *пIишIэн* 'мерзнуть', *пIэшIэн* 'спешить' являются вариантами одного инварианта, т.е. реализациями одной фонемы, хотя различие последних зиждется лишь на различии указанных сегментов.

Заметим, что многочисленные примеры типа нечленимых основ *пIшIэн* 'полоть', *пIишIэн* 'мерзнуть', *пIэшIэн* 'спешить' исключают также возможность трактовки *и* как символа для синлабического соединения (шва). Вообще следует согласиться с М. Халле, не без оснований отметившим, что таким же путем, т.е. рассматривая гласный как признак открытости согласного "может быть без особого труда доказано, что все языки лишены вокализма, поскольку мы можем также определить каждый гласный как "признак X", где X может означать открытость, (openness), заднее образование (backness), огубление (roundness) и т.д."¹¹⁴

Наконец, рассматривая фонологическую концепцию А. Койперса, вызвавшую столь острую дискуссию в зарубежной лингвистической литературе и получившую поддержку среди части лингвистов, в том числе и некоторых советских ученых, представляется необходимым отметить, что исследование А. Койперса построено на материале двух информаторов, проживающих за пределами СССР¹¹⁵, а лингвистическая литература о западнокавказских языках учтена далеко не полностью. Это обстоятельство не могло отрицательно не повлиять на результаты работы А. Койперса. Вместе с тем следует сказать, что А. Койперс, если отвлечься от его теоретических выводов, делает целый ряд тонких и интересных наблюдений над фонологической системой описываемого им языка. Это касается, в частности, дистрибуции отдельных фонем, уточнения позиций их нейтрализации, комбинаторных вариантов и т.д.

Из вышеизложенного видно, что под теорией моновокализма западнокавказских языков, в сущности, понимаются разные явления. Одни авторы (Н.Ф. Яковлев, А.Н. Генко и др.) признают возможность существования монофонемного вокализма, у других же (А. Койперс, У. Аллен и др.) речь идет об отсутствии вообще вокализма на фонологическом уровне. Однако ни теория монофонемного вокализма, ни теория отсутствия противопоставления согласных и гласных фонем не подтверждаются материалом современных западнокавказских языков.

¹¹³ Vogt H. Dictionnaire de la langue oubykh, p. 30-31.

¹¹⁴ Halle M. Is Kabardian a vowel-less language? p. 103.

¹¹⁵ Там же, с. 12.

Как отмечалось выше, гласные *а*, *и* входят в систему вокализма всех западнокавказских языков и диалектов. Более того, гласные *а*, *и* представлены в древнейшем лексическом фонде, восходящем к эпохе западнокавказского языкового единства. Принадлежность корневых слов, содержащих гласные *а*, *и*, к древнему фонду западнокавказских языков дает основания отнести их к праязыковому состоянию (см. об этом выше, с. 49-51). Гласный *э* возводится к общеадыгскому состоянию, хотя является адыгской инновацией западнокавказских языков. Иначе говоря, двухчленный вокализм абхазского, абазинского и убыхского языков трансформировался в адыгский трехчленный вокализм за счет образования новой гласной фонемы *э* еще в эпоху общеадыгского языкового единства.

Изложенная в опубликованной работе автора¹¹⁶ и развиваемая в настоящей монографии точка зрения на вокализм западнокавказских языков не является общепринятой среди специалистов данной группы языков. Как отмечалось выше, вопрос об историческом вокализме западнокавказских языков в разные хронологические эпохи (о западнокавказском вокализме, об общеадыгском вокализме, о взаимоотношениях между ними) вообще не ставится в литературе до самого последнего времени, хотя существуют мнения об однофонемном вокализме "в известный период развития" кабардинского языка (мнение Н.Ф. Яковлева), о вторичности гласного *и* в адыгских языках (мнение Г.В. Рогава), о существовании носовых гласных в протоадыгском (мнение Б.Х. Балкарова) и др.

Что касается вокализма современных западнокавказских языков, то многие авторы выделяют гораздо большее количество самостоятельных гласных фонем в рассматриваемых языках. Развиваемая в поздних исследованиях Н.Ф. Яковлева точка зрения, согласно которой в адыгских языках различаются семь согласных фонем — краткие *и*, *э* и долгие *а*, *и*, *у*, *о*, *е*, находит еще поддержку среди исследователей¹¹⁷. Кроме двух гласных фонем *а*, *и*, в абхазском языке выделяют гласные *и*, *о*, *у*, *е* на правах самостоятельных фонем¹¹⁸. Однако, как отмечалось выше, сегменты, обозначаемые на письме графемами *и*, *у*, *о*, *е*, в одних случаях выступают как бифонемные отрезки, в других — как варианты простых фонем или бифонемных дифтонгов. Ср., например, каб. *йисин* (орфографически *исин*) 'сидеть внутри', *йисин* (орфографически *есин*) 'плавать', где начальные сегменты, орфографически обозначаемые графемами *и*, *е*, являются бифонемными; в каб. *бий* 'враг', где сегмент *и* представляет собой вариант фонемы *и*, ср. фонетический вариант *бий* 'враг'. Возможность чередования дифтонгических образований с ис-

¹¹⁶ См. Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки.

¹¹⁷ Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1970, с. 28; Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков; с. 96-97.

¹¹⁸ Грамматика абхазского языка. Сухуми, 1968, с. 13.

конными гласными фонемами свидетельствует о некоторых признаках начального процесса разрушения как двухчленного, так и трехчленного вокализма в западнокавказских языках. Вместе с тем в исконном материале так называемые долгие гласные *и*, *у*, *о*, *е* имеют только фонетический статус.

Иначе подходит к решению разбираемого вопроса К.В. Ломтатидзе, предложившая новую точку зрения на вокализм абхазского и абазинского языков¹¹⁹. В отличие от исследователей (А. Койперса, У. Аллена и др.), отрицающих существование гласных фонем в западнокавказских языках, К.В. Ломтатидзе справедливо подчеркивает наличие противопоставления гласных и согласных фонем в абхазском и абазинском. В этой связи К.В. Ломтатидзе отмечает: "В современных абхазско-абазинских языках существуют два основных гласных - краткий гласный *а* и еще более краткий, т.н. иррациональный гласный *и* (вопреки утверждению о моновокализме этих языков)"¹²⁰. Однако К.В. Ломтатидзе считает, что исторически в абхазском и абазинском отсутствовало противопоставление гласных и согласных фонем. "Отдельно гласные (*а*, *и*) не были носителями самостоятельной функции, ими сопровождалась согласная, следовательно, отдельно без огласовки и согласные не были носителями функции"¹²¹. Иными словами, вместо согласных и гласных фонем для эпохи абхазо-абазинского праязыкового состояния постулируется наличие только слоговой фонемы (модель "согласный + гласный *а*"). Нельзя сказать, что точка зрения автора является неубедительной. Напротив, в пользу этого положения в монографии приводится немало интересных фактов. Вместе с тем было бы преждевременным полагать, что вопрос является окончательно решенным. В этой связи следует заметить, что К.В. Ломтатидзе не навязывает свою точку зрения, не считает ее единственно возможной, а предлагает свое - причем оригинальное - решение вопроса. Более того, выводы, касающиеся истории вокализма, сформулированы ею очень осторожно, с учетом невыясненных проблем праязыкового состояния. Так, в отношении генезиса гласного *и* К.В. Ломтатидзе отмечает, что, хотя во многих случаях удастся установить происхождение этого гласного, "окончательное решение этого вопроса на уровне абхазско-абазинского единства все-таки затруднительно"¹²².

Положение об отсутствии гласных фонем в эпоху абхазско-абазинского языкового единства, по нашему мнению, наталкивается на трудности, связанные с данными сравнительной реконструкции. Как отмечалось выше, во всех современных западнокавказских языках (абхазском, абазин-

¹¹⁹ Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976.

¹²⁰ Там же, с. 294.

¹²¹ Там же, с. 310.

¹²² Там же, с. 301.

ском, убыхском, адыгейском, кабардинском) в их общем материальном фонде представлены гласные фонемы *a*, *и*, причем последние без натяжек реконструируются как для общеадыгского (адыгейско-кабардинского), так и для пра-убыхского языка. Наличие гласных *a*, *и* во всех современных западнокавказских языках и диалектах можно объяснить либо тем, что они унаследованы от эпохи их языкового единства, либо параллельным развитием (возникновением) этих гласных во всех языках и диалектах данной языковой группы в более поздний хронологический период, т.е. в эпоху их самостоятельного существования. Не приходится отрицать, что надежность реконструкции определяется как объемом фактического материала, так и соблюдением правил процедуры самой реконструкции. В соответствии с этим реконструированные единицы различны по степени надежности и обоснованности. Какая из указанных двух гипотез является наиболее вероятной и надежной, покажет дальнейшее сравнительно-историческое исследование западнокавказских языков. На данном же этапе изученности всей группы западнокавказских языков, не имевших давних письменных традиций, по вопросам исторического вокализма (и не только вокализма) представляется возможным существование разных точек зрения¹²³.

В данной работе не представляется возможным сформулировать все правила и условия реализации гласных в современных западнокавказских языках. Заметим, однако, что в этих языках гласные характеризуются неустойчивостью в безударной позиции, что и послужило поводом для отнесения их к моновокалическому типу. Своей неустойчивостью в безударной позиции особенно выделяется гласный *и*. Поведение гласного *и* различно в разных языках. В адыгейском, кабардинском и убыхском языках сегмент *и* в безударной позиции фонологически может быть релевантным и иррелевантным. В каб. *пiшIэ́н* 'мерзнуть', убых. *аби́лан* 'они спустились'¹²⁴ сегмент *и* в безударной позиции фонологически релевантен: ср. каб. *пiшIэ́н* 'полоть', убых. *аби́лан* 'глаз', в случаях же с каб. *кьIа́рыйташь* 'он отдал ему', убых. *кьIа́рыцIуа* 'мешок' сегмент *и* в безударной позиции находится в свободной альтернации с нулем, т.е. лишен дистинктивного значения; ср. каб. *кьIа́рыйташь* 'он отдал ему', убых. *кьIа́рыцIуа* 'мешок'. Иначе обстоит дело в абхазском и абазинском языках, где сегмент *и*, как правило, приобретает статус фонемы только в ударной позиции. Безударная позиция иррелевантна для *и* в фонологическом отношении. Иными словами, абхазско-абазинский безударный слог, в сущности, является моновокалическим. В этой связи К.В. Ломтатидзе указывает на то, что в абхазском языке "Гласный *и* обычно является ударным: безударный *и* характеризуется определенной факультативностью (то удерживается, то выпадает или "перемещается" в зависимости

¹²³ Кумахов М.А. Теория моновокализма..., с. 64-65.

¹²⁴ Убыхские примеры взяты из: Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubukh, p. 31-32.

от скопления согласных и места ударения, например, *абз, абиз, бзи, бизи* 'язык'¹²⁵. То же самое К.В. Ломтатидзе отмечает в отношении абазинского языка)¹²⁶.

Собственно говоря, утверждение Н.А. Генко, вслед за ним В. Аллена и др. о моновокализме абазинского языка оправдано лишь в отношении безударного вокализма. Однако моновокализм безударного слога и моновокализм языка — отнюдь не однозначные явления. В самом деле, нейтрализация противопоставления падежей в определенных позициях у имен существительных не означает отсутствие категории падежа у данного класса слов. Случай свободного чередования *и* с нулем еще не доказывает отсутствия этой гласной фонемы в системе языка. Во всяком случае не вызывает сомнения тот факт, что ударный вокализм абхазского и абазинского языков является двухчленным. Абхазско-абазинский безударный вокализм должен обнаружить типологическое сходство лишь на уровне вариантов (но не на уровне фонемы) с моновокалической системой языка, если, разумеется, такая система существует или существовала в прошлом.

В свете вышеизложенного следует признать несостоятельной моновокалическую теорию применительно к западнокавказским языкам. Основные положения теории моновокализма не согласуются с данными истории развития западнокавказских языков и их современного состояния. Анализ материала показывает наличие двухчленного вокализма для одного ареала западнокавказских языков и трехчленного вокализма — для другого. Есть достаточные основания считать, что один из ареалов — языки двухчленного вокализма — в основных чертах вокалической системы продолжает общезападнокавказское языковое состояние.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что западнокавказские языки не ослабляют положения современной теоретической фонологии о противопоставлении гласных и согласных фонем. Во всяком случае, западнокавказские языки не дают повода усомниться в обоснованности положения Н.С. Трубецкого о том, что "Как бы там ни было, язык без сочетания типа "согласный + гласный" немислим"¹²⁷. В то же время материал этих языков укрепляет позицию сторонников традиционной теории индоевропейского вокализма, поскольку значительно сокращается (если не сказать — сводится к нулю) число современных языков, относимых сторонниками разбираемой теории к моновокалическому типу. Западнокавказские языки, хотя и чаще всего используются сторонниками теории моновокализма, с типологической точки зрения не могут служить обоснованием моновокалической системы для индоевропейского и другого реконструированного языкового состояния.

¹²⁵ Ломтатидзе К.В. Абхазский язык, с. 103.

¹²⁶ Ломтатидзе К.В. Абазинский язык. С. 125.

¹²⁷ Трубецкой Н.С. Указ. соч., с. 278.

Глава IV

КОНСОНАНТИЗМ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сравнительно-историческая фонетика адыгских языков опирается преимущественно на материал современных адыгских языков и диалектов. Поэтому прежде чем перейти к сравнительно-историческому анализу согласных фонем адыгских языков, представляется необходимым кратко остановиться на синхронной характеристике их консонантных систем, привлекаемых ниже для реконструкции общеадыгского консонантизма и описания его эволюции.

По количеству согласных фонем западнокавказские языки занимают особое место среди языков мира. В убыхском языке различаются 80 согласных фонем. Адыгские языки также богаты согласными фонемами. Однако с точки зрения синхронного состояния между адыгскими языками и диалектами имеются значительные расхождения в области консонантизма. Эти расхождения касаются состава, количества и распределения согласных фонем.

В количественном отношении адыгейский язык по сравнению с кабардинским более богат и разнообразен согласными фонемами. Но в пределах адыгейского языка обнаруживаются очень существенные диалектальные различия в консонантизме. Что касается консонантизма кабардинского языка, то заметно выделяется не только простым количеством согласных фонем, но и консервативностью и архаичностью системы согласных бесланевский диалект. Последний занимает в какой-то мере промежуточное положение между консонантными системами адыгейских и кабардинских диалектов, хотя такое определение места консонантизма этого диалекта относится к количественной характеристике согласных фонем. Что касается истории развития консонантизма, то здесь бесланевский диалект далеко не всегда оказывается переходной ступенью от адыгейских диалектов к кабардинским. В разных фонологических подсистемах консонантизма разные языки и диалекты занимают нередко полярные позиции в плане их исторического развития, что способствует реконструкции общеадыгского консонантизма.

Важно также учесть, что реализация отдельных фонем и их фонетические репрезентации не всегда являются стабильными и последовательными в пределах одного и того же диалекта. В пределах одного диалекта нередко проявляются локальные признаки, свойственные речи представителей отдельных регионов. В подобных случаях внутри диалекта обычно выделяется говор (говоры). Так, хакучинский говор шапсугского диалекта адыгейского языка и бабугойский говор кубанского диалекта кабардинского языка и др. характеризуются своими фонетическими особенностями. Как увидим ниже, фонетические особенности обнаруживаются между территориально разобщенными говорами одного и того же диалекта. В этом отношении характерны, например, говоры

бесленеевцев, шапсугов, абадзехов, и др., проживающих за рубежом, в частности, в Турции, Иордании, Сирии и других странах. В консонантизме зарубежных адыгских говоров имеются черты, позволяющие глубже осмыслить историю развития отдельных фонетических подсистем адыгских языков.

Наряду с региональными признаками в диалектах и говорах отмечаются фонетические черты, обусловленные социальной дифференциацией языка. Это сказывается, прежде всего, в расслоении консонантных систем разных диалектов и говоров в зависимости от социальных и возрастных групп. Далеко не всегда идентична реализация отдельных фонем, а иногда целых фонологических подсистем в языке представителей старшего и младшего поколений. Язык представителей старшего поколения удерживает наиболее традиционные, древние и архаичные явления, тогда как язык представителей младшего поколения более подвержен колебаниям, изменениям, что часто порождает интенсивные процессы языкового варьирования на разных уровнях, в том числе фонетическом и реже – фонологическом. Более того, в речи одного и того же индивида в зависимости от речевой ситуации могут быть по-разному реализованы одни и те же фонемы. Так, в речи многих кабардинцев возможны фонетические варианты *кIь* и *чI* для реализации одной фонемы. В разговорно-бытовой речи широкое распространение имеет палатализованный заднеязычный *кIь* вместо аффрикаты *чI*, получившей статус литературной нормы.

Обращают на себя внимание многочисленные изоглосные явления, охватывающие по своему ареалу целый ряд диалектов и говоров. Причем, некоторые из них выходят за пределы одного языка, входя в системы консонантизма отдельных диалектов и адыгейского и кабардинского языков. Таковы, например, палатализованные заднеязычные *гь-кь-кIь*, абруптивный сибилант *сI* в кабардино-черкесских диалектах и говорах, в шапсугском диалекте адыгейского языка и др.

Однако при всей сложности и неоднозначности фонетических явлений адыгских языков, при наличии множества переходных, промежуточных вариативных форм, связанных с различными факторами языковой дифференциации, все же имеются наиболее существенные, инвариантные признаки, определяющие основную специфику системных отношений консонантизма каждого диалекта.

КОНСОНАНТНЫЕ СИСТЕМЫ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Наиболее сложная и разнообразная система консонантизма характерна для бжедугского диалекта адыгейского языка. В этом диалекте четырехчленный пучок в составе "звонкий – придыхательный – преруптивный – абруптивный" образуют лабиальные *б-п-пп-пI*, дентальные *д-т-тт-тI*, *дз-ц-цц-цI*, альвеолярные *дж-ч-чч-чI*, *джь-чь-ччь-чIь*, заднеязычные *гь-ку-кку-кIу*. В зоне дентальных смычных представлены лабиализованные *дзу-цу-ццу* (отсутствует абруптивный член). В зоне фарингальных различаются *кь-ккь*,

кѳу-кѳѳу (отсутствуют звонкий и абруптивный члены). В зоне ларингальных абруптивные *l-lʷ* противопоставляются лишь по признаку "лабиализация - отсутствие лабиализации".

Спиранты (фриктивы) составляют трехчленную оппозицию в составе "звонкий - придыхательный - абруптивный" в двух зонах артикуляции: дентально-альвеолярной и латеральной. При этом дентально-альвеолярные спиранты противопоставляются по признаку лабиализация - отсутствие лабиализации: *ʃʷ-ʃʷʰ-ʃl*, *ʃʷʷ-ʃʷʷʰ-ʃlʷ*. Латеральные *l-lʷ-lʷʰ* не имеют лабиализованных коррелятов.

Характерной чертой фонологической системы бжедугского диалекта является наличие трехчленной оппозиции альвеолярных спирантов в составе "звонкий-придыхательный-преруптивный", причем в этой зоне артикуляции спиранты противопоставляются по признаку мягкости-твердости: *ʃʷ-ʃʷʰ-ʃʷʷʰ*, *ʃ-ʃʰ-ʃʷʷʰ*.

В бжедугском диалекте (как и в других диалектах) придыхательные, абруптивные и преруптивные являются глухими, т.е. в их противопоставлении признак глухости оказывается несущественным.

Дентальные (сибилянты), заднеязычные и среднеязычные спиранты противопоставляются по признаку звонкости - глухости (придыхательности), причем среднеязычные имеют лабиализованные корреляты: *ʒ-ʒʰ*, *ʒʷ-ʒʷʰ*, *ʒʷʷ-ʒʷʷʰ*. В зоне лабиальных и ларингальных глухие и придыхательные спиранты *ʃ*, *ʃʷ* являются изолированными.

В бжедугском диалекте, как и во всех других адыгских диалектах и говорах, представлены сонанты *m*, *n*, *p*, *j*, *ʝ*.

Как видно, разбираемая фонологическая модель, т.е. система взаимопротивопоставленных звуков имеет существенные особенности. Фонологические противопоставления не укладываются в бинарные оппозиции. Помимо обычных замкнутых биномов, образующих привативные оппозиции, имеются многочленные цепочки, не поддающиеся дихотомии. Одной из главных черт фонологической системы бжедугского диалекта являются преруптивные смычные *nn*, *mm*, *ʃʃ*, *ʃʃʷ*, *ʃʃʷʷ*, *ʃʃʷʷʰ* и преруптивные спиранты *ʃʃʷ*, *ʃʃʷʰ*. В зонах лабиальных, дентальных, альвеолярных и заднеязычных преруптивы вместе с другими (звонкими, придыхательными и абруптивными) создают четырехчленные оппозиции, а в зоне альвеолярных спирантов вместе со звонкими и придыхательными - трехчленные оппозиции. Обычная для других западнокавказских языков и большинства адыгских диалектов трехчленная оппозиция в составе "звонкий - придыхательный - абруптивный" встречается в зоне дентально-альвеолярных, причем она охватывает шипяще-свистящие спиранты. В зоне альвеолярных согласных (но для спирантов и смычных) имеется бинарная оппозиция по признаку палатализация - отсутствие палатализации. Противопоставление по признаку звонкости - отсутствие звонкости охватывает все зоны, за исключением ларингальных и фарингальных.

Обращает на себя внимание удельный вес лабиализации как дифференциального признака фонем в системе консонан-

Таблица 1
Система согласных бжедугского диалекта *

	Смычные				Спиранты				Сонанты
	Звонкие	Придыхательные	Преруптивные	Абруптивные	Звонкие	Придыхательные	Преруптивные	Абруптивные	
Лабиальные	пр. лаб. б	п	пп	пІ пІу		ф			у м
Дентальные	пр. лаб. д	т	тт	тІ тІу					н р
	пр. лаб. дз	ц	цц	цІ	з	с			
Альвеолярные	пр. лаб. дзу	цу	цуу						
	тв. дж	ч	чч	чІ	жъ	шъ	шшъ		
Дентально-альвеолярные	тв. джъ	чъ	ччъ	чІъ	ж	ш	шш		
	пр. лаб.				жъ	шъ		ш І	
Заднеязычные	пр. лаб.				жъу	шъу		ш Іу	
	гу	ку	кку	кІу	гъ	хъ			
Среднеязычные	пр. лаб.				гъу	хъу			
					г	х			й
Фарингальные	пр. лаб.	къ	ккъ						
		къу	ккъу						
Ларингальные	пр. лаб.			І		хъ			
				Іу					
Латеральные					л	лъ		лІ	

* Здесь и далее даны сокращения: пр. - простые, лаб. - лабиализованные, мяг. - мягкие, тв. - твердые.

тизма. Лабиализованные фонемы образуются во всех зонах, за исключением альвеолярных, латеральных и среднеязычных, но их роль более значительна в образовании смычных.

Придыхательные смычные и придыхательные шипящие спиранты бжедугского диалекта характеризуются максимальной аспирацией, а их преруптивные корреляты - минимальной аспирацией. Как увидим ниже, согласные с максимальной аспирацией и согласные с минимальной аспирацией взаимно обусловлены: наличие первых предполагает наличие последних. В тех же диалектах, в которых отсутствует указанное противопоставление согласных, отсутствуют преруптивные

согласные, а глухие смычные и глухие шипящие спиранты реализуются без максимальной аспирации. Принцип максимальной аспирации глухих смычных и шипящих спирантов проводится не очень последовательно. Так, глухой лабиальный придыхательный *p* в позиции перед глухими спирантами (*c*, *лʷ*, *лʷ*, *хʷ*, и др.) фонетически реализуется как преруптив, т.е. утрачивает признак максимальной аспирации. Это относится, как увидим ниже, и к другим преруптивам. Иными словами, максимальная аспирация носит позиционный характер¹.

С бжедугским диалектом во многом сближается шапсугский диалект по системе консонантизма. Это выражается прежде всего в наличии преруптивных согласных смычных. Как и в бжедугском диалекте, глухим смычным в шапсугском диалекте свойственна усиленная аспирация. Однако в шапсугском диалекте отсутствует противопоставление шипящих аффрикат и шипящих спирантов по признаку твердости — мягкости: твердые корреляты согласных совпали с мягкими. В этом диалекте сохранились палатализованные заднеязычные смычные, в том числе преруптив *ккʷ*, древние (общадыгские) фарингальные абруптивы *кʷI*, *кʷIy*, общадыгская мягкая шипящая аффриката *ч*. Для шапсугского диалекта характерна трехчленная система сибилантов *з-с-сI*, а также ряд переходных звукоtypов (палатализованные дентальные смычные *дʷ*, *тʷ*, *тIʷ*, полумягкие *жʷ*, *шʷ* и др.). Как увидим ниже, не все указанные фонетические явления встречаются в речи носителей диалекта, а имеют распространение лишь в отдельных говорах и подговорах, в речи представителей определенных возрастных групп². В анатолийских говорах *Cemilbey* и *Kouban K*. Пари не выделяет фарингальных преруптивов (неаспирированных — неглотализованных, в ее терминологии). Система фарингальных смычных в этих говорах шапсугского диалекта, по мнению К. Пари, совпадает с системой фарингальных смычных в бесленеевском диалекте и кабардино-черкесском литературном языке³.

Еще более своеобразен анатолийский говор шапсуггов, описанные голландским лингвистом Риексом Смитсом на материале языка Назим Мета из деревни *Büyük Aşma* (*Нигъуиъ-хъаблэ*)⁴. В этом говоре не различаются преруптивные смычные, что является весьма существенной чертой его консонантизма. Из фарингальных смычных в говоре представлены

¹ В транскрипции максимальная аспирация глухих придыхательных не обозначается специальным знаком.

² *Керашева З.И.* Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.

³ *Paris C.* Les occlusives "fortes" dans le parler chapsough de *Cemilbey* (Tcherkesse occidentale). — *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, t. LXVII, 1, 1972, p. 297.

⁴ *Smeets Rieks.* Sept histoires in şapsəğ. — *Studia Caucasica* 3. The Peter de Ridder Press, 1976.

Таблица 2
Система согласных шапсугского диалекта

		Смычные				Спиранты				Сонанты
		Звонкие	Придыхательные	Преруптивные	Абруптивные	Звонкие	Придыхательные	Преруптивные	Абруптивные	
Лабиальные	пр. лаб.	б	п	пп	пI пIу		ф			ў м
Дентальные	пр. лаб. пр. лаб.	д	т	тт	тI тIу					н р
		дз	ц	щ	цI	з	с		сI	
		дзу	цу	щу	цIу					
Альвеолярные		дж	ч	чч	чI	жь	шь	шшь		
Дентально- альвеолярные	пр. лаб.					жь	шь		шI	
						жьу	шьу		шIу	
Среднеязычные	пр. лаб.					г	х			й
							ху			
Заднеязычные	пр. лаб.	гъ	къ	ккъ	кIъ	гъ	хъ			
		гу	ку	кку	кIу	гъу	хъу			
Фарингальные	пр. лаб.		къ	ккъ	кIъ					
			къу	ккъу	кIу					
Ларингальные	пр.				I Iу		хъ			
Латеральные	лаб.					л	лъ		лI	

лишь глухие придыхательные *къ, къу*. Однако вместо кабардинских *къ, къу* отмечаются заднеязычные спиранты *хъ, хъу*, как это имеет место в некоторых черноморских шапсугских говорах. Ср. в речи Назим Мета: *хъэ* 'кладбище', *хъуэ* 'свинья'. С говорами черноморских шапсугов речь Назим Мета объединяется также наличием лабиализованного *фу*: *фуэ* 'большой', *фуэли* 'вымя', *фуэжи* 'таз', 'бедро', *шъфуэ*, *фуэ* 'уздечка'.

Темиргоевский (чемгуйский) диалект адыгейского языка отличается от бжедугского и шапсугского диалектов отсутствием преруптивных смычных, за исключением фарингальных *ккъ, ккъу*. Глухие смычные реализуются в этом диалекте без усиленной аспирации, характерной для указанных западных диалектов адыгейского языка. Корреляция фарингальных согласных по степени аспирации также исчезла в

Таблица 3

Система согласных темиргоевского диалекта

		Смычные				Спиранты			Сонанты
		Звонкие	Придыхательные	Абруптивные	Преруптивные	Звонкие	Придыхательные	Абруптивные	
Лабиальные	пр. лаб.	б	п	пI пIy			ф		ў м
Дентальные	пр. лаб. пр. лаб.	д дз дзу	т ц цу	тI тIy цI					н р
Альвеолярные	мяг. тв.	дж джъ	ч чъ	чI чIъ		жъ ж	шъ ш		
Дентально- альвеолярные	пр. лаб.					жъ жъу	шъ шъу	шI шIy	
Среднеязычные	пр. лаб.					г х ху			й
Заднеязычные	пр. лаб.		гу ку	кIу		гъ гъу	хъ хъу		
Фарингальные	пр. лаб.				ккъ ккъу				
Ларингальные	пр. лаб.			I Iy			хъ		
Латеральные						л	лъ	лI	

темиргоевском диалекте: глухие фарингальные смычные къ, къу изменились в преруптивные смычные ккъ, ккъу.

Нетрудно заметить, что консонантизм темиргоевского диалекта значительно упрощается трехчленной системой смычных вместо четырехчленной системы смычных в бжедугском и шапсугском диалектах. В этом диалекте (по сравнению с бжедугским и шапсугским диалектами) наиболее дефектен фарингальный ряд, представленный лишь преруптивными смычными.

Абадзехский диалект адыгейского языка (как и темиргоевский диалект) противостоит бжедугскому и шапсугскому диалектам отсутствием как преруптивных смычных согласных (за исключением фарингальных ккъ, ккъу), так и усиленных аспирированных глухих смычных типа бжедуг., шапс.

п, т, ц, цу, ч, ку... Абадзехский и темиргоевский диалекты объединяются также тем, что в зоне фарингальных смычных отсутствуют придыхательные и абруптивные смычные. Однако в отличие от темиргоевского диалекта в абадзехском диалекте не различаются шипящие аффрикаты по мягкости – твердости (в диалекте представлены только мягкие *дж, ч, чI*). Спецификой абадзехского диалекта являются абруптивные шипящие спиранты *шIв, шIв*, противопоставляемые по мягкости-твердости. Последние вместе с другими шипящими спирантами образуют трехчленные корреляции *жв-шв-шIв, ж-ш-шIв*. Подобная система шипящих спирантов в адыгских (да и вообще в западнокавказских) языках встречается лишь в абадзехском диалекте. То же самое следует сказать о мягком ларингальном смычном *Iв*, представленном только в абадзехском диалекте.

Как отмечалось выше, бесленеевский диалект демонстрирует как бы переходное звено между консонантными системами адыгейских и кабардинских диалектов. Однако такое положение бесленеевского диалекта остается в силе лишь в отношении отдельных подсистем консонантизма. Кроме того, бесленеевский диалект с фонетической точки зрения неоднороден. Речь бесленеевцев, проживающих в СССР, значительно отличается от речи анатолийских бесленеевцев. Речь бесленеевцев, представленная в нашей стране, сближается с адыгейским языком, в частности, с темиргоевским диалектом наличием корреляции по мягкости-твердости трехчленных шипящих аффрикат и двучленных шипящих спирантов. Ср. бесл. *дж-ч-чI, джв-чв-чIв, жв-ж, шв-ш*.

В бесленеевском диалекте имеются палатализованные заднеязычные смычные *гв-кв-кIв*. Однако место последних, их функциональная нагрузка и соотношение с аффрикатами *дж-ч-чI* различны в разных бесленеевских говорах.

Материалы П.И. Тамбиева, М.Л. Абитова, М.М. Сакиева, Н.Ф. Яковлева, Б.Х. Балкарова, Х.Т. Таова⁵ свидетельствуют о том, что в речи бесленеевцев произошли значительные изменения за время, прошедшее после первой публикации бесленеевского текста в 1898 г. Не говоря уже о тексте П.И. Тамбиева, бесленеевские материалы М.Л. Абитова, М.М. Сакиева, Н.Ф. Яковлева и Б.Х. Балкарова показывают, что в речи бесленеевцев устойчиво сохраняются палатализованные *гв, кв, кI*. Б.Х. Балкаров (он производил записи текстов в 1948 г.) в своей монографии отметил, что согласные *гв, кв, кIв* в речи бесленеевцев еще не перешли в аффрикаты *дж, ч, чI*. Наши наблюдения над речью бесленеевцев, проведенные в 1971 г. (спустя 23 го-

⁵ Тамбиев П.И. Бесленеевский говор. Песня о Лежеруко Канокове (Отрывок). – СМОМПК, вып. 25, отд. 3. Тифлис, 1898, с. 68-69; Яковлев Н.Ф., Абитов М.Л., Сакиев М.М. Бесленеевские тексты. – Учен. зап. Кабардинского НИИ, т. IV. Нальчик, 1948; Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959; Таов Х.Т. Некоторые вопросы бесленеевского диалекта. – Учен. зап. КВНИИ, т. XXVII. Нальчик, 1975.

Таблица 4

Система согласных абадзехского диалекта

		Смычные				Спиранты			Сонанты
		Звонкие	Придыхательные	Абруптивные	Преруптивные	Звонкие	Глухие	Абруптивные	
Лабиальные	пр. лаб.	б	п	пI пIу			ф		ъ м н р
Дентальные	пр. лаб. пр. лаб.	д дз дзу	т ц цу	тI тIу цI					
Альвеолярные	мяг. тв.	дж	ч	чI		жь ж	шь ш	шIъ шIъ	
Дентально- альвеолярные	пр. лаб.					жь жьу	шь шьу	шI шIу	
Среднеязычные	пр. лаб.					г	х ху		й
Заднеязычные	пр. лаб.		гу	ку	кIу	гъ гъу	хъ хъу		
Фарингальные	пр. лаб.				ккъ ккъу				
Ларингальные	пр. мяг. лаб.			I Iъ Iу			хъ		
Латеральные						л	лъ	лI	

да после Б.Х. Балкарова), показали, что палатализованные *гъ, къ, кIъ* встречаются в основном уже лишь в речи предшественников старшего поколения. При этом *гъ, къ, кIъ* реализуются на уровне вариантов, т.е. выступают как аллофонические единицы, свободно чередуясь с вторичными аффрикатами *дж, ч, чI*.

Мы также обнаружили, что система шипящих аффрикат и шипящих спирантов не отличается уже устойчивостью и допускает широкий диапазон варьирования на фонетическом уровне. Так, старые твердые аффрикаты *джъ, чъ, чIъ* нередко вытесняются из употребления шипящими спирантами или функционируют как варианты последних. Фонетическая неустойчивость характерна также для старых мягких шипя-

ших аффрикат *дж*, *ч*, *чи* и других согласных. Например, анализ наших магнитофонных записей выявил любопытное явление: в речи бесленеевцев (разумеется, не всех) вместо шипяще-свистящего спиранта *шI* употребляется шипяще-свистящая аффриката *цI*. Ср. *тхуцI* вместо лит. *тхушI* 'пятнадцать'. Шипяще-свистящая аффриката *шI* иногда чередуется со спирантами *шъ*, *шI*. Так, у четырнадцатилетней ученицы средней школы мы записали варианты *сошъэ*, *соцIэ*, *сошIэ* 'я знаю', *йэшъэ*, *йэцIэ*, *йэшIэ* 'он знает' и др. Вариант *сошъэ* является традиционным, *соцIэ* – переходным, *сошIэ* – литературным.

Значительные фонетические изменения, касающиеся места и статуса *гъ*, *къ*, *кIъ*, старых шипящих аффрикат и спирантов в речи бесленеевцев, отмечены также другими авторами, в частности, Х.Т. Таовым, принимавшим участие в 1973 г. в фольклорно-лингвистической экспедиции в бесленеевских селениях Карачаево-Черкесии и Краснодарского края.

Существенные особенности обнаруживаются в анатолийском говоре Zennun köyü бесленеевского диалекта. В этом говоре не реализуется противопоставление шипящих аффрикат и шипящих спирантов по мягкости – твердости (твердые корреляты совпали с мягкими)⁶. Более того, этот говор обнаруживает уникальные особенности: сонант *й* вместо среднеязычного *ь* и лабиализованный ларингал *һу* вместо лабиализованного среднеязычного *ху*; ср. *һу* 'просо', *маһуэ* 'день', *лһуэ* – 'рожать', *кIһхстоһуэ* 'на меня падает что-то'. В указанном говоре прочно удерживаются палатализованные согласные *гъ*, *къ*, *кIъ*, а также ларингал *һ* вместо среднеязычного *х* в морфеме мн. числа; ср. *һисэһэр* 'невестки', *аһэр* 'они', *адрэйһэр* 'другие'. Ср. также мягкий шипящий спирант *шъ* вместо шипяще-свистящего спиранта *шъ*: *пшъашъэ* 'девушка', *пшъэ* 'шея' и др.

В целом есть достаточные основания рассматривать речь бесленеевцев в Карачаево-Черкесии и Краснодарского края и речь анатолийских бесленеевцев в качестве говоров в пределах одного диалекта.

Кубанский диалект кабардинского языка, представленный на территории Адыгейской Автономной области, обладает рядом фонетических особенностей, связанных с факторами как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера. В этом диалекте (в его бабугойском говоре) сохранились исходные простые (непалатализованные) заднеязычные смычные *г*, *к*, *кI*, спорадически реализующиеся на фонетическом уровне как варианты палатализованных *гъ*, *къ*, *кIъ*. Употребление простых и палатализованных заднеязычных смычных на уровне вариантов характерно для речи представителей старшего поколения. В речи представителей младшего поколения отмечаются палатализованные *гъ*, *къ*, *кIъ* и их варианты – шипящие аффрикаты *дж*, *ч*, *чи*. Кубанский диалект, носители которого тесно связаны с ады-

⁶ Paris C. Système phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler Besney de Zennun Köyü (Tcherkesse oriental). Paris, 1974.

Таблица 5

Система согласных бесленеевских говоров

		Смычные			Спиранты			Сонанты
		Звонкие	Придыхатель- ные	Абрутивные	Звонкие	Придыхатель- ные	Абрутивные	
Лабяльные		б	п	пІ	в	ф	фІ	у м
Дентальные		д	т	тІ				н р
		дз	ц	цІ	з	с		
Альвеолярные	мяг.	дж	ч	чІ	жь	шь		
	тв.	джь	чь	чІь	ж	ш		
Дентально- альвеолярные					жь	шь	шІ	
Среднеязычные	пр.				г	х		й
	лаб.					ху		
Заднеязычные	пр.				гъ	хъ		
	пал.	гъ	къ	кІ				
	лаб.	гу	ку	кІу	гъу	хъу		
Фарингальные	пр.		къ	кІ				
	лаб.		къу	кІу				
Ларингальные	пр.			І	h	хъ		
	лаб.			Іу	hy			
Латеральные					л	лъ	лІ	

гейцами, развивается под сильным влиянием адыгейского языка. В качестве литературного стандарта кубанские кабардинцы используют адыгейский литературный язык. Отсюда естественно, что в речь кубанских кабардинцев проникают фонетические черты адыгейского языка. Это вызывает известное варьирование на фонетическом уровне, выражающееся в использовании некоторых адыгейских согласных наряду с согласными кубанского диалекта. К ним относится, например, вариантное употребление мягких шипящих спирантов *жъ*, *шь* и их твердых вариантов в одних и тех же лексических единицах.

Много общего между кубанским диалектом и отдельными кубано-зеленчукскими говорами. Носителями последних являются адыги, получившие в послереволюционный период название *ч е р к е с ы*. Иными словами, этноним *ч е р к е с ы* — старое название всех адыгов, сейчас имеет более узкое, локальное значение, являясь названием части адыгов, проживающих в Карачаево-Черкесской автономной

области. Следует, однако, сказать, что исконный этноним *адигэ* 'адыг' остается общим самоназванием для представителей всех адыгских диалектов и говоров, в том числе черкесских (кубано-зеленчукских) говоров.

Речь черкесов в фонетическом отношении довольно многообразна, причем различаются разные говоры, обнаруживающие своеобразие в области консонантизма. Это отчасти объясняется исторической гетерогенностью носителей современных черкесских (кубано-зеленчукских) говоров. В формировании речи современных черкесов принимали участие бесленеевцы, абазины, абадзехи, кабардинцы и др., хотя главный компонент в количественном отношении составляют кабардинцы. Однако кабардинцы, участвовавшие в формировании черкесских говоров, исторически не были однородными в лингвистическом отношении. Все это и обусловило специфику звукового состава речи черкесских говоров, характеризующихся крайним многообразием лингвистических изоглоссов в области фонетики⁷. "Речь жителей Абазакта, - пишет первый исследователь черкесских говоров П.М. Багов, - по своему звуковому составу сближается с бесленеевским диалектом; нечто общее с малкинским, моздокским говорами, с кубанским диалектом обнаруживают речи аулов Псоуче-Дахе, Эрсакона и Первомайского"⁸. О своеобразии звукового состава черкесских говоров Р.Х. Темирова пишет: "Звуковой состав речи черкесов представляет собой такую пеструю картину, что главной отличительной чертой речи жителей некоторых черкесских аулов является именно их фонетический признак"⁹. Особенности звукового состава черкесских говоров преимущественно касаются системы консонантизма.

Среди черкесских говоров выделяется абазактский говор, различающий твердые и мягкие шипящие аффрикаты и шипящие спиранты *х-ш-ш'ь*. Корреляция по твердости-мягкости указанных согласных является в основном фонетической, т.е. реализуется на уровне вариантов. В целом шипящие аффрикаты, шипящие и шипяще-свистящие спиранты в черкесских говорах проявляют своеобразие с точки зрения их места и соответствия с литературным стандартом, хотя их наличие далеко не всегда приобретает фонологическую значимость. В черкесских говорах в отдельных лексических единицах или в определенных позиционных условиях (как, впрочем, это имеет место и в ряде других адыгских диалектов и говоров) отмечаются простые заднеязычные смычные *г-к-к'ь*, в говоре абазактцев довольно прочно удерживаются палатализованные *гь-кь-к'ь'ь*, во многих говорах встречается лабиализованный спирант *хьу*, в говорах Псоуче-Дахе и Абазакт - шипяще-свистящая аффриката *тш'ь'ь* и др.¹⁰

⁷ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968. Темирова Р.Х. Лексические особенности речи черкесов. Черкесск, 1975.

⁸ Багов П.М. Указ. соч., с. 5.

⁹ Темирова Р.Х. Указ. соч., с. 10

¹⁰ Багов П.М. Указ. соч.

Черкесско-кабардинские лингвистические изоглоссы нередки в речи жителей селений Залукокоаже, Каменомостское, Старая Крепость, Баксаненок, Малка и ряде других кабардинских селений. Малкинский говор (речь жителей части с. Малки - Хаджихабле, сел Батех и Этоко в КБАССР) характеризуется наличием в речи одной группы мягких шипящих *жб-шб-шІб*, в речи другой группы - мягких свистящих *зб-сб-сІб* вместо литературных *жб-шб-шІІ*¹¹.

С малкинским говором сближается моздокский говор тем, что в последнем также встречаются свистящие спиранты *зб-сб-сІ*. Наличие *сІ* объединяет оба говора с шапсугским диалектом, хотя по происхождению этот спирант имеет гетерогенную основу. Спирант *сІ* отмечается также в баксанском диалекте - в селениях Старая Крепость, Кызбрун III, Баксаненок. В последнем наблюдается также спирант *зб* в единичных словах¹². Моздокскому говору также свойственны шипяще-свистящие аффрикаты *тшІ*, *тсІ*, свободно чередующиеся альтернанты в идентичных позициях. Ср. *тшІа-лэ*, *тсІа-лэ* 'парень'. Как отмечалось выше, аффриката *тшІ* представлена также в некоторых черкесских говорах (псоу-чьедаховском и абзактском).

Следует сказать несколько слов об отношении консонантных систем адыгских литературных языков к консонантным системам их опорных диалектов. Принято считать, что баксанский диалект лежит в основе современного кабардино-черкесского литературного языка. Однако баксанский диалект не совпадает с кабардино-черкесским литературным языком. Не говоря уже о том, что литературный язык черкесов, развиваясь на другой диалектной основе, обнаруживает значительные особенности (в грамматике, лексике, семантике, фразеологии), отличающие его от кабардинского литературного стандарта, не представляется вообще правомерным отождествление опорного диалекта (диалектов) с литературным языком. Как показывает история формирования и развития многих литературных языков, опорный диалект никогда полностью не совпадает с литературным языком. Являясь по своей форме наддиалектным и обобщенным, литературный язык отличается от базового диалекта определенным набором единиц, относящихся к разным языковым уровням. Правда, различия между опорным диалектом и литературным языком неодинаковы не только в разных языках, но и на разных уровнях одного и того же языка. Расхождения между опорными диалектами и адыгскими литературными языками более ярко выражены в лексике, семантике и фразеологии. Однако и в области фонетики отличаются специфические черты опорного диалекта, отличающие его от литературного языка. В этом отношении наиболее показательны особенности диалектной базы кабардино-черкесского литературного языка. Баксанский диалект обнаруживает (на-

¹¹ Шагиров А.К. Малкинский говор. - В кн.: Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969, с. 292.

¹² Мамрешев К.Т. Баксанский диалект. - Там же, с. 253.

ряду с грамматическими и лексическими) фонетические признаки, не являющиеся наддиалектными и не имеющими статус общелитературной нормы. К ним относятся, например, пережиточные формы *зб-кб-кI*, ларингальный спирант в морфеме множественного числа, ларингальный абруптив *I* в отрицательно-вопросительных формах, абруптивный сибилант *cI*, мягкий звонкий сибилант *зб* и др. Некоторые фонетические особенности (в том числе все вышеуказанные) не являются спецификой одного лишь баксанского диалекта: они характерны также для ряда других кабардино-черкесских диалектов и говоров. Тем не менее рассмотренные фонетические явления не считаются наддиалектными формами, имеющими статус литературной нормы, хотя отдельные из них (например, ларингалы *h*, *I*) получили широкое распространение и по своей продуктивности в устной речи большинства кабардинцев не уступают их вариантам, принятым нормой литературного произношения.

С точки зрения соотношения опорного диалекта и литературного языка имеются различия между адыгскими литературными языками. Эти различия заметны в консонантизме. Адыгейский литературный язык не проявляет сколько-нибудь существенных расхождений с темиргоевским (опорным) диалектом на фонологическом уровне, хотя не может быть полного совпадения между ними на всех других языковых уровнях. Кроме того, сам опорный диалект не является абсолютно стабильным, статичным и единообразным, как это нередко наблюдается в отношении литературного стандарта (применительно к фонологическому составу языка). Но очевиден факт, что в основе консонантизма адыгейского литературного языка лежит консонантизм темиргоевского диалекта (см. таблицу 3). Что касается консонантизма кабардино-черкесского языка, то он не совпадает с консонантизмом баксанского диалекта. Вообще положение о единой диалектной основе кабардино-черкесского литературного языка в настоящее время не может быть поддержано. Литературный язык кабардинцев и черкесов развивается на разных диалектных основах, что приводит к региональному варьированию кабардино-черкесского литературного языка. Грамматические, лексические, семантические и фразеологические различия между кабардинским и черкесским вариантами единого литературного языка находят широкое отражение как в устной, так и в письменной форме его реализации. Что же касается звукового состава, в том числе консонантизма, то варьирование имеет место только в устной речи. В письменной форме литературного языка система согласных унифицирована для кабардинцев и черкесов. Приводимая ниже таблица согласных фонем отражает кодифицированную систему консонантизма кабардино-черкесского литературного языка в его письменной форме существования.

Консонантизм кабардино-черкесского литературного языка по своему составу является менее сложным по сравнению с консонантными системами адыгских диалектов, в том числе бесленеевского. В этой системе отсутствуют не только лабиализованные смычные и спиранты типа адыг. *mIy*, *nIy*,

Таблица 6

Система согласных кабардино-черкесского литературного языка

	Смычные			Спиранты			Сонанты
	Звонкие	Придыхатель- ные	Абруптивные	Звонкие	Придыхатель- ные	Абруптивные	
Лабialsные	б	п	пI	в	ф	фI	у м
Дентальные	д	т	тI				н р
	дз	ц	цI	з	с		
Альвеолярные	дж	ч	чI	ж	ш		
Дентально- альвеолярные				жъ	шъ	шI	
Среднеязычные				г	х		й
					ху		
Заднеязычные				гъ	хъ		
	гу	ку	кIу	гъу	хъу		
Фарингальные		къ	кI				
		къу	кIу				
Ларингальные			I		хъ		
			Iу				
Латеральные				л	лъ	лI	

дзу, цу, жбу, шбу, шIу, но и противопоставление шипящих аффрикат и шипящих спирантов по твердости - мягкости, характерное для бжедугского, темиргоевского, абадзехского, бесланеевского диалектов и абазакского говора. Шипящие спиранты ж, ш по твердости - мягкости занимают среднее положение между адыгейскими и бесланеевскими ж-ш, жб-шб.

ПРОБЛЕМА ПРЕРУПТИВОВ

Состав и ареал распространения преруптивов

Смычные согласные образуют трехчленный ряд во всех абхазско-адыгских языках. Трехчленную оппозицию смычных составляют звонкий - придыхательный - абруптивный. Ср. б-п-пI, д-т-тI, дж-ч-чI и т.д. Исключением среди абхазско-адыгских диалектов являются два адыгейских диалекта: бжедугский и шапсугский. В этих диалектах смычные согласные образуют четырехчленную оппозицию: звонкий - придыхательный - преруптивный - абруптивный. Ср. б-п-пп-пI, д-т-тт-тI, дж-ч-чч-чI и др.

Хотя проблема преруптивов рассматривается в ряде исследований, до сих пор остается неясным или дискуссионным не только вопрос об их происхождении, но и вопрос о том, какие согласные должны быть отнесены к преруптивам. Как увидим ниже, этот вопрос разные авторы решают по-разному.

Для обозначения преруптивов в специальной литературе используются разные термины: глухие усиленные (Н.Ф. Яковлев, Д.А. Ашхамаф), полуабруптивы, преруптивы (Г.В. Рогава), глухие неаспирированные (А. Койперс), неаспирированные, неглotalизованные (К. Пари) и др.

На существование преруптивов в адыгейском языке впервые обратил внимание Н.Ф. Яковлев в работе "Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков"¹³. Не касаясь вопроса о генезисе преруптивов, их характеристики, Н.Ф. Яковлев кладет их в основу классификации адыгейских наречий (геср. диалектов) на западную и восточную группы. По Н.Ф. Яковлеву, наличие "глухих усиленных" в западных наречиях отграничивает их от восточных наречий. При этом к западным наречиям Н.Ф. Яковлев относил "наречия, на которых говорит западная часть территории современного поселения племени темиргоевцев и все потомки племени бжедухов и шапсугского, в котором можно отметить особый хакучинский говор. Этим наречием говорят потомки племен шапсуггов, натухайцев и хакучей"¹⁴. Дальнейшие исследования показали, что "глухие усиленные" смычные фонемы (геср. преруптивы) имеют несколько иной ареал распространения.

Как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте вопрос о преруптивах впервые более подробно разработан в трудах Г.В. Рогава¹⁵. Рассматривая место преруптивов в фонологической системе современных адыгских языков, Г.В. Рогава предложил довольно строгое и четкое определение их соотношения с другими смычными согласными. В соответствии с концепцией Г.В. Рогава преруптивы в бжедугском и шапсугском диалектах соответствуют глухим придыхательным смычным в других адыгейских диалектах и звонким смычным в кабардинском языке. Ср. бжедуг., шапс. *ттамэ*, абадз., темирг. *тамэ*, каб. *дамэ*, 'крыло', бжедуг., шапс. *ццэ*, абадз., темирг. *цэ*, каб. *дзэ* 'зуб', бжедуг., шапс. *ччилэ*, абадз., темирг. *чылэ*, каб. *жилэ* 'село'. По мнению Г.В. Рогава, указанное звукосоответствие обуслов-

¹³ Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. - Зап. Северо-Кавказского Краевого НИИ, т. I. Ростов н/Д, 1928, с. 120.

¹⁴ Яковлев Н.Ф. Указ. соч., с. 120.

¹⁵ Рогава Г.В. Четвертичная система смычных в адыгских языках. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. IV, № 3, 1943; *Он же*. К четвертичной системе взрывных в кавказских языках. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. IV, № 8, 1943; *Он же*. К вопросу о рядах фарингальных взрывных в картвельских и адыгейских языках. - ИКЯ, т. I, 1946.

лено утратой преруптивов в абадзехском, темиргоевском и кабардинских диалектах (о чем см. ниже).

Преруптивы в шапсугском диалекте исследованы в кандидатской диссертации З.И. Керашевой¹⁶. Касаясь звуковых соответствий между адыгскими языками и диалектами, З.И. Керашева приходит к выводу: "При сравнении придыхательных смычных адыгейского языка с соответствующими согласными кабардинского языка в некоторых случаях мы получаем совпадение, в других же придыхательному смычному согласному соответствует звонкий смычный согласный. Последнее соответствие мы получаем в том случае, если смычный звук в восточных диалектах исторически был полуабруптивным. В шапсугском же диалекте полуабруптивы сохранились, и звонким смычным кабардинского языка в шапсугском диалекте соответствуют полуабруптивы"¹⁷. Как видно, основной тезис З.И. Керашевой ("Звонким смычным кабардинского языка в шапсугском диалекте соответствуют полуабруптивы") вполне согласуется с положением Г.В. Рогава о преруптивах (полуабруптивах). Вместе с тем З.И. Керашева отмечает, что твердой аффрикате *чъ* адыгейского литературного языка и других диалектов в шапсугском диалекте соответствует мягкая глухая аффриката *ч*: адыг. лит. *чъиги*, шапс. *чи́ги* 'дерево', адыг. лит. *пчъэригъачъ*, шапс. *пчэригъач* 'засов', адыг. лит. *чъийэн*, шапс. *чийэн* 'спать', адыг. лит. *чъэн*, шапс. *чэн* 'бежать', адыг. лит. *пчъагъ*, шапс. *пчагъэ* 'счет'¹⁸. Указанное звукосоответствие оказалось несколько ассиметричным: в приведенных словах в шапсугском диалекте вместо мягкой глухой аффрикаты *ч* следовало бы ожидать мягкий преруптив *чч*, поскольку в бжедугском диалекте представлена преруптивная аффриката, а в кабардинских диалектах – звонкая аффриката или ее рефлекс – звонкий спира́нт. Ср. бжедуг. *ччъиги*, белс. *джий*, каб. *жиг* 'дерево', бжедуг. *ччъийэн*, белс. *джъийэн*, *джэйн*, бакс. *жэйн* 'спать', бжедуг. *ччъэн*, белс. *джээн*, *джэн*, бакс. *жэн* 'бежать', бжедуг. *пччъагъэ*, белс. *бджи-гъэ*, бакс. *бжигъэ* 'счет'. Иными словами, в речи причерноморских шапсугов закономерным оказался бы переход *ччъ* > *чч* и соответственно – наличие преруптива *чч* вместо бжедугского преруптива *чъ*, как это имеет место в аналитическом шапсугском говоре Семилей (о чем пойдет речь ниже).

В более поздних исследованиях иначе трактуется вопрос о судьбе преруптива *ччъ* и его соответствиях в адыгейских диалектах. В "Грамматике адыгейского языка" Г.В. Рогава и З.И. Керашевой отмечается, что преруптив *ччъ* представлен в "бжедуг. *ччъиги* 'дерево', *ччъийэн* 'спать', *ччъэн* 'бежать', *аччъэ* 'козел', *пччъагъэ* 'число', *пччъэ* 'дверь', *пччъэпси* 'ручка двери'".... В шапсугском диалекте эта фонема заменена нетвердой *чч*: шапс. *ччиги* 'дерево', *ччийэн* 'спать' и т.д."¹⁹

¹⁶ Керашева З.И. Указ. соч., с. 26–28.

¹⁷ Там же, с. 27.

¹⁸ Там же, с. 29.

¹⁹ Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966, с. 34.

К. Пари посвятила специальную статью преруптивам (смычным "сильным", неаспирированным, неглotalизованным, — в ее терминологии) в шапсугском диалекте. Исследуя преруптивы на материале речи деревни Семильбей в Турции, К. Пари выделяет преруптивы *пп, тт, цц, чч, ккб, кку*, дающие корреспонденции в виде глухих придыхательных в адыгейском литературном языке и звонких в кабардинском литературном языке и бесленевском диалекте²⁰. Иными словами, наблюдения К. Пари над речью зарубежных шапсугов в основном подтверждают положение Г.В. Рогава о соответствии преруптивов глухим придыхательным и звонким в других адыгских диалектах. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что бжедугскому твердому преруптиву *ччб* в этом шапсугском говоре отвечает мягкий преруптив *чч*, что является результатом перехода *ччб > чч* и согласуется с обычной тенденцией развития смычных в адыгских языках. Ср. в говоре Семильбей: *ччиги* 'дерево', *маччэ* 'бежит', *ггэ-ччийэн* 'заставить его спать'²¹.

К.Пари отмечает также ряд других особенностей, отличающих речь зарубежных шапсугов от речи причерноморских шапсугов. Так, считается, что в речи причерноморских шапсугов, как и в бжедугском диалекте, смычные во всех звуковых рядах имеют преруптивы²². В речи же зарубежных шапсугов, исследованной К. Пари, не все ряды смычных дополняются преруптивами: отсутствуют преруптивы *ццу, ккб, ккбу* (*цци* 'вол' вм. *ццуи*, *ккб* — проверб направления, вм. *ккбб*—).

Иначе осмещает рассматриваемый вопрос голландский кавказовед А. Койперс²³. К "глухим неаспирированным" (resp. к преруптивам) А. Койперс относит не только согласные *пп, тт, цц, чч, кку* в словах типа бжедуг. *ппий* 'враг', *ппанэ* 'колючка', *ттэ* 'мы', *ттиггэ* 'солнце', *ццэ* 'зуб', *уцци* 'трава', *ччэтти* 'курица', *ччаппэ* 'склон', *ккуи* 'арба', *ккуип* 'группа', но также *п* в бжедуг. *ттапи* 'уголек', *ккуип* 'группа', *ччап* 'иней', *т* в бжедуг. *тати-н* 'поднимать', *тат* 'стог', *танэ* 'телка', *ку* в бжедуг. *сэ-ку* 'грива' и др.²⁴ Иными словами, в ряде случаев преруптивами А. Койперс считает и глухие смычные, имеющие глухие смычные корреспонденции в кабардинском языке. У нас нет основания упрекнуть автора в том, что он отождествляет с преруптивами глухие смычные с максимальной аспирацией. В языке информантов автора могло иметь место подобное распределение преруптивов, обусловленное утратой

²⁰ Paris C. Les occlusives "fortes" dans le parler chap-sough de Cemilbey (tcherkesse occidentale).

²¹ Там же, с. 272, 282.

²² Керашева З.И. Указ. соч., с. 27; Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 28.

²³ Kuipers A.H. Proto-Circassian Phonology: An Essay in Reconstruction. — *Studia Caucasica*, I. The Hague, 1963.

²⁴ Там же, с. 69–75.

максимальной аспирации глухими смычными в речи отдельных носителей диалекта.

О наличии существенных исключений из общепринятого правила распределения преруптивов в бжедугском диалекте свидетельствуют и наши наблюдения. Это подтверждается и специальными исследованиями, в частности, кандидатской диссертацией К.Л. Аутлева, посвященной фонетической системе бжедугского диалекта²⁵. Заметим, что многие факты, приводимые в исследовании К.Л. Аутлева, оказались неожиданными и несогласующимися с общепринятым положением о месте преруптивов в системе адыгского консонантизма. Дело в том, что материал К.Л. Аутлева полностью не укладывается в систему, согласно которой преруптив соответствует глухому придыхательному смычному в абадзехском и темиргоёвском диалектах и звонкому смычному в кабардинском языке. К.А. Аутлев приходит к выводу, что в бжедугском диалекте "в комплексе с придыхательными согласными всегда выступают лишь полуабруптивные (преруптивные - *М.К.*) смычные"²⁶. Подобные комплексы многочисленны в бжедугском диалекте, поскольку они образованы по наиболее продуктивной модели консонантных групп в адыгских языках (см. с. 264-265). Ср., например, бжедуг. *ппси*, абадз., темирг., каб. *пси* 'вода', бжедуг. *пплээн*, абадз., темирг., каб. *плээн* 'смотреть', бжедуг. *ттхин*, абадз., темирг., каб. *тхин* 'писать', бжедуг. *ппхин*, абадз., темирг., каб. *пхин* 'связать' и др.²⁷ Ср. также отмечавшиеся в специальной литературе преруптивы *кк*, *кку* в бжедуг. *шккэн* 'есть, кушать', *гьуэшккэн* 'жевать', *шккуэ* 'уздечка'²⁸. Последние встречаются в комплексе с шипящим спирантом *ш*. В отличие от преруптивов *кк*, *кку*, представленных во многих словах вне комплекса с шипящим спирантом *ш*, преруптивы *кк*, *кку* в словах типа *гьуэшккэн* 'жевать', *шккуэ* 'уздечка' также нарушают систему противопоставления: бжедуг. преруптив - каб. звонкий. Ср. каб. *гьуэшхэн* 'жевать', *шхуэ* 'уздечка'.

Фонетическая близость преруптивов и глухих придыхательных нередко служит причиной их отождествления при характеристике звуковой системы адыгских языков.

К одному звуковому типу относит преруптивы и глухие придыхательные Ю.А. Тхаркахо. Рассматривая впервые подробно и на большом фонетическом материале смычные с максимальным придыханием, которые многие авторы отождествляют с глухими придыхательными смычными, Ю.А. Тхаркахо в то же время не дифференцирует преруптивы и глухие придыхательные в словах типа бжедуг. *ккуэцца*, темирг. *куэца* 'пшеница', бжедуг. *ппиттэ*, темирг. *питэ* 'крепкий', бже-

²⁵ Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. Автореф. канд. дис. Майкоп, 1966.

²⁶ Аутлев К.Л. Полуабруптивные смычные бжедугского диалекта. - Учен. зап. АНИИ, т. XII, Языкознание. Майкоп, 1971.

²⁷ Там же.

²⁸ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 35.

дуг. *ттамэ*, темирг. *тамэ* 'крыло', бжедуг. *ццэ*, темирг. *цэ* 'зуб', бжедуг. *ццуи*, темирг. *цуи* 'бык', бжедуг. *ччэ-ми*, темирг. *чэми* 'корова', бжедуг. *ччъиги*, темирг. *чъиги* 'дерево'²⁹.

В связи с фарингальными преруптивами следует подчеркнуть, что в интерпретации их места в системе консонантизма и ареала распространения по диалектам существуют существенные расхождения между специалистами. Г.В. Рогава считает, что фарингальные преруптивы – простой *ккъ* и лабиализованный *ккъу* – имеются в адыгейских диалектах и адыгейском литературном языке. Ср. *ккъэкIуэн* 'идти сюда', *маккъэ* 'голос', *ккъуэ* 'сын', *лъаккъуэ* 'нога'³⁰. Мы разделяем точку зрения Г.В. Рогава. Наши наблюдения также подтверждают наличие преруптивов в зоне фарингальных смычных, причем это имеет место и в адыгейском литературном языке.

О наличии фарингального преруптива в шапсугском диалекте писала также З.И. Керашева. "Наряду с придыхательным *кхъ*, – отмечает З.И. Керашева, – в шапсугском диалекте сохранился и полуабруптивный (преруптивный. – М.К.) *къ*, единственный звук, представляющий фарингальный ряд в темиргоевском и абадзехском диалектах"³¹. Как видно, для консонантизма шапсугского, темиргоевского (геср. адыгейского литературного языка) и абадзехского диалектов З.И. Керашева считает характерным лишь один фарингальный преруптив – простой, нелабиализованный *ккъ* (она обозначает его знаком *къ*).

Другая интерпретация рассматриваемого явления, не совпадающая ни с точкой зрения Г.В. Рогава, ни с точкой зрения З.И. Керашевой, предложена К.Л. Аутлевым³². По мнению К.Л. Аутлева, фарингальные преруптивы *ккъ*, *ккъу* не свойственны адыгейскому литературному языку и восточным (темиргоевскому и абадзехскому) диалектам. По К.Л. Аутлеву, в словах типа *ккъэкIуэн* 'идти сюда', *маккъэ* 'голос', *ккъуэ* 'сын' в адыгейском литературном языке и восточных адыгейских диалектах представлены не преруптивы *ккъ*, *ккъу*, а глухие придыхательные *къ*, *къу*³³. К.Л. Аутлев утверждает, что два фарингальных преруптива – простой *ккъ* и лабиализованный *ккъу* – характерны для фонологической системы бжедугского диалекта. В соответствии с этим положением бжедугские преруптивы соответствуют глухим придыхательным фарингальным в адыгейском литературном языке и восточных адыгейских диалектах и абруптивным фарингальным в кабардинском языке. Ср. бжед. *ккъэ*–,

²⁹ Тхаркахо Ю.А. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка. – Учен. зап. АНИИ, сер. лингвист., т. II. Майкоп, 1963.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Керашева З.И. Указ. соч., с. 38.

³² Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. – Учен. зап. АГПИ, сер. филолог. наук, вып. 3, Майкоп, 1963.

³³ Там же, с. 101.

абадз., темирг., кьэ-, каб. кьІэ- преверб., бжед. ккьуэ, абадз., темирг., кьуэ, каб. кьІуэ 'сын'³⁴.

На другой точке зрения стоит Ю.А. Тхаркахо по вопросу о фарингальных смычных³⁵. Ю.А. Тхаркахо, как и К.Л. Аутлев, исходит из того, что темиргоевскому (чемгуйскому) диалекту свойственны лишь глухие придыхательные кь, кьу. Однако Ю.А. Тхаркахо, в отличие от К.Л. Аутлева, считает, что "каждому из вышеназванных придыхательных взрывных (смычных. - М.К.) соответствуют в бжедугском и шапсугском диалектах глухой придыхательный и глухой с ларингальным придыхательным"³⁶. Иными словами, то, что в бжедугском и шапсугском диалектах К.Л. Аутлев называет преруптивом, Ю.А. Тхаркахо включает в состав глухих придыхательных, а то, что К.Л. Аутлев в тех же диалектах относит к глухим придыхательным, Ю.А. Тхаркахо рассматривает как глухой с ларингальным придыхательным³⁷. Здесь нужно сделать существенную оговорку. Глухими придыхательными смычными в отношении бжедугского диалекта Ю.А. Тхаркахо считает преруптивные смычные других рядов. Так, бжедугские преруптивы, в том числе инициальные смычные в словах *ппанэ* 'колючка', *ттэпи* 'жар', 'уголек', *ттамэ* 'крыло', *ттэ* 'мы', *ччэми* 'корова', *ччэти* 'курица', *ччьиги* 'дерево', *ччьэн* 'бежать', *ццэфы* 'жест', 'цинк', *ццэ* 'зуб', *ццигьуэ* 'мышь' и др. Ю.А. Тхаркахо называет глухими придыхательными. То же самое автор делает в отношении фарингальных смычных. Отсюда видно, что некоторые противоречия в описании Ю.А. Тхаркахо объясняются его терминологией, хотя фонетическое отождествление бжедугских преруптивов с кабардинскими глухими придыхательными нельзя объяснить только недифференцированным обозначением у автора разных фонемных рядов. Автор тонко и последовательно различает глухие смычные с максимальной аспирацией бжедугского диалекта и их корреспонденции (глухие придыхательные) в других адыгейских диалектах во всех зонах артикуляции, в том числе фарингальной. В то же время он не выделяет преруптивов. Заметим, что расхождения между К.Л. Аутлевым и Ю.А. Тхаркахо не носят также лишь терминологический характер, а касаются понимания природы фарингальных преруптивов, их места в системе адыгского консонантизма.

Нет единства среди исследователей по вопросу о том, является ли корреляция преруптивности лишь особенностью смычных или же она характерна и для спирантов. Большинство исследователей исходит из положения о том, что преруптивными согласными могут быть только глухие смычные согласные. Мы стоим на точке зрения, что преруптивами могут быть также спиранты, в частности, глухие шипящие спиранты. Если антропофонические различия между преруп-

³⁴ Там же.

³⁵ Тхаркахо Ю.А. Указ. соч.

³⁶ Там же, с. 97.

³⁷ Там же, с. 98.

тивами и глухими (неабруптивными) согласными состоят в основном в степени аспирации, то шипящие спиранты в бжедуг., шапс. *шшън* 'три', *шшъэн* 'продавать', *ншшън* 'князь', *гъашишъ* 'княгиня', *ччэшишън* 'ночь', бжедуг. *шшэ* 'жир', *шшак* *гуэ* 'охотник', *гашшэ* 'оружие', *шшхъуантгэ* 'зеленый', *шшъашишэ* 'наряд', 'одежда', и др. следует отнести к преруптивам. Шипящие спиранты *шшъ*, *шш* и глухие спиранты *шъ*, *ш* противопоставляются по степени аспирации: первые характеризуются наличием минимальной аспирации, вторые — наличием максимальной аспирации. В этом отношении преруптивные шипящие спиранты и их глухие (неабруптивные) корреляты идентичны преруптивным смычным и их глухим (неабруптивным) коррелятам. Глухие (неабруптивные) корреляты спирантов и смычных фонетически реализуются с максимальной аспирацией. Подобное противопоставление снимается только в определенных фонетических условиях. Как отмечалось выше, в консонантных группах утрачивается признак максимальной аспирации, в конечной же позиции противопоставление преруптивов глухим согласным с максимальной аспирацией также нейтрализуется, но представителем архифонемы выступает уже противоположный член оппозиции. Как видно, оба члена оппозиции замещают архифоному: один член нейтрализуется в положении перед согласными (*т*, *с*, *шъ*, *х*, *хъ*, *лъ*...) другой член нейтрализуется в конечной позиции. Отсюда, естественно, что маркированными оба члена остаются в разных позициях: в одних позициях преруптивный член, в других — непрерывтивный член (глухой с максимальной аспирацией). Это правило распространяется на преруптивные смычные и преруптивные спиранты и их глухие корреляты с максимальной аспирацией.

Итак, среди исследователей нет единства по вопросу о преруптивах. Отдельные авторы вообще не выделяют преруптивы как отдельные фонемы. Большинство исследователей признает наличие преруптивов в западных диалектах адыгейского языка. Однако эти исследователи решают однозначно, далеко не все вопросы, связанные с преруптивами. Разногласия между исследователями касаются состава преруптивов, их рефлексов и соответствий в разных диалектах, понимания фонологической значимости преруптивов, их фонетических репрезентаций и т.д. Даже по вопросу об ареале распространения преруптивов существуют разные мнения. Так, Б.Х. Балкаров считает, что преруптивы свойственны не только западным диалектам (бжедугскому и шапсугскому), но и абадзехскому диалекту адыгейского языка³⁸.

Наиболее общепринятой в определении места преруптивов в системе адыгейского консонантизма остается точка зрения, согласно которой кабардинским звонким и темиргоевско-абадзехским глухим смычным и спирантам в бжедугском и шапсугском отвечает преруптивы. Это звукосоответствие имеет, однако, ряд существенных исключений, обусловленных позиционными особенностями. Ср., например, бжедуг.

³⁸ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик, 1970, с. 233.

тхбацу, им. п. тхбацуэр 'тесто', шккэн, абадз., темирг., каб. шхэн 'есть', 'кушать', бжедуг. ттхэн, абадз., темирг., каб. тхэн 'писать'. Кроме того - и это важно - преруптивные фарингальные смычные и преруптивные шипящие спиранты дают существенные отклонения от указанного соотношения фонем в диалектах: они представлены в адыгейских диалектах, а в кабардинских диалектах им отвечают глухие придыхательные и абруптивы.

Происхождение преруптивов

Многое остается неясным в решении вопроса о генезисе преруптивов. Между тем без преувеличения можно сказать, что, не выяснив истории и относительной хронологии преруптивов, составляющих целую подсистему консонантизма, невозможно вообще создание сравнительно-исторической фонетики адыгских языков. Ведь реконструкция консонантизма является одной из важнейших задач сравнительно-исторической фонетики родственных языков. А сравнительно-историческая фонетика, как известно, служит базой для сравнительной грамматики (морфологии и синтаксиса) и этимологической разработки лексики. Иными словами, реконструкция консонантизма и вокализма общеадыгского языка должна предшествовать созданию сравнительно-исторической грамматики (морфологии и синтаксиса) и глубокому этимологическому анализу лексики, реконструкции структуры слова в данной группе языков. Нет нужды доказывать, что проблема преруптивов имеет принципиальное значение для сравнительно-исторического исследования адыгских (шире - западнокавказских) языков. Авторы существующих сравнительных, сравнительно-исторических и этимологических разысканий рассматривают преруптивы в качестве исходных (первичных) фонем при решении вопросов реконструкции.

Было бы проявлением излишней самоуверенности полагать, что положение о древности преруптивов, получившее столь широкое признание и распространение в специальной литературе, непременно должно быть отброшено. Напротив, мы считаем, что это положение, разделяемое по существу всеми исследователями истории адыгских языков, имеет право на существование. Вместе с тем на данном этапе изученности западнокавказских языков возможны поиски и других путей решения проблемы преруптивов.

Как отмечалось выше, наличие преруптивов в западных диалектах адыгейского языка отметил Н.Ф. Яковлев в 1928 г., а в начале 40-х годов Г.В. Рогава опубликовал ряд серьезных исследований, посвященных преруптивам в истории адыгских и других (картвельских, дагестанских) языков. Следует подчеркнуть, что в этих работах Г.В. Рогава впервые с достаточной полнотой охвата материала устанавливаются корреспонденции преруптивов в адыгских диалектах, что явилось существенным вкладом в изучение фонетических соответствий между адыгскими языками.

В настоящее время, по прошествии нескольких десятков лет, когда накоплен огромный фактический материал по

всем западнокавказским языкам (выявлены ранее не известные данные внутренней и внешней реконструкции, изучены основные черты всех адыгских диалектов, а также осуществлен историко-сравнительный анализ фонетического строя абхазского и абазинского языков, исследована фонетика убыхского языка), может быть поставлен вопрос о преруптивах и их отношении к консонантизму общеадыгского языка и западнокавказского языкового единства. В этой связи особого внимания заслуживает монография К.В. Ломтатидзе, посвященная историко-сравнительному изучению фонетики абхазского и абазинского языков³⁹.

Новая постановка проблемы преруптивов во многом стала возможной также благодаря значительным успехам, достигнутым за последние десятилетия в разработке общей методики сравнительно-исторического языкознания. Это касается прежде всего вопроса о соотношении приемов сравнительной и внутренней реконструкции, ее границах и месте в общей системе восстановления праязыкового состояния, роли типологических и ареальных критериев при решении генетических проблем, принципах относительной хронологии в сравнительно-исторических исследованиях и т.д.

Исследователи основываются на положении о первичности преруптивов и вторичности их корреспонденций при попытках реконструкции общеадыгского консонантизма, выявлении звуковых соответствий между адыгскими языками и диалектами, этимологическом анализе слов, восстановлении архетипов морфем, лексем, основ, сравнении адыгских языков с другими языковыми группами⁴⁰. Мнение о первичности преруптивов выражено также в работах по описанию адыгейских диалектов и специальных исследованиях, посвященных анализу данного ряда смычных согласных⁴¹.

³⁹ Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонетическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976.

⁴⁰ См., например: Kuipers A.H. Proto-Circassian Phonology: An Essay in Reconstruction; Балкаров В.Х. Фонетика адыгских языков; Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973; Он же. К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976; Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.

⁴¹ См., например: Керашева З.И. Указ. соч.; Paris C. Les occlusives "fortes" dans le parler chapsough de Cemilbey (tcherkesse occidental); Кумахова З.Ю. Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик, 1972; Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. Автореф. канд. дис.; Он же. Полуабруптивные смычные бжедугского диалекта; Уджуху Т.Ш. Преруптивные смычные согласные западных диалектов адыгейского языка. - В кн.: Строение предложения в адыгейском языке. Майкоп, 1976.

Следует отметить, что специалисты возводят преруптивы не только к эпохе общеадыгского единства, но и к более глубоким хронологическим уровням. Так, Б.Х. Балкаров стоит на точке зрения, что в абхазском и абазинском в одних лексемах преруптивы перешли в глухие придыхательные, а в других – в звонкие⁴². Это мнение основывается на положении, согласно которому преруптивы должны быть отнесены к глубокой древности – к периоду западнокавказского языкового единства. Другие авторы также реконструируют преруптивы для всех западнокавказских языков. В этой связи, например, А.И. Абдоков пишет: "Известно, что непридыхательный (преруптив. – М.К.) *цц* в кабардинском перешел в звонкий *дз*, а в адыгейском – в глухой *ц*: каб. *дзэ*, адыг. *цэ* < **ццэ* 'зуб', каб. *дзидзэ*, адыг. *ццэз* 'куница' и т.д. Этот непридыхательный перешел в глухой *ц* в убыхском, абхазском и абазинском языках: убых *цэ-кIа*, абх. *ацъапыц*, абаз. *пыц* 'зуб'"⁴³. Ср. также: "Западнокавказские корневые *х*, *чъ*, *шв* возводятся к непридыхательной (преруптивной. – М.А.) лабиализованной шипящей аффрикате *чъв*"⁴⁴. Более того, автор восстанавливает преруптивы как общий архетип для некоторых западнокавказских и восточнокавказских языков⁴⁵.

Итак, положение о первичности преруптивов, их большой хронологической глубине, их исторической принадлежности ко всем адыгским (и не только адыгским) диалектам у исследователей не вызывает сомнений. Между тем реконструкция преруптивов во всех адыгских диалектах и общеадыгском языке, не говоря уже об их реконструкции в генетически родственных западнокавказских языках – абхазском, абазинском, убыхском – наталкивается на непреодолимые трудности.

Прежде всего следует отказаться от положения, согласно которому преруптивы постулируются для истории консонантизма абхазского, абазинского и убыхского языков. Попытки реконструировать преруптивы в абхазском, абазинском и убыхском языках лишены опоры на данные внутренней реконструкции: в этих языках не сохранилось никаких следов преруптивов. Реконструкция же преруптивов в абхазском, абазинском и убыхском языках на основе данных бжедугского и шапсугского диалектов адыгейского языка оказывается неубедительной в силу того, что древность преруптивов в этих двух адыгейских диалектах остается недоказанной (о чем см. ниже). В этом отношении показательны данные сравнительно-исторической фонетики абхазского и абазинского языков. Преруптивов не обнаруживается ни в современных абхазско-абазинских диалектах, ни в их праязыковом состоянии⁴⁶. В убыхском языке, находящемся

⁴² Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 236.

⁴³ Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков, с. 40.

⁴⁴ Там же, с. 105.

⁴⁵ Там же, с. 48.

⁴⁶ Ломтатидзе К.В. Указ. соч., с. 147-175.

в довольно близких генетических связях с адыгскими языками, также не обнаруживается рефлексов преруптивов. В целом материал абхазского, абазинского и убыхского языков не позволяет присоединиться к мнению об историческом наличии преруптивов в этих языках.

Из сказанного представляется вполне правомерным сделать вывод, что преруптивы возникли на адыгской почве. В этой связи встает вопрос об относительной хронологии преруптивов в адыгских языках. Вопрос о том, являются ли преруптивы, встречающиеся в западных адыгейских диалектах, древними фонемами, утраченными другими адыгскими диалектами (как это принято считать в литературе), или же относятся к диалектным инновациям, не получившим развития в других диалектах, требует более тщательного рассмотрения.

Поскольку убыхский, абхазский и абазинский языки не дают материала для реконструкции преруптивов в адыгских языках, остаются данные внутренней реконструкции, т.е. материал самих адыгских диалектов. Как уже отмечалось выше, преруптивы получили распространение в двух диалектах адыгейского языка — бжедугском и шапсугском. Исключение составляют фарингальные *ккъ*, *ккбу*, представленные также в темиргоевском и абадзехском диалектах. В других диалектах адыгских языков не удается обнаружить никаких следов преруптивов (хотя бы в виде переходных, промежуточных явлений). Особенно настораживает бесленеевский диалект со своей весьма консервативной фонетической системой, сохраняющей многие явления общеадыгского консонантизма. Этот диалект не дает материала, хотя бы косвенно подтверждающего наличие преруптивов в более раннюю эпоху его развития. Единичные случаи соответствия бесленеевского зубного смычного *т* кабардинскому зубному смычному *д* (ср. бесл. *тэнэ*, бакс. *дэнэ* 'где', бесл. *тауэ*, бакс. *даўэ* 'как') не могут быть использованы как данные внутренней реконструкции, поскольку зубной *т* в этих словах не является преруптивом, а относится к обычным глухим смычным. Для реконструкции преруптивов остается лишь материал бжедугского и шапсугского диалектов.

Если оставить в стороне явно вторичные *ккъ*, *ккбу*, крайне незначительная функциональная нагрузка преруптивов в исконных адыгских словах. Минимальные пары, различающиеся на фонологическом уровне с помощью преруптивов, единичны в сфере собственно адыгских лексем. Приведенные в разных исследованиях минимальные пары типа бжедуг. *ккуи* 'арба' : *куи* 'сердцевина', *ккбуэ* 'свинья' : *ккбуэ* 'сын', *тыгъэ* 'солнце' : *тыгъэ* 'даренное', как увидим ниже, вторичны. Иными словами, подавляющее большинство лексем, включающих преруптивы, за исключением *ккъ*, *ккбу*, относится к заимствованным или отчасти звукоимовительным словам. Причем в новых и новейших заимствованиях глухие смычные последовательно заменяются преруптивами, в то время как старые заимствования в этом отношении проявляют значительные колебания⁴⁷. Ср. бжедуг., шапс.

⁴⁷ Уджуху Т.Ш. Указ. соч., с. 152-153.

ппалатэ 'палата', ккамерэ 'камера', ттаблицэ 'таблица', ккабинет 'кабинет', но тобэ 'покаяние', джэуап 'свет', джэнэт 'рай', нэчатэ 'брак', 'бракосочетание'⁴⁸.

Очевидно, что лексические заимствования, как и звуко-символические слова, не могут быть надежной опорой для реконструкции преруптивов. В этой связи заметим, что часть слов с преруптивами, включаемых исследователями в собственно (исконно) адыгский фонд, на самом деле оказывается заимствованием. К ним относится, например, ккуи 'арба', ккуи 'группа', ккуэни 'амбар', ккуэбэн 'быстро устający', ччан 'живой, подвижный', ччан 'острый', ччан-пэ 'бок, склон горы', ппийи 'враг', ппихэ 'пар' и др. Анализ материала заставляет усомниться в возможности приписать и другие лексемы (например, ттихьыни 'серебро', саниэ 'пыль', ккуахьуэ 'вилы', ццуаккхэ 'обувь', ппийтэ 'крепкий' и др.) исконно адыгскому лексическому фонду. Во всяком случае резко сокращается число тех лексем с первичными преруптивами, которые с явной очевидностью могут быть отнесены к исконно общеадыгскому или западно-кавказскому фонду. При этом, как увидим ниже, в лексемах, считающихся собственно адыгскими или западнокавказскими, первичность преруптивов отнюдь не является бесспорной.

Для решения вопроса о генезисе преруптивов первостепенное значение приобретают их дистрибутивные признаки. Дело в том, что преруптивы – позиционное явление. Преруптивы возможны лишь в неконечной позиции. Ср., например, бжедуг. ччэт 'курица', тхьацу 'тесто', шхьомч 'каштан', чІэттику 'низина', но ччэттэр 'курица' (им. п.), тхьац-цүэр 'тесто' (им. п.), шьомччэр 'каштан' (им. п.), чІэт-тиккүэр 'низина' (им. п.)⁴⁹. Как видно, глухие придыхательные в конечной позиции соответствуют преруптивам в положении перед гласным. Характерно, что в этот фонетический процесс втягиваются и общеадыгские глухие согласные. Ср., например, адыг. каб. хэт? 'кто?', но бжедуг. хэтта ар? 'кто это?'⁵⁰. Разбираемый фонетический закон охватывает также новые заимствованные слова. В них преруптивом заменяется глухой смычный в неконечной позиции. Ср. бжедуг. ккабинет 'кабинет'. Однако в вновых заимствованиях конечный глухой смычный, оказавшись в положении перед гласным, изменяется в преруптив. Ср. бжедуг. ккабинеттэр 'кабинет' (им. п.).

При решении вопроса о происхождении преруптивов представляется существенным обратить внимание на консонантные группы. Дело заключается в том, что наблюдения над консонантными группами не согласуются с общепринятым положением о месте преруптивов в системе адыгского консонантизма. Консонантные группы, включающие преруптивы, никак не укладываются в систему, согласно которой преруптив соответствует глухому смычному в абадзехском и темиргоевском диалектах и звонкому смычному в кабардин-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 150.

⁵⁰ Там же.

ском языке. К.Л. Аутлев, как отмечалось выше, не без основания приходит к выводу, что в этом диалекте "в комплексе с придыхательными согласными всегда выступают лишь полуабруптивные (преруптивные. - М.К.) смычные"⁵¹. Характерно, что это положение по сути дела подтверждает Т.И. Уджуху, специально проводившая экспериментальный анализ преруптивов. Говоря о работе К.Л. Аутлева, посвященной преруптивам, Т.И. Уджуху, в частности, пишет: "Автор также характеризует каждый из преруптивных смычных согласных одного из западных диалектов адыгейского языка - бжедугского и выявляет комплексы, в которые могут входить интересные нас смычные согласные"⁵² (разрядка наша. - М.К.). Наши наблюдения над преруптивами также дают основания для принятия этого положения. Поскольку же консонантные группы, в состав которых входят преруптивы, разнообразны и имеют широкое распространение в бжедугском диалекте, резко возрастает число отклонений от звукосоответствий между адыгскими языками и диалектами. Ср., например, бжедуг. *ппси* 'вода', *пллээн* 'смотреть', *плилхьа* 'красный', *пшхьа* 'князь', *пшхьинэ* 'гармонь', *пшхис* 'сказка', *пшхьахуэ* 'песок', *пшхьэ* 'шея', *пшхьашэ* 'девушка', *пшхин* 'завязать', *пшхэдх* 'неправильный', *пшхьин* 'рассыпать', *пшхьэ* 'дерево', *пшхьашэ* 'грубый', *суровый', пшхьаи* 'дочь', *пшхьэтэн* 'хватать', *пшхьэу* 'столб', *пшхьа* 'хребет', *пшхьин* 'писать', *гьаттхэ* 'весна', *пшхьин* 'рвать', *пшхьаи* 'масло', *пшхьэ* 'бог', *пшхьа* 'пять', *пшхьин* 'гореть' и др.⁵³ В подобных случаях (а материал может быть значительно увеличен) бжедугским преруптивам соответствуют глухие смычные в адыгейском литературном языке и кабардинском языке. Показательно, что в тех сравнительно немногочисленных лексических единицах, которые могут быть признаны исконными и в которых преруптивы соответствуют глухим смычным в адыгейском литературном языке и звонким смычным и спирантам в кабардинском языке, типичными оказываются именно консонантные группы. Ср. бжедуг. *пшхьа* 'копья', *пшхьэгьаи* 'кол', *пшхьэ* 'дверь', *пшхьын* 'считать', *пшхьа* 'долото', *пшхьэ* 'бровь' и др. Как видно, в подобных случаях глухие согласные находятся в фонетической позиции преруптива.

Сам факт позиционной обусловленности преруптивов (бжедуг. *хэт?* 'кто?', но *хэтта ар?* 'кто это?', *чхэт*, но *чхэттэр* 'курица', *ккабинет*, но *ккабинеттэр* 'кабинет', переход на фонетическом уровне глухих смычных в преруптив в сочетании с придыхательными согласными в словах типа бжедуг. *ппси* 'вода', *пшхьэ* 'бог', *пшхьаи* 'дочь', *пшхьаи* 'масло') дает основания полагать, что преруптивы

⁵¹ Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка, с. 9; Он же. Преруптивные смычные бжедугского диалекта, с. 245.

⁵² Уджуху Т.И. Указ. соч., с. 139.

⁵³ Аутлев К.Л. Преруптивные смычные бжедугского диалекта, с. 246-249.

не являются первичными и не унаследованы от общеадыгского языка. Мнение о вторичности и позиционной обусловленности преруптивов подкрепляется другими данными внутренней реконструкции.

В этой связи прежде всего следует указать на переход придыхательных фарингальных смычных в преруптивы в адыгейском языке. В адыгейском литературном языке, как и в темиргоевском и абадзехском диалектах, глухие придыхательные *кʰ, кʰу* изменились в преруптивы *ккʰ, ккʰу*. Ср. бжедуг. *маккʰэ* > адыг. лит. *маккʰэ* 'голос', бжедуг. *ккʰэ* > адыг. лит. *ккʰэ* 'могила', бжедуг. *кʰуайэ* > адыг. лит. *ккʰуайэ* 'сыр', бжедуг. *кʰуижги* > адыг. лит. *ккʰуижги* 'груша', бжедуг. *ккʰуэ* > адыг. лит. *ккʰуэ* 'свинья'. Факт этот довольно поучителен в том отношении, что доказывает принципиальная возможность перехода исконных глухих придыхательных в преруптивы независимо от фонетической позиции. Отсюда, естественно, возникает вопрос: раз во всех позициях фарингальные смычные преруптивы могут быть вторичными, то почему же не могут быть вторичными и другие преруптивы? Анализ материала свидетельствует о том, что и другие преруптивы независимо от фонетических условий могут восходить к непрерывным согласным. Обратимся к фактам, представляющим интерес с рассматриваемой точки зрения.

Так, к основным примерам, приводимым всеми исследователями для постулирования первичности преруптивов, относятся бжедуг., шапс. *ттигʷэ* 'солнце', *ппанэ* 'колючка', *ччэм* 'корова', *ччан* 'живой, энергичный', бжедуг. *ччʷиги*, шапс. *ччʷиги* 'дерево', бжедуг. *чIаккʷуэ*, шапс. *кIʷаккʷуэ* 'куций, короткий', бжедуг. *ццэ* 'зуб', *ццуи* 'вол' и др. Преруптивы *тт, тт, чч, ччʷ, ккʷ, цц, ццу* в указанных словах считаются исследователями первичными согласными. Однако данные сравнительной и внутренней реконструкции не позволяют присоединиться к этой точке зрения.

В бжедуг., шапс. *ттигʷэ*, абадз., темир. *ттигʷэ*, каб. *дигʷэ* исходность звонкого *д* поддерживается не только убыхской формой *д(н)гʷа*, *(н)дигʷэ* 'солнце', но и такими параллелями, как груз. *dye-*, мегр. *dya-*, чан. *(n)dya-*, сван. *laday-*, *ladey-*, *ladey-* 'день', ср. также чеч., инг., бабб. *de* 'день'.

То же самое можно сказать о бжедуг. шапс. *ппанэ*, абадз., темир. *панэ*, каб. *банэ* 'колючка': на материале родственных языков восстанавливается начальный звонкий смычный *б*; ср. убых. *бана* 'трава', абх. *а-бна*, абаз. *бна* 'лес, заросли колючего кустарника'. Оглушение начального согласного имело место в темир. *чэм*, абадз. *шэм* 'корова', поскольку этимологически это слово неотделимо от убых. *гу(н)ма* 'корова', абх. *а-джма*, абаз. *джма* 'коза'. Следует согласиться с мнением, что в адыгейском языке (мы бы сказали-и в общеадыгском) "должны были иметь джемы"⁵⁴. Впрочем, общеадыгская начальная звонкая аффри-

⁵⁴ Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977, с. 192.

ката *дж* сохранилась в бесл. *джэм* 'корова'. Темирг. *чэми* - результат оглушения начальной аффрикаты *дж*, а бжедуг., шапс. *ччэми* непосредственно возводится к темирг. *чэми*. То же самое следует сказать о темирг. *чан*, абадз. *шбан* 'живой', 'энергичный'. Ср. перс. *джан* 'душа'⁵⁵. Бжедуг. шапс. *ччан* 'живой', 'энергичный' - результат перехода глухого придыхательного *ч* в преруптив *чч*. Ср. каб. *жан* (< *джан*) в том же значении. В бжедуг. *ччэми*, шапс. *ччиги*, темирг. *ччиги*, бесл. *джиги*, каб. *жиг* 'дерево' вторичность преруптива и глухого придыхательного становится очевидной при сравнении с абх. *а-джь*, абаз. *джь-чиум* 'дуб'. Если сван. *žih* 'желудь' считать адыгизмом⁵⁶, то оно могло быть усвоено лишь из общеадыгского языка. А это лишний раз подтверждает оглушение начального звонкого, а затем его переход в преруптив в адыгейских диалектах. Впрочем, в адыгейском языке также сохраняются следы начальной звонкой аффрикаты в рассматриваемых основах. Ср. адыг. *джаншэврэхъ* 'колесо с режущими лопастями' (в эпической поэзии), шапс. (хакуч.) *джигай* 'дуб'. Показателен тот факт, что в хакучинском говоре, как отмечает З.И. Керашева, форма *джигай* 'дуб' вместо *ччигай* встречается только в речи стариков. Это говорит в пользу того, что в речи стариков имеет место не переход преруптива в звонкую аффрикату, а сохраняется более архаичная форма - звонкая аффриката *дж*, как это наблюдается в бесленеевском диалекте и, по-видимому, в сванском адыгизме *žih*, отражающем не только первоначальное значение этого слова ('желудь'), но и исходную начальную звонкую аффрикату. В этом отношении интересен и старый абхазско-абазинский адыгизм *джыр* 'сталь'. Ср. каб. *жир* 'сталь', образованное от основы *жи-н* 'затвердеть', 'застыть'. Абх.-абаз. *джыр* 'сталь' указывает на то, что как бжедугский преруптив *ччъ* в основе *ччъи-н*, так и темиргоевский глухой *чъ* в той же основе *чъи-н* 'застыть, затвердеть', восходят к звонкой аффрикате.

Не вызывает сомнения, что преруптив *кку* в производных словах типа бжедуг. *чиаккуэ*, шапс. *киаккуэ* 'кущий', 'короткий' непосредственно получен из глухого *ку*, который восходит к звонкому заднеязычному смычному *гу*. Ср. абх. *а-киагу* 'короткий', убух. *гуи* 'короткий, маленький'.

В приведенных примерах (число их легко можно было бы увеличить) преруптивы *пп*, *тт*, *чч*, *ччъ*, *кку* возводятся к начальным звонким смычным через промежуточную ступень *п*, *т*, *ч*, *чъ*, *ку*. Начальные звонкие представлены в кабардинских диалектах, глухие придыхательные - в абадзехском и темиргоевском диалектах, преруптивы - в бжедугском и шапсугском диалектах. С другой стороны, материал корреспонденций в убухском, абхазском и абазинском языках позволяет установить в адыгейском языке (абадзехском и те-

⁵⁵ Kuipers A.H. Proto-Circassian phonology: An Essay in Reconstruction, p. 76.

⁵⁶ Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н, с. 196.

миргоевском диалектах) исходность глухого придыхательного смычного. Так, в соответствии с общепринятым мнением в бжедуг., шапс. *ццэ*, абадз., темирг. *цэ*, каб. *дзэ* 'зуб' преруптив *цц* в бжедугском и шапсугском считается исходным, а глухой придыхательный *ц* в абадзехском и темиргоевском, как и звонкая аффриката *дз* в кабардинском, — новообразованием. Вторичность каб. *дз* не нуждается в обосновании, чего нельзя сказать о глухом придыхательном *ц* в абадзехском и темиргоевском диалектах. Корреспонденции в родственных языках заставляют прийти к выводу, что исходным является не преруптив, а глухой придыхательный. Ср. убых. *ца-кIба*, абаз. *пи-ц*, абх. *ацъапи-ц* 'зуб', абх. *а-ц* 'зуб (животных)', 'зубец, клюв'. Было бы несостоятельным полагать, что глухой придыхательный *ц*, представленный в убыхском, абазинском и абхазском языках, восходит к бжедугско-шапсугскому преруптиву *цц*, поскольку подобная реконструкция полностью лишена опоры на материал внутренней реконструкции. Исходным для преруптива *цц* следует считать глухой придыхательный *ц*, сохранившийся как в абадзехском и темиргоевском диалектах, так и в убыхском, абазинском и абхазском языках.

То же самое можно сказать о корреспонденциях бжедуг., шапс. *ццу*, абадз., темирг. *цу*, каб. *в*, представленных в общей основе бжедуг., шапс. *ццуи*, абадз., темирг. *цу*, каб. *ви* 'вол'. В этом слове преруптив *ццу* считается исходным, а глухой придыхательный *ц* и звонкий *в* — новообразованиями. Принятие этого положения приводит к постулированию преруптивного происхождения того же самого глухого придыхательного *цу* в убых. *цуи*, абх. *а-цу* 'вол'. Однако нет оснований для возведения убыхско-абхазского *цу* к преруптиву *ццу*. Напротив, представляется вполне убедительным рассмотрение бжедугско-шапсугского преруптива *ццу* как явления вторичного, возникшего на базе абадзехско-темиргоевско-убыхско-абхазского глухого придыхательного *цу*.

В вышеприведенном материале преруптивы *пп*, *тт*, *чч*, *ччъ*, *кку*, *цц*, *ццу* оказываются вторичными. Количество примеров, иллюстрирующих это положение, также легко можно было бы увеличить. Однако здесь важен сам факт вторичности преруптивов в тех основах, которые включаются в исконно общеадыгский или западнокавказский лексический фонд.

Указанные звукосоответствия между адыгскими диалектами отражают тенденции к оглушению звонких согласных в адыгейском языке и к озвончению глухих согласных в кабардинском языке. В этом убеждают многие примеры, охватывающие разные слои лексики адыгских языков. В частности, показательны в этом отношении звукосоответствия между адыгскими языками и диалектами в старых заимствованиях. Старые лексические заимствования из индоевропейских и других языков показывают, что преруптивы развиваются в них поздно, т.е. на адыгейской почве. Ср., например, бжедуг. *ттижъиани*, шапс. *ттижъиани*, абадз., темирг. *тижъиани*, каб. *дижъиани*, убых. *дишъуани*, абх. *радъани*, *разни*, абаз. *рызна* при лат. *argentum*, др.-инд. *rajatam*, авест. *эразатэм*

'серебро' (звукосоответствие *p:ð* в абхазско-адыгских языках закономерно), бжедуг. *аччэз*, шапс. *аччэ*, темирг. *аччэ*, абадз. *ашэ*, каб. *ажэ* 'козел', абх. *адз(ис)*, абадз. *дз(си)* 'козленок' при др.-инд. *аја-* 'коза', снк. *аḡah* 'козел', бжедуг., шапс. *саппэ*, темирг., абадз. *сапэ*, убых. *сана*, каб. *сабэ*, абх., абаз. *саба* 'пыль' при др.-евр. *(b) sabh-* 'песок', бжедуг., шапс. *Пнэтэрэз*, темирг., абаз. *Пэтэрэз*, каб. *Ватрээ* при осет. *Ватраз*, *Ватрадз* - имя одного из героев народного эпоса (В.И. Абаев не без основания связывает с монг.-тюрк. *batyr*, *baatyr* 'герой, богатырь'⁵⁷), бжедуг. *ттаккыкы*, абадз., темирг. *таккыкы*, каб. *дакылыкы* при араб. *daqīqa*, тур. *dakika* 'минута' и др. Как видно, преруптивы в приведенных старых заимствованиях восходят к звонким согласным (непосредственно через глухие придыхательные, представленные в абадзехском и темиргоевском диалектах). Указанные примеры свидетельствуют об оглушении согласных в адыгейском языке. Аргументом в пользу позднего развития преруптивов могут служить и другие примеры. Ср. бжедуг. *ччэттиу*, шапс. *ккьэттиу*, абадз., темирг. *чэттиу*, каб. *гьэдиу*, *джэдиу* при убых. *гьатIи*, занск. *қауи*, авар. (анц.) *гету*, дарг. *гата*, арч. *гату*, таб. *гати*, рут. *гат* 'кошка' (для дагестанских языков исходным считается **gatu*), бжедуг. *ччэтти*, шапс. *ккьэтти*, абадз., темирг. *чэти*, каб. *гьэд*, *джэд* при абх. *кIутIи*, абаз. *кIутIу*, рут. *кIа-тI*, цах. *кIа́тIа́*, груз. *katami* 'курица', бжедуг., шапс. *ччилэ*, абадз., темирг. *чилэ*, каб. *жилэ* 'селение, люди, народ, общество' при абх. *жула* 'фамилия, порода', груз. *zilagi* 'род, фамилия' (ср. бжедуг., шапс. *ччйлагьуэ*, абадз., темирг. *чйлагьуэ*, каб. *жйлагьуэ* < *джйлагьуэ* 'селение, народ, общество'), абадз., темирг. *чйнасиу*, каб. *гьйнасиу*, *джйнасу* при кумык. *гьунесуе*, балк. *гинасуу* 'ртуть, ватерпас'. В подобных случаях вторичность преруптивов очевидна: они могут быть результатом оглушения звонких согласных, а реже - дезабруптивации абруптивов.

С другой стороны, как показывает анализ материала, довольно ярко выражена тенденция к озвончению глухих (особенно начальных) согласных в кабардинском языке. В приведенном выше слове *цуи* 'бык' (оно относится также к старым заимствованиям) переход глухого придыхательного в одних диалектах в звонкий спирант *в*, а в других - в преруптив *цц* доказывається материалом не только абхазского и убыхского языков, но и других языков, в частности, дагестанских, в которых в этом слове реконструируется **ц*: ср. авар. *оц*, лезг., таб., цах., рут. *яц*, лак., ниц., дарг. *униц* 'бык'. Мнение об озвончении или преруптивации глухих согласных подкрепляется также иноязычными заимствованиями типа бжедуг. *пнегымбар*, абадз., темирг. *пегымбар*, абх. *а-паайымбар*, абаз., *нигIымбар*, убых. *пагымбар*, каб. *бегымбар* 'пророк' из тур. *peygamber*, перс. *пейғам-ба́р* 'пророк', бжедуг. *пплаттику*, абадз.,

⁵⁷ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, с. 241.

темирт. платику, каб. бэльтоку из русск. 'платок', каб. бранич из русск. 'пряник' и др.

Выше отмечалось, что преруптивы отсутствуют в других западнокавказских языках (убыхском, абхазском, абазинском), что, естественно, усиливает положение о вторичности адыгейских преруптивов с точки зрения сравнительной реконструкции. Однако преруптивы представлены и исследованы в других языковых группах. Поэтому при решении проблемы происхождения преруптивов в адыгейском языке полезно обратиться также к данным языковой типологии. Общие фонетические закономерности, действующие в различных языках, давно используются в сравнительной фонетике как вероятностное обоснование при изучении истории развития звукового строя языка.⁵⁸

С интересующей нас точки зрения показательны данные дагестанских языков. В ряде дагестанских языков, в частности, лезгинской группы языков, представлены преруптивные согласные *тт*, *пп*, *кк*, *чч*, *цц*...⁵⁹ Преруптивные согласные типа лезг. *тт*, *пп*, *чч*, *кк*, *цц* не следует смешивать с так называемыми сильными согласными аварского и других дагестанских языков. Сильные согласные (их называют также напряженными, усиленными, интенсивными) дагестанских языков "значительно отличаются от т.н. "геминированных" и "преруптивных", известных из других языков Дагестана"⁶⁰. Лезгинские же преруптивы, как указывает Р.И. Гайдаров, "характеризуются, главным образом, отсутствием придыхания и стоят ближе к глухим смычным русского языка"⁶¹. Примечателен тот факт, что все исследователи адыгейских преруптивов отмечают те же самые фонетические признаки: отсутствие сильного придыхания, близость к глухим смычным русского языка⁶². Преруптивы в лезгинских языках – явление вторичное. В лезгинских языках, как и в адыгейском языке, преруптивы возникают как позиционные звуки на базе непрерывтивных, в частности, при-

⁵⁸ Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

⁵⁹ Гайдаров Р.И. К вопросу о т.н. "геминатах" в лезгинском языке. – Учен. зап. Дагестанского гос. ун-та, вып. I. Махачкала, 1967; Талибов Б.Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке. – Учен. зап. Ин-та истории, языка и лит-ры Дагестанского филиала АН СССР, т. XI. Махачкала, 1962; Он же. О процессе оглушения звонких согласных в лезгинских языках. – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. IV. Тбилиси, 1977; Топурия Г.В. Об одной закономерности в системе преруптивов лезгинского языка. – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I, 1974.

⁶⁰ Гудава Т.Е. Из истории корреляции "сильный – слабый" в аварско-андийско-дидойских языках. – Там же, с. 139.

⁶¹ Гайдаров Р.И. Указ. соч., с. 91.

⁶² См., например: Рогавя Г.В. Четвертичная система смычных в адыгейском языке, с. 277; Керашева З.И. Указ. соч., с. 96–97; Уджуху Т.И. Указ. соч., с. 152.

дыхательных и звонких смычных. Ср. лезг. *дуст* > *дусттун* 'друг', *баст* > *басттун* 'счастье', *чип* > *чиппин* 'жребий', *тун* > *тунпун* 'мяч', *вик* > *виккин* (лит. *викI*-ни) 'яρμο', *ник* > *никки* (лит. *никIи*) 'поле', *кдч* > *к(и)чча* 'сука', *хъач* > *хъ(и)чча* 'сорняк', *ккац* > *ккаци* 'кашка', *муьц* > *муьццув* 'сарай', *йеб* > *йеппин* 'веревка', *раб* > *раппун* 'иглолка', *гад* > *гадтун* 'лето', *рад* > *раттун* 'кишка', *муг* > *мукква* 'гнездо', *руг* > *рукквади* 'пыль', *раж* > *раццун* 'зерно, которое мелют на зиму', *саж* > *сачцун* 'приспособление для выпечки хлеба', *къаз* > *къаццу* 'зелень', *мез* > *мецци* 'язык'⁶³. Характерно, что в лезгинских языках, как и в западных диалектах адыгейского языка, преруптив невозможен в конечной позиции. Ср. лезг. *дуст* 'друг', но *дусттун* 'друг' (эрг. п.), бжедуг. *хэт* 'кто', но *хэтта ар* 'кто он', лезг. *хъач*, но *хъ(и)чча* 'сорняк', бжедуг. *шъомч*, но *шъомччэр* 'каштан' (им. п.). Иными словами, в адыгейском и лезгинских языках преруптив встречается только в неконечной позиции, что, естественно, усиливает положение о вторичности преруптивов, их общих закономерностях развития и функционирования в этих языках.

Отмечая позиционную обусловленность преруптивов в лезгинских языках, исследователи не без основания приходят к выводу о вторичности этих согласных в лезгинских языках. Г.В. Топуриа указывает на то, что поведение преруптивов дает возможность "ставить вопрос о вторичности этой системы – системы преруптивов в лезгинском языке, в частности, а в лезгинских языках – в общем"⁶⁴. Это мнение разделяет Б.Т. Талибов, много занимавшийся исследованием происхождения преруптивов. В этой связи Б.Т. Талибов пишет, что "система смычных преруптивов в лезгинских языках сформировалась на базе разнообразных фонетических процессов, в частности, в результате: а) оглушения исходных смычных звонких, б) преруптивизации непрерывтивов, в) дезабруптивации абруптивов"⁶⁵. Характерно, что все эти фонетические процессы лежат в основе образования преруптивов и в адыгейских диалектах.

Итак, вышеизложенное заставляет усомниться в возможности приписать преруптивы бжедугского и шапсугского диалектов общеадыгскому языку. Даже в том случае, если в ходе дальнейших сравнительно-исторических исследований часть адыгского материала (касающегося соответствий типа бжедуг., шапс. *кхун*, абадз., темирг. *кун*, каб. *гун* 'арба', бжедуг., шапс. *ттигъэ*, абадз., темирг. *тигъэ*, каб. *дигъэ* 'солнце' и др.) получит иную трактовку, то достаточно других аргументов (отсутствие преруптивов в убыхском, абхазском, абазинском языках, их позиционная обусловленность в адыгейских диалектах, развитие фарин-

⁶³ Талибов Б.Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке, с. 119–124.

⁶⁴ Топуриа Г.В. Указ. соч., с. 183.

⁶⁵ Талибов Б.Б. О процессе оглушения звонких согласных в лезгинских языках, с. 256.

гального ряда смычных преруптивов на базе глухих придыхательных, переход на фонетическом уровне других придыхательных смычных в преруптивы в положении перед придыхательными, типологические параллели, т.е. данные других языков, подтверждающие явную вторичность системы преруптивов) для отнесения преруптивов к диалектным инновациям, возникшим на почве адыгейского языка.

ВОПРОС О ГЛУХИХ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

Вопрос о глухих придыхательных согласных, их распределении и антропофонических особенностях до сих пор не получил однозначного решения в литературе. В описательных грамматиках и специальных исследованиях глухие придыхательные называют глухими придыхательными, глухими непридыхательными, глухими с ларингальным придыханием и т.д. Кроме того, исследователи расходятся в понимании состава глухих придыхательных в адыгских языках и диалектах. В этой связи встает вопрос об историческом соотношении глухих придыхательных согласных в адыгских диалектах. Как увидим ниже, в адыгском языкознании утвердилось мнение о том, что в отношении глухих придыхательных (как и в отношении преруптивов) бжедугский и шапсугский диалекты адыгейского языка являются зоной консервации. На наш взгляд, это положение не является достаточно обоснованным.

Г.Ф. Турчанинов и М. Цагов к придыхательным относили согласные *фI, лI, цI, нI, тI, кэI, I, чI, чI*, к непридыхательным — согласные *б, п, в, ф, д, т, дз, ц, з, с, л, лʼ, шʼ, ш, х, ж, ш, дж, ч, кʼ, гʼ, хʼ, хʼ*, сонанты *ʏ, ʏʼ*⁶⁶. Как видно, в качестве глухих придыхательных авторы рассматривают глотализованные, т.е. абруптивные согласные, а в разряд непридыхательных попадают все остальные согласные, за исключением сонорных *м, н, р* (лабиализованные согласные указанные авторы не считают самостоятельными фонемами). От подобной интерпретации состава согласных фонем, в том числе и глухих придыхательных отказались исследователи в последующий период.

Н.Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф в группу глухих придыхательных адыгейского литературного языка включают согласные *п, т, ф, с, лʼ, шʼ, ш, х, ху, хʼ, хʼ, ху, к, ку, кʼ, кʼу, ц, цу, ч, чʼ*⁶⁷. Иную трактовку глухих придыхательных Н.Ф. Яковлев предложил в отношении кабардино-черкесского литературного языка. В этом языке автор разграничивает глухие и глухие придыхательные. К первым он причисляет согласные *ф, с, лʼ, шʼ, ш, х, ху, хʼ, хʼ, ху*, ко вторым — согласные *п, т, ку, кʼ, кʼу, ц, ч*⁶⁸. Иными

⁶⁶ Турчанинов Г.Ф., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940, с. 39.

⁶⁷ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, с. 426.

⁶⁸ Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948, с. 332.

словами, придыхательными (аспирированными), по Н.Ф. Яковлеву, могут быть лишь глухие смычные огласные, глухие спиранты автор квалифицирует как согласные, лишенные признака придыхательности (аспирации).

В "Грамматике кабардино-черкесского литературного языка" (1957)⁶⁹ глухими придыхательными считаются согласные *п, т, ку, кв*. В этой работе отмечается, что согласные "как правило, образуют троичные ряды в составе звонкого, глухого и резкого звуков"⁷⁰. В "Грамматике кабардино-черкесского литературного языка" (1970) к глухим придыхательным отнесены согласные *ку, кв, кву, лв, п, с, т, ф, х, ху, хв, хву, хб, ц, ч, ш, шв*⁷¹. В этой работе сказано: "Глухие согласные имеют придыхание"⁷². В решении вопроса о том, какие согласные могут быть придыхательными, в указанной работе принимается положение Н.Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа, согласно которому придыхательными являются все согласные, за исключением сонантов, звонких и абруптивных смычных и спирантов.

Такая же точка зрения по вопросу о составе придыхательных согласных в адыгских литературных языках выражена и в более поздних работах⁷³. Иными словами, получило распространение положение, высказанное не в последней монографии Н.Ф. Яковлева "Грамматика литературного кабардино-черкесского языка" (1948), а в монографии Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа "Грамматика адыгейского литературного языка" (1941 г.).

Несколько сложнее обстоит дело в отношении глухих придыхательных в диалектах. "В кабардинском языке, - писал Н.Ф. Яковлев, - наблюдается придыхательность исключительно одноместного типа; лишь в западноадыгейских диалектах слышно после глухих придыхательных мгновенных и аффрикат = звонкое гортанное придыхание, образуемое в голосовых связках"⁷⁴. В качестве примера приводятся бжедуг., шапс. *пэ 'нос', тэ 'дари', ци 'шерсть'*. А поскольку придыхательными мгновенными и аффрикатами автор считает согласные *п, т, к, ку, кв, кву, ц, цу, ч, чв*, последние в западных адыгейских диалектах рассматриваются им фонетически особыми звуками, характеризующимися звонким гортанным придыханием.

Г.В. Рогава также считает, что глухие смычные и спиранты в темиргоевском, абадзехском и кабардино-черкесских диалектах отличаются от соответствующих глухих бжедугского и шапсугского диалектов по степени аспирации⁷⁵.

⁶⁹ Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957, с. 16-17.

⁷⁰ Там же, с. 13.

⁷¹ Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1970, с. 15.

⁷² Там же, с. 16.

⁷³ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 67.

⁷⁴ Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, с. 327.

⁷⁵ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 28.

Иными словами, Г.В. Рогава исходит из того, что бжедуг., шапс. *п, т, ц, ку, ч...* являются глухими с максимальной аспирацией, соответствующие согласные в других диалектах - глухими средней аспирации, а преруптивы - глухими с минимальной аспирацией. Наши наблюдения подтверждают мнение Г.В. Рогава о фонетических признаках анализируемых согласных.

А. Койперс стоит на точке зрения, что кабардинский язык и темиргоевский диалект не различают аспирированных и неаспирированных глухих смычных и фрикативных согласных, свойственных бжедугскому и шапсугскому диалектам. Так, А. Койперс полагает, что кабардинским глухим смычным *т, т, ку, ч, ц, кь, кь* и фрикативам *ш, шь* в бжедугском и шапсугском диалектах отвечают глухие аспирированные смычные *пн, пн, ку, чк, цн, кьн, кьн* и глухие аспирированные *шн, шьн*. Ср. каб. *пэ*, бжедуг. *пнэ* 'нос', каб. *та-*, бжедуг. *пна-* 'давать', каб. *куи*, бжедуг. *куни* 'середина', каб. *кьи* | *чи*, бжедуг. *чни* 'хворост', каб. *ци*, бжедуг. *цни* 'шерсть', каб. *ши*, бжедуг. *шни* 'лошадь', каб. *шэ-*, бжедуг. *шнэ-* 'вести', каб. *шпантэ*, бжедуг. *шпантэ* 'пример', 'образец', каб. *шпанэн*, бжедуг. *шпанэн* 'собрать'⁷⁶.

Работа А. Койперса была опубликована в 1963 г. В том же году появилась статья Ю.А. Тхаркахо, где абадзехским, чемгуйским (темиргоевским) и кабардинским глухим смычным противопоставляются бжедугские и шапсугские смычные⁷⁷. То, что А. Койперс называет "глухими аспирированными", Ю.А. Тхаркахо называет "глухими с ларингальным придыханием". Ю.А. Тхаркахо отмечает, что "глухие с ларингальным придыханием" характерны для двух диалектов - бжедугского и шапсугского. Ю.А. Тхаркахо считает, что "придыхательным взрывным чемгуйского диалекта *п, т, ку* (*пэ* 'нос', *чатэ* 'меч', *куэ* 'бедро') соответствуют в абадзехском диалекте адыгейского языка и кабардинском языке такие же по качеству глухие звуки, а бжедугском и шапсугском диалектах - такие же глухие, но с ларингальным придыханием *пн, пн, ку, ку* (*пнэ* 'нос', *чнатэ* 'меч', *куэ* 'бедро')"⁷⁸. "Глухие с ларингальным придыханием" Ю.А. Тхаркахо рассматривает как исходные согласные; а их корреспонденции в других адыгских диалектах - как инновации⁷⁹.

Оставляя в стороне терминологические различия между А. Койперсом и Ю.А. Тхаркахо, следует подчеркнуть, что они объединяются в одном: бжедугские и шапсугские глухие смычные в определенной группе слов оба автора противопоставляют другим глухим смычным не только в фонетическом отношении, но с точки зрения их генезиса и относительной хронологии.

⁷⁶ Kuipers A. Proto-Circassian Phonology: An Essay in Reconstruction, p. 56-92.

⁷⁷ Тхаркахо Ю.А. Указ. соч.

⁷⁸ Там же, с. 94.

⁷⁹ Там же, с. 93.

В то же время эти авторы по-разному интерпретируют фонологическую систему смычных. По А. Койперсу, четырехчленная система смычных в бжедугском диалекте образуется звонкими, глухими аспирированными (resp. глухими придыхательными), глухими неаспирированными (resp. преруптивами) и глотализованными (resp. абруптивами)⁸⁰. В отличие от А. Койперса, Ю.А. Тхаркахо стоит на точке зрения, что бжедугско-шапсугская четырехчленная система смычных состоит из звонких, глухих придыхательных, абруптивов и глухих с ларингальным придыханием. Причем, "глухие с ларингальным придыханием" у Ю.А. Тхаркахо нетождественны преруптивам у других авторов, в том числе А. Койперса, а совпадают с глухими придыхательными, что относится к различиям не только терминологического характера. Иными словами, Ю.А. Тхаркахо исключает из системы смычных преруптивы. Четвертый член смычных у Ю.А. Тхаркахо составляет вместо преруптива глухой с ларингальным придыханием. Отсюда кабардинские звонкие смычные *д* (*дэ* 'мы', *адэ* 'отец', *дамэ* 'крыло'), *б* (*нобэ* 'сегодня', *бжэн* 'коза', *банэ* 'колючка'), *дз* (*дзэ* 'зуб', *ундэ* 'трава', *дзигъуэ* 'мышь'), *гу* (*гун* 'арба', *гуишэ* 'колыбель', *гуэдэ* 'пшеница') и др. Ю.А. Тхаркахо противопоставляет не бжедугско-шапсугским преруптивам *тт*, *тн*, *цц*, *кку*, а глухим *т*, *п*, *ц*, *к* во всех адыгейских диалектах. Ср. у Ю.А. Тхаркахо: бжедуг., шапс., чемг. (темирг.), абадз. *пнтэ* 'крепкий', *тамэ* 'крыло', *цэти* 'курица', *цэ* 'зуб', *куэци* 'пшеница' и др.⁸¹

С А. Койперсом сближается К.Л. Аутлев в трактовке глухих смычных в бжедугском диалекте. К.Л. Аутлев также отмечает, что те глухие смычные (*п*, *т*, *к*, *ц*, *с*...), которые обычно считаются общими для всех адыгских диалектов, на самом деле не являются таковыми. По мнению К.Л. Аутлева, бжедугские глухие смычные не идентичны глухим смычным восточных диалектов. В этой связи К.Л. Аутлев пишет: "Глухие аспиранты восточных диалектов не тождественны ни полуабруптивам, ни придыхательным смычным бжедугского диалекта"⁸². Однако К.Л. Аутлев не касается вопроса о том, какой диалектный ареал в отношении глухих смычных является зоной консервации. Как отмечалось, в отношении разбираемых смычных зоной консервации исследователи, в том числе А. Койперс и Ю.А. Тхаркахо, считают бжедугский и шапсугский диалекты.

Итак, вопрос о глухих смычных решается разными специалистами по-разному. Анализ материала показывает, что бжедугские глухие смычные фонетически не идентичны аналогичным смычным других адыгских диалектов.

Глухие смычные и преруптивы противопоставляются по степени аспирации. Иными словами, наличие максимально

⁸⁰ Kuipers A.H. Proto-Circassian Phonology..., p. 65.

⁸¹ Тхаркахо Ю.А. Особенности чемгуйского диалекта адыгейского языка. Автореф. канд. дис. М., 1965.

⁸² Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка, 1963, с. 93.

придыхательных смычных обусловлено наличием преруптивов, т.е. смычных с минимальной аспирацией. В этом отношении характерно, что в тех диалектах, в которых отсутствуют преруптивы, отсутствуют также глухие придыхательные типа бжедуг. *nh*, *th*, *kuh*... Другое дело – вопрос об историческом соотношении смычных в бжедугском и других диалектах. Мнение об архаичности бжедугских смычных *nh*, *th*, *kuh*... по сравнению с соответствующими согласными в других диалектах является недоказуемым. Более того, это мнение наталкивается на существенные затруднения. Дело в том, что кабардинские, абадзехские и темиргоевские смычные *n*, *t*, *ku*, *ɕ*, *ɕ*... фонетически тождественны смычным *n*, *t*, *ku*, *ɕ*, *ɕ*... в других родственных языках. Во всяком случае анализируемые согласные в убыхском, абхазском и абазинском языках не являются максимально аспирированными, как это имеет место в западных адыгейских диалектах. В этом отношении показательно высказывание Г. Фохта о глухих придыхательных в убыхском языке. Говоря о степени аспирации глухих смычных в убыхском языке Г. Фохт пишет: "Аспирация у глухих придыхательных средней силы, вероятно, менее слабая, чем в грузинском языке"⁸³. То же самое следует сказать о глухих смычных в абхазском и абазинском языках. Поэтому принятие бжедугских и шапсугских глухих смычных с максимальной аспирацией как исходных форм для кабардинских, абадзехских и темиргоевских смычных означало бы принятие этого положения и в отношении убыхского, абхазского и абазинского языков, характеризующихся (как и в кабардинском, абадзехском и темиргоевском) наличием глухих смычных средней силы аспирации. Однако возможность подобной трансформации смычных *n*, *t*, *ku*... во всех западнокавказских языках и диалектах, за исключением бжедугского и шапсугского диалектов, представляется маловероятной. Скорее всего следует предположить, что те смычные, которые А. Койперс называет "глухими аспирированными", Ю.А. Тхаркахо – "глухими с ларингальным придыханием", представляют собой локальное новообразование в западных диалектах адыгейского языка. Во всяком случае, нет никаких оснований для возведения глухих смычных *n*, *t*, *ku*... западнокавказских языков к глухим смычным *nh*, *th*, *kuh*... западных диалектов адыгейского языка. В этой связи показательно поведение глухих смычных в заимствованных словах. В бжедугском диалекте глухие смычные изменяются в "глухие с ларингальным придыханием" не только в старых заимствованиях типа *джэуапh* 'ответ', *nhыл* 'слон', *сурэth* 'картина', *нэлатh* 'проклятие', *уэсетh* 'завещание', *хьэламэth* 'интересный', *чхэб* 'пьяный', но и в новых заимствованиях типа *нэмицh* 'немец', *ккабинетh* 'кабинет', что свидетельствует о действующей в этом диалекте тенденции к замене обычных глухих смычных *n*, *t*, *ku* глухими аспирированными смычными *nh*, *th*, *kuh*...

⁸³ *Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo, 1963, p. 15.*

Среди глухих смычных ущербностью своих рядов выделяют-ся фарингальные смычные. В адыгских языках фарингальные смычные подверглись значительным трансформациям. Отсюда система фарингальных смычных представляет собой довольно пеструю картину в современных адыгских языках и их диалектах, что видно из нижеприведенной таблицы.

Таблица
фарингальные в адыгских языках

		шапс. (хакуч.)	шапс. (Семил- бей, Ко- бан)	бжедуг.	абадз. темирг.	каб.
придыхат.	простой лабиал.	къ къу	къ къу	къ къу		къ къу
абруптив	простой лабиал.	къ къ у	къ къ у			къ къ у
преруптив	простой лабиал.	ккъ ккъу		ккъ ккъу	ккъ ккъу	

В литературе утвердилось мнение, что фарингальные смычные, как и другие ряды смычных, исторически характеризовались четырехчленной системой. Это мнение, однако, остается лишь гипотезой на данном этапе разработки сравнительной фонетики адыгских языков. Звонкий коррелят (простой и лабиализованный) не представлен в современных адыгских языках и диалектах. Более того, не удается обнаружить какие-либо следы звонких фарингальных смычных в диалектах адыгских языков. Звонкие фарингальные смычные отсутствуют также в абхазском, абазинском и убыхском языках. Поэтому для общеадыгского языка может быть постулирована только двухчленная система фарингальных смычных, состоящая из придыхательного и абруптивного.

Придыхательные фарингальные смычные имеются во всех диалектах, за исключением абадзехского и темиргоевского. В последних придыхательным, как и абруптивом, соответствуют преруптивы. Ср. шапс., бжедуг., каб. *квэ*, абадз., темирг. *кквэ* 'кладбище', шапс., бжедуг. *квуайз*, каб. *квуэй*, абадз., темирг. *кквуайз* 'сыр'. В шапсугском диалекте глухие придыхательные *кв*, *кву* характеризуются неустойчивостью. Согласные *кв*, *кву* в этом диалекте чередуются со слабыми спирантами *хв*', *хву*': *махв'э* 'голос', *хву'э* 'свинья', *хв'э* 'кладбище', *хву'айз* 'сыр'⁸⁴.

Абруптивные фарингальные смычные имеются в шапсугском диалекте и кабардинском языке. Однако эти абруптивы по своему происхождению различны.

Старый общеадыгский абруптив *кв|у* удерживается в ха-

⁸⁴ Керашева З.И. Указ. соч., с. 38.

кучинском говоре шапсугского диалекта. Ср. хак. *кѳуэфи* 'дело', *кѳуи* 'устье', *кѳуиш* 'умный', *пакѳуэ* 'шапка'.

Есть основания полагать, что старый общеадыгский абруптив *кѳу* возводится к более раннему хронологическому периоду. По крайней мере, в определенных позициях его следует отнести к периоду, предшествующему формированию общеадыгского языка, о чем свидетельствуют данные убыхского языка; ср. хакуч. *тѳкѳуи*, убых. *тѳкѳуа* 'два'. В комплексе с абруптивом *тѳ* общеадыгско-убыхский фарингальный *кѳу* не сохранился в других диалектах. Однако в иных фонетических условиях старый *кѳу* изменился в ларингальный *гу*. Ср. хакуч. *кѳуэфи* > бжедуг., абадз., темирг., *гуэфи*, каб. *гуэту* 'дело', хакуч. *кѳуи* > бжедуг., абадз., темирг., каб. *иуи* 'рот'. Абруптив *кѳѳ* представлен в хакучинском говоре в комплексах типа *пѳкѳѳ*. Ср. хакуч. *пѳкѳѳэ* 'место', *пѳкѳѳалэ* 'срок' и др. В этом же говоре в одних и тех же лексемах встречаются в сочетании с *пѳ* абруптивы *кѳу*, *кѳѳ* на уровне вариантов: хакуч. *лѳапѳкѳуэ*, *лѳапѳкѳѳэ* 'дорогой, дорогостоящий', *пѳкѳѳуа-чѳэ*, *пѳкѳѳа-чѳэ* 'тонкий, жидкий, редкий'. В этой позиции абруптивы *кѳѳ*, *кѳу* не сохранились в других диалектах. Ср. бжедуг. *пѳуэ*, темирг., абадз., каб. *пѳэ* 'место', бжедуг. *пѳуалэ*, темирг., абадз., каб. *пѳалэ* 'срок', бжедуг. *лѳапѳуэ*, темирг., абадз., каб. *лѳапѳэ* 'дорогой' и т.д. Старый (общеадыгский) абруптив *кѳѳ* достаточно надежно реконструируется на материале адыгских заимствований в родственных языках. В этом отношении особенно показательны адыгизмы в убыхском, отражающие общеадыгский абруптив *кѳѳ*. Ср. убых. *кѳѳаза* 'мастер', *кѳѳата* 'груда, куча', *кѳѳада* 'клещи', 'щипцы'. Ср. также абаз. *бѳвакѳуа* 'пасека' (адыг. *бѳваѳуэ*, каб. *бѳваѳуэ* то же). Заметим, что в ряде случаев убыхский язык сохраняет исходные фарингальные абруптивы в общем (исконном) лексическом материале для ларингальных рефлексов в адыгских языках. Ср. убых. *кѳѳа-пѳа*, адыг., каб. *ѳэ* 'рука', убых. *кѳѳа-кѳѳи*, адыг. *ѳашѳи*, каб. *ѳэѳѳѳ* 'сладкий', убых. *кѳѳа-*, адыг. *ѳуэ-н*, каб. *ѳи-ѳэ-н* 'говорить' и др.

Наряду с общеадыгскими *кѳѳ*, *кѳу* имеются вторичные *кѳѳ*, *кѳу*. Ср. каб. *кѳѳэ-* преверб направления, *макѳ* 'голос', *чѳа-кѳѳѳ* 'курок', *кѳуэ* 'сын', *мѳкѳу* 'сено' и др. Вторичные *кѳѳ*, *кѳу* возводятся, по-видимому, к разным источникам. В кабардинском языке фарингальный абруптив *кѳѳ* иногда выступает как фонетический вариант фарингального глухого придыхательного. Ср. каб. *макѳѳ* | *макѳ* 'голос', *чѳа-кѳѳѳ* | *чѳа-кѳу* 'курок'. В подобных случаях первичность глухого придыхательного очевидна. То, что вторичный фарингальный абруптив идет из глухого придыхательного подтверждается материалом родственных языков. В этом отношении заслуживают внимания данные убыхского языка. В убых. *кѳуа*, адыг. *кѳуэ*, каб. *кѳуэ* 'сын' глухой придыхательный *кѳу* следует считать исходным, а преруптив *кѳуу* и абруптив *кѳу* — новообразованиями. В противном случае пришлось бы постулировать для истории убыхского языка наличие преруптива (поскольку данное слово отно-

сится к исконному адыгско-убыхскому лексическому фонду), что представляется неубедительным и недоказуемым. Ср. также убых. *кѳуа*, адыг. *ккѳуэ*, каб. *кѳІуэ* 'ущелье', 'овраг', убых. *кѳѳа*, адыг. *бѳѳа-ккѳуэ*, каб. *бѳѳа-кѳІуэ* 'рог'. Нам не кажется рискованным сближение с убых *кѳѳа* 'рог' не только второй части адыг. *лѳа-ккѳуэ*, каб. *лѳа-кѳІуэ* 'нога', но и адыг. *ккѳуэ-(пс)*, каб. *кѳІуи* 'ручка', 'держак'. На исходность глухого придыхательного для вторичного фарингального абруптива указывают и некоторые кабардинизмы в абазинском языке. Ср. каб. *акѳІуиѳѳ* 'южный ветер', абаз. *кѳуиѳѳ* 'горный ветер'.

Очень многие старые заимствования включают в кабардинском языке фарингальные абруптивы, а в адыгейском — фарингальные преруптивы. Ср. каб. *кѳІэб*, адыг. *ккѳэби* 'тыква', каб. *кѳІаз*, адыг. *ккѳаз* 'гусь', каб. *кѳІалэ*, адыг. *ккѳалэ* 'город', каб. *факѳІирэ*, адыг. *факкѳир* 'нищий', каб. *накѳІирэ* 'музыкальный инструмент' ('труба', 'рожок', 'зурна', 'дудка'), каб. *кѳІуэлэн*, адыг. *ккѳуэлэн* 'пестрый', каб. *кѳІуиэлэй*, адыг. *ккѳуиэлэй* 'богатый', каб. *миѳѳикѳІ* 'мужик' и др. В старых заимствованиях адыгские фарингальные смычные выступают как субституты иноязычных фонем (чаще всего западноязычных согласных).

Каб. *кѳІ* развивается в ларингальный *І* в продуктивных глагольных морфемах — отрицательном аффиксе *кѳІи* и вопросительно-императивном аффиксе *-кѳІэ*. Ср. каб. *кѳІуа-кѳІим* > *кѳІуаІим* '(он) не ходил', *ѳикѳІуакѳІэ* > *ѳикѳІуаІэ?* 'ты не ходил?', *ѳикѳІуэркѳІэ!* > *ѳикѳІуэрІэ!* 'иди же!'. В этих морфемах абруптив *кѳІ* и ларингал *І* находятся в отношении свободного варьирования.

Вместо кабардинских абруптивов *кѳІ*, *кѳІу* и бжедугско-темиргоевско-абадзехских преруптивов *ккѳ*, *ккѳу*, по наблюдениям Б.Х. Балкарова, в хакучинском говоре имеет место употребление фарингальных с ларингальным придыханием. Ср. хакуч. *кѳѳэкѳІуэн*, бжедуг., абадз., темирг. *ккѳэкѳІуэн*, каб., *кѳІэкѳІуэн* 'идти сюда', хакуч. *кѳѳабзэ*, бжедуг., абадз., темирг., *ккѳабзэ*, каб. *кѳІабзэ* 'чистый', хакуч. *мэкѳуѳ*, бжедуг., абадз., темир. *мэккѳу*, каб. *мэкѳІу*, 'сено'⁸⁵.

Итак, система фарингальных сильно разрушена в адыгских языках. Есть основания считать, что в общеадыгском языке была представлена двухчленная система фарингальных смычных из глухих придыхательных и абруптивов. К общеадыгскому состоянию приближается система фарингальных смычных в хакучинском говоре шапсугского диалекта, хотя отдельные ряды фарингальных в этом говоре дают рефлекс типа *кѳѳ*, *кѳуѳ*, относящиеся к более поздней эпохе. Вместе с тем в говорах зарубежных шапсугов (Семильбей, Кобан) система фарингальных смычных значительно изменилась, обнаруживая сходное с кабардинским языком развитие. Как и в кабардинском языке, в этих говорах представлены абруптивы и глухие придыхательные смычные. Бжедугский

⁸⁵ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 238.

диалект сохраняет, как и хакучинский говор, преруптивы и глухие придыхательные. Однако в бжедугском диалекте, в отличие от хакучинского говора, утратились первичные абруптивы и, в отличие от кабардинских диалектов, в нем не развились вторичные абруптивы $к\bar{b}I$, $к\bar{b}Iy$.

О ЛАБИЛИЗОВАННЫХ СОГЛАСНЫХ

Среди специалистов до сих пор нет единства по вопросу о лабилизированных согласных, их составе и фонологическом статусе в адыгских языках и диалектах. Спорным остается вопрос о лабилизированных смычных nIy , mIy , по-разному трактуется их генезис и антропофоническое строение.

Исследователи адыгских языков, за исключением Н.Ф. Яковлева, не признают существования лабилизированного mIy (как и лабилизированного nIy) в кабардинском языке. Н.Ф. Яковлев абруптивный смычный mIy выделяет в кабардинском языке как самостоятельную фонему⁸⁶. По мнению Н.Ф. Яковлева, фонема mIy представлена в производных от mIy 'два' словах: $mIyal\bar{z}$ 'вершковый', $mIyashI\bar{z}$ 'двойной', $etI\bar{a}n\bar{z}$ 'второй'⁸⁷. В действительности, сегмент mIy в этих словах, хотя орфографически обозначается как отдельная (лабилизированная) фонема mIy (ср. адыг. $mIy\bar{u}$ 'два'), представляет собой группу фонем: орфографическое mIy фонологически состоит из трех фонем — $mI\bar{u}y$. Ср. каб. $mI\bar{u}y$ 'два', $mI\bar{z}y$ 'дважды'.

Большинство специалистов включает лабилизированные смычные nIy , mIy в состав самостоятельных фонем адыгейского языка. Точка зрения, согласно которой nIy , mIy являются отдельными фонемами (наравне с лабилизированными согласными $кIy$, mIy , Iy и др.), была пересмотрена в "Грамматике адыгейского языка" Г.В. Рогава и З.И. Керашевой⁸⁸. В этой работе согласные nIy , mIy рассматриваются не как отдельные фонемы (они не включаются в состав адыгских фонем), а как группы фонем "абруптив + неслоговой y ": $nIy = nI + y$, $mIy = mI + y$. "Абруптивный nI встречается также в комплексе с неслоговым y : $nIy\bar{u}$ 'воспитать', $nIyal\bar{z}$ // $nIal\bar{z}$ 'срок', $nIy\bar{z}$ // $nI\bar{z}$ 'место', $nIyachI\bar{z}$ 'тонкий', $nIyabl\bar{z}$ 'циновка', $tenIy\bar{u}n$ 'накрыть', $nIy\bar{u}m$ 'чешуя'⁸⁹. В отношении mIy в этой работе отмечается: "Смычный mI , в отличие от $\bar{d}$ и m , в адыгейском языке в некоторых словах встречается в комплексе с y (неслоговое y): mIy ($mIy\bar{u}$) 'два', $mIy\bar{u}n\bar{y}m$ 'отпускать', $mIy\bar{u}rs\bar{z}$ 'пожилой'"⁹⁰. В отдельных работах, вышедших после "Грамматики адыгейского языка" статус nIy , mIy освещается в тра-

⁸⁶ Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, с. 349-353.

⁸⁷ Там же, с. 351.

⁸⁸ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 29.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

диционном аспекте, т.е. они включаются в число лабиализованных согласных наравне с такими согласными, как *ɣy*, *ɣɔy*, *ɣɔy*, *ɣɪy*, *ɣɔy*, *ɣɔy*, *ɣɔy* и др. Подобная точка зрения выражена в учебном пособии, составленном Х.Б. Дауровым, З.И. Керашевой и И.Парануком⁹¹.

Иную трактовку *nɪy*, *mɪy* предложил Б.Х. Балкаров. Как Г.В. Рогава и З.И. Керашева, Б.Х. Балкаров исключил из списка адыгских фонем согласные *nɪy*, *mɪy*. Б.Х. Балкаров приходит к выводу, что *nɪy* "представляет собой сочетание глухого и смычного гортанного *ɪy*"⁹². К сожалению, автор не приводит материала, который подтвердил бы положение о составном (двухкомпонентном) характере *nɪy*. Б.Х. Балкаров ограничивается ссылкой на артикуляционную характеристику *nɪ*: "Губно-губной *nɪ* не может быть лабиализован, так как основная его артикуляция состоит в смычке губ"⁹³. Остается также неясным, почему Б.Х. Балкаров не включает *mɪy* в список фонем адыгейского языка.

Попытку обосновать мнение сторонников бифонемности *nɪy*, *mɪy* сделала Л.Х. Цыпленкова⁹⁴. Резко отвергая мнение Б.Х. Балкарова, усматривающего невозможность лабиализации *nɪ* в его артикуляционных свойствах, Л.Х. Цыпленкова считает, что бифонемность *nɪy*, *mɪy* доказывается наличием морфологической границы между компонентами этих согласных⁹⁵. Приводя в качестве аргумента случаи сочетания *nɪ*, *mɪ* с лабиализованным ларингалом *ɪy* (кхьыпI-ɪyчIагъ (орф. кхьыпIукIагъ) 'он встретил тебя', кхьытI-ɪyчIагъ, (орф. кхьытIукIагъ) 'он встретил нас'), автор приходит к неожиданному выводу: "Морфологически нечленимое *nɪy* или *mɪy* (согласные *nɪy*, *mɪy* внутри морфемы: *nɪy*ун 'воспитывать', *mɪy*и 'два'. - М.К.) ничем не отличается от морфологически членимого (консонантных групп *nɪ*-ɪy, *mɪ*-ɪy на стыке морфем: кхьыпI-ɪyчIагъ, кхьытI-ɪyчIагъ. - М.К.), следовательно, *nɪy*, *mɪy* - не самостоятельные фонемы, а бифонемные образования"⁹⁶.

При решении вопроса о сущности лабиализованных согласных *nɪy*, *mɪy* представляется необходимым прежде всего разграничение фактов диахронии и синхронии. Не подлежит сомнению, что *nɪy*, *mɪy* в отдельных случаях исторически могут возникнуть на базе бифонемных сочетаний. Однако нет оснований трактовать *nɪy*, *mɪy* как бифонемные сегменты в современных адыгейских диалектах. С фонологической точки зрения согласные *nɪy*, *mɪy* несут небольшую функциональную нагрузку. Тем не менее их фонемный статус подтверждается наличием таких минимальных пар в диалектах,

⁹¹ Даур Хь., КIэраш З., Пэрэникъу И. Адыгэбзэ учебник. Краснодар-Мыекъяупэ, 1967, с. 19.

⁹² Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 105.

⁹³ Там же, с. 15.

⁹⁴ Цыпленкова Л.Х. Спорные вопросы адыгейской фонологии. - Учен. зап. АНИИ, т. XIX. Языкознание. Майкоп. 1974.

⁹⁵ Там же, с. 245.

⁹⁶ Там же, с. 246.

как *пIуэ* 'крышка' : *пIэ* 'постель', *пIуин* 'воспитать' : *пIин* 'женский головной убор', *пIуи* 'два' : *пIи* 'баран'. В адыгейском языке наблюдается тенденция к нейтрализации противопоставления *пIу*:*пI*, причем указанное противопоставление снимается путем делабиализации лабиализованного члена оппозиции. Ср., например, фонетические варианты *пIуалэ* : *пIалэ* 'срок', *пIуэ* : *пIэ* 'место', свидетельствующие об утрате фонологического признака лабиализации абруптивным согласным *пIу*. Вместе с тем ни минимальная функциональная нагрузка, ни тенденция к снятию противопоставления членов оппозиции не могут служить достаточным основанием для того, чтобы исключить согласные *пIу*, *пIу* из списка адыгейских фонем.

Что же касается физической (антропофонической) характеристики согласных *пIу*, *пIу*, то данные экспериментального анализа не согласуются с положением о составном (двухчленном) характере этих согласных в современном адыгейском языке. С физической точки зрения отношение между лабиализованными *пIу*, *пIу*, с одной стороны, и простыми *пI*, *пI*, с другой, аналогично отношению между другими лабиализованными и простыми согласными типа *шIу*:*шI*, *гъу*:*гъ*, *къу*:*къ*.

Другое дело - случаи образования группы фонем *пI+у* в результате редукции гласного *и* в потоке речи. Ср., например, каб. *йэпIиуанэ* > *йэпIуанэ* 'второй', *пIиуашIэ* > *пIуашIэ* 'двойной', *пIиуалэ* > *пIуалэ* 'вершок'.

Нельзя согласиться с утверждением, что согласные *пIу* (*пIуин* 'воспитывать') и *пIу* (*пIуи* 'два') ничем не отличаются от действительно бифонемных образований *пI+у* (*ккыпI-пIуи* 'он встретил тебя'), *пI+у* (*ккыпI-пIуи* 'он встретил нас'). Во-первых, бифонемность *пI+у* (*ккыпI-пIуи*), *пI+у* (*ккыпI-пIуи*) доказывается не только морфологически, но и фонетически, чего никак нельзя сказать о согласных *пIу*, *пIу*. Последние ни морфологически, ни фонетически не тождественны группам фонем *пI+у*, *пI+у*. В консонантных группах *пI+у*, *пI+у* в отличие от согласных *пIу*, *пIу* даже произносительно выделяется лабиализованный *у*. Во-вторых, и это главное, применяя метод отождествления нечленимых согласных *пIу*, *пIу* с морфологически и фонетически разложимыми *пI+у*, *пI+у*, можно зайти очень далеко, а именно: исключить из фонемного состава и другие согласные. Так, отношения между согласными *пIу*, *пIу* в словах *пIуин* 'воспитывать', *пIуи* 'два' и консонантными группами *пI+у*, *пI+у* в словах *ккыпI-пIуи* 'он встретил тебя', *ккыпI-пIуи* 'он встретил нас' аналогично отношению между согласными *пI*, *пI* в словах *пIуагу* 'мяч', *пIи* 'баран' и консонантными группами *пI+I*, *пI+I* в словах *ккыпI-пIи* 'ты поднимаешь', *ккыпI-пIи* 'мы поднимаем'. В аналогичные отношения вступают также другие согласные (*шI*, *лI*, *цI*, *чI* и др.) и консонантные группы (*шI+I*, *лI+I*, *цI+I*, *чI+I* и др.). Иными словами, исключение согласных *пIу*, *пIу* из состава фонем на основании произвольного метода отождествления их с действительно бифонемными фонетическими величинами *пI+у*,

mI+Iy, непременно ведет к исключению из состава фонем согласных *шI*, *лI*, *цI*, *чI* и др., поскольку при таком подходе последние легко можно свести к консонантным группам типа "согласный + ларингал *I*". Однако критерий морфологической делимости не может быть распространен на лабиализованные согласные, которые встречаются внутри морфемы. В отличие от бифонемных величин типа *nI+Iy*, *mI+Iy*, в которых произносительно выделяется не только *nI*, *mI*, но и лабиализованный *Iy*, согласные *nIy*, *mIy* фонетически и морфологически нечленимы.

В связи с рассматриваемым явлением отметим, что отдельные авторы считают возможным значительное сокращение списка адыгейских фонем за счет других лабиализованных согласных. Хотя некоторые из них признают, что "чисто лингвистическими методами бифонемность лабиализованных не доказывается"⁹⁷, они все же полагают возможным исключение из списка адыгейских фонем лабиализованных согласных. Так, в этой связи Л.Х. Цыпленкова пишет: "Может быть, во всех этих случаях (имеются в виду противопоставления *гъ:гъу*, *к:ку*, *кI:кIy*, *хъ:хъу*, *х:ху*. - М.К.) лабиализованные - просто позиционные варианты нелабиализованных, как в сочетаниях *бу*, *ду*, *ту* и т.д. Косвенным доказательством в пользу позиционности изменения является лабиализация русских заднеязычных в заимствованиях типа *эзкуэн*, *сэфхуэз*"⁹⁸. Рассуждения о том, что лабиализованные согласные могут быть рассмотрены как позиционные варианты простых согласных (как и аргументы, приводимые в пользу бифонемности *nIy*, *mIy*) несостоятельны.

Заметим, что положение о фонологической иррелевантности лабиализованных согласных не является в адыгском языкознании чем-то новым и оригинальным. Точка зрения, согласно которой лабиализованные согласные считаются не самостоятельными согласными, а позиционными вариантами, отражает давно пройденный адыгской фонологией этап. Она развивалась на заре адыгского языкознания и не получила поддержки специалистов. Л.Х. Цыпленкова возвращается к мнению первых грамматистов, что "... в кабардинском языке лабиализованные звуки являются не самостоятельными, а позиционными"⁹⁹.

Что касается положения о бифонемности *nIy*, *mIy*, то оно является попыткой применения к адыгским языкам точки зрения, разработанной на материале русского языка отдельными представителями Ленинградской фонологической школы. В частности, Л.Х. Цыпленкова заимствовала точку зрения Л.Р. Зиндера на фонематическую сущность долгого палатализованного [*s'*:] в русском языке, распространив ее на адыгейский материал¹⁰⁰. Необходимо подчеркнуть,

⁹⁷ Цыпленкова Л.Х. Указ. соч., с. 246-247.

⁹⁸ Там же, с. 246.

⁹⁹ Турчанинов Г., Цагов М. Указ. соч., с. 32.

¹⁰⁰ Зиндер Л.Р. Фонематическая сущность долгого палатализованного [*s'*:] в русском языке. - Филолог. науки, № 2, 1963.

что точка зрения Л.Р. Зиндера на фонематическую сущность [ɜ':] не является бесспорной и потому не получила должной поддержки среди исследователей фонетики русского языка. Однако если бы разбираемая точка зрения получила бы всеобщее одобрение у русистов, она и на этом основании не могла бы быть использована для определения фонематической сущности лабиализованных согласных в адыгейском языке.

Итак, согласные *ɲɪy*, *ɲɪy* могут быть включены в состав адыгейских лабиализованных фонем. Вместе с тем разбираемые согласные хронологически не идут глубже уровня поздних диалектных инноваций.

ВОПРОС О ЛАРИНГАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

Исконный лексический материал современных адыгских языков не включает ларингальных спирантов *ɜɪ*, *ɜɪy*¹⁰¹. Простой ларингальный спирант *ɜɪ* представлен во многих арабских заимствованиях. Ср. адыг. *ɜɪɜɜɜɜ*, каб. *ɜɪɜɜɜɜ* 'мука', адыг. *ɲɪɜɜɜɜ*, каб. *ɲɪɜɜɜɜ* 'значение', 'смысл', адыг., каб. *ɜɪɜɜ* 'религиозный праздник', адыг. *ɜɜɜɜɜɜɜɜ*, каб. *ɜɜɜɜɜɜɜɜ* 'община (религиозная)', 'приход', адыг., каб. *ɜɪɜɜɜɜ* 'знания'. Лабиализованный ларингальный *ɜɪy* встречается лишь в отдельных арабских заимствованиях типа *ɜɪyɜɜɜɜ* 'Губар' (собств. имя), *ɜɪyɜɜɜɜ* 'Умар' (собств. имя). Заметим, что в современных адыгских языках звонкие ларингалы *ɜɪ*, *ɜɪy* функционируют лишь на фонетическом уровне, свободно чередуясь с глухими ларингалами *ɜɜ*, *ɜɜy*. Ср. адыг. *ɜɜɜɜɜɜ*, *ɜɜɜɜɜɜ*, каб. *ɜɜɜɜɜɜ*, *ɜɜɜɜɜɜ* 'мука', каб. *ɜɜɜɜɜɜ*, *ɜɜɜɜɜɜ* 'Губар', 'Хубар' (собств. имя).

В адыгском языкознании существует мнение, согласно которому ларингальные спиранты *ɜɪ*, *ɜɪy* существовали как в общеадыгскую эпоху, так и в эпоху самостоятельного развития адыгских языков.

Г.В. Рогава, посвятивший специальную статью ларингальному спиранту *ɜɪ*, полагает, что этот спирант в арабских словах является продолжением исконного адыгского ларингала *ɜɪ*, а не заимствованным из арабского языка¹⁰². Возвращаясь к этому вопросу в более поздней работе, Г.В. Рогава отмечает, что звонкий ларингальный спирант *ɜɪ* сохранился в словах, заимствованных из арабского языка. 'Следовательно, когда в адыгские языки начали проникать слова из арабского языка в связи с распространением в Адыгеи и Кабарде ислама (XVII-XVIII ст.), звонкий ларингальный спирант *ɜ* намечен был в их фонетической системе

¹⁰¹ Разбираемые спиранты в специальной литературе именуются также фарингальными, а иногда в одной и той же работе фарингальными и ларингальными.

¹⁰² Рогава Г.В. Звонкий фарингальный спирант *ɜ* в адыгейских языках. — Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра, т. X. Тбилиси, 1941, с. 271-277.

(знаком ω Г.В. Рогава обозначает gI . - К.А.)¹⁰³. По мнению Г.В. Рогава, в адыгском материале простой ларингал gI перешел в заднеязычный $g\phi$, а лабиализованный ларингал gIy - в заднеязычный лабиализованный $g\phi y$ ¹⁰⁴. Как видно, Г.В. Рогава включает ларингальные спиранты gI , gIy не только в систему общеадыгского консонантизма, но относит их к более поздней эпохе (XVII-XVIII ст.), т.е. к периоду раздельного существования адыгейского и кабардинского языков.

Мнение Г.В. Рогава о наличии в прошлом спирантов gI , gIy в адыгских языках разделяют другие исследователи. Так, Б.Х. Балкаров пишет, что "в состав согласных адыгских языков исторически входил звонкий фарингальный в двух разновидностях: лабиализованный $gI\phi$ и нелабиализованный gI " (знаком $gI\phi$ Б.Х. Балкаров обозначает gIy . - К.А.)¹⁰⁵.

Адыгские языки и их диалекты не сохранили следов ларингальных спирантов gI , gIy в исконном адыгском материале, если не считать единичных слов звуко-символического значения типа $gIy!$ или $bygIy!$ - междометия, которыми пугают детей¹⁰⁶. Последние, как известно, не могут быть опорой для реконструкции. Что касается арабских заимствований, то в языке-источнике, как правило, представлен арабский ларингал в тех фонетических позициях, в которых ларингал gI встречается в этом слое лексики адыгских языков. Поэтому данные внутренней реконструкции не позволяют постулировать ларингальные gI , gIy ни для общеадыгского состояния, ни для эпохи раздельного существования адыгских языков. Остается материал родственных языков, на чем строится внешняя, сравнительная реконструкция.

Как отмечалось выше, общеадыгские $g\phi$, $g\phi y$ имеют разные корреспонденции в других западнокавказских языках. В единичных случаях общеадыгский $g\phi$ соответствует уبخскому, абхазскому и абазинскому $g\phi$, что дает некоторые основания приписать его состоянию западнокавказского консонантизма. Ср., приводившийся выше пример: адыг. *гуйгъэ-*, уبخ. *гъагъа*, абх. *гуйгъэ-*, абаз. *гуйгъа-* 'надеяться'. В других случаях общеадыгский $g\phi$ не идет дальше адыгско-убухского хронологического уровня. Ср., адыг. *тигъэ*, каб. *дигъэ*, уبخ. (н) *дигъа* 'солнце'. Адыгско-убухский $g\phi$ в редких случаях (например, в каузативном аффиксе) соответствует абхазско-абазинскому сонорному r . Все указанные корреспонденции исключают ларингальный архетип для общеадыгского $g\phi$.

Обращают на себя внимание адыгские заимствования в других западнокавказских языках. В частности, показатель-

¹⁰³ Рогава Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974, с. 74.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 241.

¹⁰⁶ Багов П.М. Указ. соч., с. 40.

ны адыгские заимствования в абазинском языке. В разбираемом слое лексики адыгский *ɣʷ* отражается в абазинском по-разному. Ср. адыгизмы в абазинском языке: *ɣʷɪbzə* 'обрядовое причитание, плач', *ɣʷablɔrə* 'голод', *ɣʷajɪx* 'отав', *kwɪagɪa-* 'цвести'. Более того, в одном и том же адыгском словообразовательном суффиксе *-ɣʷəz* спигант *ɣʷ* в адыгских заимствованиях абазинского языка отражается по-разному: в одних случаях адыгский *ɣʷ* соответствует звонкому спиганту *ɣʷ*, а в других - звонкому ларингалу *ɣɪ*. Ср. абаз. *ɣʷɪbzɪɣʷə* 'умный', но *ɣʷɪntɪɣɪɣʷə* 'свобода'.

Отсюда возникает вопрос о соответствии адыгского заднеязычного спиганта *ɣʷ* ларингальному спиганту *ɣɪ* в адыгских заимствованиях абазинского языка. Если в адыгских заимствованиях абазинского языка ларингал *ɣɪ* является отражением более древнего состояния, как это предполагает Б.Х. Балкаров¹⁰⁷, а не субституцией адыгского заднеязычного *ɣʷ*, то, естественно, этот звонкий ларингальный спигант может быть включен в систему общеадыгского консонантизма. Более того, принятие архетипа *ɣɪ* для адыгского *ɣʷ* означает, что звонкий ларингал должен быть рассмотрен как явление, относящееся не только к общеадыгскому праязыку, но и к позднейшей эпохе раздельного существования адыгских языков. Ведь речь идет не только о старых адыгских заимствованиях, но и о новых заимствованиях, проникших в абазинский язык из кабардинского.

Однако точка зрения, согласно которой звонкий ларингал *ɣɪ* в кабардинских заимствованиях абазинского языка является продолжением общеадыгского *ɣɪ*, наталкивается на трудности. Как отмечалось, кабардинизмы в абазинском языке относятся к сравнительно поздней эпохе. Наиболее интенсивные контакты между абазинцами и кабардинцами, обусловившие проникновение большого числа кабардинизмов в абазинский язык, связаны с массовым переселением кабардинцев за Кубань. Если же ларингал *ɣɪ* в кабардинизмах абазинского языка считать исконным для кабардинского (и адыгейского) *ɣʷ*, то выходит, что такой поздний ларингал исчез без следов во всех кабардинских и адыгейских диалектах, что представляется маловероятным. Кроме того, и это важно, в убыхском языке заднеязычный спигант *ɣʷ* в адыгских заимствованиях, в том числе в указанном словообразовательном аффиксе, соответствует такому же спиганту *ɣʷ*, хотя адыгизмы в убыхском, по всей вероятности, восходят к более ранним периодам, чем кабардинизмы в абазинском.

Сказанное заставляет прийти к выводу, что в кабардинизмах абазинского языка ларингал *ɣɪ* является результатом субституции кабардинского заднеязычного *ɣʷ*. Принятие этого положения исключает возможность реконструкции ларингала *ɣɪ* в общеадыгском языке, не говоря уже об отнесении его к эпохе раздельного существования адыгских языков. Как увидим ниже, переход *ɣʷ > ɣɪ* в кабардинизмах

¹⁰⁷ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 241.

язык через кабардинский, что также подтверждает ларингализацию кабардинских заднеязычных *gʷ, gʷy* в абазинском языке.

Итак, данные как внутренней, так и внешней реконструкции не позволяют включить ларингальные спиранты *gʷ, gʷy* в систему общеадыгского консонантизма.

ОБЩЕАДЫГСКИЙ КОНСОНАНТИЗМ

Общая характеристика

Нельзя не согласиться с мнением, что реконструкция не является алгебраическим выражением условных формул корреспондентий, а представляет собой отражение различных сторон языковой действительности с разной степенью приближения в зависимости от состояния изученности языка или группы родственных языков¹⁰⁹. Именно под таким углом зрения следует рассматривать реконструкцию общеадыгского консонантизма. Не требует пояснений и тот очевидный факт, что по мере углубления сравнительно-исторического изучения как всей группы западнокавказских языков, так и отдельных их подгрупп, могут быть внесены уточнения в понимание адыгского консонантизма и объяснение последовательных трансформаций его частных подсистем в последующие этапы развития, т.е. в период самостоятельного существования адыгских языков и образования диалектных инноваций.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что предлагаемая реконструкция отражает лишь взгляды автора на состав, количество и распределение согласных фонем общеадыгского состояния с учетом находящегося в данное время в его распоряжении материала и соблюдения правил исходных постулатов самой процедуры реконструкции. Мы разделяем точку зрения, согласно которой невозможно реконструировать *ad infinitum*¹¹⁰. Отсюда при реконструкции общеадыгского консонантизма (как и любого фрагмента или любой подсистемы языковой структуры) важное значение приобретает соблюдение принципа относительной хронологии, разграничение таких хронологических уровней, как западнокавказский, адыгско-убыхский, общеадыгский, эпоха существования отдельных адыгских языков и поздних диалектных новообразований. Есть известные основания также в ряде случаев оперировать такими понятиями, как раннеадыгский и позднеадыгский, хотя подобная хронологизация особенностей фонетической системы не может быть проведена последовательно на данном этапе изученности сравниваемых языков.

Основные (ядерные) слогоморфемные структуры *CV, CCV,*

¹⁰⁹ Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977, с. 89.

¹¹⁰ Kurylowicz S. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 58.

СVCV общеадыгского языка определяют главные особенности распределения согласных. Прикрыто-открытый характер слога также согласуется с ядерными структурами морфемы, включающей ее вокалическое начало. Анализ фонетического строения морфемы свидетельствует о том, что в общеадыгском языке вокально-начальными являются единичные слова, указательное местоимение *a* и некоторые производные основы, в состав которых входит данная местоименная морфема. Следует, однако, подчеркнуть, что немногочисленные имена существительные, как и указательное местоимение *a* и производные образования, этимологически включающие эту морфему в качестве первого (начального) компонента, не нарушают общего положения о прикрытом характере общеадыгского слога.

Дело в том, что прикрытость слога рассматривается нами с фонетической точки зрения. А фонетически гласный *a* в начальной позиции реализуется с начальным ларингальным приступом. Кнаклаут немногочисленных слогов с начальным *a* по сути дела вписывается в общую модель первого слога, исключающего фонетическое строение с вокалической инициалью. Кнаклаут (ларингальный приступ) не несет фонологической функции, но и не нарушает фонетический принцип прикрытости общеадыгского слога.

Как отмечалось выше, адыгские языки продолжают общеадыгское состояние, исключающее вокалическое начало слогового строения слова. Кнаклаутированность немногочисленных слогов с начальным гласным *a* характерна для современных адыгских языков и диалектов (см. с. 44-45). Более того, кнаклаут отмечается в слоге с начальным гласным *i*, несущим морфологическую функцию личного префикса в адыгейском языке. Ср. адыг. *һин* (орф. *ин*) 'его глаз', *һит-хигъ* (орф. *итхигъ*) 'он написал что-то'. Начальные слоги с кнаклаутированным гласным *i* относятся к инновациям, возникшим на адыгейской почве. Тем не менее принцип фонетической прикрытости слога, являющийся общеадыгской тенденцией, распространяется также на поздние и локальные структуры начального слога.

Консонантное начало (т.е. невозможность фонетического строения слова с вокалической инициалью), в том числе кнаклаутированность неприкрытых слогов типологически объединяет адыгские языки (и общеадыгское состояние) с языками самых различных типов. Принцип прикрытости слога имеет довольно большое распространение, охватывая типологически и географически широкий круг языков.

Прикрытость общеадыгского слога компенсируется крайним разнообразием слога с консонантной инициалью. В начальной позиции возможны все согласные, за исключением согласного *p*. Сонорный *p* вообще не встречается в корневых морфемах общеадыгского языка. Такое же распределение сонорного *p* характерно также для современных адыгских языков, если не считать поздних заимствований. Старые заимствования типа каб. *йэрэйнчIэ* 'рейка', *һэрам* 'рама', *һэристоф* 'Ростов', *һэрази* (адыг. *раз*) 'довольный' объясняются невозможностью сонорного *p* в начальной позиции.

В этом отношении адыгейский язык оказался более подвижным по сравнению с кабардинским языком, продолжающим общеадыгейское состояние в дистрибуции сонорного *p* в исконных словах и старых заимствованиях. К новообразованиям в адыгейском языке относятся также глагольные формы типа *рйэти* 'от дает ему', *рэгуйишуэ* 'он гордится им', где начальный префикс *p-* является результатом отпадения общеадыгского *йм-*. Ср. каб. *йирэйт* 'он дает ему', *йирэу-гуйишуэ* 'он гордится им'.

В инлауте дистрибуция согласных в общеадыгском языке свободна: все согласные реализуются в этой позиции. Сонорный *p*, отсутствующий в корневых морфемах, в инлауте реализуется на стыке морфем – аффиксальной и корневой или двух аффиксальных морфем (см. ниже, с. 218).

Что касается конечной позиции слова (ауслаута), то в общеадыгском языке в этой позиции невозможны согласные. Общеадыгский язык знает только гласные звуки в абсолютном исходе. Во всяком случае, консонантные финалы в общеадыгском могут быть допустимы лишь в некоторых позициях, приобретающих морфологическую функцию. Иными словами, в общеадыгском языке резко противопоставляются анлаут и ауслаут с точки зрения слогового строения: анлаут является консонантным, а ауслаут – вокалическим. При этом обращает на себя внимание тот факт, что фонетическое строение слова в конечной позиции оказалось весьма неустойчивым и подвижным по сравнению с фонетическим строением слова в начальной или срединной позициях. В результате отпадения конечных гласных в абсолютном исходе слова общеадыгское фонетическое строение слова сильно разрушилось в современных адыгских языках. Конечный закрытый слог типа адыг. *џан* 'седло', *джан* 'рубашка', *мат* 'корзина', каб. *мил* 'лед', *чицI* 'козленок', *гин* 'порох' – новообразование в адыгских языках, обусловленное редукцией до нуля гласного в конечной позиции (адыг. *џан* < *џанэ* 'седло', *джан* < *джанэ* 'рубашка', *мат* < *матэ* 'корзина', каб. *мил* < *мили* 'лед', *чицI* < *чицIи* 'козленок', *гин* < *гина* 'порох'). Кроме того, в адыгейском языке чередование конечного гласного с нулем носит позиционный характер (о явлениях конца слова см. с. 72–90).

Исключение в общеадыгском могли составить случаи с конечным сонорным *p* на стыке корневой и суффиксальной морфем. Есть достаточные основания полагать, что как окончание именительного падежа и определенной (артиклевой) формы сонорный *p* в конечной позиции выступал в позднем общеадыгском языке, хотя не исключена возможность, что в более ранний период в указанных грамматических формах окончание *p* имело огласовку: *p* < *pэ*. Форма именительного падежа и артиклевой формы на *p* типа адыг., каб. *уинэр* 'дом', *дидир* 'шило', *бидзир* 'грудь' восходит по крайней мере к эпохе позднеобщеадыгского языкового единства. Однако возможность существования общеадыгского слова с конечным *p* в целом согласуется с принципом открытости слога (морфемы) для праязыкового состояния, поскольку слог, оканчивающийся на сонорный не может быть фонети-

чески закрытым, а образует так называемый полужакрытый слог.

Предложенная реконструкция существенно отличается как от предпринимаемых ранее другими исследователями попыток реконструкции общеадыгского консонантизма¹¹¹, так и от традиционной трактовки истории развития отдельных его подсистем. В системе общеадыгского консонантизма мы не включаем преруптивных смычных *nn*, *mm*, *cc*, *ccu*, *чч*, *ччб*, *кк*, *кку*, *ккб*, *ккбу* и преруптивных спирантов *шш*, *шшб*, возводимых другими авторами к эпохе общеадыгского языкового единства. Естественно, что элиминирование преруптивов из общеадыгского консонантизма не только значительно упрощает состав согласных фонем в языке-основе, но, что более важно, предполагает поиски новых решений проблем эволюции материального выражения праязыковых согласных фонем, их распределения и трансформации в последующие периоды, т.е. в эпоху после распада общеадыгского языка и образования самостоятельных адыгских языков, характеризующихся сильным диалектным дроблением.

В отношении же глухих согласных с максимальной аспирацией (глухих смычных и глухих шипящих спирантов) в бжедугском и шапсугском диалектах следует также сказать, что мы относим их также к локальным фонетическим явлениям, образованным на почве двух западных адыгейских диалектов. Поэтому в отличие от других исследователей глухие согласные с максимальной аспирацией, как и глухие с минимальной аспирацией (преруптивы), мы не приписываем общеадыгскому состоянию. По степени аспирации разбираемых согласных фонем бжедугский и шапсугский диалекты не только стоят особняком среди других адыгейских и кабардино-черкесских диалектов, но составляют узкий ареал на лингвистической карте всех западнокавказских языков. Убыхский, абхазский и абазинский языки с разбираемой точки зрения объединяются с кабардинским языком и теми адыгейскими диалектами, в которых отсутствуют глухие согласные с максимальной аспирацией. Нет оснований утверждать, что во всех западнокавказских языках, за исключением бжедугского и шапсугского диалектов адыгейского языка, глухие согласные утратили максимальную аспирацию. Напротив, данные сравнительной реконструкции не позволяют присоединиться к точке зрения, согласно которой два западных диалекта адыгейского языка являются зоной консервации в отношении аспирации глухих согласных.

С фонетической точки зрения просматривается определенная закономерность: глухие с максимальной аспирацией представлены именно в тех двух диалектах, в которых различаются преруптивы, т.е. глухие с минимальной аспирацией. Противопоставление глухих с максимальной аспирацией преруптивам, хотя и проводится непоследовательно, т.е. носит позиционный характер (противопоставление сни-

¹¹¹ Kuipers A.H. Proto-Circassian phonology: An Essay in Reconstruction, p. 80; Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 260-263.

Таблица
Система согласных фонем абшеадыгского языка

	Смычные			Спиранты			Сонанты
	Звонкие	Придых.	Абруптивн.	Звонкие	Придых.	Абруптивн.	
Лабиальные	б	п	пI				у м
Дентальные	д	т	тI				н р
	дэ	ц	цI	з	с		
	дэу	цу					
Альвеолярные	дж	ч	чI	жь	шь		
	джъ	чъ	чIъ	ж	ш		
Дентально- альвеолярные				жь	шь	шI	
				жьу	шьу	шIу	
Среднеязычные				г	х		й
					ху		
Заднеязычные	г	к	кI	гъ	хъ		
	гу	ку	кIу	гъу	хъу		
Фарингальные		къ	къI				
		къу	къIу				
Ларингальные					хъ		
Латеральные				л	лъ	лI	

мается в конечной позиции, в консонантных группах), все же усложнило систему консонантизма в двух западных диалектах адыгейского языка: образовалась четырехчленная корреляция смычных "звонкий - придыхательный (с максимальной аспирацией) - преруптивный (с минимальной аспирацией) - абруптивный".

Общеадыгский консонантизм отражает выравнивание системы смычных по стандартной западнокавказской модели трехчленной корреляции "звонкий - придыхательный - абруптивный".

Как видно из таблицы абшеадыгского консонантизма, фарингальные смычные представлены в ней лишь согласными, участвующими в коррелятивных парах "нелабиализованный придыхательный къ - лабиализованный придыхательный къу", "нелабиализованный абруптивный къI - лабиализованный абруптивный къIу". Тем самым из числа фарингальных исключаются не только преруптивы ккъ, ккъу, но и звонкие фарингальные - нелабиализованный и лабиализованный - џ, џу, реконструируемые другими авторами для общеадыгско-

го состояния¹¹². Не включены в таблицу и ларингальные смычные *ɿ*, *ɿʷ*, лабиализованная дентальная аффриката *ɿʷʲ*, считающиеся особенностями общеадыгского консонантизма¹¹³. Мы также не относим к общеадыгскому состоянию шипяще-свистящие аффрикаты *ɬɜ-ɬɜʲɿ*, *ɬɜʷ-ɬɜʷʲɿ*. Наличие последних в других западнокавказских языках и их корреспонденции в адыгских языках, на наш взгляд, не может служить надежным аргументом в пользу включения их в систему общеадыгского консонантизма.

Как показывает вышеприведенная таблица, согласные фонемы образуют различные типы фонологических оппозиций. Характерной чертой общеадыгского консонантизма является трехчленная оппозиция смычных (простых и аффрикат) во всех зонах артикуляции, за исключением фарингальной (увулярной). Трехчленную оппозицию фонем в составе "звонкий - придыхательный - абруптивный (глотализованный)" образуют лабиальные *ɸ-n-nɿ*, дентальные простые *ɖ-m-mɿ*, дентальные аффрикаты *ɬɜ-ɬɜʲɿ*, альвеолярные простые аффрикаты *ɬɰ-ɬɰʲɿ*, альвеолярные твердые аффрикаты *ɬɰʷ-ɬɰʷʲɿ*, заднеязычные простые *ɟ-k-kɿ*, заднеязычные лабиализованные *ɟʷ-kʷ-kɿʷ*.

Указанные дифференциальные признаки смычных, создающих трехчленные фонологические оппозиции (звонкость - придыхательность - абруптивность), характерны для консонантизма абхазско-абазинского языкового единства. Показательно, что трехчленные фонологические оппозиции смычных реконструируются также для общекартвельского консонантизма.

Симметрия трехчленных фонологических оппозиций нарушается в зоне фарингальных смычных, представленных придыхательными, абруптивными и их лабиализованными коррелятами: *ɰʷ-kʷɿ*, *ɰʷʷ-kʷʷɿ*. Реконструкция звонкого члена (простого и лабиализованного) в зоне фарингальных смычных наталкивается на трудности в связи с отсутствием следов как в современных адыгских диалектах, так и в родственных западнокавказских языках.

Общеадыгские спиранты в подавляющем их большинстве образуют бинарные оппозиции из звонких и придыхательных. К ним относятся: дентальные *ɜ-s*, альвеолярные *ʃʷ-ʃʷʲ*, *ʃ-s*, среднеязычные *ʒ-x*, заднеязычные *ʒʷ-ʒʷʲ*, *ʒʷʷ-ʒʷʷʲ*. С смычными согласными сближаются дентально-альвеолярные *ʃʷ-ʃʷʲ-ʃɿ*, *ʃʷʷ-ʃʷʷʲ-ʃɿʷ* и латеральные *ɭ-ɭʷ-ɭɿ*, образующие трехчленные оппозиции.

Обращает на себя внимание удельный вес абруптивных согласных в особенности смычных в фонологической системе общеадыгского языка. Наряду со звонкими и придыхательными согласными, образующими обычно замкнутые бинымы привативных оппозиций, значительное место в общеадыгском консонантизме занимают абруптивные смычные и спиранты, создающие трехчленные фонологические оппозиции. Абруп-

¹¹² Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 260.

¹¹³ Kuipers A.H. Proto-Circassian Phonology: An Essay in Reconstruction, p. 80.

тивные смычные имеются во всех зонах артикуляции. Придыхательные и абруптивные согласные являются глухими. Поэтому, естественно, что в противопоставлении глухих и абруптивных признак глухости оказывается избыточным.

В общеадыгской системе взаимопротивопоставленных согласных важную роль играет также лабиализация как дифференциальный признак многих фонем. Бинарная оппозиция по признаку "лабиализация - отсутствие лабиализации" образуется во всех зонах, за исключением лабиальных, альвеолярных и латеральных. Ср. звонкие дентальные *дзу-дз*, глухие дентальные *цу-ц*, звонкие дентально-альвеолярные *жбу-жв*, придыхательные дентально-альвеолярные *шбу-шв*, абруптивные дентально-альвеолярные *шIу-шI*, глухие среднеязычные *ху-х*, звонкие заднеязычные *гбу-гв*, глухие заднеязычные *хбу-хв*, звонкие заднеязычные *гу-г*, глухие заднеязычные *ку-к*, абруптивные заднеязычные *кIу-кI*, глухие фарингальные *кбу-кв*, абруптивные фарингальные *квIу-квI*.

По признаку "мягкость - твердость" противопоставляются альвеолярные смычные и спиранты: звонкие аффрикаты *дж-джв*, придыхательные аффрикаты *ч-чв*, абруптивные аффрикаты *чI-чIв*, звонкие спиранты *жв-ш*, глухие спиранты *шв-ш*.

Противопоставление по признаку "звонкость - отсутствие звонкости" охватывает все зоны, за исключением фарингальной и ларингальной.

Сонанты *м, н, р, й, ь* являются звонкими, внепарными. Их звонкость подтверждается нейтрализацией противопоставления согласных по звонкости - глухости в соседстве с ними.

Смычные

Общеадыгские *б, п, пI*. Общеадыгский *б* определяется на основании большого числа общеадыгских корней для начального и срединного консонантизма. Ср., адыг. *бидзи*, каб. *бидз* 'грудь', адыг., каб. *блэ* 'змея', *бэ* 'много', *нибэ* 'живот', *лвбжвэ* 'корень', адыг. *чIмби* (> каб. *шIмб*) 'спина'.

Смычный *б* включает целый ряд адыгско-убыхских корней. Адыгско-убыхский *б* особенно характерен для начальной позиции. Ср., адыг., каб., убых. *бли* 'семь', адыг., каб. *бгвуи*, убых. *бгври* 'девять', адыг., каб. *бзи-*, убых. *бз-* 'кроить', адыг., каб. *бадзэ*, убых. *бадзи* 'муха', адыг., каб. *бгвуэ*, убых. *бгври* 'широкий', адыг., каб. *бгвэ* 'грудь', убых. *бгври* 'верх' и др.

Однако смычный *б* в указанной позиции (преимущественно в начальных консонантных группах) может быть реконструирован для более ранней эпохи-западнокавказского уровня. Ср. адыг. *баджэ*, каб. *бажвэ*, абаз. *бага* 'лиса', абх. *бга* 'шакал', 'лисичка', адыг., каб. *бги*, абх., абаз. *бгва* 'талия', адыг., каб., *бзэ*, убых. *бза*, абх., абаз. *бизшуа* 'язык', адыг., каб. *блэ-*, абх., абаз. *бил-* 'гореть', адыг., каб. *бгэ-*, абх. *бгва-* 'проклинуть' и др. Ср. также: адыг. *панэ*, каб. *банэ* 'колючка', убых. *бана* 'трава', абх., абаз. *бна* 'лес'.

Адыгскому (реже убыхскому) *б* в комплексе *бз* в некоторых корневых морфемах соответствует абхазско-абазинский *п* в комплексе *пс*. Ср. адыг., каб. *бзи*, убых. *бза*, абх., абаз. *-пс* 'самка', адыг., каб. *бзыу*, абх. *псаа*, *псаатIу*, абаз. *пссгIачIуи* 'птица, воробей'¹¹⁴. В редких случаях адыгско-убыхский *б* в комплексе *бз* в абхазском и абазинском чередуется с нулем. Ср. адыг., каб. *бзэ-*, убых. *бз-*, абх., абаз. *са-* 'кроить'.

Общеадыгский *п* сохраняется в начале и середине общеадыгских корней и основ. Ср. адыг., каб. *пэ* 'нос', адыг. *пaIу*, каб. *пиIэ* 'шапка', адыг., каб. *напэ* 'лицо', *гуапэ* 'приятный', адыг. *зифэпэн*, каб. *зихуэпэн* 'одеться'.

В западнокавказском лексическом фонде смычный *п*, как и смычный *б*, характерен для начальной позиции тонсонантных групп. Ср. адыг., каб. *плэз-*, убых. *плэа-*, абх., абаз. *пш-* 'смотреть', адыг., каб., убых. *плэи-*, абх., абаз. (*кьIа*) *пшб(и)* 'красный', адыг., каб. *псэ*, убых. *пса*, абх., абаз. *пси* 'душа', адыг., каб. *пхьуи*, убых. *пхьба*, абх., абаз. *пхьа* 'дочь', адыг. *пшвэ-*, каб. *пшвэ-* 'дуть', убых. *тIапса*, абх., абаз. *пша* 'ветер', адыг. *пшвтэ-*, каб. *пшвти-* 'вскипеть' (о молоке), убых. *пшви*, абх., абаз. *пхьа* 'теплый'.

Смычный *п* представлен также в адыгско-убыхских корневых морфемах. Ср. адыг., каб. *пхэ*, убых. *пшэа* 'зад', 'задняя часть', адыг., каб. *пхьи-*, убых. *пхьа-* 'сеять', адыг. *пшьи-*, каб. *пшьи-*, убых. *пшьи-* 'мерить', адыг. *пси-*, каб. *кьIе-пси-*, убых. *пси-* 'чихать'.

В редких случаях общеадыгское *п* соответствует убыхским *б*, *ф*. Ср. адыг., каб. *пси*, убых. *бзи* 'вода', адыг. каб. *пэ*, убых. *фа* (*цIа*) 'нос', адыг., каб. *пэмэ-*, убых. *фими-* 'нюхать'.

В современных адыгских языках абруптив *пI* встречается в разных фонетических позициях. Ср. адыг., каб. *пIэ* 'постель', *лванIэ* 'дорогой', адыг. *пIчIэ*, каб. *пIшIэ* 'цена', адыг. *санI* 'ножны', каб. *йэпI* 'он воспитывает'.

Г.В. Рогава, специально занимавшийся исследованием генезиса абруптива *пI*, высказал мнение о его вторичном и позднем происхождении в адыгских языках¹¹⁵. Г.В. Рогава пишет: "На основании сравнительно-исторического изучения фонетики адыгских языков можно прийти к выводу, что абруптивного смычного *пI* не было в древней фонетической системе этих языков. Появление звука *пI* - явление более позднего времени"¹¹⁶. В комплексах типа *пIцI*, *пIчI*, *пIчIэ*, *пIлI*, *пIшI*, а также в сочетании с гласным (*пIэ* 'место', *пIалэз* 'срок', *лванIэ* 'дорогой'), по мнению Г.В. Рогава, абруптив *пI* восходит к "звонкому губно-губному *б*, который представляет собой окаменелый аффикс,

¹¹⁴ Ломтатидзе К.В. К этимологии абхазского слова *арсаа*// *арсаат*° 'птица'. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. VI, № 4. Тбилиси, 1945.

¹¹⁵ Рогава Г.В. К истории абруптивного смычного *р* в адыгских языках. - ИКЯ, т. VII. Тбилиси, 1955.

¹¹⁶ Там же, с. 279-280.

древнейший показатель грамматического класса вещей"¹¹⁷. Согласно этому положению *ʔinɪɪɪɪn* 'косить' возводится к **ʔb-ɪɪɪɪn* 'косить', *nɪɪɪɪn* 'место' - к **ɪb-ɪɪɪɪn*. "В тех случаях, когда *nɪ* в адыгских языках встречается перед другими согласными, как, например, общеадыгское *nɪmɪɪn* 'давить', *nɪ* надо считать восходящим к *ɪ* (или *n*) в результате дистанционной регрессивной ассимиляции: *nɪmɪɪn* < *ɪmɪɪn*"¹¹⁸. Г.В. Рогава не исключает возможности образования в некоторых случаях комплексов *nɪkɪ*, *nɪɪɪ*, *nɪɪɪɪ*... путем наращивания звуков *ɪ*, *n* перед абруптивными согласными, а также указывает на переход *ɪ* > *nɪ* перед абруптивом *ɪ* или *ɪy* в личных и притяжательных формах. Ср. каб. *ʔɪnɪɪɪɪɪ* 'ты сказал', *nɪɪɪɪɪ* 'твоя рука'¹¹⁹. В доказательство положения о происхождении *nɪ* на основе слияния *ɪ* с ларингальными *ɪ*, *ɪy* приводятся данные хакучинского говора, где *nɪ* (вне комплекса) соответствует комплексу *nɪkɪɪ*: каб., адыг. *nɪɪɪ*, хакуч. *nɪkɪɪɪ* 'место'.

Возникновение абруптива *nɪ* в результате ассимилятивных процессов в ряде случаев бесспорно. Наряду с очевидными фактами (например, *n* > *nɪ*, *ɪ* > *nɪ* в положении перед абруптивом) к явлениям, возникшим на основе ассимиляции, следует отнести абруптив *nɪ* в ряде консонантных групп типа *nɪɪɪɪ*, *nɪɪɪɪ*, *nɪɪɪɪ*... Последние в западнокавказских языках иногда возникают после редукции до нуля межконсонантного слогового гласного. Ср. абаз. *nɪɪɪɪɪ* < *naɪɪɪɪɪ* 'ус'. Абруптив *nɪ* может быть также результатом субституции или эпентетическим звуком. Ср. в черкесских говорах *nɪɪɪɪɪ* < *ɪɪɪɪɪɪ* 'передние ноги лошади'¹²⁰, каб. *nɪɪɪɪɪɪɪ* < *ɪɪɪɪɪɪɪ* 'канавы' и др.

Вместе с тем представляется невозможным исключение абруптива *nɪ* из древнего консонантизма адыгских языков, если под термином "древний консонантизм" понимать общеадыгский консонантизм. Не вызывает сомнения, что, например, личный префикс *nɪ* перед абруптивом в личных и притяжательных формах унаследован современными адыгскими языками от общеадыгского состояния. Формы типа адыг. *nɪmɪɪɪɪɪ* 'ты копал', *nɪkɪɪɪɪɪ* 'ты прошел (расстояние)', включающие *nɪ* по сути дела являются общеадыгскими, т.е. они были характерны для эпохи общеадыгского языкового единства, хотя этимологически *nɪ* восходит к *ʔ*.

К эпохе общеадыгского языкового единства возводится абруптив *nɪ* также во многих консонантных группах *nɪɪɪɪ*, *nɪɪɪɪ*, *nɪɪɪɪ*, *nɪkɪɪ*... в непроемких основах типа адыг., каб. *nɪɪɪɪɪɪn* 'киснуть', *nɪɪɪɪɪɪn* 'полоть', адыг. *nɪɪɪɪɪɪn* 'роиться', адыг., каб. *nɪɪɪɪɪɪn* 'голый, нагой', адыг. *nɪɪɪɪɪɪy*, каб. *nɪɪɪɪɪɪy* 'ласточка', адыг., каб. *nɪɪɪɪɪɪ* 'ложь', *nɪɪɪɪɪɪn* 'закваситься', 'свалиться', *nɪɪɪɪɪɪ* 'десять'; адыг. *nɪɪɪɪɪ*, каб. *nɪɪɪɪɪ* 'цена', 'плата'. Ср.

¹¹⁷ Там же, с. 280.

¹¹⁸ Там же, с. 281.

¹¹⁹ Там же, с. 280-281.

¹²⁰ Багов П.М. Указ. соч., с. 51.

также старый (общеадыгский) комплекс $nIkI$: $nIkI\acute{e}$ -н > nI - $nI\acute{e}$ -н > $nI\acute{c}I\acute{e}$ -н 'прыгать'.

Реконструкция абруптива nI идет глубже эпохи общеадыгского языкового единства. Во всяком случае, абруптив nI следует возводить к адыгско-убыхским явлениям, предшествующим по времени образования явлениям, возникшим на адыгской почве. Так, представляется возможным возводить абруптив nI к адыгско-убыхскому уровню в таких общих основах, как адыг., каб., убых. $nI\acute{c}I\acute{e}$ 'четыре', адыг. $nI\acute{c}I\acute{e}$ -хъэ, адыг. $nI\acute{c}I\acute{e}$ -хъэ, каб. $nI\acute{c}I\acute{e}$ -хъ, убых. $nI\acute{c}I\acute{e}$ -ба 'сон', адыг. $nI\acute{c}I\acute{e}$ -шъ, каб. $nI\acute{c}I\acute{e}$ -шъэ 'лист' (дерева), убых. $nI\acute{c}I\acute{e}$ 'лист' (дерева или бумаги). Ср. также убых. $nI\acute{c}I\acute{e}$, адыг., каб. $nI\acute{c}I\acute{e}$ 'тонкий'. Не исключена возможность, что в комплексах $nI\acute{c}I$, $nI\acute{c}I$, $nI\acute{c}I$... абруптив nI мог возникнуть на основе ассимиляции начального n или $\acute{c}$ перед абруптивом после выпадения межконсонантного гласного. Однако независимо от причины возникновения абруптива nI в указанных адыгско-убыхских основах разбираемые комплексы (включающие абруптив nI) относятся к древним адыгско-убыхским консонантным группам.

Итак, с точки зрения относительной хронологии абруптив nI относится к разным эпохам. Наряду с позднейшим абруптивом nI , образованным после дифференциации общеадыгского языка, в адыгских языках представлены общеадыгский абруптив nI и абруптив nI , восходящий к адыгско-убыхскому хронологическому уровню.

Что касается перехода $nIk\acute{e}I\acute{e}$ > $nIkI\acute{e}$ > $nI\acute{e}$, то этот фонетический процесс в разных диалектах протекает с разной степенью интенсивности. Варианты $nIk\acute{e}I\acute{e}$, $nIk\acute{e}I$ представлены в одних и тех же лексических единицах в хакучинском говоре. Ср. хакуч. $nIk\acute{e}I\acute{e}$, $nIk\acute{e}I\acute{e}$ 'тонкий', $nI\acute{c}I\acute{e}$, $nI\acute{c}I\acute{e}$ 'дорогой', 'дорогостоящий', $nI\acute{c}I\acute{e}$ 'воротник'¹²¹. Варианты $nI\acute{e}$, nI характерны для диалектов адыгейского языка, что свидетельствует о незавершенности процесса делабиализации лабиально-абруптива в адыгейском языке. Ср. адыг. лит. $nI\acute{e}$, $nI\acute{e}$ 'место'. Более прочно лабиализованный абруптив удерживается в шапсугском диалекте: шапс. $nI\acute{e}$, темирг. $nI\acute{e}$ 'срок'. Во всех кабардинских диалектах вместо консонантных групп $nIk\acute{e}I\acute{e}$, $nIk\acute{e}I$ и лабиализованного абруптива $nI\acute{e}$ в разбираемых основах представлен простой (не лабиализованный) абруптив nI .

Переход $nIk\acute{e}I\acute{e}$ > $nIk\acute{e}I$ > $nI\acute{e}$ > nI в адыгейских диалектах как будто бы не вызывает сомнения. Вместе с тем трудно сказать, что весь этот фонетический процесс от начала до конца действовал и в кабардинском языке. Дело в том, что в общеадыгском языке могли иметь место дублетные формы. Во всяком случае абруптив nI вместо консонантных групп $nIk\acute{e}I\acute{e}$, $nIk\acute{e}I$ не может быть отнесен к позднейшим диалектным инновациям. В пользу этого говорит абруптив nI вместо $nIk\acute{e}I\acute{e}$, $nIk\acute{e}I$ в древнем адыгском заимствовании в абхазском языке $\{a\}nI\acute{e}$ 'сррк'. Факт про-

¹²¹ Керашева З.И. Указ. соч., с. 39.

никновения этой основы с преруптивом *пI* в абхазский язык свидетельствует об известной двойственности некоторых хакучинских абруптивных комплексов. В этой связи обращает на себя внимание хакуч. *шIкьI* в основе *шIкьIэ-* 'знать'. Высказано интересное мнение, что хакуч. *шIкьIэ-* 'знать' представляет собой сочетание *шIэ* и суффикса подтвердительного значения *-кьIэ*¹²². Однако, если учесть отсутствие суффикса *-кьIэ* во всех адыгейских диалектах и наличие разбираемой основы в других западнокавказских языках в виде односложной единицы (ср. убых. *цIа* 'знать', абх. *цIа-*, *цIа-* 'учиться')¹²³, то можно также предположить, что хакуч. *шIкьIэ-* является локальным, возникшим по аналогии консонантных групп типа "начальный абруптив + *кьIу* (или *кьI*)". Ср. хакуч. *тIкьIуэ* 'два', *пI-кьIалъэ* 'срок', *пIкьIэ* 'место' и др.

Общеадыгские *д*, *т*, *тI*. Общеадыгский *д* реконструируется для начального и срединного консонантизма. Ср. адыг. *диди*, каб. *дид* 'шило', адыг., каб. *дэ* 'орех', адыг., каб. *дышэ* 'золото', адыг., каб. *йшлэдэ-н* 'вбежать', *кIуэди-н* 'пропасть', адыг. *гъуиди*, каб. *гъуидэ* 'овод'.

Общеадыгский *д* имеет ряд фонетических соответствий в других западнокавказских языках. Ср. адыг. *дэгъуи*, каб. *дэгъуэ* 'хороший', 'прелестный, добротный', убых. *дагъъа* 'молодой, новый, храбрый', адыг., каб. *кIуэ-ди-*, убых. *йа-дийа-*, абх., абаз. *дэ-* 'исчезнуть, пропасть, затерять', адыг., каб. *ди-*, убых. *дуй-*, абх., абаз. *дза-хъ-* 'шить', адыг. *диди*, каб. *дид*, убых. *дуа*, абх. *дзэдз*, *дзидз*, абаз. *дзэдзи* 'шило', адыг., каб. *дэ*, убых. *ла*, абх., абаз. *ра* 'орех'. Ср. также каб. *дигъэ*, убых. *д(и)-гъэ*, *ндигъэ*, адыг. *тигъэ* 'солнце', каб. *дигъин*, адыг. *тигъини*, убых. *дашъуани*, абх. *радзи*, *разни*, абаз. *гъзна* 'серебро'.

Общеадыгский *т* сохранился в корневых и аффиксальных морфемах: адыг., каб. *ти-* 'давать', *т(и)-* преверб 'на' (*теси-* 'сидеть на чем-то', *телъи-* 'лежать на чем-то'), *йи-ти-* 'находиться внутри', *матэ* 'игла', адыг. *шбатэ*, каб. *шатэ* 'сметана', адыг., каб. *матэ* 'корзина', адыг., каб. *лбатэ* 'сычуг', (в каб. и 'желудок').

Зубной смычный *т* может быть реконструирован для западнокавказского языкового уровня; ср. адыг., каб. *ти-*, абх. *та-*, абаз. *т-*, убых. *та-*, *туи-* 'давать'.

Адыгско-убыхский *т* восстанавливается на основании ряда общих корней. Причем адыгско-убыхский *т* сохраняется в основном в начальных комплексах (в сочетании с согласными *х*, *хъ*, *хъу*). Ср. адыг., каб., убых. *тхи-* 'писать', адыг., каб., убых. *тхъуи* 'масло', 'жир', адыг., каб.

¹²² Ломтатидзе К.В. Об основе глагола 'знать' в абхазско-адыгских языках. - Труды Тбилисского ун-та, вып. 3 (142), 1972.

¹²³ Ломтатидзе К.В. К генезису одного ряда троечных-спирантов в адыгских языках. - Доклады и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, № 4, 1954.

тхъуэ 'серый, цвет золы', убух. *тхъуа* 'зола', адыг., каб. -*тхъи*- 'рвать', 'царапать', убух. -*тхъуи*- 'рвать'. Однако следует полагать, что адыгско-убыхский *т* был характерен не только в начальных консонантных группах указанного типа. Ср. адыг., каб. *т*-, убух. *т*-, *ту*- 'быть, находиться' (связанная с превербами корневая морфема статического глагола).

В начальных комплексах указанного типа отмечается соответствие общеадыгского *т* убухским шипящим спирантам *шъ*, *ш*. Ср. адыг. *тфъи*, каб. *тхуи*, убух. *шъхи* 'пять', адыг. *тхъуирбэ*, каб. *тхъуиримбэ*, убух. *шъуаби* 'пена'.

В этой же позиции обнаруживается соответствие общеадыгского *т* абхазско-абазинскому нулю. Ср. адыг., каб. *тхуи*, абх., абаз. *хъу*- 'пять', адыг., каб. *тхъуэ* 'серый, цвет золы', абх. *хъуа*, абаз. *къуа* 'зола', адыг., каб. *тхъуи*, абх., абаз. *хъу-ша* 'масло', адыг. *тфэ́йи*, каб. *тхуэ́й*, абх. *шу* 'бук'.

Общеадыгский начальный *т* имеет также другие соответствия в родственных языках. В этой связи обращает на себя внимание соответствие общеадыгского начального *т* в сочетании с ларингальным *хъ* сонорному *л* в других западнокавказских языках. Ср. адыг. *тхъакIуи*, каб. *тхъэкIуи*-*мэ*, убух. *лакIуама*, абх., абаз. *лымхъа* 'ухо', адыг., каб. *тхъэлэ*-, убух. *лалы*- 'душить', адыг. *тхъаркъу*, каб. *тхъэрикъуэ* 'голубь', абх. *лахъуа* 'ворон', абаз. *лахъуа* 'грач'. Рассматриваемое звукосоответствие наблюдается также в ненадлежащей позиции. Ср. адыг., каб. *гъуи-тхъэ*-, убух. *гъуа-ла*- 'мочиться'.

Общеадыгский *тI* сохраняется в начальной и срединной позициях во многих общеадыгских основах. Ср. адыг., каб. *тIи*- 'рыть, копать', *тIиси*- 'сесть', *тIкIуи*- 'таять', адыг., *тIэ́кIи*-, каб. *тIэ́шIи*- 'раздеть', адыг., каб. *тIэ́и*- 'распороть', адыг., каб. *тIамIэ́* 'мягкий', адыг., каб. *йамIэ́* 'глина', 'земля', 'грязь', адыг. каб. *намIэ́* 'лоб', адыг., каб. *пIитIи*- 'давить'.

В единичных случаях отмечается переход общеадыгского *тI* > *цI* в середине слова. Ср. в кабардинских говорах: *шIэтIисхъэн* > *шIэ́цIисхъэн* 'поступить, сесть под что', *хэтIисхъэн* > *хэ́цIисхъэн* 'сесть во что'. Переход *тI* > *цI* характерен для слов, включающих общеадыгский корень *тIи*-*си*- 'сесть'.

Смычный абруптив *тI*, бесспорно, отражает более древнее хронологическое состояние, чем общеадыгское. Ср. адыг., каб. *тIамIэ́*, убух. *амIи*, абх., абаз. *тIамIа* 'мягкий', адыг., каб. *тIэкIу*, убух., абх., абаз. *тIакIу* 'мало, немного', адыг., каб. *тIэтэ́*-, убух. *тIала*-, абх., абаз. *ртIла*- 'развязать, растегнуть' и др.

В ряде случаев общеадыгский *тI* соответствует лабиализованному *тIу* в других западнокавказских языках. Ср. адыг., каб. *тIи*-, убух. *тIуи*- 'рыть', адыг., каб. *тIиси*-, убух. *тIуаси*-, абх. *тIуа*- 'сесть' (ср. абаз. *чIуа*-) 'сесть, садиться' и др.

Некоторые корневые элементы содержат адыгско-убыхский *тI*. Ср. адыг., каб., убух. *тIи*, абх., абаз. *ти* 'баран',

адг. (жакуч.), *тІкѳІуи*, убх. *тІкѳІуа* 'два', адг., *тІз-чи-*, каб. *тІзІи-*, убх. *тІаѳІа-* 'раздевать'; ср. также убх. *тІа* 'меньший, недостаточный', каб. *-тІз* суффикс уменьшительности: *ѳІиѳІуи* *тІз* 'очень маленький'.

Выше отмечалось, что согласный *тІу* рассматривается в ряде работ не как отдельная лабиализованная фонема, а как сочетание *тІ* + неслоговое *у*. Считается, что "такой комплекс образовался в результате слияния *ѳ* с лабиализованным ларингальным – абруптивом *Іу*, восходящим к лабиализованному фарингальному **кѳІу*: *тІу* ('два') < *тІ-Іу* < *тІ-кѳІу* < **ѳ-кѳІу*"¹²⁴. Для реконструкции архетипа **ѳ-кѳІу* пока нет достаточного материала. Поэтому представляется целесообразным ограничиться вполне очевидной и надежной реконструкцией на основе архаичных форм, заведомо реконструированных в шапсугском диалекте и убхском языке. Сопоставление убх. *тІкѳІуа*, шапс. *тІкѳІуа*, адг. (темирг., бжедуг., абадз.) *тІуи* 'два' показывает, что в этой корневой морфеме *тІу* исторически восходит к группе фонем *тІкѳІу*. Ср. также шапс. *тІкѳІуи* *ишъи*¹²⁵, темирг., бжедуг., абадз. *тІуи* *ишъи* 'отпустить'. Архетип **тІкѳІу*, восстанавливаемый на материале шапсугского диалекта и убхского языка, может быть отнесен к ранней эпохе общеадыгского языка.

Делабиализация *тІу* (< *тІкѳІу*) завершена в кабардинском языке. В адыгейском языке *тІу* сохраняется в ряде лексических единиц. Ср. адг. *тІуи* > каб. *тІиу* 'два', адг. *тІуи* *ишъи* > каб. *ишъи* *ишъи* 'отпустить'. Фонема *тІу* представлена в корневой морфеме *тІуи* 'два', в ряде производных основ, включающих эту корневую морфему, а также в некоторых лексических единицах. В адыгейском языке имеет место делабиализация *тІу*. Ср. *йэ* *тІанэ* < *йэ* *тІуанэ* 'затем', 'после'.

Общедыгские *ѳз*, *ѳ*, *ѳІ*. Общеадыгская аффриката *ѳз* имеет гетерогенную основу. В общеадыгских корневых морфемах *ѳз* 'войско', *ѳзи* 'бросить, кинуть', *бадзэ* 'муха' аффриката *ѳз* имеет разные соответствия в других западнокавказских языках. Ср. убх. *ла*; абх., абаз. *р(а)* 'войско', убх. *ѳза-ѳа-* 'бросить, кинуть', убх. *ба(н)ѳзи* 'муха'. Ср. также адг. *бидзи*, каб., убх. *бидз* 'женская грудь'. Представляется возможным допустить переход *ѳз* > *ѳ* на адыгской почве в некоторых лексемах; ср. каб. *ѳзи* *хъ*, адг. *ѳи* *хъ* 'доверие', абх., абаз. *ѳа-* 'утаивать, утаить', каб. *ѳажэ*, адг. *ѳажэ* 'ребро', абаз. *ѳаѳи* *ѳс* 'ребро', *ѳзарт* 'реберная часть', *ѳза*, *ѳзѳа* 'бок'. Абаз. *ѳз* в этих словах и абх. *ѳ* в *а-ѳара* 'бок'. К.В. Ломтатидзе справедливо возводит к лабиализованной аффрикате *ѳзу*, что лишнее раз подтверждает вторичность бжедугского преруптива в слове *ѳажэ* 'ребро'¹²⁶.

¹²⁴ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 29.

¹²⁵ Керашева З.И. Указ. соч., с. 39.

¹²⁶ Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. – Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 8. Тбилиси, 1942, с. 863.

Ср. также каб. *дзигъуэ*, адыг. *цигъуэ*, убых. *дигъуи* 'мышь'. Если исключить возможность адыгского заимствования в убыхском (а слово могло проникнуть в убыхский только из кабардинского языка, что представляется маловероятным), то следует предположить также оглушение начальной аффрикаты в адыгейском языке. Отсюда вытекает и вторичность начального преруптива в этом слове в западных адыгейских диалектах (*дзигъуэ* > *цигъуэ* > *цигъуэ* 'мышь').

В отдельных диалектах наблюдается переход общеадыгского *дз* > *з*. Ср. абадз. *бэдзэуэгъу* > *бэзэуэгъу* 'середина лета'. Обратный процесс – переход *з* > *дз* в заимствованном слове *бэдзэр* (адыг.) < *бэзэр* (каб.) 'базар, рынок'. Ср. также адыг. *зэф*, каб. *дэзхуэдз* 'пырей'.

В каб. *бдзамцIэ*, *бдзанцIэ* 'свинец', *дэзху* (адыг. *цэфи*) 'олово, жесть' Б.Х. Балкаров не без основания усматривает абх., абаз. *тIса*, абх. *тса* 'свинец'¹²⁷, что свидетельствует в пользу объяснения каб. *дз* (как и адыг. *ц*) как новообразования (*тс* > *ц* > *дз*).

Вторичность аффрикаты *дз* (как и *ц*) в таких словах, как каб. *дээл* (адыг. *пцэли*) 'ива, верба', адыг. *дэиуэ* 'мешок' очевидна, поскольку подобные лексемы относятся к явным заимствованиям.

Общеадыгская аффриката *ц* представлена в общеадыгском корне *ци* 'шерсть' и в производных от него основах. Ср. адыг., каб. *ципх* 'чесалка', адыг. *ций*, каб. *цэй* 'черкеска', адыг. *шъхъацц*, каб. *шъхъэц* 'волосы', адыг. *пацэ*, каб. *бацэ* 'шерсть (овец) весеннего настрига'. В указанном общеадыгском корне аффриката *ц* не находит надежных соответствий в других западнокавказских языках.

Как и общеадыгская аффриката *дз*, общеадыгская аффриката *ц* характеризуется гетерогенным происхождением и соответственно возводится к разным хронологическим уровням. У нас нет оснований для отнесения общеадыгской аффрикаты *ц* в корне *ци* 'шерсть', 'волос' (и многочисленных от него производных образованиях) к более ранним хронологическим периодам – адыгско-убыхскому и западнокавказскому. Однако в некоторых других лексемах данные сравнительной реконструкции позволяют утверждать, что аффриката *ц* отражает более древнее состояние, чем общеадыгское. Как уже отмечалось выше, аффриката *ц* представлена в корне *цэ* 'зуб', восходящем к западнокавказскому языковому единству. Ср. убых. *цэ-кIы*, абаз. *пн-ц*, абх. *а-хъапи-ц* 'зуб', абх. *а-ц* 'зуб (животного)'. На наш взгляд, *дз*, *ци* (ср. каб. *дэз*, бжедуг., шапс. *ццэ* 'зуб') являются рефлексам придыхательной аффрикаты *ц*, сохранившейся не только в адыгейских диалектах (темиргоевском и абазехском), но и в убыхском, абхазском и абазинском языках. Рассматриваемая аффриката встречается в целом ряде производных (прозрачных по составу) основ, включающих простой корень в значении 'зуб, лезвие, зерно' и т.д. Ср. адыг. *цэккхээн* 'кусаться', *цэли* 'десна', *цакуэ* 'ту-

¹²⁷ Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965, с. 49.

пой, затупленный' и др. Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф, как нам кажется, вполне справедливо выделяют в адыг. *пцц* (> каб. *бдзы*) 'долото' адыг. *цэ* (> каб. *дзэ*) 'зуб'¹²⁸.

В других случаях вторичность аффрикаты *ц* как будто бы не вызывает сомнения. Ср., например, адыг. *пцэ* 'рыба' и генетически неотделимые от него убых. *пса*, абх. *а-псидз* 'рыба', а также приводившееся выше адыг. *цэф* 'олово' и абх., абаз. *тлса*, абх. *тса* 'свинец'. В подобных случаях на адыгской почве аффриката *ц* дает преруптив в бжедугско-шапсугском ареале, звонкую аффрикату в кабардинском языке.

Более широкое распространение имеет общеадыгская аффриката *цI*. Она встречается в ненадлежащей позиции во многих общеадыгских корнях и основах. Ср. адыг., каб. *цIэ* 'имя', адыг. *цIцф*, каб. *цIцху* 'человек', адыг. *цIм-кIуи*, каб. *цIмкIу* 'маленький', адыг., каб. *цIмнэ* 'мокрый, сырой', адыг., каб. *цIмун* 'блестеть', адыг., каб. *цIэцIэн* 'ругать', адыг., каб. *мацIэ* 'саранча', адыг. *чыцIи* (> каб. *чыцI*) 'козленок', адыг. *шIуицIэ*, каб. *фIм-цIэ* 'черный', адыг., каб. *цIэцIи* 'нести яйцо', адыг., каб. *пIцIанэ* 'голый', адыг. *пIцIашхуэ*, каб. *пIцIашхуэ* 'ласточка', адыг., каб. *пIцIэн* 'сгуститься, закваситься', *пIцIи* 'ложь', адыг. *хьэмцIий*, каб. *хьэпIцIий* 'рожь'.

Часть приведенных лексем входит в общий материальный фонд западнокавказских языков.

Общеадыгский абруптив *цI* имеет ряд фонетических соответствий в других западнокавказских языках. Ср. адыг., каб. адыг., каб. *цIэ*, убых. *пIцIэ* 'имя', адыг., каб. *пI-цIи*, убых. *мыца*, абх., абаз. *мц(и)* 'ложь', адыг. *цIм-кIуи*, каб. *цIмкIу* 'маленький', абх., абаз. *чIмIуи* 'парень, мальчик' (в абазинском и 'маленький') и др.

Общеадыгские лабиализованные аффрикаты *дзу*, *цу* характеризуются минимальной функциональной нагрузкой. Аффрикаты *дзу*, *цу* сохранились лишь в адыгейских диалектах в немногочисленных лексемах. В этом отношении особенно выделяется звонкая аффриката *дзу*, встречаемость которой в адыгейских диалектах очень ограничена. Ср. адыг. *хьа(н)дзу* > каб. *хьэвэ* 'стог'. Н.Ф. Яковлев и Д.А. Ашхамаф приводят еще темергоевские формы *дзуэ* 'заваливай', *идзуагъ* 'он запрудил', отсутствующие в нормативных словарях¹²⁹. Причем последние формы не находят параллелей в кабардинском языке. Отсюда естественно, что звонкая аффриката *дзу* включается условно в систему общеадыгского консонантизма.

Глухая аффриката *цу* представлена лишь в нескольких общеадыгских корневых элементах в адыгейском языке. Общеадыгская аффриката *цу*, как и аффриката *дзу*, дает лабиальный спираント в кабардинском языке. Ср. адыг. *цуи*, каб. *ви* 'вол', адыг. *цуинди*, каб. *винд* 'ворон', адыг. *цуаккхэ*, каб. *вакьIэ* 'обувь', адыг. *уицуи*, каб. *уивин* 'вставать', 'вешать'. В бжедугском и шапсугском диалек-

¹²⁸ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Указ. соч., с. 236.

¹²⁹ Там же, с. 439.

тах общеадыгской придыхательной аффрикате *цу* отвечает преруптив *ццу*, относящийся к диалектным инновациям.

В специальной литературе высказано мнение, что *цу* переходит в звонкий спирант *в* опосредственным путем, т.е. через *дзу* (*цу* > *дзу* > *в*)¹³⁰. Это положение может быть подкреплено переходом *дзу* > *в* в адыг. *хъандзу* > каб. *хъэвэ* 'стог'. Вместе с тем принятие этого положения означает рассмотрение *дзу* в адыг. *хъандзу* 'стог' как вторичной аффрикаты, восходящей к *цу*. В целом мнение о переходе глухой аффрикаты *цу* в звонкий спирант *в* через промежуточную ступень *дзу*, хотя и не лишено основания, остается спорным из-за отсутствия достаточного материала, подтверждающего во всех случаях возможность переходного состояния между *цу* и *в*. Нуждается в обосновании и другое положение, согласно которому лабиализованные *дз*, *цз* "исторически являются лабиализованными аффрикатами свистяще-шипящих спирантов *хъ*, *шъ*, *шI*"¹³¹.

Состояние разработки исторической фонетики адыгских языков не позволяет окончательно решить вопрос о генезисе аффрикат *дзу*, *цз*. Мы можем лишь с достаточной уверенностью поставить вопрос об относительной хронологии перехода аффрикат *дзу*, *цз* в спирант *в*. Изменение разбираемых аффрикат в лабиальный спирант — кабардинское новообразование, т.е. данный фонетический процесс имел место в период самостоятельного существования адыгских языков.

Общеадыгские *джъ*, *чъ*, *чIъ*. Как отмечалось выше, в результате передвижения заднеязычных появились шипящие аффрикаты: *г*, *к*, *кI* > *гъ*, *къ*, *кIъ* > *дж*, *ч*, *чI*. Образование шипящих аффрикат на базе заднеязычных относится к области инновации, т.е. эти аффрикаты хронологически не могут быть возведены к эпохе общеадыгского языкового единства. Наряду с новыми шипящими аффрикатами, возникшими из заднеязычных, существуют старые шипящие аффрикаты, восходящие к общеадыгскому языку. Последние противопоставляются по мягкости-твердости. Ср. *дж-джъ*, *ч-чъ*, *чI-чIъ*.

Старые шипящие аффрикаты сохранились в обоих адыгских языках. Однако ареал их распространения различен в адыгских языках. В адыгейском языке старые шипящие аффрикаты представлены во всех диалектах, за исключением абадзехского. Кабардинские диалекты, за исключением бесленеевского диалекта и некоторых черкесских говоров, в основном утратили старые шипящие аффрикаты. Старые (геср. общеадыгские) аффрикаты восходят хронологически и этимологически к разным явлениям. Термины "первичные шипящие аффрикаты" и "вторичные шипящие аффрикаты", быть может, удобные при описании отдельного диалекта, оказываются неточными в сравнительно-исторической фонетике адыгских языков. Эти термины находятся в некотором противоречии

¹³⁰ Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах.

¹³¹ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 30.

с понятием относительной хронологии в компаративистике. Как увидим ниже, так называемые первичные шипящие аффрикаты относятся к разным хронологическим периодам — западнокавказскому, общеадыгскому, периоду после дифференциации общеадыгского языка и даже периоду поздних диалектных инноваций. Так, судя по всему, бесл. *джъ* является вторичным по сравнению с темирг. *чъ* в слове *бджъэ* (бесл.) *пичъэ* (темирг.) 'дверь'. (Темирг. *чъ* мы возводим к эпохе общеадыгского языкового состояния, а бесл. *джъ* — к эпохе после дифференциации общеадыгского языка на отдельные диалекты). Однако в этом же слове бесл. *джъ* является уже первичным по сравнению с *дж* в анатолийском (тоже бесленеевском) говоре Зеннун (ср. в говоре Зеннун *бджэ* 'дверь'). В то же время в кабардинской фонологической системе аффриката *дж* в говоре Зеннун оказывается первичной по сравнению с новейшей аффрикатой *дж* < *гъ* < *г* в других кабардинских говорах. Подобные примеры многочисленны в адыгских языках. Иными словами, так называемые первичные шипящие аффрикаты являются первичными по отношению к одним шипящим аффрикатам и вторичными по отношению к другим. Отсюда видно, что термины "первичные шипящие аффрикаты" и "вторичные шипящие аффрикаты" в том значении, в каком они широко используются специалистами, не согласуются с процедурой уровневой реконструкции.

Твердая шипящая аффриката *джъ* представлена в трех диалектах — бжедугском, темиргоевском и бесленеевском. В этих диалектах аффриката *джъ* несет минимальную функциональную нагрузку. Кроме того, аффриката *джъ* по происхождению гетерогенна и относится к разным историческим эпохам.

В бжедугском и темиргоевском диалектах аффриката *джъ* встречается в единичных словах. К ним относятся: *лвэ-гуанджъэ* 'колено', *нджъэбаджъ* 'уродливый', *бэджъиджъэн* 'качаться', *йэбэджъин* 'упасть, падать'. В бжедугском диалекте аффриката *джъ* встречается в производном превербе *джъэхэ-*, ср., *джъэхэсин* 'сидеть вплотную', *джъэхэхъэн* 'подойти вплотную', *джъэхэплъэн* 'смотреть в упор', *джъэхэуэн* 'ударить в упор'.

Аффриката *джъ* в приведенных словах возводится к разным источникам. Не представляется возможным согласиться с мнением, согласно которому в бжедугском превербе *джъэхэ-* аффриката *джъ* является исходной, архаичной. Напротив, есть основания полагать, что в превербе *джъэхэ-* (и во всех глагольных формах, включающих этот преверб) аффриката *джъ* — бжедугское новообразование. В разбираемом превербе аффриката *джъ* возводится к спиранту *ж*: *джъэхэ-* < *жэхэ-*. Форма *жэхэ-* (она сохранилась в других адыгейских диалектах) состоит из двух элементов: *жэ* + *хэ*. Первый элемент, как и многие другие локальные превербь, восходит к названию части тела. Ср., адыг. *жэ* 'рот', *жэ-* преверб, *гуи* 'сердце', *гуи-* преверб, *пэ* 'нос', *пэ-* преверб и др. Второй элемент *хэ-* известен как локальный преверб. Ср. *хэсин* 'сидеть в чем-то', *хэтин* 'стоять

внутри чего'. Исходная форма *жэжэ-* в кабардинском языке дает *жъэжъ-*, что оправдано этимологически. Ср. адыг. *жэ*, каб. *жъэ* 'рот'. Ср., однако, в кабардинском языке твердый спирант *ж* в речи жителей Псоуче-Дахе: *жэжэлъэдэн* 'подбежать'¹³². Характерно, что в слове *жэ* 'рот', входящем в состав проверба *джъэжэ-* < *жэжэ-*, в бжедугском диалекте сохраняется исходная форма – спирант *ж*.

К новообразованиям следует отнести также аффрикату *джъ* в слове *нэджъэбаджъ* 'уродливый'. В последнем выделяется *нэджъэ-* (ср. *нэджэГумджэ* 'уродливый'), где *джъ* восходит к заднеязычному *гъ* < *г*. Ср., каб. *нэгъэ-Гумгъэ* > *нэджэ-Гумджэ* 'урод, уродливый' (ср. общеадыг. суф. – *джэ* < *гъэ* < *га*: *бзэджэ* 'хитрый, злой'). Что касается твердой аффрикаты *джъ* в таких основах, как бжедуг., темирг. *джъиджъиджъ*, то она в целях реконструкции имеет относительную ценность, поскольку основы подобного типа носят явно символический характер.

Аффриката *джъ* в словах *лъэгуанджъэ* 'колено', *йэбэджъин* 'упасть' дает различные рефлексy в других диалектах: мягкую аффрикату в шапсугском диалекте (*лъэгуанджэ*, *йэбэджин*), твердый шипящий спирант *ж*, реже – шипяще-свистящий спирант *жъ* в абадзехском диалекте (*лъагуанжэ*, *лъэгуанжъэ*), шипяще-свистящий спирант *жъ* в кабардинском языке (*лъэгуажъэ*). В слове *лъэгуанджъэ* твердая аффриката считается вторичной. В литературе отмечалось, что в положении после сонанта *н* исходный спирант *ж* изменился в аффрикату *джъ*¹³³. Но дело в том, что бжедуг. *джъ* встречается в форме *лъэгуаджъ* 'колено', не включающей эпентетического сонанта *н*. Поскольку сонант *н* в темирг. *лъэгуанджъ* является диалектной инновацией, а бжедугская форма не осложнилась вторичным эпентетическим сонантом, не представляется возможным говорить о переходе *ж* > *джъ* после *н*. Вопрос о переходе *ж* > *джъ* после сонанта *н* можно было бы ставить лишь в том случае, если предположить переход темирг. *лъэгуанджъ* > бжедуг. *лъэгуаджъ* 'колено'. Судя по всему, здесь имеет место обратное явление: переход бжедуг. *лъэгуаджъ* > темирг. *лъэгуанджъ* 'колено'. Ср. также бжедуг. *шэдж* > темирг. *шэндж* 'стог', бжедуг. *джэчи* > темирг. *джэнчи* 'фасоль', бжедуг. *псичжи* > темирг. *псичжи* 'грязь' и др. Подобные примеры (их довольно много) показывают, что общеадыгское состояние продолжает бжедугский диалект, т.е. этот диалект сохраняет строение слова без позднего эпентетического сонанта *н*. Отсюда вытекает, что аффриката *джъ* в бжедуг. *лъэгуаджъ* не является позиционной (не связана с сонантом *н*). Напротив, позиционным является сонант, развившийся в положении перед *джъ*.

В основе *йэбэджъин* – 'упасть' реконструкция твердой аффрикаты на общеадыгском уровне не является бесспорной,

¹³² Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. – В кн.: Очерки кабардино-черкесской диалектологии, Нальчик, 1969, с. 22.

¹³³ Kuipers A.H. Proto-Circassian phonology: an essay in reconstruction, p. 75, 79.

поскольку она не находит никаких параллелей в кабардинских диалектах.

Другого происхождения твердая шипящая аффриката *джъ* в бесленеевском диалекте, где она (как и в бжедугском и темиргоевском диалектах) выполняет минимальную функциональную нагрузку. Бесленеевское *джъ* встречается в таких основах, как *джъиг* 'дерево', *джъилэ* 'селение, люди, общество', *джъи-Гэн* 'говорить', *джъэн* 'бегать', *джъэйи* 'спать', *бджъэ* 'дверь'¹³⁴. Твердая шипящая аффриката *джъ* в бесленеевском диалекте не во всех приведенных словах может быть рассмотрена как первичное явление, восходящее к общеадыгскому состоянию. Данные сравнительной реконструкции дают известные основания считать *джъ* в словах *джъиг* 'дерево', *джъилэ* 'селение, люди, общество' продолжением общеадыгской аффрикаты. Во всяком случае, исходность звонкой аффрикаты для общеадыгского состояния поддерживается материалом других западнокавказских языков. Ср. абх. *джъ*, абаз. *джъ-цIуи* 'дуб', абх. *жула* 'порода', 'фамилия', абх., абаз. *жула* 'семья, семена'; ср. каб. *жилэ* (бесл. *джъилэ*) в значении 'семья, семена'. Как отмечалось выше, в бесленеевском вторична аффриката *джъ* в положении после лабиального б: *бджъэ* < *пчъэ* 'дверь'; ср. в говоре Зеннун *бджъхъэшъхъэ* 'вечер', адыг. *пчыхъэ*, каб. (диалектн.) *пыхъэ* в том же значении и др.

Отнесение сван. *жIи* 'желудь' к адыгским заимствованиям¹³⁵ лишний раз доказывает оглушение начальной аффрикаты в адыгейском языке (ср. темирг. *чъиги*, абадз. *шиги*, бжедуг. *чъыги* 'дуб'). Характерно, что ссет. *дзиллэ/дзиллэ* 'мир', 'общество', 'народ', заимствованное из кабардинского языка, сохраняет также начальную звонкую аффрикату¹³⁶.

Что касается твердой аффрикаты в глагольной основе *джъиГэн* 'говорить', то она (как и ее варианты в диалектах и говорах *дж*, *ж*) относится к инновациям. Г.В. Рогава убедительно показал, что в каб. *жиГэн* 'говорить' *жи* восходит к аффиксу *йи-* (*жириГашъ* < *йириГашъ* 'он сказал ему что-то')¹³⁷. Судя по всему, сонант *й* изменился сначала в звонкую шипящую аффрикату, впоследствии подвергнувшись спонантизации в кабардинских диалектах. Следует предположить, что сонант *й* перешел в мягкую аффрикату *дж*, а изменение последней в твердую аффрикату *джъ* - позднее новообразование.

Заметим, что не во всех говорах бесленеевского диалекта представлена твердая аффриката *джъ*. В частности, в анатолийском говоре Зеннун, где шипящие аффрикаты не различаются по твердости-мягкости, представлена лишь мягкая

¹³⁴ Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев, с. 27.

¹³⁵ Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимологии, I (исконный фонд). - Этимология. М., 1965, с. 306.

¹³⁶ Абаев В.И. Указ. соч., с. 405.

¹³⁷ Рогава Г.В. К составу основы кабардинского глагола *жиГэн* 'говорить'. - Учен. зап. КБНИИ, т. XVI. Нальчик, 1959, с. 367.

аффриката *дж*. Ср. *джэн* 'бегать', *джэйин* 'спать', *бджэ* 'дверь', *джий* 'дерево'¹³⁸. Показательно, что в говоре Зеннун в слове *джиГэн* 'говорить' представлен также мягкая аффриката *дж* вместо твердой *джь*. Бесленевский *джь* в других диалектах кабардинского языка соответствует спиранту *ж*. Ср. бакс., куб., мезд. *жилэ* 'селение, общество', *жарод*, *бжэ* 'дверь'. Ср. у Ш.Б. Ногмова: *джэн* 'бегать', *бджэ* 'дверь'.

Итак, твердая аффриката *джь*, хотя и встречается в небольшой группе слов, имеет разное происхождение. На данном этапе изученности исторического консонантизма адыгских языков о твердой аффрикате *джь*, восходящей к общеадыгскому языку, представляется возможным говорить лишь применительно к единичным словам.

В общеадыгском допустимо существование твердой аффрикаты *чь*, восходящей к разным источникам. Для общеадыгского состояния *чь* реконструируется на основании соответствия бесл. *чь* : шапс. *ч* : бжедуг. *шн* : темирг., абадз., каб. лит. *ш* : бесл. *чын*, шапс. *чы*, бжедуг. *шны*, темирг., абадз., каб. лит. *шн* 'лошадь', бесл. *чын*, шапс. *чы*, бжедуг. *шны*, темирг., абадз., каб. лит. *шн* 'брат'. В записях Б.Х. Балкарова твердая аффриката *чч* представлена в большом числе слов бесленевского диалекта. Ср. бесл. *ччид* 'осел', *ччир* 'детеныш', *ччэт* 'овчарня', *ччэгин* 'боеприпасы', *ччигу* 'земля', *ччиличч* 'сталь', *ччидигъуей* 'вишня', *ччжэГэн* 'одеяло', *ччиггын* 'одежда', *йччэ* 'он везет', *мэччинэ* 'он боится', *йэнччэку* 'матрас', *йччэх* 'дождь', *нччэгу* 'двор', *мччэ* 'просо', *йччэуэчч* 'он делит', *бачч* 'палка', *кччигурчч* 'гора' и др. Однако, судя по всему, в бесленевском диалекте далеко не во всех случаях аффриката *чь* может быть возведена к общеадыгскому состоянию. Не вызывает сомнения, что наряду со старой (общеадыгской) аффрикатой *чь* в этом диалекте имеется новая аффриката *чь*, Ср. бесл. *ччэт* < *чэт* 'овчарня'. Ср. также другой ряд соответствий: бжедуг. *лаччэ*, темирг. *ланччэ*, шапс. *лачэ*, каб. *блашэ* 'клен', бжедуг. *гунччэгъуинчч*, темирг. *гунччэгъуинчч*, каб. *гуншчэгъуинччэ*, *гуншчэгъуиншэ* 'безжалостный'. По мнению А. Койперса, твердая аффриката *чь* после сонанта *н*, как и твердая аффриката *джь* в той же позиции, восходит к спиранту *ш*: *шччханччэ* < *шччханшэ* 'безголовый', *акъилинччэ* < *акъилиншэ* 'глупый', 'неумелый'. Однако бжедуг. *лваччэ* 'клен' показывает, что аффриката *чь* в темирг. *ланччэ* не вызвана влиянием сонанта *н* (последний является вторичным, эпентетическим: бжедуг. *лаччэ* > темирг. *ланччэ*, бжедуг. *лаччэ* > шапс. *лачэ* 'клен'). Аффриката *чь* представлена также при отсутствии ассимилятивного фактора (сонанта *н*) в именном отрицательном суффиксе: бжедуг. *гунччэгъуинчч* > темирг. *гунччэгъуинчч* 'безжалостный'.

Твердая шипящая абруптивная аффриката *чГь* возводится к общеадыгскому языку. Общеадыгское состояние продолжают три диалекта - бжедугский, темиргоевский и бесленев-

¹³⁸ Paris C. Textes besney. - Journal Asiatique. CCLVI, № 1, 1968, p. 97-123.

ский. Ср. бесл., темирг. *чІѳиІгун*, бесл. *чІѳигу* 'земля', бжедуг., темирг., *гунчІѳи*, бесл. *гунчІѳ* 'железо', бжедуг., темирг., бесл. *чІѳэ* 'дно', бжедуг., темирг. *чІѳиплѳ* 'свекла', *чІѳиун* 'земляника'.

Общеадыгская аффриката *чІѳ* в шапсугском диалекте совпала с мягкой аффрикатой *чІ*¹³⁹. Ср., бжедуг., темирг. *чІѳигун* > шапс. *чІггун* 'земля', бжедуг., темирг. *гунчІѳи* > шапс. *гунчІг* 'железо', бжедуг., темирг. *чІѳиѳэ* > шапс. *чІгѳэ* 'долг'.

В абазехском диалекте общеадыгская аффриката дает несколько рефлексов: 1) твердый шипяще-свистящий спирант *шІѳ*; ср. бжедуг., темирг. *гунчІг* > абазд. *гуншІѳи* 'железо', бжедуг., темирг. *чІѳигун* > абазд. *шІѳигун* 'земля', бжедуг., темирг. *чІѳэ* > абазд. *шІѳэ* 'дно'; 2) мягкий шипяще-свистящий спирант *шІѳ*; ср. бесл. *чІѳимахуэ*, абазд. *шІѳимаѳ* 'зима'; 3) шипяще-свистящий спирант *шІ*; ср. бжедуг., темирг. *чІѳигун* > абазд. *шІггун* 'земля', бжедуг., темирг. *чІѳэ* > абазд. *шІэ* 'дно', 4) мягкий ларингал *Іѳ*, ср. бжедуг., темирг. *чІѳэтин* > абазд. *Іѳэтин* 'стоять внутри чего-то', бжедуг., темирг. *чІѳэсин* > абазд. *Іѳэсин* 'сидеть внутри чего-то'.

Соответствие *чІѳ* > *Іѳ* менее характерно для абазехского диалекта. Закономерным для этого диалекта является переход *чІѳ* > *шІѳ* > *шІ*, причем согласные *шІѳ*, *шІ* могут находиться в отношении свободного варьирования в зависимости от возраста носителей диалекта и других факторов. Ср., например, в речи одного и того лица: *гуншІѳи*, *гуншІг* 'железо', *шІѳиплѳ*, *шІгиплѳ* 'свекла'. Переходы *чІѳ* > *шІѳ* > *шІ*, *чІѳ* > *Іѳ* — абазехское новообразование. Соответствие *чІѳ* : *шІѳ* (бесл. *чІѳимахуэ* : абазд. *шІѳимаѳ* 'зима') не является результатом изменения *чІѳ* в *шІѳ*, а представляет собой переход *чІѳ* > *чІ* > *шІѳ* (бесл. *чІѳимахуэ* > бжедуг., темирг., шапс. *чІѳимаѳ* > абазд. *шІѳимаѳ*, *Іѳимаѳ* 'зима').

В кабардинском языке, за исключением речи абазактцев и бесленеевцев, переход *чІѳ* в спирант завершен. Ср., каб. *гуншІ* 'железо', *шІэ* 'дно', *шІг* 'земля', *йэуншІг* 'спросить', *шІэсин* 'сидеть внутри чего-то'. Однако спирализация *чІѳ* в кабардинском языке, хотя и хронологически относится к разным периодам, завершилась относительно недавно и в тех диалектах, в которых уже утрачена общеадыгская аффриката *чІѳ*. Об этом свидетельствуют данные языка Ш.Б. Ногмова, употреблявшего в своих произведениях аффрикату и спирант вместо общеадыгской твердой аффрикаты *чІѳ*.

Бесленеевский диалект проявляет свои особенности в спирализации общеадыгской аффрикаты *чІѳ*. С одной стороны, в этом диалекте общеадыгская аффриката *чІѳ* удерживается в тех словах, в которых она совпала с мягкой аффрикатой *чІ* в бжедугском и темиргоевском диалектах. Ср., например, бесл. *чІѳимахуэ* бжедуг., темирг., шапс. *чІѳимаѳ* 'зима'. С другой стороны, не во всех говорах бе-

¹³⁹ Керашева З.И. Указ. соч., с. 29.

сленеевского диалекта прослеживается общеадыгская аффриката $\text{чI}\text{в}$. Так, в говоре Зеннун общеадыгская твердая аффриката $\text{чI}\text{в}$ совпала с мягкой аффрикатой чI ¹⁴⁰, как это имеет место в шапсугском диалекте. Ср. бжедуг., темирг. $\text{чI}\text{вигуи}$ > говор Зеннун $\text{чI}\text{игу}$ 'земля', бжедуг., темирг. $\text{чI}\text{вэ}$ > говор Зеннун $\text{чI}\text{э}$ 'дно'.

В абазактском говоре аффриката $\text{чI}\text{в}$ отмечается не только в словах $\text{чI}\text{вигу}$ 'земля', $\text{чI}\text{виуикэ}$ 'погреб', $\text{чI}\text{викуэ}$ 'долг', но также в ряде слов, где она совпала с мягкой аффрикатой чI или изменилась уже в спирант шI . Ср., нэ- $\text{чI}\text{в}$ (темирг., шапс. нэчIи , абадз. нэшIи , каб. нэшI) 'пустой', хвэчIэ (бжедуг., темирг., шапс. хвачIэ , абадз. хвашIвэ , хвачIэ , каб. хвэшIэ) 'гость', гвачIвэ (адыг. гвашIэ , каб. лит. гвашIэ) 'жизнь'. По наблюдению П.М. Багова, в абазактском говоре $\text{чI}\text{в}$ чередуется со свистяще-шипящим спирантом шI . Ср. гвачIвэ , гвашIэ 'жизнь'. Кроме того, речь абазактцев в спирантизации $\text{чI}\text{в}$ сближается с абадзехским диалектом. В этом говоре, как и в речи абадзехов, имеет место переход $\text{чI}\text{в}$ > $\text{шI}\text{в}$ > $\text{шI}\text{в}$. Ср. $\text{чI}\text{викуэ}$ > $\text{шI}\text{викуэ}$ 'долг', $\text{чI}\text{вигу}$ > $\text{шI}\text{вигу}$ 'земля', $\text{шI}\text{вэишIишIвэн}$ > $\text{шI}\text{вэишIишIвэн}$ 'спросить'¹⁴¹. Таким образом, твердый спирант $\text{шI}\text{в}$, восходящий к твердой аффрикате $\text{чI}\text{в}$, является спецификой не только абадзехского диалекта, но и говора абазактцев.

Как показывает вышеприведенный материал, процесс утраты общеадыгской твердой шипящей аффрикаты $\text{чI}\text{в}$ происходит в разных диалектах с разной степенью интенсивности. Даже в одном и том же диалекте отмечаются разные тенденции развития анализируемого фонетического явления (в этом отношении показательны говоры бесленеевского диалекта). Общеадыгская аффриката $\text{чI}\text{в}$ утрачена в шапсугском, абадзехском и кабардинских диалектах (за исключением речи абазактцев и части бесленеевцев). Различны и рефлексy аффрикаты $\text{чI}\text{в}$ в диалектах: чI в шапсугском диалекте и говоре Зеннун, $\text{шI}\text{в}$, $\text{шI}\text{в}$, $\text{I}\text{в}$ в абадзехском диалекте, шI в большинстве кабардинских диалектов, шI , $\text{шI}\text{в}$ в абазактском говоре.

Общеадыгские дж , ч , чI . Общеадыгская мягкая шипящая аффриката дж имеет довольно большой ареал распространения в современных адыгских диалектах. Общеадыгская аффриката дж еще прочно удерживается в бжедугском, шапсугском, темиргоевском и бесленеевском диалектах. Вместе с тем следует полагать, что в общеадыгском звонкая аффриката дж восходит к разным источникам, что и нашло отражение в ее развитии после распада языка-основы. С одной стороны, старая аффриката дж реконструируется на основании звукосоответствия бжедуг., темирг., шапс., бесл. дж : абадз. хь : каб. ж : ср. бжедуг., темирг., шапс., бесл. баджэ , абадз. бажьэ , каб. бажэ 'лица', бжедуг., темирг., шапс., бесл. лээмидж (< лээмид -

¹⁴⁰ Paris C. Textes besney, p. 282.

¹⁴¹ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка, 1969, с. 14.

жи), абадз. лъэмжъ, каб. лрэмж 'мост', бжедуг., темирг., шапс., бесл. хъэджигъэ-, абадз. хъэжыгъэ, каб. хъэжыгъэ 'мука', бжедуг., темирг., шапс. кьгуаджэ, бесл. кьгуаджэ, абадз. кьгуажъэ, каб. кьгуажэ 'селение, село'. Наряду с указанной общеадыгской аффрикатой *дж*, характерной для интервокального положения в общеадыгском представлена аффриката *дж*, реконструируемая на основании звукосоответствия: бесл. *дж* : каб. *ж* : темирг. *ч* : абадз. *шь* : бжедуг., шапс. *чч* : темирг. *ч*. Ср. бесл. *джэм*, каб. *жэм*, темирг. *чэми*, абадз. *шьэми*, бжедуг., шапс. *ччэми* 'корова', бесл. *джан*, каб. *жан* темирг. *чан*, абадз. *шан*, бжедуг., шапс. *ччан* 'острый', бесл. *джэшь*, каб. *жэшь*, темирг. *чэшьи*, абадз. *шьэшьи*, бжедуг., шапс. *ччэшьи* 'ночь'.

Показательны различия между говорами бесленеевского диалекта в распределении старой аффрикаты *дж*. Более архаичным оказывается анатолийский говор Зеннун, где *дж* имеет широкое распространение ввиду неравномерности развития тенденции перехода *дж* > *ж* в кабардино-черкесских диалектах и говорах¹⁴². Незавершенностью перехода *дж* > *ж* с бесленеевским диалектом сближается говор Абзакт. Ср. *джэм*, *жэм* 'корова', *нджэбэ*, *нжэбэ* 'сегодня ночью', *джэш* 'ночь', *кьгуаджэ*, *кьгуажэ* 'селение, село', *хъэджигъэ*, *хъэжыгъэ* 'мука'¹⁴³. Как видно, в этом говоре на уровне вариантов прослеживается старая аффриката *дж*, гетерогенная по своему происхождению (ср. *джэм* 'корова', *кьгуаджэ* 'селение'). Аналогичное явление наблюдается у Ш. Ногмова. Ср. в языке Ш. Ногмова: *джэм* 'корова', *джан* 'острый', *джэшь* 'ночь', *баджэ* 'лиса', *кьгуаджэ* 'селение' и др.

Переход *дж* > *ж* относится к поздней эпохе самостоятельного существования кабардинского языка. Об этом свидетельствует не только бесленеевский диалект, прочно удерживающий общеадыгскую аффрикату *дж*, но также письменные памятники 19 столетия. Так, язык Ш.Б. Ногмова характеризуется незавершенностью процесса перехода *дж* > *ж*. С одной стороны, у Ш.Б. Ногмова в ряде случаев вместо спиранта *ж* представлена исходная аффриката (*баджэ* 'лиса' и др.), а с другой – аффриката *дж* и спирант *жь* находятся в отношении свободного варьирования (*кьгуаджэ*, *кьгуажэ* 'село' и др.).

В единичных случаях отмечается соответствие адыг. *дж* : каб. *жь*. Ср. адыг. *джэгъи*, каб. *жьэгъи* 'очаг', адыг. *нджэжэгъи*, каб. *нджьэжэгъи* 'товарищ, друг'. Судя по адыгейскому материалу (ср. *нджьэжэ* 'возраст'), в последнем слове *дж* восходит к *жь*¹⁴⁴. Однако в абазинский язык слово проникло с аффрикатой из кабардинского языка. Ср. абаз. *нджьэжэгъи* 'товарищ, друг, сверстник', что как будто бы исключает возможность перехода адыгейского шипяще-

¹⁴² Pairs C. Textes besney, p. 113-123.

¹⁴³ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка, с. 13.

¹⁴⁴ Рогава Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках, с. 76.

го спиранта *жъ* непосредственно в шипяще-свистящий спира́нт *жъ* в кабардинских диалектах. Ср. также шапс. *ныбдж* 'возраст'¹⁴⁵, бесл. (говор Зеннун) *бджыжъэжъхъэ* 'вечер', где аффриката *дж* вторична в консонантной группе *бдж*. Что касается соответствия *дж* : *жъ* в адыг. *джэгуи*, каб. *жъэгъу* 'очаг', то скорее всего аффриката является исходной, т.е. здесь также можно допустить переход *дж* > *жъ* (*ж*) > *жъ*.

Переход аффрикаты *дж* > *ж* имеет место и в старых заимствованиях. Ср. адыг. *джор* > каб. *жор* 'крест' (ср. груз. *ჯვარი* 'крест'), адыг. *джэнэт* > каб. *жэнэт* 'рай' (ср. араб. *jannat* 'рай'), адыг. *джинэ* > каб. *жин* 'джин' (ср. араб. *jinn* 'джин, дьявол'), адыг. *джиб* > каб. *жип* 'карман' (ср. араб. *jīb* 'пазуха, карман'), адыг. *хъаджэ* > каб. *хъэжи* 'хаджи' (ср. араб. *hajj* 'хаджи, полонник'). Ср. у Ш. Ногмова: *джэнэт* 'рай', *джип* 'карман', *джузум* 'виноград' и др.

Общеадыгская аффриката *ч*, в отличие от ее твердого коррелята *чъ*, характеризуется значительной функциональной нагрузкой. Аффриката *ч* реконструируется на общеадыгском уровне на основании нескольких рядов звукосоответствия: бесл., шапс. *ч* : абадз., бжедуг., темирг. *шь* : каб. (лит.) *ш*. Ср. бесл., шапс. *чэ*, абадз., бжедуг., темирг. *шьэ*, каб. (лит.) *шэ* 'молоко', бесл. *чыгъу*, шапс. *чыгъуи*, абадз., бжедуг., темирг. *шьыгъуи*, каб. (лит.) *шыгъу* 'соль', бесл., шапс. *чыбжьый*, абадз., бжедуг., темирг. *шьыбжьый*, каб. (лит.) *шыбжьый* 'перец', бесл., шапс. *чинэ-н*, абадз., бжедуг., темирг. *шьинэ-н*, каб. (лит.) *шинэ-н* 'бояться', бесл., шапс. *гуэчи-н*, абадз., бжедуг., темирг. *гуэшьи-н*, каб. (лит.) *гуэши-н* 'делить', бесл. *мэч*, шапс. *мэчи*, абадз., бжедуг., темирг. *мэшьи*, каб. (лит.) *мэш* 'просо'. В шапсугском диалекте на уровне вариантов отмечается *шь* вместо *ч*, что характеризует общую тенденцию к спирантизации общеадыгской аффрикаты *ч* в адыгских языках. Ср. шапс. *чэзэн* | *шьэзэн* 'пресное молоко', *чинант* | *шьинант* 'трус, боязливый', *чыгъгуэ* | *шьыгъгуэ* 'выносливость'¹⁴⁶. Ср. также в абзактском говоре: *чэ* | *шьэ* 'молоко', *чынагъуэ* 'страх', 'боязнь', *йэзэчи-н* 'устать', *чэдибжь* 'меха кузнечные'¹⁴⁷.

Рассматриваемая аффриката имеет разные соответствия в других западнокавказских языках. Ср. убых. *ча* 'молоко', абх. абаз. *ша-*, убых. *шьи-* 'делить', абх. абаз. *джыкга*, убых. *джыи* 'соль'.

Имеется другой ряд звукосоответствий: шапс. *ч* : абадз., бжедуг., темирг. *ш* : каб. *шь* : шапс. *чакгуэ*, абадз., бжедуг., темирг. *шакгуэ*, каб. *шьакгуэ* 'охотник', шапс. *чыгу*, бжедуг., абадз., темирг. *шыгу*, каб. *шьыгу* 'макушка, верхняя часть', шапс. *ккъечыи*, абадз., бжедуг., темирг. *ккъешыи*, каб. (лит.) *ккъешыи* ' (он) собирает'. Заметим, что звукосоответствие *ч* : *ш* (шапс. *чакгуэ*, абадз., бже-

¹⁴⁵ Керашева Э.И. Указ. соч., с. 114.

¹⁴⁶ Там же, с. 134.

¹⁴⁷ Багов П.М. Указ. соч., с. 13.

дуг., темирг. *шакІуэ* 'охотник') ассиметрично, если его интерпретировать как переход $\text{ч} > \text{ш}$. Мягкая аффриката ч не может непосредственно измениться в твердый шипящий спирант ш . Поэтому допустимо предположить, что последний получен из твердой аффрикаты чв . С другой стороны, нельзя исключать (имея в виду ассиметричность $\text{ч} : \text{ш}$) возможность обратного процесса - переход спиранта в аффрикату в шапсугском диалекте. В этой связи заметим, что $\text{ч} : \text{ш} : \text{шв}$ в основе *чакІуэ* : *шакІуэ* : *швакІуэ* 'охотник' в родственных языках имеет соответствие *шву*, *шу*: убых. *швуакІва* 'охотник', абх. *шуараца-*, абаз. *шуарац-* 'охотиться, подкрадываться'.

Общеадыгская абруптивная аффриката чІ представлена в четырех диалектах - бесленеевском, бжедугском, темиргоевском и шапсугском. Ср., бесл., бжедуг., темирг., шапс. *чІэ* 'новый', 'молодой', *мачІэ* 'мало', *пачІэ* 'усы', *пІ-чІэ* 'цена, стоимость', *чІакІуэ* 'бурка', бесл. *хвэчІэ*, бжедуг., темирг., шапс. *хвачІэ* 'гость'. Старая аффриката чІ встречается также в абазактском говоре. Ср. *хвэчІэ* 'гость', *чІалэ* 'парень', *чІэнигвэ* 'образование', где чІ чередуется со спирантом швІ : *хвэшвІэ*, *шІвалэ*, *шІвэ-нигвэ*¹⁴⁸.

Общеадыгская аффриката чІ дает несколько рефлексов в адыгских диалектах. Аффрикате чІ в диалектах и говорах соответствуют: мягкий шипящий абруптивный спирант шІв в абадзехском и моздокском¹⁴⁹ диалектах, мягкий шипящий абруптивный спирант шІв и мягкий свистящий спирант сІв в малкинском говоре¹⁵⁰, шипяще-свистящий спирант шІ в баксанском, кубанском диалектах, малокабардинском и черкесских говорах (за исключением речи абазактцев). Ср., абадз., мозд. *шІвэ*, малк. *шІвэ*, *сІвэ*, бакс., куб., малокаб. *шІэ* 'новый', 'молодой', абадз. *хвашІвэ*, мозд. *хвэш-шІвэ*, малк. *хвэшІвэ*, *хІэсІвэ*, бакс., куб., малокаб., черк. *хвэшІэ* 'гость', абадз., мозд. *машІвэ*, малк. *машІвэ* *масІвэ*, бакс., куб., малокаб. *машІэ* 'мало'. Спирант шІ вместо общеадыгской аффрикаты чІ представлен также в кабардино-черкесском литературном языке.

Исходная мягкая шипящая аффриката встречается еще у Ш.Б. Ногмова, не различающего противопоставления шипящих аффрикат по твердости-мягкости. Вместо чІв и чІ Ш. Ногмов употребляет одну (мягкую) аффрикату (он обозначает ее знаком ч). Ср. чи 'земля', ча 'молодой', 'новый', чу 'железо', чалн 'юноша, парень'.

Язык Ш.Б. Ногмова сближается с шапсугским диалектом, где твердая шипящая аффриката чІв совпала с мягкой аффрикатой чІ : Ср. шапс. *чІигу* 'земля', *чІэ* 'новый, молодой', *гвуичІи* 'железо', *чІалэ* 'юноша, парень'. Как отмечалось выше, аналогичное явление - переход $\text{чІв} > \text{чІ}$ -

¹⁴⁸ Там же, с. 14.

¹⁴⁹ Куашева Т.Х. Терские говоры. - В кн.: Очерки кабардино-черкесской диалектологии. с. 126.

¹⁵⁰ Шагиров А.К. Малкинский говор. - Там же, с. 291-292.

отмечается в бесленеевском говоре Зеннун¹⁵¹. Отсюда в тех адыгских диалектах и говорах, в которых имело место снятие противопоставления $\text{чI}^{\text{б}}:\text{чI}$ в результате совпадения твердой аффрикаты $\text{чI}^{\text{б}}$ с мягкой аффриктой чI , последняя относится к разным хронологическим эпохам: в одних случаях чI восходит к общеадыгскому языку, в других – к периоду после дифференциации языка-основы на самостоятельные языки и диалекты. Адыгские диалекты и говоры сохранили разные ступени как перехода общеадыг. $\text{чI}^{\text{б}} > \text{чI} > \text{шI} > \text{шI}$, так и перехода общеадыг. $\text{чI} > \text{шI} > \text{шI}$.

Выше отмечалось, что в спонантизации общеадыгской твердой аффрикаты $\text{чI}^{\text{б}}$ абадзехский диалект проявляет существенные особенности. То же самое следует сказать о судьбе общеадыгской мягкой аффрикаты чI в абадзехском диалекте. Общеадыгская мягкая аффриката чI в абадзехском дает не только мягкий абруптивный, спонант $\text{шI}^{\text{б}}$, но и другой рефлекс – мягкий ларингал $\text{I}^{\text{б}}$. Ср. абадз. $\text{I}^{\text{б}}\text{ялэ}$ 'юноша, парень', $\text{мал}^{\text{б}}\text{е}$ 'мало', $\text{I}^{\text{б}}\text{эллэ}^{\text{б}}\text{I}^{\text{б}}$ 'полотенце', $\text{хвал}^{\text{б}}\text{е}$ 'гость', $\text{гулхэл}^{\text{б}}$ 'горе', $\text{I}^{\text{б}}\text{аI}^{\text{б}}\text{иб}$ 'внешний', $\text{тI}^{\text{б}}\text{оI}^{\text{б}}\text{и}$ 'двадцать', $\text{тхвал}^{\text{б}}\text{и}^{\text{б}}\text{и}$ 'мыть', $\text{гулмэл}^{\text{б}}\text{и}^{\text{б}}\text{и}$ 'беспокоиться'. Как видно, переход $\text{чI} > \text{I}^{\text{б}}$ имеет место в начальной и не-начальной позициях. Однако на переход $\text{чI} > \text{I}^{\text{б}}$ накладываются некоторые ограничения, обусловленные фонетическим окружением чI . Переход $\text{чI} > \text{I}^{\text{б}}$, как правило, не характерен для позиции согласный + чI . В этой позиции чI дает спонант $\text{шI}^{\text{б}}$. Ср. абадз. $\text{пI}^{\text{б}}\text{шI}^{\text{б}}\text{э}$ (< $\text{пI}^{\text{б}}\text{чI}^{\text{б}}\text{э}$) 'цена, стоимость', $\text{пI}^{\text{б}}\text{шI}^{\text{б}}\text{аш}^{\text{б}}\text{э}$ (< $\text{пI}^{\text{б}}\text{чI}^{\text{б}}\text{аш}^{\text{б}}\text{э}$) 'лист дерева', $\text{пI}^{\text{б}}\text{шI}^{\text{б}}\text{и}^{\text{б}}\text{и}$ (< $\text{пI}^{\text{б}}\text{чI}^{\text{б}}\text{и}^{\text{б}}\text{и}$) 'отрезать'. В отличие от перехода $\text{чI} > \text{I}^{\text{б}}$ переход $\text{чI} > \text{шI}^{\text{б}}$ позиционно не ограничен в этом диалекте. Оба рефлекса – спонант $\text{шI}^{\text{б}}$ и ларингал $\text{I}^{\text{б}}$ – могут находиться в отношении свободного варьирования. Ср., $\text{пашI}^{\text{б}}\text{э}$, $\text{пал}^{\text{б}}\text{е}$ 'усы', $\text{гулхэл}^{\text{б}}$, $\text{гулхэл}^{\text{б}}$ 'горе', $\text{шI}^{\text{б}}\text{алэ}$, $\text{I}^{\text{б}}\text{ялэ}$ 'юноша, парень', $\text{шI}^{\text{б}}\text{амаф}$ 'зима'.

В заключение отметим, что общеадыгская аффриката чI имеет соответствия в других западнокавказских языках. Ср. адыг. (бжедуг., темирг., шапс.) $\text{мачI}^{\text{б}}\text{э}$, убух., абх., абаз. мачI 'малый', адыг. (бжедуг., темирг., шапс.) $\text{чI}^{\text{б}}\text{э}$, убух. $\text{чI}^{\text{б}}\text{а}$, абх., абаз. $\text{чI}^{\text{б}}\text{а}$ 'новый' и др.

О происхождении шипящих аффрикат в абазактском говоре. Выше отмечалось, что мягкие и твердые шипящие аффрикаты характерны для абазактского говора. Существуют разные точки зрения по вопросу о происхождении мягких и твердых шипящих аффрикат в этом говоре. П.М.Багов, впервые исследовавший кубано-зеленчукские говоры, считает, что твердые шипящие аффрикаты в абазактском говоре "являются результатом контакта абазактцев с бесленеевцами и абазинами"¹⁵². Что касается мягких шипящих аффрикат дж , ч , чI , соответствующих спонантам ж , ш , шI в литературном языке ($\text{джI}^{\text{б}}\text{эн}$ 'говорить', чэ 'молоко', $\text{чI}^{\text{б}}\text{амахуэ}$ 'зима'),

¹⁵¹ Paris C. Textes besney.

¹⁵² Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка, с. 9.

то П.М. Багов относит их к архаизмам фонетической системы говора. Иное объяснение разбираемому явлению дает Р.Х. Темирова. Как мягкие, так и твердые шипящие аффрикаты в абазактском говоре Р.Х. Темирова объясняет влиянием абазинского языка. По мнению Р.Х. Темировой, разбираемые аффрикаты "в абазактском говоре сохранились из абазинского языка"¹⁵³.

Решению вопроса о генезисе рассматриваемых аффрикат в абазактском говоре способствуют новые данные о языке зарубежных бесленеевцев.

Наличие старых адыгских аффрикат в абазактском говоре, как это имеет место в бжедугском, бесленеевском, темиргоевском и шалсугском диалектах, исключено в том случае, если абазакты по происхождению являются абазинами. А по имеющимся историческим и лингвистическим данным, абазинское происхождение основной массы абазактцев как будто бы не подлежит сомнению. Вместе с тем анализ материала бесленеевского диалекта, особенно его анатолийского говора Зеннун, свидетельствует о том, что противопоставление твердых и мягких шипящих аффрикат (если речь идет о фонетическом уровне) в говоре абазактцев в основном следует приписать влиянию бесленеевского диалекта. Бесленеизмы в этом говоре поддерживаются, а в ряде случаев видоизменяются влиянием абазинского языка. Так, не представляется возможным объяснить *дж*, *ч* в словах *джигэн* 'говорить', *лвачэ* 'хромой', *чиннагъуэ* 'страх' и др. влиянием абазинского языка, поскольку абазинский язык обладает не только аффрикатами *дж*, *ч*, но и спирантами *ж*, *ш*. Между тем в отношении указанных (и не только указанных) слов абазактский говор обнаруживает почти абсолютное сходство с анатолийским говором Зеннун. Ср., в говоре Зеннун: *джигэн* 'говорить', *джэм* 'корова', *ниджэбэ* 'сегодня вечером', *чэ* 'молоко', *лвачэ* 'хромой', *чиннагъуэ* 'страх'.

Подобное тождество фонетических явлений невозможно приписать субстрату. Кажущиеся отклонения от звуковых соответствий типа *бесл. чээн*, абазакт. *чэн* 'вести', *бесл. чIгэсын*, абазакт. *чIгэсин* 'сидеть под', *бесл. джэиIэн*, абазакт. *джигэн* 'говорить' объясняются на материале говора Зеннун: действует общая тенденция к переходу *джэ*, *чэ*, *чIэ* > *дж*, *ч*, *чI*. Есть основания полагать, что многие слова, включающие старые адыгские аффрикаты, проникли в абазинский язык еще задолго до переселения "беглых" кабардинцев на их нынешнюю территорию. Таковы, например, в абазинском языке *джаштеIа* 'лунатик', *джагIуагIу* 'завистник', *чарийа* 'снайпер', *чата* 'сметана', *чапхэ* 'порох', *чIаху* 'синий', *чIванIэ* 'приусадебный участок', *чIгуна* 'погреб', *чIгналъа* 'расстояние', *чIгнIа* 'место, местность', и мн. др. Что касается некоторых нарушений звуковых закономерностей в абазактском говоре, то они, бесспорно, могут быть вызваны уже влиянием абазинского языка. В целом же твердые и мягкие шипящие

¹⁵³ Темирова Р.Х. Указ. соч., с. 18.

аффрикаты в речи абазактцев (выходцев из абазинцев) являются отражением старых бесленеевских аффрикат.

Общеадыгские простые непалатализованные заднеязычные *г, к, кI*. Общеадыгские сохранились как реликтовое явление в некоторых диалектах и говорах. Ср. в бабугойском говоре кубанского диалекта кабардинского языка: *бзагэ* 'хитрый', 'злой', *гыпсту*, *йиги* 'сейчас, теперь', *кицэ* 'кустарник', *кЫгэкэн* 'трещать', *йипэкIэ* 'раньше', *зыхэшIикIин* 'понимать', *аби папIшIэкиэ* 'для этого', *хьэшэ кЫгэскиэ* 'каждая ночь'. Простые заднеязычные *г, к, кI* в этом говоре зафиксированы нами еще в 1953 г. в речи представителей старшего поколения на уровне вариантов: *г, к, кI* чередуются в одних и тех же фонетических условиях с палатализованными *гь, кь, кIь*.¹⁵⁴

Рассматриваемые общеадыгские согласные обнаруживают параллели в других западнокавказских языках. Ср. убых. *гьа* 'злой, дурной', восходящий к этому корню привативный суффикс в убых. *шагьа* 'глупый', адыг. (шапс.) *каб. бзагьэ* 'злой, хитрый', абх. *хьага*, абаз. *кьага* 'сумасшедший'¹⁵⁵, убых. *кIьи* - 'ковать', адыг. (шапс.) *кIьишэ*, *каб. кIьишэ* 'кузница'¹⁵⁶.

Как увидим ниже, общеадыгские *г, к, кI* в немногочисленных лексемах встречаются также в других диалектах и говорах. В целом же материал адыгских языков дает возможность проследить переход общеадыгских *г, к, кI* > *кь, кь, кIь* > *дж, ч, чI*. Как видно, конечным результатом этого фонетического процесса в адыгских языках являются шипящие аффрикаты *дж, ч, чI*.

В этой связи следует отметить, что широкоупотребительный термин "аффрикатизация заднеязычных согласных" не покрывает содержания рассматриваемого явления. Этот термин оправдан лишь применительно к завершающей фазе перехода общеадыгских *г, к, кI* > *гь, кь, кIь* > *дж, ч, чI*, характерной не для всех диалектов, проявляющих общую тенденцию к передвиганию заднеязычных смычных.

Путем внутренней реконструкции для общеадыгского состояния легко восстанавливаются простые (непалатализованные) заднеязычные взрывные *г, к, кI*. Общеадыгские *г, к, кI* довольно последовательно изменяются в мягкие *гь, кь, кIь*. Последние в адыгских диалектах переходят в мягкие шипящие аффрикаты *дж, ч, чI*. Ср., абадз., бжедуг., темирг., куб., бакс. *джанэ* < *гьанэ* < *ганэ* 'рубашка', *маджэ* < *магьэ* < *магэ* 'он) зовет', *чи* < *кьи* < *ки* 'хворост', *течи* < *текьин* < *текын* 'оторвать', *чIэ* < *кIьэ* < *кIэ* 'хвост', *йичIин* < *йикIьин* < *йикIин* 'выйти'.

Мягкие шипящие аффрикаты *дж, ч, чI*, восходящие к зад-

¹⁵⁴ Кумахов М.А. Особенности кубанского диалекта кабардино-черкесского языка. Автореф. канд. дис. М. 1955, с. 3-5.

¹⁵⁵ Рогава Г.В. Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum ga* в мегрельском языке. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 6. Тбилиси, 1942.

¹⁵⁶ Dumézil G. Le verbe Oubykh. Paris, 1975, p. 34.

неязычным *гв, кв, кІв* (<*г, к, кІ*), относятся к эпохе самостоятельного существования адыгских языков и диалектов. Новые *дж, ч, чІ* в ряде современных адыгских диалектов (бесленеевском, бжедугском, темиргоевском и шапсугском) сосуществуют с общеадыгскими *дж, ч, чІ*.

Процесс перехода *г, к, кІ > гв, кв, кІв > дж, ч, чІ* протекал и протекает в адыгских языках с разной степенью интенсивности¹⁵⁷. Переход *гв, кв, кІв > дж, ч, чІ* в одних адыгских диалектах уже осуществлен, а в других — еще не закончен. Так, в абадзехском, бжедугском и темиргоевском диалектах процесс аффрикатизации палатализованных *гв, кв, кІв* доведен до конца, т.е. согласные *кв, кв, кІв* в этих диалектах перешли в мягкие шипящие аффрикаты *дж, ч, чІ*. В адыгейском литературном языке вместо палатализованных согласных *гв, кв, кІв* также представлены мягкие шипящие аффрикаты.

В отличие от адыгейского литературного языка и указанных адыгейских диалектов в кабардинском языке процесс аффрикатизации палатализованных согласных *гв, кв, кІв* не завершен. Заднеязычные палатализованные *гв, кв, кІв* и возникшие от них переднеязычные мягкие шипящие аффрикаты *дж, ч, чІ* в кабардинском литературном языке сосуществуют и фонематически не различаются.

Аналогичное явление наблюдается в некоторых диалектах и говорах кабардинского языка. При этом процесс аффрикатизации палатализованных *гв, кв, кІв* в диалектах и говорах проявляется не с одинаковой интенсивностью, что обусловило различную степень употребительности палатализованных *гв, кв, кІв* и мягких шипящих аффрикат *дж, ч, чІ*. В кабардинском литературном языке палатализованные взрывные согласные (особенно *гв, кв*) употребляются, возможно, значительно реже, чем мягкие шипящие аффрикаты. В речи моздокских кабардинцев процесс аффрикатизации палатализованных *гв, кв, кІв* зашел дальше, чем в малокабардинском говоре, где этот звуковой закон действует менее интенсивно¹⁵⁸. В малкинском говоре отмечается лишь очень редкое употребление палатализованных *гв, кв, кІв* по сравнению с кабардинским литературным языком¹⁵⁹.

Наиболее устойчивыми палатализованные *гв, кв, кІв* оказались в бесленеевских говорах. Ни во всех этих говорах палатализованные *гв, кв, кІв* еще перешли в мягкие шипящие аффрикаты¹⁶⁰. Эта особенность сближает бесленеевский диалект с шапсугским диалектом, где также сохранились палатализованные согласные *гв, кв, кІв*¹⁶¹.

¹⁵⁷ Кумахов М.А. К вопросу об аффрикатизации заднеязычных согласных в адыгских языках. — Учен. зап. КБГУ, вып. IV. Нальчик, 1958.

¹⁵⁸ Куашева Т.Х. Указ. соч.

¹⁵⁹ Шагилов А.К. Малкинский говор.

¹⁶⁰ Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев; *Paris* С. Указ. соч.

¹⁶¹ Керашева Э.И. Указ. соч.

Как в адыгских литературных языках, так и в диалектах и говорах простые заднеязычные взрывные сохранились в лабиализованном виде¹⁶². Ср., например: общеадыгские слова *гуи* 'сердце', *куи* 'середина', *кIуэн* 'идти'. Характерно, что в убыхском языке и абхазско-абазинских диалектах, где представлены простые (исходные) и палатализованные заднеязычные взрывные согласные, лабиализованный ряд имеют (как и в адыгских диалектах) лишь простые (исходные) заднеязычные согласные.

В кубанском диалекте, за исключением речи бабугойцев, процесс аффрикатизации заднеязычных палатализованных *гв*, *кв*, *кIв* в основном закончен. На речь кубанских кабардинцев, по-видимому, оказал влияние адыгейский литературный язык, а также те диалекты адыгейского языка, в которых палатализованные *гв*, *кв*, *кIв* изменились в мягкие шипящие аффрикаты *дж*, *ч*, *чI*. В кубанском диалекте, за исключением речи бабугойцев, только в редких случаях (по преимуществу в речи представителей старшего поколения) наблюдается употребление палатализованных *гв*, *кв*, *кIв* наряду с мягкими шипящими аффрикатами *дж*, *ч*, *чI*. Ср., например, *пшъэдджжъ*, *пшъэдгъжъ* 'завтра утром', *лъэчIин*, *лъэкIвин* 'мочь, уметь', *квIэчэн*, *квIэквэн* 'трескаться, треснуть'. В действии данного звукового закона кубанский диалект определил другие диалекты и говоры кабардинского языка, где до сих пор полностью не изменились палатализованные взрывные в мягкие шипящие аффрикаты. Однако в кубанском диалекте, как отмечалось выше, исключение составляет речь бабугойцев в кабардинском ауле Ходз. Речь бабугойцев отличается от речи других кубанских кабардинцев тем, что она сохраняет наиболее древнюю систему заднеязычных взрывных согласных. Если в речи кубанских кабардинцев, за исключением бабугойцев, аффрикатизация палатализованных согласных *гв*, *кв*, *кIв* закончилась раньше, чем в других кабардинских диалектах и говорах, то в речи бабугойцев мы видим обратное явление: аффрикатизация палатализованных согласных *гв*, *кв*, *кIв* здесь не получила такого большого развития, как это отмечается в кабардинском литературном языке и других кабардинских диалектах и говорах (за исключением бесленеевского диалекта).

Архаичные заднеязычные *г*, *к*, *кI* в речи бабугойцев, естественно, не могут удержаться очень долго, поскольку они имеют место преимущественно уже в речи представителей старшего поколения. Характерно, что наблюдения последних лет по сравнению с теми, которые сделаны нами еще в 1953 г., свидетельствуют о значительном снижении удельного веса исходных заднеязычных согласных *г*, *к*, *кI* в бабугойском говоре. Кроме того, нужно еще учесть тот факт, что на речь бабугойцев, как и на речь всех других кабардинцев, живущих на территории Адыгейской автономной области, оказывает сильное влияние адыгейский лите-

¹⁶² См. Кумахов М.А. К вопросу об аффрикатизации..., с. 3-4.

ратурный язык, а также адыгейские диалекты, не сохранившие не только исходных (общеадыгских) заднеязычных *ɟ*, *к*, *кI*, но палатализованных *ɟʋ*, *кʋ*, *кIʋ*. Это обстоятельство, бесспорно, ускоряет процесс нивелировки диалектных черт, в том числе и архаичных заднеязычных смычных согласных.

Следы общеадыгских заднеязычных смычных в речи кубанских кабардинцев обнаруживаются в ряде случаев в определенных фонетических условиях. Так, из исходной заднеязычной тройки в диалекте встречается абруптив *кI* после спирантов *с*, *шʋ*, *ш*. Ср., например, *ʃафэхуэпскI* 'молния', *шIэуипскIэн* 'качать', *зыгэпскIин* 'купаться', *тхьэмшь-кIэ* 'бедный', *пшэдэймишькIэ* 'послезавтра', *шкIэ* 'теленки'.

Устойчивость заднеязычного *кI* в таких случаях, надо полагать, вызвана качеством предшествующего спiranта. Соседство со спiranтами *с*, *шʋ*, *ш*, видимо, способствовало сохранению простого заднеязычного *кI*, подвергшегося палатализации в иных фонетических условиях. Известно, что после указанных спiranтов, особенно после глухого шипящего спiranта *ш*, удерживаются и некоторые другие согласные, изменяющиеся в иных фонетических условиях в другие звуки. Ср., например, адыг., каб. *шхуэ* 'уздечка', *йинишхуэ* 'большой, великий', *шхуэл* 'вымя'.

В адыгейском языке заднеязычные *к*, *кI* иногда отмечаются после вышеуказанных спiranтов. Ср., например, в адыгейском языке: *пскэ* 'кашель', *шкIэ* 'теленки' и т.д. Итак, сохранение следов исходных заднеязычных в приведенных слогах обусловлено определенными фонетическими условиями, т.е. качеством предшествующего согласного.

Исходные заднеязычные в кубанском диалекте наблюдаются в некоторых собственных именах (реже фамилиях), например: *ТIикIэ*, *КIинэ*, *КIитIэ*, *Кинэ*, *Кизу*, *Алэскир* и т.д. Ср., также в словах *шкIэ* 'теленки', *ʃафэхуэпскI* 'молния' в некоторых кабардинских и черкесских говорах¹⁶³.

Итак, сохранившиеся в наиболее целостной системе общеадыгские *ɟ*, *к*, *кI* в речи бабугойцев восстанавливают процесс аффрикатизации заднеязычных согласных в адыгских языках от начала до конца. Заднеязычные *ɟ*, *к*, *кI* не могли непосредственно перейти в переднеязычные мягкие шипящие аффрикаты. Как и в ряде других языков (например, в некоторых дагестанских), в адыгских диалектах и говорах заднеязычные *ɟ*, *к*, *кI* изменились в палатализованные *ɟʋ*, *кʋ*, *кIʋ*, а затем последние непосредственно перешли в переднеязычные мягкие шипящие аффрикаты *дж*, *ч*, *чI*. Разные диалекты демонстрируют разное состояние процесса перехода общеадыгских *ɟ*, *к*, *кI* > *ɟʋ*, *кʋ*, *кIʋ* > *дж*, *ч*, *чI*. Начальное состояние – свободное чередование *ɟ*, *к*, *кI*/*ɟʋ*, *кʋ*, *кIʋ* продолжает бабугойский говор. Завершение процесса перехода *ɟ*, *к*, *кI* > *ɟʋ*, *кʋ*, *кIʋ* характерно для бесленеевского и шапсугского диалектов [в шапсугском диалекте отсутствуют новые аффрикаты *дж*, *ч*, *чI* (< *ɟʋ*, *кʋ*, *кIʋ*)].

¹⁶³ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры, 1969, с. 20.

Свободное чередование *гъ, къ, кІъ/дж, ч, чІ* отмечается в кабардино-черкесских диалектах и кабардино-черкесском литературном языке. Завершение процесса перехода *гъ, къ, кІъ > дж, ч, чІ* имеет место в бжедугском, абадзехском и темиргоевском диалектах.

Аффрикатизация палатализованных *гъ, къ, кІъ* в кабардинском языке вступила в действие значительно позже, чем в адыгейском языке. В словаре Ш. Ногмова, а также в других его произведениях вместо новых мягких шипящих аффрикат везде представлены заднеязычные согласные (Ш.Б. Ногмов обозначает их знаками *г, к, к̣*). Ср. у Ш.Б. Ногмова: *еген* 'звать', *гегу* 'игра', *ке* 'селезенка', *ка* 'хвост', *капса* 'веревка'. По мнению Г.Ф. Турчанинова, эти заднеязычные согласные в годы жизни Ш. Ногмова были палатализованными¹⁶⁴, однако обращает на себя внимание следующее. Для обозначения лабиализованных заднеязычных *гу, ку, кІу* Ш.Б. Ногмовым используются те же знаки *г, к, к̣* с добавлением к ним знаков *у, о* (например: *гу* 'сердце', *гохин* 'отрубить', *куу* 'глубокий', *код* 'много', *кон* - 'идти'). Не подлежит сомнению, что лабиализованные заднеязычные при Ш.Б. Ногмове не были палатализованными, как и в современном кабардинском языке. На этом основании скорее всего можно предположить, что у Ш.Б. Ногмова простые заднеязычные взрывные по своим артикуляционным свойствам отличаются от лабиализованных заднеязычных взрывных лишь лабиализованной артикуляцией.

В таблице согласных Л.Г. Лопатинского, составившего краткую кабардинскую грамматику и русско-кабардинский словарь с кабардинским указателем в конце XIX в.¹⁶⁵ (примерно через полстолетия после завершения работы над "Черкесскими преданиями" и "Начальными правилами кабардинской грамматики" Ш.Б. Ногмова), из новых мягких шипящих аффрикат представлена лишь одна звонкая шипящая аффриката *дж*. Однако и эта единственная шипящая аффриката в словаре Л.Г. Лопатинского встречается лишь в одном исконном адыгском корне *джэгу* в значении 'девичник' и производном от этого корня слове *гъэджэгун* в значении 'гарцевать'. Корень *джэгу* с основным этимологическим значением 'игра, играть' в словаре представлен с заднеязычным смычным согласным. Ср. *гегу, гегун* 'играть'¹⁶⁶. Шипящая аффриката *дж* отмечается также в заимствованном слове *маджусий* 'идолопоклонник'. Во всех остальных случаях современной вторичной звонкой мягкой шипящей аффри-

¹⁶⁴ Турчанинов Г.Ф. О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половины XIX столетия. - Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. 2. М.-Л., 1949.

¹⁶⁵ См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XII. Тифлис, 1891.

¹⁶⁶ Интересно отметить, что основные осведомители Л.Г. Лопатинского при исследовании кабардинского языка были уроженцами того самого аула Кармово, где также жил Ш.Б. Ногмов.

кате в словаре Л.Г. Лопатинского соответствует заднеязычный смычный согласный. Шипящие аффрикаты *ч, чI* вовсе отсутствуют у Л.Г. Лопатинского. Ср. у Л.Г. Лопатинского: *гиде* 'топор', *гане* 'рубашка', *гате* 'сабля', *кеу* 'плетень', *кенж* 'неглубокий, мелкий', *блэк* 'проходящий', *кепхин* 'фартук'.

Таким образом, в работах двух основных дореволюционных исследователей кабардинского языка отмечаются заднеязычные смычные вместо вторичных шипящих аффрикат. Отсюда, однако, нельзя делать вывод, что еще в конце прошлого столетия (в период создания работ Л.Г. Лопатинского) аффрикатизация заднеязычных взрывных была совершенно чужда кабардинскому языку. Фонетические различия между диалектами и говорами не могли быть полностью отражены в работах Ш.Б. Ногмова и Л.Г. Лопатинского. Вместе с тем широкое распространение аффрикатизации заднеязычных взрывных во всех современных кабардинских диалектах и говорах, за исключением бесленеевского диалекта (который не мог лечь в основу указанных работ), свидетельствует о сравнительно быстром и интенсивном развитии данного звукового процесса в кабардинском языке. Многие звуковые процессы в адыгских диалектах и говорах происходят крайне неравномерно и реализуются очень интенсивно в течение сравнительно небольшого промежутка времени. Такие звуковые процессы, как аффрикатизация заднеязычных взрывных и спирантизация общеадыгских шипящих аффрикат, обусловившие значительные фонетические расхождения между адыгскими языками, в разных диалектах и говорах имели место в разное время. Как отмечалось выше, аффрикатизация заднеязычных взрывных в одних диалектах завершена, а в других — еще действует. Имеются также диалекты, в которых аффрикатизация заднеязычных взрывных не вступила в действие или не получила особого распространения. В диалектах и говорах, где аффрикатизация заднеязычных взрывных доведена до конца, возникла новая система шипящих аффрикат и упростилась система заднеязычных согласных. Если аффрикатизация заднеязычных смычных произошла в тех диалектах, в которых остались первичные шипящие аффрикаты (как в бжедугском и темиргоевском диалектах), то здесь осложнилась система шипящих аффрикат. Система шипящих аффрикат этих диалектов отличается от системы шипящих аффрикат тех диалектов (например, абадзехского и кубанского), в которых также закончена аффрикатизация заднеязычных смычных, но утратились старые шипящие аффрикаты. В диалектах и говорах, где аффрикатизация заднеязычных смычных действует ныне, но уже закончилась спирантизация старых шипящих аффрикат (например, в некоторых кабардинских диалектах и говорах), как система заднеязычных смычных, так и система шипящих аффрикат коренным образом отличаются от систем заднеязычных взрывных и шипящих аффрикат других диалектов, сохранивших первичные шипящие аффрикаты. Особенности проявляют в этом отношении также те адыгские диалекты, в которых аффрикатизация заднеязычных не получила распространения,

но сохранились первичные шипящие аффрикаты (таковы анатолийские бесленеевские говоры, шапсугский диалект).

Наконец, следует отметить, что при всей неравномерности действия и распространения аффрикатизации заднеязычных в адыгских диалектах и говорах конечный результат этого звукового процесса везде одинаков: заднеязычные согласные в конечном итоге дают только мягкие шипящие аффрикаты. Этой особенностью отличается аффрикатизация заднеязычных от спирантизации старых шипящих аффрикат, дающей не во всех диалектах одинаковые рефлексy.

Общеадыгские *гу*, *ку*, *кIу*. Общеадыгский *гу* сохраняется во многих основах. Подавляющее большинство этих основ содержит корневой элемент *гум* 'сердце'. Ср. адыг., каб. *гуапэ* 'добро', адыг., каб. *гумгэз* 'надежда', адыг. *гуау*, каб. *гуауэ* 'горе', 'печаль', адыг., каб. *гумн* 'рушить', адыг., каб. *джэгуин* 'играть', адыг., каб. *нэгу* (< *нэгуи*) 'лицо'.

Общеадыгский *гу* в обстоятельном аффиксе - *гуэ* (в наречиях, деепричастиях, обстоятельных формах имени) изменился в сонант *й*. Ср. адыг., каб. *кIуэуэ* (< *кIуэгуэ*) 'идя', адыг., каб. *дахэу* (< *дахэгуэ*) 'красиво', адыг., каб. *дэггуэуэ* (< *дэггуэгуэ*) 'прекрасно', адыг., каб. *йинэу* (< *йинэгуэ*) 'дом' (обст. форма), адыг., каб. *йанэу* (< *йанэгуэ*) 'седло' (обст. форма).

Общеадыгский *гу* в деепричастной форме сохранился в абадзехском диалекте. Ср. абадз. *кк'ауэгуэзэ*, *кк'ауэ-гуэрэ* ' (он) стреляя сюда'. Общеадыгский *гу* в разбираемом аффиксе сохраняется (в деепричастных, наречных и именных формах) в материалах Гильденштедта, Ш.Б. Ногмова, Л.Г. Лопатинского, К.Атажукина и др. Ср. у Ш.Б. Ногмова: *псинчIэгуэ* 'легко', *гуапэгуэ* 'любезно', *бегунжгуэ* 'вбок, кривой', *батэгуэ* 'в изобилии (очень сильно)', *шиблэгуэ* 'молнией'; у К. Атажукина: *к'аIажэгуэ* 'бегая сюда', (деепричастие), *пшаггуэгуэ* 'как туман', *к'аIалэбзугуэ* 'птицей', *хьурейгуэ* 'кругом', *йинэжэгуэ* 'как старый дом', *мафIэгуэ* 'огнем'¹⁶⁷. Заметим, что у Ш.Б. Ногмова в рассматриваемых формах заднеязычный *гу* нередко чередуется с сонантом *й*, что свидетельствует уже об имевшей в языке Ш.Б. Ногмова тенденции перехода *гу* > *й*. Ср. у Ш.Б. Ногмова: *к'аIитхьэу* 'проникая', *к'аIалэу* 'как город', *ахуэдэу* (*аходо*) 'подобно этому'¹⁶⁸. Ср. также переход *гу* > *й* в абадзехском диалекте: темирг. *ш'агу* абадз. *ш'ау* 'двор'.

Заднеязычный лабиализованный *гу* реконструируется для западнокавказского языкового уровня на основании соответствий: адыг. *гу*, каб. *гу*, убых. *гъ*, абх. *гу*, абаз. *гу*. Ср. адыг., каб. *гум*, убых. *гъи*, абх., абаз. *гу(и)* 'сердце', адыг. *гумбжи*-, каб. *гумбжъи*-, убых. *гъибжъи*-, абх. *гумбжуа*- 'разгневаться', адыг., каб. *гумгэз*-, убых. *гъагъа*-, абх. *гумгъэ*-, абаз. *гумгъа*- 'надеяться'. В убых-

¹⁶⁷ Турчанинов Г.Ф. О кабардинской грамматике Ш.Б. Ногмова. - Ногма Ш.Б. Филологические труды, т. II. Нальчик, 1959, с. 40.

¹⁶⁸ Ногма Ш.Б. Указ. соч., т. I.

ском языке *гъ* является результатом делабиализации (*гу* > *г*), а затем палатализации простого *г* (*гу* > *г* > *гъ*). Как показывает материал, западнокавказский *гу* лексически ограничен: он встречается в корне *гум* 'сердце'. Исключение могут составить единичные случаи типа адыг., каб. *гум*- 'толочь, рушить', убых. *гум*- 'толочь, бить', (ср. убых. *гум* 'мелкий, маленький'), адыг., каб. *дэггу*, убых., абх., абаз. *дагу* 'глухой', где в убыхском, как в других западнокавказских языках, заднеязычный *гу* остается устойчивым, т.е. не подвергается ни лабиализации, ни палатализации. Следует, однако, согласиться с Ж. Дюмезилем, что в убыхском (возможно, в абхазском и в абазинском) последнее слово относится к адыгизмам¹⁶⁹. Однако разбираемое слово могло проникнуть в другие западнокавказские языки из общеадыгского языка, т.е. оно относится к древним адыгизмам. Ср. также мегр. *dagwa* 'глухой'¹⁷⁰.

Заднеязычный *гу* представлен также в некоторых адыгско-убыхских морфемах. Ср., например, адыг. *гуэрэ*, каб. *гуэр*, убых. *гуара* 'кто-то, что-то' и др. Следует, однако, заметить, что и многие слова с согласным *гу*, включаемые исследователями в исконно убыхский лексический фонд, в действительности являются адыгскими заимствованиями в убыхском языке. К ним относятся: убых. *гучакъIа* 'слово', *гумцаф* 'подозрение', *гумбгъа* 'поле', *гуауа* 'печальный, неприятный', *гумшхъабжэ* 'отрыжка', *гуакъIа*- 'волноваться, беспокоиться' и др. Последние включают корневой элемент *гу(и)*, восходящий к слову *гум* 'сердце'. Адыгское происхождение этих слов доказывается не тем, что их фонетические варианты представлены в адыгских языках (ср. адыг. *гумшъиI* 'слово', *гумцаф* 'подозрение', *гумбгъу* 'поле', *гуау* 'неприятный', 'тяжелый', *гумIэн* 'беспокоиться', *гумшхъабж* 'изжога'), а отсутствием закономерного соответствия между адыг. *гум* и убых. *гъи* 'сердце'. Иными словами, исконно убыхские слова должны были содержать не *гу(и)*, а его убыхский фонетический вариант *гъ(и)* 'сердце'. На этом основании допустимо отнесение каб. *гумхъу*, адыг. *гумрхъум*, убых. *гъихъи* 'ступа' к адыгско-убыхским параллелям. В противном случае (т.е. если считать убых. *гъихъи* заимствованным из адыгских языков) остается непонятным, почему убыхская форма включает начальный *гъ* вместо *гу*, представленного в убыхских адыгизмах. Общеадыгский *ку*, как и *гу*, в корневых морфемах встречается в начальной позиции. Ср. адыг., каб. *куэ* 'бедро', *куй* 'глубокий', адыг. *куицIи*, каб. *куицI* 'мозг', адыг., каб. *куидэн* 'наполнить', адыг. *нэкуи* 'глазное яблоко', каб. *нэку* 'середина глаз', адыг., каб. *нэкуиль* 'вид колбасы'.

Реконструкция заднеязычного лабиализованного *ку* для адыгско-убыхского языкового уровня наталкивается на

¹⁶⁹ Dumézil G. La langue des Oubukhs. Paris, 1931, с. 201.

¹⁷⁰ Чарая П. Об отношении абхазского языка к яфетическим. - В кн.: Материалы по яфетическому языкознанию, т. IV. СПб, 1912, с. 23.

трудности, не говоря уже обоболее глубоком хронологическом уровне – эпохе западнокавказского языкового единства. Слова *куи* 'телега, арба', *куип(и)* 'группа', *куаци* 'пшеница' и др., хотя нередко рассматриваются в специальной литературе как исконные убыхские слова, проникли в этот язык из адыгских языков (диалектов). Подобный материал не может служить базой для реконструкции адыгско-убыхского *ку*. Что касается слов типа убых. *куиркуир* 'индейка', адыг. *кѳиркуир* 'возглас, которым подзывают индейку', убых. *куакуа* – 'сужаться', 'морщиться', каб. (чІэ) *куэкуэн* 'дрожать', то они скорее всего относятся к лексике символического значения, т.е. этимологически слова этого типа не могут быть безупречными для реконструкции фонетического архетипа. Остаются единичные примеры типа убых. *куа*–, адыг., каб. *куи*– 'осмелиться, решиться', на которых основывается реконструкция согласного *ку* для адыгско-убыхского языкового уровня. Ср. адыг. *йэ-сэ-куи*, каб. *йи-зо-ку*, убых. *а-с-куа-н* 'я осмеливаюсь, решаюсь'.

Общеадыгский *кІу* представлен в немногочисленных корневых элементах. Ср. адыг., каб. *кІуэн* 'идти', адыг., каб. *кІуэдин* 'пропасть', адыг., каб. *кІуэцІ* 'внутри, внутренность', адыг., каб. *такІуэ* 'жеребец', адыг. *нэ-кІуи*, каб. *нэкІу* 'лицо', адыг. *чІакІуэ*, каб. *шІакІуэ* 'бурка', адыг. *цІикІуи*, каб. *цІикІу* 'маленький', адыг. *тІэкІуи*, каб. *тІэкІу* 'немного', адыг., каб. *тІкІуи*, адыг. *гъэнишкІуи*, каб. *гъэнишкІуи* 'жевать'. Общеадыгский *кІу* не всегда отличается устойчивостью. В ряде диалектов отмечается переход общеадыгского *кІу* > *Іу*. Ср., например, абадз., каб. *нэкІу* > *нэІу* 'лицо'.

Заднеязычный лабиализованный абруптив *кІу* в неначальной позиции может быть реконструирован для западнокавказского языкового уровня на основании некоторых корней. Ср. адыг. *тІэкІуи* > каб. *тІэкІу*, убых. *тІакІу*, *тІакІуи*, абх., абаз. *тІакІу* 'немного, мало', адыг. *цІикІуи*, каб. *цІикІу*, абх., абаз. *цІкІуи* 'маленький'.

Сближение общеадыгского *кІу* с убыхским *кІь* в адыг., каб. (геср. общеадыг.) *кІуэ*–, убых. *кІьа*– 'идти' не лишено оснований, если учесть тенденцию делабиализации заднеязычных (с последующей лабиализацией простых заднеязычных) в убыхском языке. Ср. убых. *гъи* < *гъ* < *гъи* 'сердце'. Сближение общеадыгского *кІу* с убыхским *кІь* поддерживается и другими примерами. Ср. адыг., каб. *такІуэ*, убых. *шуакІьа* 'жеребец'. Вообще тенденция к делабиализации *кІу* не чужда также адыгским языкам. Ср. шапс., абадз., куб., мезд., к.-зеленч. *тІэкІу* > *тІэкІ* 'мало, немного', абадз., куб. *цІикІу* > *цІикІ* 'мало' и др.

Как видно, в убыхском языке общеадыгскому *кІу* соответствует в одних случаях *кІу*, а в других – *кІь*. Однако наряду с адыгско-убыхским *кІу* в убыхском представлены собственно убыхский *кІу* и заимствованный *кІу* (в составе адыгских слов). Ср., с одной стороны, убыхский *кІу* в словах *кІуи* 'ручка', *кІуи*– 'убить', *кІуаба*– 'мыть', *кІуани* 'завтра', с другой – заимствованный в составе адыгского

слова *кIу* в основе *кIуахъ* - 'гулять, прогуливаться'. Хотя основа *кIуахъ* - 'гулять, прогуливаться' обычно включает-ся специалистами в убыхский лексический фонд, ее адыгское происхождение легко доказывается наличием в убыхском языке формы *кIба* - 'идти' вместо адыг., каб. *кIуэ* - 'идти', представленной в основе *кIуахъ* - 'гулять, прогуливаться'. Ср. адыг. *кIуахъ* - 'гулять, прогуливаться'.

Общеадыгские *къ*, *кьу* в бжедуг., каб. *кьэ* 'кладбище', каб. (диал.) *макъ*, бжедуг. *макъэ* 'голос', бжедуг., каб. *кьуэ* 'свинья', бжедуг., *кьуайэ*, каб. *кьуэй* 'сыр', бжедуг., *кьуижэ*, каб. *кьуижэ* 'груша' и др. В подобных случаях общеадыгские придыхательные *къ*, *кьу* изменились в преруптивы *ккъ*, *ккьу* в темиргоевском и абадзехском диалектах: темирг., абадз. *ккьэ* 'кладбище', *маккьэ* 'голос', 'звук', *ккьуэ* 'свинья', *ккьуайэ* 'сыр'. В шапсугском диалекте на уровне вариантов отмечаются также не-напряженные спиранты *хъ*, *хьу* вместо *къ*, *кьу*: шапс. *хъэ* 'кладбище', *махъ* 'а' 'голос', 'звук', *хьу* 'ижэ' 'груша', *хьуэ* 'свинья' и др.¹⁷¹

Мы полагаем, что в общеадыгском языке фарингальные придыхательные *къ*, *кьу* по происхождению не могли быть омогенными. К придыхательным мы возводим также фарингальные в адыг. *ккьэ* -, каб. *кьIэ* - преверб направления, а также в словах, как адыг. *ккьабзэ*, каб. *кьIабзэ* 'чис-тый', адыг. *ккьуэ*, каб. *кьIуэ* 'сын', адыг. *лъаккьуэ*, каб. *лъакьIуэ* 'нога', адыг. *бжъаккьуэ*, каб. *бжъакьIуэ* 'рог' и т.д. Иными словами, к придыхательным возводятся кабардинские абруптивы *кьI*, *кьIу* и их адыгейские коррес-понденции - преруптивы *ккъ*, *ккьу*. В других западнокав-казских языках общеадыгские фарингальные придыхательные имеют различные соответствия. Ср. убых. *кьа* 'могила', *кьуа* 'сын', убых. *хьуа*, абх., абаз. *хьуа* 'свинья', убых. *хьба*, абх., абаз. *хьа* 'груша' и др.

Общеадыгские *кьI*, *кьIу*. Общеадыгские фарингальные абруптивы в адыгских языках, за исключением хакуинского говора, изменились в ларингальные абруп-тивы (см. с. 146-149). Ср. адыг., каб. *Iэ* < **кьIэ* 'рука', *Iгъэ* < **кьIгъэ* - 'держать', адыг., каб. *Iуи* < **кьIуи* 'рот', *Iуихи* < **кьIуихи* - 'убрать'. Абруптивы *кьI*, *кьIу*, как и придыхательные *къ*, *кьу*, реконструируются для адыг-ско-убыхского уровня (см. с. 147-148).

¹⁷¹ Керашева З.И. Указ. соч., с. 38.

Спиранты

Общеадыгские *з*, *с*. Общеадыгский звонкий дентальный спирант *з* сохранился во всех адыгских диалектах и говорах. Ср. адыг., каб. *зи* 'один', *зи*- 'цедить', *заӡэ* 'война', адыг. *за(н)чӡэ*, каб. *заншӡэ* 'прямой', адыг. *зафэ*, каб. *захуэ* 'ровный, правый', адыг. *зэзи*, каб. *зэз* 'желчь', 'желчный пузырь', адыг., каб. (*гъ*)-*зэ*- 'повернуться, поворачиваться'. Общеадыгский *з* сохраняется в продуктивных глагольных префиксах возвратности (адыг. *зи-тхъачӡи*-, каб. *зи-тхъэшӡи*- 'умываться, умываться'), взаимности (адыг., каб. *зэде-джэ*- 'учиться вместе'), в именном префиксе союзности (адыг. *зэ-шитӡу*, каб. *зэ-шитӡ* 'родные братья').

Звонкий спирант *з* может быть возведен к эпохе западнокавказского языкового единства. Ср. адыг., каб. *зи*, убых. *за*, абаз. *за-джуи*, *за-ки* 'один', абх., абаз. *з-ни* 'однажды', адыг., каб. *зи*-, убых. *за*-, абх. *-за*-, абаз. *-дза*- 'цедить, процеживать', адыг. *зэзи*, каб. *зэз*, убых. *заза*, абх., абаз. *аз* 'желчь', адыг., каб. *мазэ*, убых. *мидза*, абх. *а-мза*, абаз. *мзи* 'луна', адыг., каб. *бзэ*, убых. *бза* 'язык, речь', абх. *а-бэ*, абаз. *бзи* 'язык' (анат.), ср. убых. *бжъа* 'язык' (анат.). Ср. также адыгско-абхазско-абазинский префикс относительности: адыг. *зи-шти-рэ-р*, каб. *зи-шти-р*, абх. *и-з-фо*, абаз. *йи-з-фаӡа* 'тот, который ест (кушает)', адыг. *зэ-ӡэ-рэ-р*, каб. *зэ-ӡэ-р*, абх., абаз. *д-зи-сӡа* 'тот, которого он бьет', адыгско-убыхский префикс возвратности *зэ*-, *за*- и др.

Спирант *з* характерен также для некоторых адыгско-убыхских корней. Ср. адыг., каб. *бзи*- 'резать, кроить', убых. *бзи*- 'резать на куски'. Ср. также адыг., каб., убых. *з*, абх., абаз. *с*: адыг., каб. *бзи*, убых. *-бза*, абх., абаз. *нс* 'самка'.

Общеадыгский глухой дентальный спирант *с* также представлен во всех адыгских языках и диалектах. Ср. адыг., каб. *сэ* 'я', адыг. *сид*, каб. *сит* 'что', адыг., каб. *-си*- 'сидеть', адыг., каб. *нсэ* 'душа', адыг., каб. *пси* 'вода', *сиси*- 'качаться, шататься', *нэси*- 'дойти, прибыть (туда)', адыг., каб. *пасэ* 'ранний', адыг., каб. *чӡасэ* 'поздний', адыг. *лӡэси*, каб. *лӡэс* 'пеший, пешеход'.

В адыгейском языке отмечается переход общеадыгского *с* > *ш* в единичных словах. Ср. адыг. (бжедуг., шапс.) *шӡид* < *сид* 'что', адыг. *шӡэжӡий* < *сэжӡий* 'нож'.

Некоторые из вышеприведенных основ, включающих глухой спирант *с*, входят в общий лексический фонд западнокавказских языков. Это дает основание постулировать спирант *с* для эпохи западнокавказского языкового единства. Ср. адыг., каб. *сэ*, убых. *си-гъуа*, абх., абаз. *са*, *сара* 'я', адыг., каб. *нсэ*, убых. *пса*, абх., абаз. *пси* 'душа' и др.; ср. также спирант *с* в адыгско-убыхских корнях: адыг., каб., убых. *-си*- 'сидеть', адыг., каб. *-сэ*-, убых. *-си*- 'сеять'. Общеадыгский спирант *с* дает и другие соответствия в других западнокавказских языках. Ср. адыг., каб.

пси, убых. бзи, абх., абаз. дзи 'вода, река', адyg. *ўэси*, каб. *ўэс*, абх. абаз. си, убых., *жуа-дзи* 'снег', адyg. *тигъуас*, каб. *дигъуасэ*, абх., абаз. *йа-ци* 'вчера' и др.

Общеадыгские ж, жь. Общеадыгский спира́нт ж реконструируется на основании регулярных соответствий между адыгскими языками и их диалектами. Общеадыгское состояние продолжают абадзехский, бжедугский, темиргоевский и бесленеевский диалекты. Ср. абадз., бжедуг., темирг., бесл. жэ 'рот', абадз., бжедуг., темирг. *Іажэ*, бесл. *Іэжэ* 'сани', абадз., бжедуг. темирг. *лэуиж* (и) 'след', *жацІэ* 'борода', *жантІ* (э) 'место у очага' (почетное место). Общеадыгский спира́нт ж встречается также в кубано-зеленчукских говорах. Ср. в речи абазактцев: жэ 'рот', *ўиж* 'след', *губжи* - 'сердиться'; в речи жителей Псоуче-Дахе: *жэжэлээдэ* - 'подбежать', *йаўижирэй* 'последний' ¹⁷².

Общеадыгский спира́нт ж дает разные рефлексы в разных диалектах. В шапсугском диалекте спира́нт ж совпал с мягким спира́нтом жь. Ср. шапс. жэ 'рот', *гуибжэ* 'гнев', *жвачІэ* 'борода', шапс. (жакуч.) *зэўижэ* 'все', *ашь квинэуи-жым* 'затем' ¹⁷³.

Переход общеадыг. ж > жь осуществлен также в анатолийском говоре Зеннун. Ср. в этом говоре *йиўижжкІэ* 'затем, после', *гуибжэ* 'гнев' ¹⁷⁴.

В малкинском говоре общеадыгскому ж соответствуют мягкий спира́нт жь и реже мягкий свистящий спира́нт зь. Ср. малк. жэ, зэ 'рот', *жвачІэ*, *звачІэ* 'борода', *Іэжэ*, *Іэзэ* 'сани', *жвантІэ*, *звантІэ* 'почетное место (в помещении)' *бэжижэ*, *бэжижэ* 'осень' ¹⁷⁵.

С малкинским говором сближается моздокский говор. Ср. мезд. зэ 'рот', *кэуизэ* 'затем' ¹⁷⁶.

В диалектах и говорах Большой и Малой Кабарды (за исключением малкинского говора) общеадыгскому ж соответствует свистяще-шипящий спира́нт жь. Ср. бакс., леск., малокаб. жэ 'рот', *Іэжэ* 'сани', *лэуижэ* 'след', *жвачІэ* 'борода', *гуибжэ* 'гнев', *жвантІэ* 'почетное место (в помещении)'.

Итак, спира́нт ж для общеадыгского реконструируется на основании регулярных соответствий: абадз., бжедуг., темирг., бесл. ж, шапс., малк. жь, бакс., куб., малокаб., леск. жь, мезд., малк. зь. Абадзехский, бжедугский, темиргоевский и бесленеевский диалекты продолжают общеадыгское состояние, сохраняя твердый шипящий спира́нт ж. Последний в шапсугском диалекте и малкинском говоре сов-

¹⁷² Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968, с. 15-28.

¹⁷³ Керашева Э.И. Указ. соч., с. 29.

¹⁷⁴ Paris C. Système phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler besney de Zennun Kôyü. Paris, 1974.

¹⁷⁵ Шаги́ров А.К. Малки́нский говор, с. 292.

¹⁷⁶ Куашева Т.Х. Указ. соч., с. 127.

падает с мягким спирантом *жъ*, а в большинстве кабардинских диалектов и говоров — с шипяще-свистящим спирантом *жь*. Что касается мягкого свистящего спиранта *зъ*, то он, по-видимому, не является непосредственным рефлексом общеадыгского спиранта *ж*. В речи моздокцев и малкинцев мягкий свистящий спирант *зъ* отвечает не только общеадыгскому *ж*, но и общеадыгским спирантам *жъ* и *жь*. Ср. мозд. *мазъэ* 'гребень' (общеадыг. *мажъэ*), *зъи* 'ветер' (общеадыг. *жьи*), *Лизъ* 'старик' (общеадыг. *Лижъи*), малк. *бзъэ* 'пчела' (общеадыг. *бжъэ*), *йзъээн* 'выехать' (общеадыг. *йэжъээн*).

В современных адыгских диалектах старый спирант *ж*, восходящий к общеадыгскому консонантизму, удерживается в общей группе общеадыгских корней. Чаще всего старый спирант *ж* сохраняется в сочетании с губным смычным *б*. Ср. абадз., бжедуг., темирг. *бжиз* 'пядь', *бжиб* 'горсть', *бжими* 'кулак', *бжамэ* 'мочка', *бжидзэ* 'блоха', *фабж* 'сильный'. Особняком стоит шапс. *бджихъэ* 'зима' (бжедуг., темирг., абадз. *бжыхъэ* 'осень'). Принимая во внимание вторичность аффрикаты *дж* в положении после лабиального *б* в ряде других случаев (ср. адыг. *нибджэгъу* 'друг, товарищ', говор Зеннун *бджихъэшъхъэ* 'вечер' и др.) допустима аффрикатизация спиранта в *бджихъэ* 'зима'.

Большинство адыгских диалектов и говоров сохраняют старый спирант *жъ*, продолжая общеадыгское состояние. К ним относятся все диалекты адыгейского языка, бесленеевский диалект, малкинский говор. Ср. адыг., бесл., малк. *жьи* 'воздух, ветер', *бжъэ* 'пчела', *мажъэ* 'гребень', *йэжъээн* 'отправиться', *лэжъээн* 'работать'. С указанным лингвистическим ареалом сближаются отдельные кубано-зеленчукские говоры. Ср., например, в говоре жителей Эрсакона *жьибгъэ* 'ветер', *йэжъээн* 'отравиться', *нишэджихъэ* 'утро' 177.

В моздокском говоре и в речи части носителей малкинского говора отмечается переход общеадыгского *жъ* > *зъ*. Ср. мозд., малк. *зъи* 'ветер, воздух', *созъэ* 'выежаю', *мазъэ* 'гребень'.

В других кабардинских говорах и диалектах рассматриваемый общеадыгский спирант *жъ* дает шипяще-свистящий спирант *жь*. Ср. бакс., куб., малокаб. *жьи* 'воздух, ветер', *бжъэ* 'пчела', *мажъэ* 'гребень', *йэжъээн* 'отправиться', *лэжъээн* 'работать'.

Наряду с общеадыгским спирантом *жъ*, изменившимся в кабардинских диалектах и говорах в спиранты *жъ*, *зъ*, для эпохи адыгского языкового единства характерен спирант *жъ*, уцелевший во всех диалектах и говорах адыгских языков. Речь идет о спиранте *жъ* в общеадыгской морфеме возвратности -*жьи*. Ср. адыг. *кIуэжьын* 'возвратиться, идти обратно', *хъижьын* 'нести обратно', *джыжьын* 'зашить, заламывать (сшить вновь)'. В кабардинском языке спирант *жъ* в морфеме возвратности изменился в полумягкий *ж*: каб.

177 Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка, с. 31-32.

кIуэжин 'возвращаться, идти обратно', хьэжин 'нести обратно'.

Есть известные основания полагать, что спирант жь в суффиксе возвратности восходит к сонанту й. В пользу такого объяснения говорят данные внутренней и внешней реконструкции. Ср. переход й > жь в адыгских языках: адыг. дэжь > дэй – послелог в значении 'к', 'у', каб. (диал.) абыхьмий < абиймий – союз 'и'; убыхский суффикс возвратности – йэ: уикIба-ий-н 'ты возвращаешься, ты идешь обратно', ср. уи-кIба-н 'ты идешь'¹⁷⁸. Отсюда соответствие общеадыгского жь убыхскому й может быть возведено к исконному й. Что касается перехода й > жь в послелог дэжь, то он относится к более поздней эпохе. К позднейшим диалектным инновациям, возникшим уже на кабардинской почве, следует отнести жь в союзном слове абыхьмий 'и'.

Общеадыгские ж, жь имеют в других западнокавказских языках соответствия, которые трудно привести к одному знаменателю. Ср. адыг. (общеадыг.) бжидзэ, убых. жуа(н)-кIба 'блоха', адыг. (общеадыг.) бжыны, убых. жуэмлы, абх., абаз. джьымшы 'лук', адыг. (общеадыг.) жьы-, убых. жьа- 'расчесывать', адыг. (общеадыг.) бжыхъэ 'осень' (в кач.ч. – 'зима'), убых. бжьа 'зима' и др.

Общеадыгские ш, шь. Общеадыгский спирант ш восстанавливается на основании материала адыгейского языка и бесленеевского диалекта. Адыгейские диалекты, за исключением шапсугского диалекта, а также бесленеевские говоры сохраняют твердый шипящий спирант ш, восходящий к эпохе общеадыгского языкового единства. Ср. абадз., бжедуг., темирг., бесл. шэ 'сало', абадз., бжедуг., темирг. Iуиш, бесл. Iуиш, кач.ч. кэIуиш 'умный, смышленный', абадз., бжедуг., темирг. пхъэIаш, бесл. пхъэIэшэ 'плуг'.

Общеадыгский спирант ш встречается также в ряде кубано-зеленчукских говоров. Ср. в абазактском говоре штэн 'брат', Iэшэ 'оружие', машэ 'яма', в речи жителей Псоуче-Дахе даншэ 'сколько' и др.¹⁷⁹

В шапсугском диалекте общеадыгский твердый спирант ш отражается как мягкий спирант шь. Ср. шапс. пхъэIэшъэ 'плуг', шыггуйпшьэн 'забыть'.

В кабардинских диалектах и говорах общеадыгский шипящий спирант ш отражается в виде шипяще-свистящего спиранта шь. Ср. бакс., куб., малокабард., леск. шъэ 'сало', Iуиш 'умный, смышленный', пхъэIэшъэ 'плуг', штэн 'брат', Iэшъэ 'оружие'.

Характерно, что в анатолийском говоре Зеннун наряду с переходом общеадыгского ш > шь отмечается соответствие общеадыгскому ш шипяще-свистящего спиранта шь. Ср. Iуиш 'умный', но шъэ 'сало'¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Москва-Нальчик, 1964, с. 198.

¹⁷⁹ Багов П.М. Указ. соч.

¹⁸⁰ Paris C. Système phonologique et phénomènes...

Более консервативной зоной с точки зрения сохранности старого спиранта *ш* является абадзехский диалект. В этом диалекте старый спирант *ш* в ряде случаев представлен вместо *шъ* в других адыгейских и кабардинских диалектах. Ср. абадз. *куишэ* 'люлька', *шэфи* 'тайна', *шигъуэн* 'быть в трауре', *нэфшагъу* 'рассвет', *ишгуэш гъэхъуи* 'заставить поверить'. Подобные явления свидетельствуют о том, что процесс перехода *ш* > *шъ*, имевший место и в адыгейском языке, действовал менее интенсивно в абадзехском диалекте.

Анализ материала показывает, что в общеадыгском спирант *ш* имеет разное происхождение. Об этом свидетельствуют данные внутренней и внешней реконструкции. Наряду с общеадыгским *ш*, дающим каб. *шъ* (адыг. *шэ* > каб. *шъэ* 'сало', адыг. *Гуиши* > каб. *Гуишъ* 'умный'), в праязыке допустимо предположить наличие *ш* иного происхождения. Последний сохраняется в адыгейском языке (в основном в консонантных группах), а в кабардинском переходит в полумягкий спирант *ш'*. Ср. адыг. *шхи*-, каб. *шхи*- 'есть, кушать', адыг. *пшахъуэ*, каб. *пш'ахъуэ* 'песок'.

Во многих старых заимствованиях адыгейскому *ш* в кабардинском языке соответствует *шъ*. Как и в собственно адыгских словах, в старых заимствованиях кабардинский шипяще-свистящий спирант *шъ* является новообразованием; например, адыг. *алашэ* 'мерин', каб. *алашъэ* 'конь', адыг. *шэн*, каб. *шъэн* 'нрав, характер', адыг. *шэмбэт*, каб. *шъэ-бэт* 'суббота'. Некоторые из этих старых заимствований могут быть возведены к эпохе общеадыгского языкового единства.

Общеадыгский *ш* имеет разные соответствия в других западнокавказских языках. Ср. адыг. *шэ*, каб. *шъэ*, абх., абаз. *шша* 'жир, сало', адыг. *шхъуэ*, каб. *шъхъуэ*, абх. *шхъам*, абаз. *шхъым* 'яд, отравка', убых. *шхъуа* 'трава', адыг. *шн*-, каб. *шън*-, абх., абаз. *шуа*- 'мерить', адыг. (абадз.) *шигъуэ*-, каб. *шъигъуэ*- 'быть в трауре', абх. *шуи* 'траур', адыг. *шхэ*-, убых. *фн*-, абх., абаз. *ча*- 'есть, кушать' (ср., однако, абх. абаз. *фа*- 'есть что-то').

Остается неясным соответствие между шапс., бжедуг., темирг., абадз. *ш*, каб. *шъ*, убых. *шъу*, абх., абаз. *шу* в шапс. *чакгуэ*, бжедуг., темирг., абадз. *шакгуэ*, каб. *шъакгуэ*, убых. *шъуакгуэ* 'охотник', 'охота', абх., абаз. *шуа*- в абх. *шуараца*- абаз. *шуарац*- 'охотиться', 'охота'. Было бы несколько преждевременным признать аффрикатное происхождение спирантов *ш*, *шъ*, *шъу*, *шу*, хотя шапсугский диалект среди других адыгских диалектов чаще всего удерживает общеадыгскую аффрикату *ч*.

Общеадыгский мягкий шипящий спирант *шъ* отражается по-разному в адыгских языках и диалектах. Общеадыгское состояние продолжают адыгейский язык, бесленевский диалект, малкинский говор и некоторые кубано-зеленчукские говоры. Ср. адыг., бесл., малк. *шъи* 'три', *шъэ*- 'продавать', *шъити*- 'стоять', *пшъи* 'князь', *гуашъэ* 'княгиня', адыг., *уэшъи*, бесл., малк. *уэшъ* 'колун, топор' *шъиси*-

'сидеть', *шъиГэ* - 'быть где-то', в говоре Псоуче-Дахе *шъити* - 'стоять', *шъэшь* 'ночь'¹⁸¹.

В малкинском (в речи одной группы говорящих) и моздокском говорах общеадыгский шипящий спирант *шъ* отражается также в виде свистящего спиранта *съ*. Ср. малк. *съи* 'три', *уэсь* 'колун', мозд. *йэсванэ* 'третий', *съиГэ* - 'быть где-то'¹⁸².

За исключением бесленеевского диалекта, малкинского, моздокского и отдельных кубано-зеленчукских говоров, в кабардинском языке общеадыгский мягкий шипящий спирант *шъ* дает шипяще-свистящий спирант *шъ*. Ср. каб. *шъи* 'три', *шъэ* - 'продавать', *шъити* - 'стоять', *шъиси* - 'сидеть', *шъи* 'князь', *гуашъэ* 'княгиня', *уэшь* 'колун', 'топор'.

В малкинском и моздокском говорах мягкий свистящий спирант *съ* не возводится непосредственно к общеадыгскому *шъ*, а является рефлексом шипяще-свистящего спиранта *шъ*. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в этих двух говорах в виде свистящего спиранта *съ* отражается не только общеадыгский спирант *шъ*, но и общеадыгский шипяще-свистящий спирант *шъ*. Ср. малк. *съхъэ* (< общеадыг. *шъхъэ*) 'голова', *мисъэ* (< общеадыг. *мишъэ* 'медведь'). Кроме того, переход *шъ* > *съ* характерен также для других кабардинских говоров, что подтверждает вторичность свистящего *съ* в малкинском и моздокском говорах. Ср., например, переход *шъ* > *съ* в лескенском говоре: *кIуасъ* (< *кIуашъ*) 'он пошел', *йитхасъ* (< *йитхашъ*) 'он написал'. Ср., однако, адыг. *шъид* < каб. *сит* 'что', адыг. *шъэжый* < *сэ-жый* 'нож'.

Большинство адыгских диалектов и говоров объединяются общей тенденцией - переходом общеадыгского *шъ* > *шъ*. Однако процесс перехода *шъ* > *шъ* в адыгских языках и диалектах действовал и продолжает действовать с разной степенью интенсивности. Характерно, что полярные зоны обнаруживаются не между адыгейскими и кабардинскими диалектами, а между диалектами и говорами кабардинского языка. Бесленеевский диалект (в особенности анатолийский говор Зеннун) и малкинский говор оказались наиболее архаичными не только по сравнению с другими кабардинскими диалектами и говорами - баксанским, кубанским, малокабардинским и др., где завершён переход общеадыгского *шъ* > *шъ*, но также по сравнению с адыгейскими диалектами, сохраняющими во многих лексемах общеадыгский спирант *шъ*. Бесленеевский диалект и малкинский говор во многих лексемах удерживают общеадыгский спирант *шъ*, утраченный другими адыгейскими диалектами. Ср. бесл. *пшъашъэ* 'девушка', *пшъэ* 'шея', *йэуишъыйэ* - 'наставлять'.

Адыгейский (общеадыгский) шипящий спирант *шъ* чаще всего соответствует уبخскому шипяще-свистящему спиранту *шъ*. Ср. адыг. *шъи*, убых. *шъа* 'три', адыг. *шъэ*-, убых.

¹⁸¹ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры...

¹⁸² Шагиров А.К. Малкинский говор, с. 292; Куашева Т.Х. Указ. соч., с. 127.

шта- 'продавать', адыг. *пшы-*, убых. *пшва-* 'пукнуть' и др.

Общеадыгские шипяще-свистящие спиранты представлены в небольшом числе корневых элементов.

Спирант *жъ* восходит к общеадыгскому состоянию в адыг., каб. *жъи* 'старый', адыг. *жъажъ*, каб. *жъажъэ* 'медлительный, неэнергичный', адыг. *жъгъэйи*, каб. *жъигъэй* 'мелкий', адыг. *жъэжъый*, каб. *жъэжъэй* 'почка, почки', адыг., каб. *жъэ-* 'жариться, печься', адыг. *къуижъи*, каб. *къуижъ* 'груша', адыг. *пижъи* 'еж', каб. *пижъ* 'терн'.

Функциональная нагрузка спиранта *жъ* повышается продуктивностью общеадыгского корня *жъи* 'старый', выступающего в качестве одного из компонентов многих сложных образований, восходящих к эпохе, предшествовавшей распаду общеадыгского языка. Ср., например, общеадыгские сложные слова: адыг. *лгъижъи*, каб. *лгъижъ* 'старик' (букв. 'старый мужчина'), адыг. *тигъуижъи*, каб. *дигъуижъ* 'волк' и др.

Спирант *жъ* входит также в состав общеадыгского именного суффикса уменьшительности *жъий* (адыг.), *жъэй* (каб.): адыг. *пцэжъый*, каб. *бдзэжъей* 'рыба' (букв. 'маленькая рыба', ср. адыг. *пцэ* 'рыба'), адыг. *чэтжъый*, каб. *джэд-жъей* 'цыпленок'.

Общеадыгскому *жъ* в убыхском отвечают *жъ*, *жу*: убых. *жъажъ* 'почка', *жуи* 'старый', *жуа-* 'печь'. Ср. также абх., абаз. *жу* (и) 'старый', *дэ-* 'жарить, жариться'.

Общеадыгский спирант *шъ* представлен в адыг., каб. *шъэ* 'сто', *шъхъэ* 'голова', адыг. *шъхъали*, каб. *шъхъэл* 'мельница', адыг., каб. *шъабэ* 'мягкий', *шъинэ* 'ягненок', *шъэ-* 'ткать', *шъэшъэ* 'крошиться', *дишъэ* 'золото', *мишъэ* 'медведь'. Некоторые сложные слова, включающие часть указанных корневых элементов, образованы в общеадыгском языке. К ним относятся, например, адыг. *ккъуишъхъэ* 'гора', адыг. *лъашъхъэ*, каб. *лъашъхъэ* 'подъем (часть ноги)', адыг. *шъхъашъэ*, каб. *шъхъэшъэ* 'поклон', адыг. *шъхъант*, каб. *шъхъэнтэ* 'подушка' и др.

Общеадыгский спирант *шъ* в ряде случаев имеет надежные соответствия в других западнокавказских языках. Ср. адыг., каб. *шъэ*, убых. *шуа*, абх., абаз. *шу-* 'сто', адыг., каб. *шъхъэ*, убых. *ша* 'голова', адыг., каб. *шъхъэ*, убых. *ша* 'голова', адыг., каб. *шъэ-*, бзыб. *шъ-*, абж., абаз. *с-* 'ткать'. Ср. также адыг., каб. *шъинэ*, бзыб. *шъишъ*, абж., абаз. *сис* 'ягненок'.

Общеадыгский спирант *шI* встречается в единичных корневых элементах. Ср. адыг., каб. *шIм-* 'делать', *шIэ-* 'пройти (о времени)'. Последний корневой элемент выделяется также в общеадыгском производном слове *гъашIэ* 'жизнь'¹⁸³. Приведенные корневые элементы, включающие общеадыгский абруптив *шI*, входят в общий корнеслов западнокавказских языков. Ср. убых. *цIа-*, абх., абаз. *цI-*

¹⁸³ Ломтатидзе К. В. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. - Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, т. IV, 1953, с. 96.

'пройти (о времени)', абх., абаз. (ашх.) *кѳІа-цІа-* 'делать'.

Общеадыгский шипяще-свистящий абруптив *шІ* не отличается особой устойчивостью. В бесленеевском диалекте отмечается переход общеадыгского *шІ* > *шѳ*. Ср. *шѳэ-* 'делать', *гѳашѳэ* 'жизнь'¹⁸⁴. Б.Х. Балкаров указывает также на употребление мягкой аффрикаты *чІ* вместо общеадыгского абруптива *шІ* в речи младшего поколения: *чІи-* 'делать', *пѳѳа чІэ* 'плотник', *ѳа чІэ* 'шорник'¹⁸⁵. Как отмечает Б.Х. Балкаров употребление *шѳ* вместо *шІ* "ограничено не только в плане лексическом, но возрастном: в речи старшего поколения он сохраняется в ограниченном количестве слов, в то время как речь младшего поколения утратила его; в речи среднего поколения отмечается параллельное использование и аффрикат и подгортанного спiranта" (шипяще-свистящего спiranта *шѳ*. - М.К.)¹⁸⁶. Последние наблюдения над речью бесленеевцев показывают несколько иное соотношение общеадыгского *шІ* и его рефлексов. В частности, *шІ* дает не только шипяще-свистящий спiranт *шѳ*, но и шипяще-свистящую аффрикату *ѳІ* (см. с. 116).

Общеадыгский абруптив *шІ* в корневом элементе *пІшІи*, составляющем первую часть количественных числительных, также изменяется в шипяще-свистящий спiranт *шѳ* в кабардинских диалектах, в том числе диалекте, легшем в основу литературного языка. Ср. адыг. *пІшІи кІуиэ* > каб. лит. *пшѳи кІуиэ* 'одиннадцать', адыг. *пІшІи кІуи тІуи* > каб. лит. *пшѳи кІуи тІ* 'двадцать', адыг. *пІшІи кІуи шѳи* > каб. лит. *пшѳи кІуи шѳ* 'тринадцать', адыг. *пІшІи кІуи пІліи* > каб. лит. *пшѳи кІуи пІлі* 'четырнадцать'.

Характерно, что спiranт *шІ* в общеадыгском числительном *пІшІи* 'десять' не находит (как и корневой элемент в целом) соответствия в других западнокавказских языках. Ср. убых. *жуи*, абх., абаз. *жуа-* 'десять'. Есть основания полагать, что спiranт *шІ* в числительном *пІшІи* 'десять', хотя и относится к эпохе общеадыгского единства, имеет аффрикатное происхождение. На это указывает числительное *тІоуІи* 'двадцать' в адыгейском языке (каб. *тІоуІи*), вторая часть которого (*-чІи*) неотделима от *пІшІи* 'десять'.

Общеадыгские *жѳу*, *шѳу*, *шІу*. Лабиализованные шипяще-свистящие *жѳу*, *шѳу*, *шІу* в корневых морфемах характеризуются минимальной функциональной нагрузкой. Спiranты *жѳу*, *шѳу*, *шІу* в неконечной позиции реконструируются для общеадыгского языка на основании регулярных соответствий между адыгскими языками. Общеадыгское состояние продолжает адыгейский язык, а в кабардинском последовательно отмечается переход лабиализованных *жѳу*, *шѳу*, *шІу* > *в*, *ѳ*, *ѳІ*.

Общеадыгский звонкий спiranт *жѳу* включают адыг. *жѳиэ-* > каб. *вэ-* 'пахать', адыг. *жѳуэ-* > каб. *вэ-* 'ва-

¹⁸⁴ Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев, с. 35.

¹⁸⁵ Там же, с. 35.

¹⁸⁶ Там же, с. 35-36.

риться', адыг. *жъуагъуэ* > каб. *вагъуэ* 'звезда', адыг. *мижъуэ* > каб. *мивэ* 'камень', адыг. *гъижъуэ* > каб. *гъивэ* - 'опаздывать, задерживаться', адыг. *гъицэжъуэ* > каб. *гъицэвэ* - 'беспокоиться, спешить'. Рассматриваемое звуко-ответствие допускает некоторые исключения; ср., например, адыг. *гъижъуачI*, каб. *гъиѣачIэ* 'пазуха'. Ср. соответствия в общем корнеслове западнокавказских языков: убых. *жъуа* - 'пахать', убых. *жъуа*-, абх., абаз., *жу*-, бзыб. *жъу* - 'варить, вариться'.

Таким образом, кабардинский звонкий лабиальный спирант в соответствии с тремя общеадыгскими согласными - *цу*, *дзу*, *жъу*, представленным в адыгейских диалектах (см. с. 171-172).

Общеадыгский глухой спирант *шъу* в кабардинском дает глухой лабиальный спирант *ф*. Ср. адыг. *шъуэ* > каб. *фэ* 'кожа', адыг. *шъуэ* > каб. *фэ* > 'вы', адыг. *шъуэу* > каб. *фэу* 'мед', адыг. *шъуиэи* > каб. *фиэ* 'женщина', адыг. *шъуи* - > каб. *фи* - 'гнить', адыг. *шъуийи* - > каб. *фийи* - 'свистеть', адыг. *нэшъуи* > каб. *нэф* 'слепой', адыг. *лэшъуи* > каб. *лэф* - 'тащить, волочить', адыг. *йэ-шъуэ* > *йэ-фэ* - 'пить'.

Переход *шъу* > *ф* относится к регулярным фонетическим соответствиям, не знающим исключения: во всех случаях адыгейский (resp. общеадыгский) лабиализованный спирант изменяется в спирант *ф* в кабардинском. Исходное лабиализованное *шъу* возводится к эпохе общеадыгского единства. Вместе с тем глухой лабиальный спирант *ф* в адыгских языках характеризуется гетерогенностью своего происхождения.

Наряду с лабиальным спирантом *ф*, восходящим к общеадыгскому *шъу*, в адыгских языках представлен лабиальный спирант *ф* иного происхождения. Речь идет об адыгейском *ф*, идущем от кабардинского (общеадыгского) лабиализованного заднеязычного *ху* (о чем см. ниже).

В адыгских языках имеется также спирант *ф* иноязычного происхождения. Последний представлен не только в новых заимствованиях, но и в старых заимствованиях типа адыг., каб. *федэ* 'выгода, польза', *фэтэр* 'квартира'. Последние проникли в адыгские языки после завершения перехода адыг. *шъу* > каб. *ф*, каб. *ху* > адыг. *ф*.

Итак, спирант *ф*, хотя и восходит к разным источникам и разным хронологическим периодам, является новообразованием в адыгских языках. Этот спирант возник в период отдельного существования адыгских языков и их диалектов, т.е. хронологически он не может быть отнесен к эпохе общеадыгского языкового единства.

В убыхском языке общеадыгскому *шъу* чаще всего отвечает *шъу*: убых. *шъуи*-*гъуа* 'вы', *шъуани* 'мед', *шъуийи* - 'свистеть', *шъуимцIа* 'женщина'; ср. также абх. *шуа*-*ра*, *шуа* 'вы', *шу* - 'нагноиться', убых., абх. *цуа*, абаз. *чуа* 'кожа'.

Как и другие случаи изменения общеадыгских лабиализованных согласных (*жъу*, *шъу*, *дзу*, *цу*) в лабиальные спиранты, переход *шIу* > *фI* не является позиционно обусловленным. Ср. адыг. *шIуи* > каб. *фIи* 'хороший', адыг. *шIуицIэ* > каб. *фIицIэ* 'черный', адыг. *шIуэйи* > каб. *фIэй*,

адыг. *шIуанэ* > каб. *фIанэ* 'тяпка', адыг. *машIуэ* > каб. *мафIэ* 'огонь', адыг. *IашIуи* > каб. *IэфI* 'сладкий'. Ср., однако, адыг. *шIу*, каб. *шI* в адыг. *шIуи*, каб. *тхъэмшIи-гъу* 'печень, печенка'. Сближение адыг. *шIу* в этом слове с абх., убых. *цIу*, абаз. *чIу* оправдано в абх. *гуа-цIуа*, убых. *цIуа*, абаз. *чIуа* 'печень, печенка'. Ср. также адыг. *шIу*, абх. *цIу*, абаз. *чIу* в адыг. *шIуицIэ*, абх. *айкуацIа*, абаз. *куайцIуа*, убых. *джъа* 'черный'¹⁸⁷.

Общеадыгские *џ*, *х*. Средняяязычный звонкий спиринт *џ* в общеадыгском встречается в неконечной позиции в небольшой группе слов. Общеадыгский спиринт *џ* представлен в адыг., каб. *џэ* 'testiculus', адыг. *џи*, каб. *џи* 'порох', адыг. *џирзи*-, каб. *џизи*- 'стонать', адыг., каб. *бџи* 'спина', 'талия', 'пояс', адыг., каб. *бџэ*- 'проклинать', адыг. *бџибзэ*, каб. *џибзэ* 'проклятие', адыг. *бџанэ* 'сноп', каб. *бџанэ* 'перевясло', адыг., каб. *бџинэ*- 'покидать, оставлять', адыг., каб. *лџаџэ* 'высокий', адыг. каб. *паџэ* 'гордый, надменный'.

Высказано мнение о вторичности *џ* в адыгских языках. Г.В. Рогава считает, что фонема *џ*, как и фонемы *х*, *ху*, возникла "путем спирализации звуков более заднего образования"¹⁸⁸. Б.Х. Балкаров полагает, что архетипом для адыгского спиринта *џ* является взрывной *г*. По мнению Б.Х. Балкарова, спиринт *џ* развился из взрывного *г* "в результате ослабления смычки"¹⁸⁹.

Анализ материала показывает, что задняяязычный спиринт *џ* относится к адыгским новообразованиям западнокавказского консонантизма. Ж. Дюмезиль и Г. Фохт согласный *џ* включают в таблицу фонем убыхского языка. Однако есть основания полагать, что согласный *џ* проник в убыхский язык в составе адыгских заимствований. Ср. убых. *адџа* 'адыг черкас', *паџа* 'гордый' и др.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что средняяязычный спиринт *џ*, хотя и образован на адыгской почве, относится к общеадыгскому консонантизму. Однако нет достаточных аргументов, подтверждающих реконструкцию взрывного *г* как архетипа для *џ*. Во всяком случае, исходность фарингального *гъ* (*гъь*) для *џ* очевидна в таких сопоставлениях, как абх., абаз. *бгъа* 'спина, поясница', убых. *бгъа* 'возвышенность, крыша', адыг., каб. *бџи* 'спина', 'поясница', 'возвышенность', 'гора', абх., абаз. *гъиз*-, убых. *гъиз*-, адыг. *џирзи*-, каб. *џизи*- 'стонать', абх. *бгъа*-, адыг., каб. *бџэ*- 'проклинать'. Спиринт *џ* может иметь и другое происхождение. Ср., например, в адыгейском языке *џ* в заимствованном слове *фџаџи* 'керосин'.

¹⁸⁷ Балкаров Б.Х. История некоторых согласных и гласных адыгских языков. Нальчик, 1967, с. 111.

¹⁸⁸ Рогава Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках. - Вопросы исторической фонетики и фонологии горских иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Тбилиси, 1967, с. 9.

¹⁸⁹ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 243.

Среднеязычный спирант ξ характеризуется неустойчивостью в адыгских диалектах и говорах. В черкесских говорах (Абазакт, Псоуче-Дахе) спирант ξ последовательно изменяется в палатализованный g' . Ср. *бгъи* 'талия', *гъизи* 'стонать', *жигъ* 'дерево', *дзагъэ* 'ребро'¹⁹⁰.

Показательны данные анатолийского говора Зеннун, где спиранту ξ отвечает переднеязычный y . Ср. в этом говоре: *адийэ* 'адыг', *джий* 'дерево', *бэйи* - 'распухать, опухать', *дзайэ* 'ребро', *зэбийрикъи* - 'разойтись'¹⁹¹.

Есть основания полагать, что переход $\xi > g'$ в черкесских говорах является начальной ступенью перехода среднеязычного спиранта в переднеязычный y . Иными словами, спирант ξ сначала подвергся палатализации, а затем изменился в переднеязычный y . Ср. $\xi > g' > y$ (*бгъи* > *бгъи* *бийи* 'талия', *адигъэ* > *адигъэ* > *адийэ* 'адыг', *бзгъи* > *бзгъи* > *бэйи* 'распухать', 'опухать').

Между адыгскими языками и диалектами отмечается чередование $\xi : ж$, $\xi : жъ$. Ср. адыг. *цагъэ*, каб. лит. *дзажэ* 'ребро', адыг. *жычгъи*, каб. лит. *жышгъи* 'стирать', каб. *бгъикъу*, *бжикъгъу* 'балка'.

В словах типа каб. *дзажэ* 'ребро', *бжикъгъу* 'балка' спирант ξ , очевидно, восходит непосредственно к среднеязычному сонанту y : *дзагъэ* > *дзагъэ* > *дзайэ* > *дзажэ* 'ребро' (в адыгейском *цагъэ*, в Адыге-Хабле *дзагъэ*, в Абзакте и Псоуче-Дахе *дзагъэ*, в говоре Зеннун *дзайэ*, в кабардинском литературном *дзажэ* 'ребро'). В пользу такого объяснения происхождения ξ в разбираемых словах говорит переход $y > ж$ в других случаях. Ср. каб. *абжгъи* (< *абийми*) сочинительный союз 'и' в разговорной речи, *деж* < *дэй* послелог 'у', 'возле, рядом', *жгъи* < *йгъи* (собств. имя)¹⁹². Существует другое объяснение звукосоответствия $\xi : ж$. Оно принадлежит Б.Х. Балкарову, согласно которому спирант ξ в данном случае имеет аффрикатное происхождение¹⁹³.

Реконструируемый для общеадыгского состояния в неконечной позиции среднеязычный спирант ξ представлен во многих корнях и основах. Ср. адыг., каб. *жгъи* 'шесть', *жгъи* - 'жать', 'косить', *жгъи* 'кто', *жгъи* 'совет', адыг. *жгъи*, каб. *жгъи* 'огород', адыг., каб. *жгъи* 'обычай', 'традиция', *жгъи* 'жеребец', *жгъи* 'красивый', адыг. *жгъи*, каб. *жгъи* 'пах', адыг., каб. *жгъи* 'слабый', *жгъи* - 'спускаться', *жгъи* - 'вынимать', 'вытащить', *жгъи* 'зад', *жгъи* - 'связать', *жгъи* 'вязанка' (адыг.), 'сноп' (каб.), *жгъи* 'позвоночник', *жгъи* - 'писать', *жгъи* 'книга'. Общеадыгский спирант ξ входит в состав продуктивных обще-

¹⁹⁰ Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры. - В кн.: Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969, с. 29.

¹⁹¹ Paris C. Textes besney.

¹⁹² Рогова Г.В. К составу основы кабардинского глагола *жгъи* 'говорить'.

¹⁹³ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 243.

адыгских аффиксов, в частности, локального преевба хэ- и суффикса множественного числа -хэ. Ср. адыг., каб. хэти- 'стоять внутри', хэдэи- 'выбросить', уинэхэ-р 'дома' (им. п. мн. ч.), адыг. цИифхэ-р, каб. цИихухэ-р 'люди' (им. п. мн. ч.).

В диалектах имеет широкое распространение переход общеадыгского среднеезычного спиранта х в ларингальный спирант. Переход х > һ характерен для кабардинских диалектов и говоров. Ср. бесл., бакс., куб. уинэхэр (< уинэхэр) 'дома', цИихухэр (< цИихухэр) 'люди', лИиһэр (< лИихэр) 'мужчины', миһэр (< михэр) 'эти'. Переход х > һ, как и некоторые другие фонетические изменения (например, переход кьI > I), морфологически обусловлен: среднеезычный спирант х дает ларингал һ лишь в морфеме множественного числа, обладающей высокой частотностью употребления.

Переход х > һ - кабардинское новообразование. Общеадыгское состояние продолжают адыгейский язык и часть кабардинских говоров. Ср. адыг. уинэхэр 'дома', цИифхэр 'люди', лИихэр 'мужчины', михэр 'эти'.

В лингвистической литературе существуют разные мнения о соотношении х и һ в морфеме множественного числа. Мнение о первичности х подтверждается, однако, не только данными внутренней реконструкции (ср. ниже переход ху > һу), но и тем, что переход х > һ в различных языках относится к наиболее типичным фреквенталиям в области фонетических изменений¹⁹⁴.

Общеадыгский спирант х находит ряд параллелей в убыхском, абхазском и абазинском языках. Ср. адыг., каб. хи, убых., фи, абх. ф-, абаз. ц- 'шесть', адыг., каб. шх-, убых. фи-, абх., абаз. фа- 'есть', адыг., каб. (пи)хи-, абаз. (агIи)хэ- 'пилить', 'распилить', адыг., каб. хи-, убых. шхи-, абх., абаз. хэ- 'жать (урожай)', адыг. их, цIах, убых. хва 'низ', 'нижний', адыг., каб. хэт, убых. шы 'кто', адыг., каб. итэ, убых. пшва 'задняя часть', адыг., каб. мэхэ- 'падать в обморок', убых. маши 'упавший в обморок' и др.

В убыхском языке представлены основы, включающие спирант х. Ср. убых. тхи 'плечо, спина', тхи- 'писать', ха 'жила, сухожилие' и др. Если последние не относятся к адыгизмам, то спирант х может быть отнесен к адыгско-убыхскому состоянию. Но дальше адыгско-убыхского хронологического уровня спирант х не идет.

Общеадыгский ху. Общеадыгский среднеезычный лабиализованный спирант ху изменился в глухой лабиальный спирант ф. Общеадыгское состояние продолжает кабардинский язык. Ср. каб. хуэ > адыг. фэ 'жила', 'сухожилие', каб. хуи > 'просо' > фи (ср. фигу 'пшено'), каб. хуи- > адыг. фи- 'гнать', каб. хуабэ > адыг. фабэ 'теплый', каб. хуижэ > адыг. фикжи 'белый', каб. махуэ > адыг. мафэ 'день', каб. нахуэ > адыг. нафэ 'ясный'. Общеадыгский спирант ху включает глагольные префиксы вер-

¹⁹⁴ Серебренников Б.А. Указ. соч., с. 94-95.

сии и возможности действия. Ср. каб. *хуэкIуэ* - > адыг. *фэкIуэ* - 'идти для него', каб. *хуэтхэ* - > адыг. *фэтхэ* - 'писать для него', каб. *хуэшIи* - > адыг. *фэшIи* - 'уметь делать', каб. *хуэхьи* - > адыг. *фэхьи* - 'уметь нести'. Согласный *ху* сохраняется в адыгейском языке в положении после шипящего спиранта *ш*. Ср., например, адыг., каб. *йишишхуэ* 'большой', *шхуэ* 'уздечка', *шхуэл* 'вымя', *шхуижр* 'таз'. Ср., однако, в шапсугском диалекте *фуэ* 'вместо бжедуг. *шккуэ*, темирг. абадз., каб. *шхуэ* 'большой', *дэ-хэфуэ* 'вместо бжедуг. *дэхэшккуэ*, темирг., абадз. *дэхэшху*, каб. *дэхэшхуэ* 'очень красивый', *фэуэ*, *хуэч*, *шхуэч* вместо бжедуг. *шккуэч*, *шккуэнч*, темирг., абадз. *шхуэнч* 'ружье'¹⁹⁵. Как видно, в указанной позиции среднеязычному спиранту *ху* в бжедугском диалекте отвечает заднеязычный лабиализованный преруптив *кку*. Вторичность последнего доказывалась не только материалом шапсугского диалекта, но и устойчивостью общеадыгских согласных в положении после *ш* (ср. адыг. *шкIэ* > каб. *шкIээ* > *шчIэ* 'теленос', темирг., абадз., каб. *йишишхуэ* 'большой').

В кабардинском языке представлен согласный *ху*, отличающийся по происхождению от общеадыгского *ху*. Ср., например, *шхуи* 'простокваша', где *ху* - кабардинское новообразование: адыг. *шъхху* > каб. *шхуи* 'простокваша'. Согласный *ху* в слове *сэнджэху* 'подбойка', 'подшивка' восходит к *ф*. Ср. перс. *седжаф* 'кайма', 'кромка', араб. *sajf* 'занавес'.

Лабиализованный спирант *ху* относится к локальным новообразованиям западнокавказских языков. Спирант *ху* характерен только для адыгского ареала западнокавказских языков. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в ряде случаев среднеязычный спирант *ху* возник на адыгской почве в результате передвижения заднеязычного спиранта *хъу*. Ср., например, абх. *хъу*-, абаз. *хъу*-, каб. *тхуи* 'пять', убых. *хъуа* 'просо', абх. *ахъуидз* 'пшено', каб. *хуи* 'просо'. Общеадыгский лабиализованный спирант *ху* может быть сопоставлен также с шипящими и шипяще-свистящими спирантами в других западнокавказских языках. Ср. каб. *махуэ*, абх.-, абаз. *миш*, убых. *мишъуа* 'день', каб. *хуи*-, убых. *хуи*-, абх.-, абаз. *шш* - 'плести' и др.

В анатолийском (бесленевском) говоре Зеннун отмечается редкое для адыгейских языков явление - переход среднеязычного лабиализованного спиранта *ху* в ларингальный лабиализованный спирант *һу*. Ср., например, *һуи* (< *хуи*) 'гнать', *нэһу* (< *нэху*) 'свет', *һуи* (< *хуи*) 'просо', *ма-һуэ* (< *махуэ*) 'день', *һуэкIуа* - (< *хуэкIуа*) 'он' пошел для него', *шъхъаһуапсалъэ* (< *шъхъахуэпсалъэ*) 'разговаривающий сам с собой', *һуэдэ* (< *хуэдэ*) 'подобный', *йэцIи-һу* (< *йэцIиху*) 'он знает'¹⁹⁶.

В говоре Зеннун нелабиализованный среднеязычный спирант также переходит в ларингальный *һ*. В этом отношении фонетические изменения среднеязычных в говоре Зеннун бо-

¹⁹⁵ Керашева З.И. Указ. соч., с. 39.

¹⁹⁶ Paris C. Textes besney.

лее симметричны по сравнению с другими кабардинскими диалектами и говорами, где в ларингал изменяется лишь нелабиализованный спирант *x* (*уинэһэр* < *уинэһэр* 'дома'). Однако переход нелабиализованного среднеязычного спиранта *x* в ларингал в говоре Зеннун (как и в других кабардинских диалектах и говорах) имеет место лишь в морфеме числа, тогда как переход *xу* > *һу* не обусловлен не только морфологически, но и фонетически. Переход *xу* > *һу* в говоре отмечается даже в положении после шипящего спиранта, т.е. в той единственной фонетической позиции, где на переход каб. *xу* > адыг. *ф* накладываются ограничения. Ср. каб., адыг. (темирг., абадз.) *уинэшхуэ*, говор Зеннун *уинэшһуэ* 'большой дом'.

В редких случаях наблюдается переход *xу* > *x* в кабардинском языке. Так, соположение каб. *бдзэкъуиунтх*, адыг. *пцэкъэнтф* 'удочка' показывает, что в адыгейском языке губной *ф* восходит к общеадыгскому лабиализованному спиранту *xу*, подвергшемуся делабиализации в кабардинском языке.

Общеадыгские гв, хв. Общеадыгское состояние заднеязычного спиранта отражают: адыг., каб. *гвэ* 'год', адыг., каб. *гви* - 'плакать', адыг., каб. *гватхэ* 'весна', адыг., каб. *бгвэ* 'грудь', адыг., каб. *гуйгвэ* 'мечта', адыг. *тигвэ*, каб. *дигвэ* 'солнце'. Общеадыгский *гв* сохраняется также в ряде аффиксальных морфем: *гвэ*-общеадыгский префикс каузатива, -*гвэ* общеадыгский суффикс отвлеченного значения (адыг., каб. *ли-гвэ* 'мужество', адыг. *цлифи-гвэ*, каб. *цлихуи-гвэ* 'человечность', адыг., каб. *дэха-гвэ* 'красота').

Общеадыгский *гв* в суффиксе перфекта подвергается вокализации в кабардинском языке. Ср. адыг. (геср. общеадыг.) *тхигвэ* > каб. *тха* 'написанное', адыг. (геср. общеадыг.) *дигвэ* > каб. *да* 'сшитое'. Характерно, что в кабардинском языке общеадыгский *гв* в разбираемом перфектном суффиксе сохраняется в старых (общеадыгских) частных формах типа *лигвэ* 'пожар', *хвэжигвэ* 'мука', *тхи-гвэ* 'письменность', *квIэкIигвэ* 'растение'. В том же перфектном суффиксе общеадыгский *гв* удерживается иногда в кабардинской устно-поэтической речи, сохраняющей в ряде случаев общеадыгские и наддиалектные формы. Ср. *шътагвэ* вместо новообразования *шъта*: *Бийм йашIочIийэрий мэл шътагвэ хабзэти зэрехуэ* (из героической песни об Андемиркане) 'Кричит (Андемиркан) на врагов и гоняет их как испуганных овец'. Для кабардинского языка старая (общеадыгская) форма (с заднеязычным спирантом *гв*) типа *шъта-гвэ* - исключительно редкое явление.

Общеадыгский спирант *гв* имеет разные корреспонденции в других западнокавказских языках. В одних случаях общеадыгский *гв* не идет дальше адыгско-убыхского уровня, а в других - он восходит к эпохе западнокавказского языкового уровня. Ср. адыгско-убыхский *гв* в каузативном аффиксе *гвэ-*, *гва-*. В этом аффиксе адыгско-убыхскому спиранту *гв* соответствует сонорный *p* в абхазском и аба-

зинском языках 197. Соответствие адыг., каб., убых. *гъ* абх., абаз. *р* является следствием перехода *гъ* > *р*. Ср. также спирант *гъ* в адыгско-убыхских корнях: адыг. *тигъэ*, каб. *дигъэ*, убых. *ндигъэ* 'солнце', адыг., каб. *лъи-гъи-*, убых. *лъа-гъи-* 'быть надетым на ноги'.

Общеадыгский *гъ*, по-видимому, является продолжением западнокавказского *гъ* в адыг., каб. *гумгъэ*-, убых. *гъа-гъа-*, абх. *гумгъ-*, абаз. *гумгъа-* 'надеяться'. Если исключить возможность внутризавпаднокавказского заимствования этого слова, то имеются основания в данном случае приписать *гъ* консонантизму западнокавказского праязыка.

Общеадыгский глухой заднеязычный спирант *хъ* характерен для корневых морфем. Ср. общеадыгские корни: адыг., каб. *хъэ*- 'вязать', каб. *хъи*, адыг. *хъитиу* 'сеть', адыг., каб. *пхъэ* 'дерево', адыг., каб. *тхъи*- 'рвать', адыг., каб. *пхъи*- 'сеять', адыг. *лхъэ* (< *лхъхъэ*), каб. *лхъхъэ* 'пути', адыг. *шанхъ* (< *шанхъэ*), каб. *шанхъэ* 'мера', 'образец'. Общеадыгский *хъ* входит в суффиксальную морфему - *пхъэ*: ср. адыг., каб. *хъуипхъэ* 'молодец', 'тот, кто имеет хорошие задатки'.

В адыгейских диалектах отмечается чередование *хъ:ккъ*. Ср. бжедуг. *хъири*, темирг. *ккъири* 'персик', где исходным, по-видимому, является *ккъ*. Ср. переход *кхъ* > *хъу* в шапсугском диалекте: *кхъижи* > *хъуижи* 'груша'.

Заднеязычный спирант представлен в адыгско-убыхском корнеслове. Ср. адыг., каб. *хъэ*-, убых. *хъа-* 'вязать', адыг., каб. *пхъи*-, убых. *пхъа-* 'сеять', адыг. *зэИи-пхъи*-, каб. *зэфИэ-пхъи*-, убых. *ла-пхъи*- 'рвать', 'разорвать'. Ср. также абх., абаз. *хъа-* 'вязать', абх. *хъахъа-*, абаз. *хъихъа-* 'прясть', адыг., каб. *пхъэгуйи* 'алыча', убых. *пхъи* 'вид сливы', абх. *пхъа*, абаз. *хъуаса* 'слива' и др.

Общеадыгские *гъу*, *хъу*. Заднеязычные лабиализованные спиранты *гъу*, *хъу* реконструируются на общеадыгском уровне в неконечной позиции. Спирант *гъу* в современных адыгских языках сохранился в общеадыгских основах и аффиксальных морфемах. Ср. общеадыгские корни: адыг., каб. *гъуэ* 'нора', *гъуэ* 'рыжий', *гъуи*- 'согнуть', *гъуэги*- 'плакать', 'реветь', *гъуисэ* 'спутник', *гъуинэ* 'край', 'граница', *гъуэгу* 'дорога', адыг. *джэгъуэ*, каб. *жагъуэ* 'то, что неприятно', 'обидно', адыг., каб. *пси-гъуэ* 'тонкий', адыг. *цигъуэ*, каб. *дзигъуэ* 'мышь', *лхъ-гъуи*- 'видеть', адыг. *бэгъуэ*- 'уродиться (о богатом урожае)', каб. *бэгъуэ*- 'множиться', 'размножаться', адыг., каб. *лэгъуип* 'медный котел', *лэгъуинэ* 'комната молодых', *бгъуи* 'бок, край', *бгъуи* 'девять', *бгъуэ* 'широкий'. Общеадыгский *гъу* представлен в словообразовательном аффиксе -*гъу* (< *гъуи*). Ср. адыг., каб. *гъуинэгъу* 'сосед', адыг. *нибджэгъу*, каб. *нибжэгъу* 'товариш', адыг., каб., *нисэгъу* 'невестка', 'жена брата мужа'.

197 Ломтатидзе К.В. К звукоотношению *γ//r* в абхазско-адыгских языках. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. XXI, № 5, 1958.

В адыгских диалектах отмечается делабиализация общеадыгского *гъу*. Переход *гъу* > *гъ* особенно характерен для шапсугского диалекта. Ср. темирг. *набгъуэ* > шапс. *набгъэ* 'гнездо', темирг. *нибгъуи* > шапс. *нибгъэ* 'перепел', темирг. *блэбгъу* > шапс. *блэбгъ* 'лопатка', темирг. *шъуабгъуэ* > шапс. *шъуабгъэ* 'широкий', темирг. *гъуэгъумаф* > шапс. *гъэгъумаф* 'счастливый, добрый путь'¹⁹⁸, каб. лит. *дигъу* > мезд. *дигъ* 'вор', каб. лит. *дигъуижъ* > мезд. *дигъизъ* 'волк'¹⁹⁹, темирг. *гъуигъуэ* > бжедуг. *гъигъ* 'дым', темирг. *гъуэгъу* > бжедуг. *гъэгъу* 'дорога', темирг. *гъибгъуэ* > бжедуг. *гъибгъэ* 'поле'²⁰⁰.

Заднеязычный *гъу* представлен во многих адыгско-убыхских корнях, что дает основания для отнесения его к адыгско-убыхскому уровню. Ср. адыгско-убыхские корни: адыг., каб. *гъуэ* 'рыжий', убых. *гъуа* 'желтый', адыг., каб. *гъуэ* 'нора, берлога', убых. *гъуа* 'нора, дыра, отверстие, углубление', адыг., каб. *гъуигъуэ*, убых. *гъуа* 'дым', адыг. *чIэ-гъуэ-жъи-*, каб. *шIэй-гъуэ-жъи-*, убых. *гъуа-дж-* 'раздумать', адыг., каб. *гъуэ-ти*, убых. *гъуа-й-* 'находить'.

В ряде случаев наблюдается соответствие адыг., каб. (геср. общеадыг.) *гъу*: убых. *гъб*. Ср. адыг., каб. *гъуэ*, убых. *гъба* 'время', 'пора', адыг., каб. *бгъуэ*, убых. *бгъби* 'широкий', адыг., каб. *бгъуи*, убых. *бгъби* 'девять', адыг., каб. *гъуэгъу*, убых. *мигъба* 'дорога', адыг. *дэгъуи*, каб. *дэгъуэ* 'хороший, красивый', убых. *дагъба* 'новый, молодой, храбрый'. Исходным является лабиализованный член указанного противопоставления. Звуковой процесс лабиализация > делабиализация > палатализация характерен для заднеязычных согласных убыхского языка. Ср. убых. *гъу* > *гъ* > *гъб* (**гъуа* > *гъа* > *гъба* 'время'), *гъу* > *г* > *гъ* (**гъуи* > *ги* > *гъи* 'сердце'), *кIу* > *кI* > *кIб* (**кIуа-* > *кIа-* > *кIба-* > 'идти'). Ср., однако, адыг., каб. *гъуи-*, убых. *гъи-* 'сохнуть'.

Соответствие адыг., каб. *гъу* убых. *й* в адыг. *гъуи-чIби*, каб. *гъуишI*, убых. *йи-чIуа* 'железо' (ср. также адыг., каб. *гъуи-чIэ*, убых. *йи-кIби* 'кузнец'), может быть, объясняется тенденцией к сонантизации некоторых спирантов в западнокавказских языках. Ср. абаз. *гIуна*, абх. *шунн*, адыг., каб. *йинэ* 'дом', абаз. *згIуа*, адыг. *йи-зи*, каб. *йи-з* 'болезнь'. В противном случае пришлось бы отнести убых. *йи-чIуа* 'железо' к адыгским заимствованиям, что нам представляется менее вероятным. Но этот вопрос нуждается в более тщательном исследовании.

Заднеязычным звонким спирантам (*гъу*, *гъ*, *гъб*) в адыгско-убыхском ареале отвечают ларингальные звонкие спиранты в абхазском и абазинском языках. Ср. адыг., каб. *гъуэ*, убых. *гъуа*, абх. *тхъу-ра*, абаз. *гIуа-ра* 'нора, углубление', адыг., каб. *гъуэгъу*, убых. *мигъба*, абх. *мъуа*, абаз. *мгIуа* 'дорога', адыг., каб. *гъуи-*, убых. *гъи-*,

¹⁹⁸ Керашева З.И. Указ. соч., с. 48.

¹⁹⁹ Куашева Т.Х. Указ. соч., с. 130.

²⁰⁰ Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка, с. 117.

абх. *ш_уа-*, абаз. *г₁уа-* 'сохнуть', адyg., каб. *г₁у_гуэ*, убых. *г₂уа*, абх. *л₂уа*, абаз. *л₂г₁уа* 'дым', адyg., каб. *г₂уапл₂э*, абх. *б₂уа*, абаз. *г₁уа* 'медь' и др.

Общеадыгский *х₂у*. Общеадыгский *х₂у* представлен в корневых морфемах и производных основах. Ср. общеадыгские корни и основы: адyg., каб. *х₂уи* 'самец', *х₂уи-* 'стать', 'становиться', *х₂уэж₂и-* 'менять', адyg., каб. *л₂и₂х₂у* (< *л₂и₂х₂уи*) 'герой', 'мужественный', *би₂х₂у* (< *би₂х₂уи*) 'широкий', *п₂х₂уи* 'дочь', *т₂х₂уи* 'масло', *л₂и-х₂уэ-* 'искать'.

Лабializedанный спирант *х₂у* относится к числу устойчивых фонем общеадыгского консонантизма. Спирант *х₂у* сохранился в адыгских языках почти без изменения, если не считать его делябиализацию в ряде случаев в диалектах. Ср. каб. *м₂х₂л₂э*, *м₂л₂х₂э* (< адyg. *м₂х₂ул₂э*) 'зять', шапс. *п₂х₂и* (< *п₂х₂уи*) 'дочь'; *п₂х₂этэ-* (< *п₂х₂уэтэ-*) 'хватать', *уи₂п₂х₂и-* (< *уи₂п₂х₂уи-*) 'стричь', *г₁эп₂х₂аб* (< *г₁эх₂уа-бэ*) 'палец'²⁰¹, мазд. *би₂х₂* (< *би₂х₂у*) 'широкий', *х₂и₂п₂г₂* (< *х₂уи₂п₂г₂*) 'луг', *мэ₂х₂* (< *мэ₂х₂у*) 'становится', *к₂г₁и₂нт-х₂и₂рэй* (< *к₂г₁уи₂нтх₂уи₂рэй*) 'петрушка'²⁰².

Заднеязычный спирант *х₂у* представлен в адыгско-убыхском лексическом фонде. Ср. адyg. *т₂х₂уи₂рбэ*, каб. *т₂х₂уи-римбэ*, убых. *ш₂х₂уаби* 'пена', адyg., каб. *т₂х₂уэ* 'серый', убых. *т₂х₂уа* 'зола', адyg., каб. *л₂и-х₂уэ-*, убых. *х₂уа-ча-* 'искать'. Спирант *х₂у* в убыхском встречается также в адыгских заимствованиях. Ср. убых. *х₂уах₂* - 'менять', *х₂уи₂риш₂уа* 'коллап из кожи', *х₂уи* 'самец', *х₂уи₂п₂х₂а* 'пригодный', 'то, что надо' и др.

Спирант *х₂у* характерен также для отдельных морфем, относящихся к западнокавказскому корнеслову. Ср. адyg., каб., убых. *т₂х₂уи*, абх., абаз. *х₂уша* 'масло'. В то же время спирант *х₂у* в абхазский мог проникнуть в составе адыгских заимствований. Так, абх. *х₂уша* 'стадо', хотя и считается исконным абхазским словом, следует отнести к адыгским заимствованиям. В основе этого слова лежит общеадыгский корень *х₂уи-* 'пасти', 'разводить (скот, птицу)'. Ср. абх. абаз. *х₂у-* 'пасти'. То же самое следует сказать об убых. *х₂уи₂ча* 'стадо', относящемся к адыгизмам убыхского языка. Что касается абазинского языка, то спирант *х₂у* включает и поздние адыгские заимствования. Ср. абаз. *х₂уит* (< каб. *х₂уит*) 'свободный'.

Общеадыгский (реже - адыгско-убыхский) *х₂у* имеет ларингальные и фарингальные корреспонденции в абхазском и абазинском языках. Ср. адyg., каб. *х₂уи-*, абх., абаз. *х₂у-* 'пасть', адyg., каб. *х₂уэ-* 'тереть', абх., абаз. *х₂уа-* 'расчесывать', адyg. *х₂уи-н₂г₂э-*, каб. *х₂уи-н₂ш₂э-*, абх. (р) *х₂у-* 'грабить', адyg., каб. *п₂х₂уи*, убых. *п₂х₂а*, абх.; абаз. *п₂х₂а* 'дочь', адyg. *ш₂х₂уэ*, каб. *ш₂х₂уэ* 'отрава, яд', убых. *ш₂х₂уа* 'трава', абх. *ш₂х₂ам*, абаз. *ш₂х₂им* 'отрава, яд', адyg. *м₂х₂ул₂э*, убых. *м₂и₂х₂и*, абх. *м₂ах₂у*,

²⁰¹ Керашева З.И. Указ. соч., с. 47.

²⁰² Куашева Т.Х. Указ. соч., с. 130.

абаз. *мхуи* 'зять'. Ср. также адыг., каб. *хуи*-, абх., абаз. *хта*- 'стать', 'становиться'.

Общедигский *хь*. Общеадыгский глухой ларингальный спира́нт *хь* представлен только в корневых морфемах. Ср. общеадыгские корни: адыг., каб. *хьэ* 'ячмень', адыг., каб. *хьэ* 'собака', адыг., каб. *хьи*- 'нести', адыг. *хьадэ*, каб. *хьэдэ* 'покойник', адыг. *чIи́хьэ*, каб. *чIи́хь* 'длинный', адыг., каб. *йи́хьэ*- 'войти'. Ларингальный спира́нт *хь* вместе с дентальным взрывным *т* образует консонантную группу *тхь*, имевшую широкое распространение в общеадыгском языке. Ср. *тхь* в общеадыгских основах: адыг. *тхьалэ*-, каб. *тхьэлэ*- 'душить', адыг. *тхьа́кIу́м*, каб. *тхьэ́кIу́мэ* 'ухо', адыг. *гьуи́тхьа́нси*, каб. *гьуи́тхьэ́нси* 'моча', адыг. *тхьа́чIи́-*, каб. *тхьэ́чIи́-* 'мыть'. Есть основания считать, что *тхь* в указанных общеадыгских основах является вторичным, возникшим на адыгской почве. Это подтверждается не только данными сравнительной реконструкции (ср. звукосоответствие адыг., каб. *тхь* : убых. л: адыг. *тхьа́кIу́м*, каб. *тхьэ́кIу́мэ*, убых. *лакIу́ма* 'ухо', адыг. *тхьалэ*-, каб. *тхьэлэ*-, убых. *лали́-* 'душить', адыг. *гьуи́тхьа́нси*, каб. *гьуи́тхьэ́нси*, убых. *гьуала́бзи* 'моча'; ср. также: абх., абаз. *лимхьа* 'ухо').

Ср., также адыг. *тхьа́нш*, каб. *дапшэ́* 'сколько', где эпентетическое происхождение ларингала *хь* в адыгейском языке в той же позиции не вызывает сомнения.

Вторичный ларингал *хь* возникает также в других позициях. Так, в адыгейском языке в заимствованном слове *хьамбар* 'амбар' протетический ларингал *хь* развился в положении перед долгим гласным *а*, сопровождающимся в этой позиции ларингальным приступом.

Общеадыгский ларингальный спира́нт *хь* образован на адыгской почве. Не представляется возможным возвести его даже к адыгско-убыхскому хронологическому уровню, не говоря уже о западнокавказском уровне. В убыхском ларингальный *хь* функционирует как вторичный протетический звук в единичных словах типа *хьинда* 'сегодня', 'теперь'. Правда, в убыхском *хь* встречается в запретительной частице *хьай* 'нет'. Однако адыг. *хьа́у*, каб. *хьэ́уэ* 'нет' следует сопоставить с убых. *хьа́у*, *йа́хьа́у* 'нет'. Не исключена возможность, что форма *хьай* 'нет' в убыхский проникла из турецкого языка²⁰³.

Еще Н.С. Трубецкой сопоставил ларингал *хь* с сонантом *у́* в убыхском языке. Ср. адыг., каб. *хьи*- (-*хьэ*-), убых. -*йи*- 'нести', адыг., каб. *хьэ*, убых. *йа* 'собака', адыг. *чIи́-хьэ*, каб. *чIи́-хь*, убых. *йа* 'длинный'.

Общедигские *л*, *лʰ*, *лI*. Общеадыгский звонкий латеральный *л* сохранился в корневых и аффиксальных морфемах. Ср. корневые морфемы: адыг., каб. *ли* 'мясо', адыг. *лийэ*, каб. *лэй* 'лишний', адыг., каб. *лэгьуи́нэ* 'комната для молодых, для супругов', адыг., каб. *бли* 'семь', адыг., каб. *блэ* 'змея', адыг. *бли́нц*, каб. *бли́н* 'стена', адыг. *хьали́*, каб. *хьэлэ́* 'клин', адыг. *тхьалэ́-*,

²⁰³ Vogt Н. Op. cit., p. 129.

каб. *тхьэлэ* - 'душить', адыг. *шъхьали*, каб. *шъхьэл* 'мельница'; аффиксальные морфемы: адыг., каб. -лэ, адыг. -рийлэ, -рийл: адыг., каб. *уизилэ*, адыг. *симэджэрил*, каб. *симэджэрийлэ* 'болезненный', адыг. *уэшъхьил (э)*, каб. *уэшхилэ* 'дождливый'.

Общеадыгский глухой латеральный *лʷ* характерен для корневых морфем. Ср. адыг., каб. *лʷи* 'кровь', адыг., каб. *лʷи* - 'точить', адыг., каб. *лʷэ* 'нога', адыг., каб. *лʷэ* - 'прыгать', адыг., каб. *лʷэ* - 'смотреть', адыг. *лʷыжыи*, каб. *лʷыжы* 'красный', адыг., каб. *лʷи* - 'накаляться', адыг., каб. *пIалʷэ* 'срок', адыг. *хьылʷэ* 'трудный', каб. *хьэлʷэ* 'тяжелый', 'трудный'.

Общеадыгский абруптивный латеральный *лI* встречается лишь в нескольких корневых морфемах и общеадыгской суффиксальной (глагольной) морфеме -лIэ. Ср. адыг., каб. *лIи* 'мужчина', *лIэ* - 'умереть', адыг., каб. *пIлIи* 'четыре', адыг., каб. *пIлIэ* 'спина', 'холка', адыг., каб. *йэкиуэлIэ* - 'подойти', адыг. *йэчʷэлIэ* -, каб. *йэжэлIэ* - 'подбегать'.

Проблема латеральных согласных в адыгских (да и вообще в западнокавказских) языках имеет свою историю. Еще Н.С. Трубецкой установил соответствие адыгских и убыхских латеральных *л*, *лʷ*, *лI* шипящим спирантам в абхазском языке²⁰⁴. Ср. адыг., каб., убых. *бл*и, абх., абаз. *бж* - 'семь', адыг., каб. *лʷэ* -, убых. *плʷа* - абх., абаз. *пш* - 'смотреть', адыг., каб. *лʷи*, убых. *лʷа*, абх., абаз. *шʷа* 'кровь', адыг., каб., убых. *пIлIи*, абх., абаз. *пш* - 'четыре', адыг., каб., убых. *лʷи*, абх., абаз. *кʷIа* - *пш*и 'красный'. В последующих работах число подобных сопоставлений было несколько увеличено. Кроме того, были высказаны разные точки зрения о генезисе латеральных согласных в западнокавказских языках.

Вместе с тем проблема латеральных в этих языках остается еще недостаточно ясной. Дело заключается не только в том, что существуют диаметрально противоположные мнения о генезисе латеральных в западнокавказских языках. При разработке истории латеральных (как и других типов согласных) должны быть учтены принципы относительной хронологии, предполагающей необходимость разграничения этапов в истории развития западнокавказских языков и возможность возведения разных латеральных к разным историческим периодам.

Касаясь генезиса латеральных, Г.В. Рогава пишет: "Фонемами вторичного образования являются в адыгских языках (а также в убыхском языке) латеральные *л*, *лʷ*, *лI*... Следует полагать, что и эти фонемы возникли путем спонтизации звуков более заднего образования"²⁰⁵.

²⁰⁴ Troubetzkoy N. Les consonnes latérales des langues, caucasiques septentrionales. - Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. XXIII, f. 3 (N 72). Paris, 1922, p. 188-189.

²⁰⁵ Рогава Г.В. Основные фонетические процессы согласных в адыгских языках, с. 11.

Следуя во многом Н.С. Трубецкому, Б.Х. Балкаров считает, что адыгские латеральные находят параллели в общедагестанском праязыке. Б.Х. Балкаров пишет: "Рефлексы латеральных в дагестанских языках показывают, что адыгские корреспонденции непосредственно не возводятся к абхазским и наоборот. Звуковые корреспонденции в этих языках параллельно развились из общих источников, проектируемых на западнокавказском уровне. Такими источниками были латеральные аффрикаты трех разновидностей: звонкая, глухая, смычно-гортанная. Аналогичные, в частности, глухая и смычно-гортанная аффрикаты сохраняются в некоторых дагестанских языках, а звонкая аффриката восстанавливается в общедагестанском праязыке..."²⁰⁶ Отсутствие материала делает весьма уязвимым далеко идущие выводы об аффрикатном происхождении адыгских латеральных и их корреспонденциях (архетипах) в общедагестанском языке. Вообще на данном этапе изученности латеральных в адыгских языках, когда их история внутри западнокавказской группы языков остается еще неясной и недостаточно изученной, сама постановка вопроса о соотношении адыгских латеральных с дагестанскими и прадагестанскими латеральными представляется преждевременной.

Анализ материала показывает, что латеральные согласные *л*, *лʷ*, *лІ* входят в состав общеадыгского консонантизма. Не вызывает сомнения, что латеральные *л*, *лʷ*, *лІ* в таких общеадыгских словах, как *ли* 'мясо', *ли*- 'гореть', *лʷи* 'кровь', *лʷэ* 'нога', *лІи* 'мужчина', *лІэ*- 'умереть', *лІлІи* 'четыре' восходят к эпохе общеадыгского языкового единства.

Есть основания также утверждать, что латеральные *л*, *лʷ*, *лІ* относятся к более раннему хронологическому периоду, предшествовавшему образованию общеадыгского языка. Адыгские латеральные находят параллели в убыхском языке. Ср., например, адыг., каб. убых. *бли* 'семь', адыг., каб. *лʷи*, убых. *лʷа* 'кровь', адыг., каб. *лʷэ*, убых. *лʷа-лІа* 'нога', адыг., каб. *лʷэ-*, убых. *лʷа-* 'смотреть', адыг., каб. *-лІ*, убых. *-лІа* 'глагольный суффикс (ср. адыг. *сйэкІуа-лІэ*, каб. *сэкІуа-лІэ*, убых. *сикІа-лІа-и* 'я подхожу')'. В подобных случаях латеральные *л*, *лʷ*, *лІ* могут быть реконструированы для адыгско-убыхского хронологического уровня. Отсюда вытекает, что латеральные *л*, *лʷ*, *лІ* не могут быть отнесены к новообразованиям адыгских языков. То обстоятельство, что латеральные входят уже в консонантизм общеадыгского языка, исключает возможность отнесения их к инновациям внутри адыгских языков.

Общеадыгский (реже адыгско-убыхский) звонкий латеральный *л* отражается как звонкий шипящий спирант *хʷ* в абхазско-абазинском ареале. Ср. адыг., каб. *ли*, абх. абаз. *хʷи* 'мясо', убых. *ла*, абх. абаз. *хʷа* 'заяц', адыг., каб., убых. *бли*, абх., абаз. *бхʷ*- 'семь'.

Общеадыгские (реже адыгско-убыхские) глухой латераль-

²⁰⁶ Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков, с. 232.

ный *лв* и абруптивный латеральный *лI* отражаются как глухой шипящий спирант в абхазско-абазинском ареале. Ср. адыг., каб., *лви*, убых. *лва-*, абх., абаз. *шва* 'кровь', адыг., каб. *лвэ*, убых. *лванIа* абх., абаз. *шванIи* 'нога', адыг., каб. *плвэ-*, убых. *плва-*, абх., абаз. *пш-* 'смотреть', адыг., каб., убых. *плви-*, абх., абаз. *квIа-пш* (*ш*) 'красный', адыг., каб., убых. *пIлIи*, абх., абаз. *пшв-* 'четыре', адыг., каб. *лIи-*, абх., абаз. *шв-* 'убить'.

Исходность латеральных членов вышеприведенных фонетических оппозиций может быть подкреплена данными исторической типологии (ср., например, переход латеральных в шипящие спиранты в дагестанских языках). Нетрудно заметить, что объяснение соответствия адыгских и убыхских латеральных абхазским и абазинским шипящим спирантам как следствия трансформации латеральных в шипящие спиранты не согласуется с положением, согласно которому "адыгские корреспонденции непосредственно не возводятся к абхазским и наоборот".

Итак, латеральные *л*, *лв*, *лI* возводятся не только к общеадыгским, но и к более ранним хронологическим периодам. В то же время процесс образования и сложения латеральных в западнокавказских языках протекал неравномерно. Тот факт, что в исконных лексемах латеральные могут быть отнесены также к поздним инновациям, свидетельствует об их гетерогенной основе²⁰⁷.

Наряду с латеральными согласными, восходящими к эпохе западнокавказского языкового единства, имеются латеральные согласные более позднего образования. Так, встречаются латеральные согласные, являющиеся рефлексам нелатеральных согласных в старых заимствованиях. В некоторых из них латеральные согласные (например, адыг. *мэли*, каб. *мэл* 'овца', адыг., каб. *аслвэн* 'лев' и др.) относятся к общеадыгской эпохе, а в других (например, каб. *лв* в *аллв* (адыг. *алл*) 'сказочный конь') — к новообразованиям. Что касается перехода сонорных в латеральные в новейших заимствованиях, то это носит массовый характер, поскольку сонорные *л*, *лв* чужды фонологической системе адыгских языков. При этом, однако, характерно, что к латеральным, восходящим к заимствованному материалу, обычно относится звонкий *л* и глухой *лв*. Абруптив *лI* редко восходит к заимствованному материалу, хотя переход русского *л* в абруптив *лI* в принципе возможен. Ср. русск. *капля* > каб. *чIапIлIэ*.

В заключение следует сказать, что звуковые соотношения между западнокавказскими языками, выявленные еще Н.С. Трубецким, свидетельствуют о том, что соответствие шипящих спирантов латеральным спирантам является результатом трансформации последних в шипящие спиранты. Это

²⁰⁷ Рогава Г.В. К истории шипящих спирантов в кабардинском языке. — Сообщ. АН Груз. ССР, т. XX, № 5, 1958.

дает основания постулировать латеральные согласные для эпохи западнокавказского состояния. В то же время мы не касаемся вопроса о генезисе латеральных в эпоху, предшествовавшую образованию западнокавказского языкового единства. Допустимо, однако, предположить, что латеральный спирант *л* мог сосуществовать с сонорным *л*, как отмечают исследователи²⁰⁸. В пользу этого говорит соответствие латерального спиранта *л* сонорному *л* в западнокавказских языках. Ср. соответствие латерального спиранта *л* в адыгских и убыхском языках сонорному *л* в абхазском и абазинском языках: адыг. *блн-*, абх. *блн-*, *бил-*, абаз. *бил-* 'гореть', адыг. *мэлачIэ*, абх., абаз. *мла* 'голод', убых. *бла*, абх. *бла*, *ла*, абаз. *ла* 'глаз'. По мнению В.Г. Шенгелиа, соответствие адыгского латерального абхазско-абазинскому сонорному объясняется позиционным изменением последнего в спирант²⁰⁹. Другое дело — возведение адыгского сонорного *р* в аффиксах союзности — *рэ* (адыг. *баджэрэ хьэрэ* 'лиса и собака') и орудности *ри-* (адыг. *ри-дагъ* 'тот шил чем-то') к сонорному *л* на основании сближения указанных морфем с аффиксами союзности —*ла* в убыхском языке и орудности *ла-* в абхазском и абазинском языках. Если учесть типологические соображения (переход *р* > *л* в языках различных типов), то более вероятной является исходность сонорного *р*²¹⁰.

Сонанты

Не вызывает сомнения существование в общеадыгском языке сонантов *м*, *н*, *р*, *й*, *у*. Как увидим ниже, сонанты реконструируются также для более ранних хронологических эпох западнокавказских языков. Общеадыгские сонанты различаются по своей функциональной нагрузке. По своей дистрибуции особняком стоит общеадыгский сонант *р*.

Общеадыгские *м*, *н*, *р*. Общеадыгский лабиальный *м* характерен для корневых и аффиксальных морфем. Общеадыгскую дистрибуцию *м* в корневых морфемах отражают адыг. *ми* 'дикое яблоко', *ми* 'это', адыг. *мили* > каб. *мил* 'лед', адыг. *машIуэ*, каб. *мафIэ* 'огонь', адыг. *тхьакIуим* > каб. *тхьэкIумэ* 'ухо', адыг. *тамэ*, каб. *дамэ* 'плечо'. В аффиксальных морфемах общеадыгский сонант *м* имеет очень высокую частотность: *м* встречается в префиксальных и суффиксальных морфемах. При этом общеадыгский сонант *м* входит в состав таких широкоупотребительных и имеющих большую функциональную нагрузку аффиксальных

²⁰⁸ Рогава Г.В., Керашева З.И. Указ. соч., с. 43; Шенгелиа В.Г. Об одном случае позиционного образования латерального согласного в адыгских языках. — XXVII Научная сессия Ин-та языкознания АН Груз. ССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971.

²⁰⁹ Шенгелиа В.Г. Указ. соч., с. 26.

²¹⁰ Кумахов М.А. К этимологии имени основного героя адыгского и абхазского эпоса. — В кн.: Сказание о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969, с. 502.

морфем, как форматив эргативного падежа (ср. адыг., каб. *уинэм* 'дом', адыг. *уинэмэ* 'дома'), аффикс (префикс и суффикс) отрицательной формы глагола (ср. адыг., каб. *митхэн* 'не писать', каб. *йатхиркэIим* 'не пишут'), префикс третьего лица субъекта переходных глаголов (ср. адыг., каб. *макIуэ* 'он идет'), суффикс условного наклонения (ср. адыг., каб. *сикIуэмэ* 'если я пойду'). Сонант *м* входит также в состав малоупотребительных древних общеадыгских суффиксов. Ср., например, адыг., каб. *уимэ* 'большой деревянный молот', адыг., каб. *Iэмэ-псимэ* 'инструмент'.

Анализ материала показывает, что в раннеобщеадыгском языке сонант *м* в адыгских корневых морфемах в основном был характерен для начальной позиции. В таких общеадыгских основах, как адыг. *тхьакиIуим* < каб. *тхьэкиIуимэ* 'ухо' адыг. *тамэ*, каб. *дамэ* 'крыло' сонант *м*, по-видимому, входит в состав аффиксальной морфемы. Ср. шапс. *кьуамэ*, *кьуамэ* 'ветка'. Однако в общеадыгских производных и сложных словах на стыке морфем *м* нередко встречается в не-начальной позиции. Ср. адыг., каб. *пэмэн* 'нюхать', адыг. *хьамэшь*, каб. *хьэмэш* 'огороженный ток во дворе крестьянина'.

В инлауте сонант *м* в современных адыгских языках часто является результатом эпентетической ассимиляции. Ср., например, эпентетический *м*, относящийся к периоду самостоятельного развития адыгских языков: каб. *тхьэмбил* < *тхьэбил* 'легкое, легкие', адыг. *самбир* < *сабир* 'тихий', каб. *пшампIэ* < *пшанпIэ* 'воротник'. В результате эпентетической ассимиляции сонант *м* перед согласными *б*, *п* особенно часто появляется в моздокском говоре. Ср. *нэгьамбэ* < *нэгьабэ* 'прошлый год', *нижэмбэ* < *нижэбэ* 'сегодня ночью', *нэхьампэ* < *нэхьапэ* 'раньше'²¹¹. В ряде случаев в инлауте *м* восходит к лабиальным согласным *б*, *п*, *пI*. Ср., переход *б* > *м*, *п* > *м*, *пI* > *м* в кабардино-черкесских диалектах и говорах: *хуабжэ* > *хуамжэ* 'быстрый', *чIапсэ* > *чIамсэ* 'веревка', *вабдзэ* > *вамдзэ* 'лемех', *абджэ* > *амджэ* 'стекло'²¹², *лванпIцIэ* > *лвамцIэ* 'босой', *панпIцIэ* > *памцIэ* 'острый'. Переход *м* > *б* отмечается в анлауте. В заимствованных словах *мэхьсимэ* 'буза', *мусльымэн* 'мусульманин', *мэрем* 'пятница', начальный *м* чередуется с лабиальным *б*. Ср. адыг., *бахьсимэ* 'буза', *бусльымэн* 'мусульманин', *берам* 'религиозный праздник'.

В исконных словах в редких случаях отмечается переход *м* > *н*. Ср. в кабардинских диалектах: *мивэ* > *нивэ* 'камень', *мафIэ* > *нафIэ* 'огонь'.

Сонант *м* представлен в некоторых адыгско-убыхских корнях. Ср. адыг., каб. *мэхи-*, убых. *маши-* 'падать в обморок', адыг., каб. *мастэ*, убых. *миздуа* 'иголка', адыг., каб. *мэ*, убых. *мисэ* 'запах' и др. Однако сонант *м* в адыг-

²¹¹ Куашева Т.Х. Указ. соч., с. 133.

²¹² Там же, с. 131; Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры, с. 32.

ских языках (как и в убыхском) нередко является продолжением западнокавказского сонанта *м*. В начальной позиции сонант *м* реконструируется для западнокавказского уровня на основании довольно обширного лексического материала. Ср. адыг., каб. *мазэ*, убых. *мидза*, абх. *мза*, абаз. *мэи* 'луна', 'месяц', адыг. *мафэ*, каб. *махуэ*, убых. *мишъуа*, абх., абаз. *ми* (и) 'день', адыг. *машIуэ*, каб. *мафIэ*, убых. *миджъа* абх., абаз. *мца* 'огонь', адыг. *махъулъэ*, каб. *малъхъэ*, убых. *михъи*, абх. *махъу*, абаз. *мхъуи* 'зять', адыг., каб. *мишъэ*, убых. *мишуа*, абх., абаз. *миш* (и) 'медведь', адыг. *мачIэ*, каб. *машIэ*, убых., абх., абаз. *мачI* 'мало', 'малый'.

К западнокавказскому хронологическому уровню восходит сонант *м* в отрицательном глагольном аффиксе *-м* (а) -, *-м* (и) -, реализующемся в виде префикса и суффикса.

Общеадыгский лабиальный сонант *н* сохраняется в корневых и аффиксальных морфемах. Ср. общеадыгские корневые морфемы: адыг., каб. *нэ* 'глаз', адыг., каб. *нибэ* 'живот', адыг. *нйэпэ*, каб. *нэубэ* 'сегодня', адыг. *нэф*, каб. *нэху* 'свет', адыг. *нан* (э) 'мама', каб. *нанэ* 'бабушка', адыг., каб. *джанэ* 'рубашка', адыг. *панэ*, адыг. *банэ* 'колючка', адыг., каб. *цIинэ* 'мокрый', 'сырой'. Лабиальный сонант *н* входит в состав ряда общеадыгских аффиксальных морфем, либо образует эти морфемы. К ним относятся глагольный направительный преверб *н* (э) -, масдарный суффикс *-н*, суффикс футурума *-н*, словообразовательные суффиксы *нэ-*, *-рин* (э), *-рийнэ* и др. Этим объясняется высокая частотность употребления сонанта *н* как в общеадыгском, так и современных адыгских диалектах.

Сонант *н*, как и сонант *м*, в инлауте часто является следствием эпентетической ассимиляции. Однако для общеадыгского языка все же более характерен эпентетический сонант *н* в инлауте. В адыг. *хъантхъуиис*, каб. *хъэнтхъуиис*: 'суп (пшенный)', адыг. *лъинтф*, каб. *лъинтхуэ* 'вена', адыг. *лъэнтхъуэй* 'очески', каб. *лъэнтхъуий* 'плеть (вьющихся растений)' эпентетический *н* может быть отнесен к общеадыгскому языку, тогда как в адыг. *уизэдин* 'зарядить', адыг. *ккъуанцэ* 'колючка', каб. *лъэнчIанIэ* 'голень' и др. эпентетический *н* представляет собой новообразование. Ср. каб. *уизэдин* 'зарядить', *ккIуацэ* 'колючка', адыг. *лъэчIанI* 'икры'. Следствием эпентетической ассимиляции является сонант *н* и во многих других словах. Ср., например, *ккъуанчI* 'галка', каб. *ккIуаншIэ* 'грач', адыг. *уэнтэгъу*, каб. *уэндэгъу* 'тяжелый', адыг. *хъантIар-ккъу*, каб. *хъэндирккIуакъуIэ* 'лягушка', адыг. *хъанцэ*, каб. *хъэнцэ* 'деревянная лопатка', адыг. *ланлэ* 'слабый', адыг., каб. *лантIэ* 'гибкий', каб. *пIшIантIэ* 'двор', *пIшIантIэпс* 'пот', адыг. *шъхъантэ*, каб. *шъхъэнтэ* 'подушка' и др. Как видно из примеров, эпентетический *н* в инлауте появляется чаще всего перед согласными *д*, *т*, *пI*.

Сонант *н* представлен в отдельных адыгско-убыхских корнях. Ср. адыг., каб. *нибэ*, убых. *никIуи* 'живот'. Вместе с тем в убыхском языке многие слова, включающие сонант *н*, проникли в более поздний период из адыгских диа-

лектов. К ним относятся, например, убых. *нибъх* (и) 'возраст', *нибапх* 'подпруга', *нача* 'косоглазый', *нариплъа* 'бинокль', *натиф* 'кукуруза', *гъуана* 'дыра', *гъуина*, *йна* 'граница' и др.

Сонант *н* включает морфемы, относящиеся к общему материальному фонду западнокавказских языков. Ср., например, адыг., каб. *йинэ*, абх. *шун*, абаз. *гIуна*, адыг. *панэ*, каб. *банэ* 'колючка', 'колючий кустарник', убых. *бана* 'трава', абх., абаз. *бна* 'лес', адыг., каб. *н(э)*-, абх., абаз. *н(а)*- направительный преверб, адыг., каб. -нэ аффикс дробных, кратных и порядковых числительных, абх., абаз. -н(и) аффикс кратных числительных: адыг. *шбанэ*, каб. *шбанэ* 'одна третья', адыг. *йашбанэрэ*, каб. *йэшбанэ* 'третий', адыг. *шъэунай*, каб. *шъэнэй*, абх. *хъиктIу*, абаз. *хъин* 'трижды'.

Сонант *р* занимает особое место в фонологической системе как общеадыгского языка, так и современных адыгских языков и их диалектов. Во-первых, сонант *р* этимологически не характерен для корневых морфем исконных адыгских слов. Во-вторых, сонант *р* в общеадыгском не встречается в начальной позиции. В общеадыгском сонант *р* возможен в нена начальной позиции.

В этом положении сонант *р* входит в состав аффиксальных морфем (или составляет аффиксальную морфему). Ср. адыг. *адрэ*, каб. *адрэй* 'другой', адыг. *нйэпэрэ*, каб. *нэубэрэй* 'сегодняшний' (адыг. *нйэпэ*, каб. *нэубэ* 'сегодня'), адыг. *сэр-сэрэй*, каб. *сэр-сэрий* 'я сам' (адыг., каб. *сэ* 'я'), адыг., каб. *мишэр* 'медведь' (-р показатель определенной формы), адыг., каб. *ар* 'он', 'этот' (-р формант именительного падежа).

Сонант *р* в инлауте появляется в определенных морфологических или фонетических условиях. Ср., например *р* на стыке морфем типа адыг. *пхъуирэлъф*, каб. *пхъуирлъху* 'племянник', адыг. *гуирит*, каб. *куирит* 'середина', адыг. *псинчIэрикIу*, каб. *псиншIэрикIуэ* 'сороход', адыг., каб. *лэригъ* 'стремя', адыг. *лэричъ*, каб. *лэрихэ* 'коньки'. В разбираемой позиции *р* является всегда интервокальным. Есть основания полагать, что в подобных случаях сонант *р* восходит к общеадыгскому языку.

Эпентетический *р* внутри корневой морфемы появляется чаще всего в соседстве с переднеязычными согласными. В этом случае эпентетический *р* в современных адыгских языках и диалектах продолжает общеадыгское состояние. Однако в большинстве случаев эпентетический *р* внутри морфемы относится все же к инновациям, т.е. его возникновение в этой позиции является адыгским или кабардинским новообразованием. Ср. адыг. *джэрэ* < *джээ* 'бронза' (каб. *жээ* 'латунь'), каб. (куб.) *пIэртIэуэ* < *пIэртIэуэ* 'шевелиться', адыг. (шапс.) *пIиртIи* < *темирг.*, каб. *пIитIи* 'давить', адыг. *уарзэ* < *уазэ* 'солома' (каб. *хъэуазэ* 'солома').

В некоторых диалектах отмечается противоположная тенденция - выпадение сонанта *р* на стыке морфем. Ср. шапс. *адэхэр* < *темирг.* *адрэхэр* 'другие', *йаблэнэм* < *темирг.*

йаблэнэрэм 'седьмой', йайэнэр < йайэнэрэр 'восьмой'²¹³.

В инлауте сонант *p* возможен также в основах, образованных по законам звуковой символики. Ср. адыг. *пиртхэ-*, каб. *пиртхэ-* 'храпеть', адыг., каб. *чIиргэи-* 'скрипеть', адыг., каб. *гуиргуиргу* 'гром, грохот, вспышка огня'.

Общеадыгский сонант *p* не во всех случаях находит соответствия в других западнокавказских языках. В сочинительном суффиксе -*рэ* (-*рэ*..... -*рэ*) общеадыгский сонант *p* соответствует латеральному *л* в генетически тождественном суффиксе убыхского языка -*ла* (-*ла*..... -*ла*). Ср. адыг. *сйанэрэ сйатэрэ*, каб. *сйанэрэ сйадэрэ*, убых. *синала ситуала* 'моя мать и мой отец', адыг. *тIочIи-рэ зи-рэ*, каб. *тIошI-рэ зи-рэ*, убых. *тIкьIуатIуа-ла за-ла* 'двадцать один'.

Аналогичную параллель общеадыгский сонант *p* в адвербиальном суффиксе -*рэ* находит в абхазском и абазинском языках. Ср. адыг. *мафэ-рэ*, абх., абаз. *чын-ла* 'днем', адыг. *чэшыи-рэ*, абх. *уахын-ла* 'ночью'. Указанное сопоставление может быть поддержано другими примерами. Ср. адыг., каб. *p* в общеадыгском инструментальном аффиксе *ри-*, абх., абаз. *л* в абхазско-абазинском инструментальном аффиксе *ла*: адыг., *шим рийкIуэн*, каб. *шим йирийкIуэн*, абх. *чыла аныкIуара* 'ездить верхом (букв. 'конем')'.

Заслуживает также внимания соответствие адыг., каб. *p*, убых. *л* в вышеприведенном соединительном суффиксе сонанту *й* в таком же абхазско-абазинском соединительном суффиксе. Ср. абх. *сарей уарей*, абаз. *сарий уарий* 'я и ты'. Соответствие адыг., каб. *p* : абх., абаз. *й* фонетически поддерживается другими фактами. В частности, в адыгских языках имеет место переход *й* > *p*. Ср. адыг. *йа-чIал*, каб. *йа-шIалэ* 'их сын', но адыг. *уи-ра-чIал*, каб. *уи-ра-шIалэ* (шэ) 'ты их сын', где в личном аффиксе третьего лица сонант *й* чередуется с сонантом *p*²¹⁴.

Переходом *й* > *p*, по-видимому, можно объяснить общеадыгский сонант *p* на стыке морфем в сложных словах типа адыг. *гуи-ри-т*, каб. *куи-ри-т* 'средний', *бги-ри-с* 'горец', *гуи-ри-лэ* 'мысль' и т.д. Ср. трансформы, включающие префикс *й(и)* - вместо -*ри-*: адыг. *азифагу йи-т*, каб. *йику йи-т* 'средний', букв. 'находящийся в середине', *бгем йи-с* 'горец', букв. 'сидящий в горах', *гуим йи-лэ* 'мысль', букв. 'находящийся в сердце'. Ср. также чередование *й:p* в параллельных формах типа каб. *гуи-йи-х* | *гуи-ри-х* 'страх', *сигу йи-лэ* | *сигуири-лэ* 'моя мысль'.

Общеадыгский сонант *p* на стыке морфем в производных глагольных формах (преверб + *ри* + основа глагола) также может быть объяснен на почве исторического чередования *й:p*. Ср. адыг., каб. *кIуэцIи-ри-чIин* (*кIуэцIим йи-чIин*) 'пройти сквозь что-либо', адыг., каб. *пэ-ри-тин* (адыг. *апэ йи-тин*, каб. *йапэ йи-тин*) 'находиться перед чем-то'²¹⁵.

²¹³ Керашева З.И. Указ. соч., с. 50.

²¹⁴ См. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 178-179.

²¹⁵ Там же, с. 179.

В старых заимствованиях начальный *р*, как правило, невозможен. Этим объясняются протетические согласные с начальным сонантом *р*. Ср. каб. *һэри-сэй*, *һэрэсэй* 'Россия', *һэристоф*, *һэрэстоф* 'Ростов', *һэрамэ* 'рама', *һэргуажтэ* 'рогожа', *һэрэзи* 'довольный', *йэрэйчІэ*, *йэрэйнчІэ* 'рейка', *йэрискьІи* 'пища', *хьэричІи*тІэ 'ракета'²¹⁶. Как видно, в протетическом слоге в качестве начального согласного выступают ларингалы *һ*, *хь* и сонант *й*.

Общеадыгский сонант *й* сохранился во всех адыгских диалектах. Сонант *й* входит в корневые и аффиксальные морфемы. Ср. общеадыгские корневые морфемы: адыг., каб. *йэ* 'зло', 'беда', адыг., каб. *йэ* 'или', 'либо', адыг., каб. *йи* 'восемь', адыг., каб. *йи-мазатъ* (глиной)', адыг., каб. *йатІэ* 'глина, грязь', адыг. *йажьэ*, каб. *йажьэ* 'зола', адыг., каб. *йилтэс* 'год', адыг., каб. *чІийи*- 'кричать', адыг., каб. *дийи*- 'застывать, остывать', адыг. *ккьуайэ*, каб. *кхуэй* 'сыр', адыг. *лийэ*, каб. *лэй* 'лишний'.

Сонант *й* входит в состав ряда общеадыгских словоизменительных и словообразовательных морфем. Ср. общеадыгские личные и притяжательные аффиксы: адыг., каб. *йэ-шІэ* 'он знает', *йэ-тхи*, каб. *йэ-тх* 'он пишет', адыг., каб. *йи-йинэр* 'его дом', адыг., каб. *йа-йинэр* 'их дом'; общеадыгские словообразовательные аффиксы: адыг., каб. *йи-ти*- 'стоять внутри', *йи-си*- 'сидеть внутри', адыг. *чыга-йэ*, каб. *жигэ-й* 'дуб', адыг., каб. *оэкІуэ-йи*- 'подниматься', адыг., каб. *лэ-йи*- 'взлететь', адыг., каб. *Іуэ-йи*- 'блестеть'.

Звуковые корреспонденции, устанавливаемые на основании общих аффиксальных и корневых морфем типа адыг., каб. *йи*-, убых. *гва*- 'свой, его', адыг., каб. *йиэи*-, убых. *гваза*- 'наполнять', абх., абаз. *азна* 'полный', адыг., каб. *йи*, убых. *гьуа*, абаз. *агІ-*, абх. *аа*- 'восемь' и др. показывают, что сонант *й* указанного ряда соответствий образован на общеадыгском уровне.

Вместе с тем сонант *й* может быть постулирован для более ранних хронологических уровней. Ср. адыг., каб. *йи(э)-* убых. *йи(а)-*, абх., абаз. *йи*- префикс 3 лица, адыг. *йэжь*, каб. *йэзи* 'он сам', убых. *йина*, абх. *йара* 'он', 'тот'. Ср. также адыг., каб., убых. *й* в адыгско-убыхском глагольном корне *йа*- 'мазать', 'обмазывать'.

Общеадыгский сонант *й* в начальной позиции фонетически переходит в ряде случаев в ларингал *һ* в адыгейском языке. Ср., например, каб. (resp. общеадыг.) *йиичІий*>адыг. *һиичІий* союз 'и', каб. (resp. общеадыг.) *йапэ*>адыг. *һапэ* 'вперед'. Переходом общеадыгского *й*>*һ* в начальной позиции объясняется также соответствие кабардинского (resp. обще-

²¹⁶ Апажеев М.Л. Об одной фонетической закономерности в кабардинском языке и ее отражение в русских заимствованиях. - Учен. зап. КБНИИ, т. XX. Нальчик, 1964, с. 40.

адыг.) сонанта й адыгейскому ларингалу *h* в личных и притяжательных префиксах. Ср. каб. *йишIашъ*, адыг. *йишIагъ* 'он сделал', каб. *йа-шIашъ*, адыг. *йа-шIагъ* 'они сделали', каб. *йи-нэр*, адыг. *йи-нэр* 'его глаз', каб. *йа-нэр*, адыг. *йа-нэр* 'их глаз'. Как видно, в подобных случаях имеет место не отпадение начального й, а его чередование с ларингальным *h*.

В адыгейском языке в инлауте общеадыгский сонант й утрачивается после преверба *ккъ-*. Ср. каб. *ккъIи-й-тхашъ*, адыг. *ккъи-тхигъ* 'он написал сюда', каб. *ккъIи-й-шашъ*, адыг. *ккъи-шбагъ* 'он привез сюда'.

В определенных морфологических условиях наблюдается переход общеадыгского сонанта й в сонант *p*. Ср. адыг., каб. *йа-пшъашъэр* 'их девушка', адыг. *си-ра-пшъашъ*, каб. *си-ра-пшъашъэшъ* 'я их девушка', где сонант й в поссессивном префиксе в интервокальном положении (после префикса *си-*) изменяется в сонант *p*.²¹⁷ Ср. каб. также: *йи-тэ-й-с-лэхъашъ* 'я тебя положил на что-то', *йи-ти-ри-й-лэхъашъ* 'он тебя положил на что-то', *йи-й-с-хашъ* 'я вывел тебя', *йи-ри-й-хашъ* 'он вывел тебя', где сонант й в личном префиксе и превербе чередуется с сонантом *p*. Как отмечалось выше, есть основания полагать, что сонант *p* на стыке морфем типа адыг. *гуырит*, каб. *куырит* 'средний', адыг., каб. *куарит* 'средний', адыг., каб. *лэаригъ* 'стремля' восходит к сонанту й.

В адыгских языках отмечается переход начального й в сонант *n* в ряде слов. К ним относится целая группа наречий: адыг. *нйэпэ* (*непэ*), каб. *нэубэ* (*нобэ*) 'сегодня', адыг. *нйчэпэ*, каб. *нйжэбэ* 'сегодняшней ночью (прошлой или предстоящей)', адыг., *нйэуишъ* (*неуишъ*), *нйчхъэ*, каб. *нйшъхъэбэ* 'сегодня вечером', каб. *нйчэдибэ* (*нйшэдибэ*) 'сегодня утром', *нэгабэ* 'в прошлом году'. Как известно, Н.Ф.Яковлев считал начальный элемент *нэ-*, *нй-*, *н-* этих наречий фонетическим вариантом общеадыгского указательного местоимения *ми*.²¹⁸ В этой связи мы уже писали следующее: "В анализируемых наречиях морфеме *нэ-*, *нй-*, *н-*, как нам кажется, правильнее ставить в генетическую связь с местоименным элементом *йи*, который часто встречается в наречиях. Реальность такого предположения поддерживается как звуковыми возможностями адыгских языков, так и данными родственных языков. Во-первых, местоименный элемент *йи* часто выступает в наречиях в качестве префикса (ср. каб. *йиджи* 'теперь', *йиуижъ* 'после'). Во-вторых, и это очень важно, в этом же местоименном элементе в ряде случаев наблюдается переход полугласного й в сонорный *n*. Ср., например, каб. *йиджи* > *ниджи* 'теперь', *йиджипсту* > *ниджипсту* (куб.д. *ниджипстунэ*) 'сейчас', *йиуижъ* > *нэуижъ* 'после', *аби йиуижъчIэ* > *аби нэуижъчIэ* 'после этого'. В-треть-

²¹⁷ Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка, с. 169.

²¹⁸ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Указ. соч., с. 395; Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка, с. 117.

их, в соответствующих наречиях абхазско-абазинских диалектов этимологически выделяется элемент *йа*, генетически связанный с интересующим нас адыгским местоименным элементом *йи(йэ)*"²¹⁹. Ср. абх. *йахъа* 'сегодня', абх., абаз. *йацц* 'вчера'²²⁰.

Допустимо также йотированное происхождение начального *н* в адыг. *нахъ*, каб. *нэхъ* 'более'²²¹; ср. абх. *йахъа* 'более'.

Общей тенденцией к редукции начального слога "общеадыгский сонант *й* + гласный" вызваны соответствия типа каб. *йиджи*:адыг. *джи* (бжедуг. *хиджи*) 'теперь', каб. *йижъираб-гу*:адыг. *джабегу* 'правая сторона', каб. *йэжъиу*:адыг. *жъиу* 'припев' и др.

Общеадыгский сонант *й* сохранился во всех адыгских диалектах. Ср., например, общеадыгские корни: адыг., каб. *йэ* 'ты', *йэ-* 'бить', *йинэ* 'дом', адыг. *йэси*, каб. *йэс* 'снег', адыг. *йици*, каб. *йидз* 'травы', адыг., каб. *йанэ* 'седло', *пичагайэ* 'стрекоза', адыг. *куйиу-*, каб. *гуэйи-* 'кричать', адыг., каб. *псэйи-* 'жить'; общеадыгские аффиксы: адыг., каб. *йи-* (адыг. *йи-бити-*, каб. *йи-биди-* 'схватить, поймать'), адыг., каб. *-й(э)* форматив обстоятельственного падежа.

С точки зрения относительной хронологии сонант *й* относится к разным эпохам. Различаются сонант *й* на общеадыгской языковой почве и сонант *й*, восходящий к более ранним периодам развития западнокавказских языков.

Так, общеадыгскому *й* в абхазском и абазинском языках в отдельных лексемах соответствует звонкий лабиализованный ларингальный спирант. Ср. адыг., каб. *йинэ*, абх. *шун*, абаз. *гIуна* 'дом'. Указанное соответствие восходит к исконному ларингальному спиранту, т.е. в этом случае сонант *й* является локальным (адыгским) новообразованием консонантизма западнокавказских языков. Переход *шy > гIу*, по-видимому, отражает общую тенденцию западнокавказских языков. В этом отношении показательны фонетические различия между абх. *шy* и абаз. *гIу*. Касаясь этого вопроса, К.В. Ломтатидзе пишет: "Лабиализованный звонкий ларингальный *шy* в основном сохранился (в абхазском языке. - М.К.), но с некоторыми фонетическими видоизменениями; он больше напоминает ларингализованно-умлаутированный *y*"²²².

²¹⁹ Кумахов М.А. Анализ структуры некоторых наречий в адыгских языках. - Учен. зап. КВНИИ, т. XX. Нальчик, 1964, с. 62-63.

²²⁰ О генетических связях указательных местоимений и наречий в абхазском языке см.: Ломтатидзе К.В. Об историческом единстве указательных местоимений и наречий в абхазском языке. - Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Д.И. Гулия, т. XXV. Сухуми, 1954.

²²¹ Кумахов М.А. Анализ структуры некоторых наречий..., с. 63.

²²² Ломтатидзе К.В. Абхазский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. IV, М., 1967, с. 105.

Сонант *ʃ* представлен в адыгско-убыхских корнях. Ср., например, абыг., каб. *ʃанэ*, убых. *ʃаʃэ* 'седло', адыг. *ʃашʃуэ*, каб. *ʃашʃуэ* 'небо', 'небесный свод', 'бог неба', убых. *ʃашʃуа* 'гром и молния', 'бог', *ʃа*, *ʃаба* 'бог' и др.²²³

Сонант *ʃ* реконструируется для эпохи западнокавказского языкового единства на основании общих корневых и аффиксальных морфем. Ср. адыг., каб. *ʃэ*, абх., абаз. *ʃа*, *ʃара*, убых. *ʃигʃуа* 'ты', адыг. (бжедуг., шапс.) *ʃи*-, убых. *ʃа*-, абх. *ʃи*, абаз. *аʃи* 'тот', абх. *ʃ*- 'делать', адыг., каб. *ʃи*- префикс со значением 'делать' и др.

К позднейшим диалектным инновациям относится переход *гу>у* в обстоятельственной морфеме. Ср. адыг., каб. *киʃуэуэ<киʃуэуэ* 'идя', *иэпIчIэу<иэпIкIэуэуэ<иэпIкIэуэ* 'прыгая'. Исходный лабиализованный смычный *гу* сохраняется в диалектах. Ср. абадз. *уэрэд ккʃиʃуэуэрэ* ' (он) напевая песню'. Исходный смычный *гу* представлен у Ш.Б.Ногмова, Л.Г.Лопатинского, П.Тамбиева и др.

ПОЗИЦИОННЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Выше рассматривались основные фонетические изменения, обусловившие трансформацию общеадыгского консонантизма в системы отдельных адыгских языков и диалектов. Такие фонетические изменения, как спирантизация общеадыгских шипящих аффрикат, аффрикатизация палатализованных заднеязычных смычных, ларингализация фарингальных смычных и др. позиционно не обусловлены. Комбинаторно независимые фонетические изменения являются не только наиболее регулярными, но и распространенными, нередко охватывая разные языковые ареалы независимо от условий их контактирования.

От позиционно независимых фонетических процессов отличаются позиционные изменения. Последние разнотипны по своему удельному весу, степени охвата материала, ареальным и хронологическим признакам. В одних случаях позиционные изменения ограничиваются определенными (иногда очень узкими) локальными признаками, в других — получают более или менее широкий ареал распространения. Так, в адыгских языках не только локальными, но, по-видимому, и позицион-

²²³ Не представляется возможным согласиться с Г.Деетерсом, утверждавшим, что адыг. *ʃашʃуэ*, каб. *ʃашʃуэ* не связано со значением 'бог'. (См.: *Deeters G. Die Kaukasischen Sprachen. — Handbuch der Orientalistik. Bd. VII. Leiden/Köln, 1963, S. 76*). Как известно, на этом основании (а также ссылаясь на членимость слова) Г.Деетерс ставил под сомнение сближение этого слова с хаттским *wašʃab* 'бог'. Оставляя в стороне вопрос о правомерности сопоставления указанных слов, укажем на то, что разбираемое слово в адыгской устно-поэтической речи, сохраняющей наиболее архаичные и традиционные особенности языка, употребляется в значении 'бог неба'.

ными по своему происхождению являются преруптивы - четвертый член смычных в западных адыгейских диалектах (см. с. 129-141).

По своему происхождению позиционные согласные относятся также к разным хронологическим уровням. Например, позиционные изменения согласных на основе сочетания личных аффиксов с начальным согласным последующей морфемы характерны для всех западнокавказских языков. Отсюда естественно предположить, что некоторые позиционные явления этого типа могут быть соотнесены с периодом, предшествовавшим образованию общеадыгского языка.

Озвончение личных аффиксов с нулевой огласовкой в положении перед каузативным префиксом унаследовано современными адыгскими языками и диалектами от общеадыгского состояния. Ср. общеадыг. $c \rightarrow z$:- $z\text{-гъэкIуагъэ}$ 'я заставил его идти', $\dot{y}z\text{-}z\text{-гъэдигъэ}$ 'я заставил его шить'; общеадыг. $m \rightarrow d$:- $d\text{-гъэкIуагъэ}$ 'мы заставили его идти', $\dot{y}z\text{-}d\text{-гъэдигъэ}$ 'мы заставили его шить'; общеадыг. $шъу \rightarrow жъу$:- $жъу\text{-гъэкIуагъэ}$ 'вы заставили его идти', $\dot{y}z\text{-жъу\text{-гъэдигъэ}}$ 'вы заставили его шить'.

Несколько иначе обстоит дело с относительной хронологией ассимилятивного процесса согласных в личных формах глагола. Речь идет о широко распространенном в диалектах фонетическом процессе, происходящем при сочетании личных аффиксов с начальными корневыми согласными. В этой позиции личные аффиксы, оформленные нулевой огласовкой, подвергаются озвончению, оглушению, преруптивации, а в некоторых диалектах отмечается также образование новых (позиционных) звуков на основе слияния консонантных элементов личного префикса и корневой морфемы. Ср. $c \rightarrow z$:- темирг., абадз. $z\text{-}d\dot{z}igъэ$, каб. $z\text{-}d\dot{z}ashъ$ 'я бросил', темирг., абадз. $z\text{-}d\dot{z}igъэ$, каб. $z\text{-}dashъ$ 'я шил', $шъу \rightarrow жъу$:- темирг., абадз. $жъу\text{-}d\dot{z}igъэ$, каб. $в\text{-}dashъ$ 'вы бросили', темирг., абадз. $жъу\text{-}d\dot{z}igъэ$, каб. $в\text{-}dashъ$ 'вы сшили', $m \rightarrow d$:- темирг., абадз. $d\text{-}d\dot{z}igъэ$ 'мы бросили', темирг., абадз. $d\text{-}d\dot{z}igъэ$ 'мы сшили', $\phi \rightarrow \phi I$:- каб. $\phi I mIashъ$ 'вы копали'.

Фонетические процессы на стыке морфем не ограничиваются ассимиляцией личных префиксов последующим консонантным элементом корня (или основы). В рассматриваемой позиции отмечается взаимная ассимиляция изменение обоих консонантных звуков под влиянием друг друга, что приводит к образованию новых (позиционных) звуков типа шипяще-свистящих аффрикат. Чаще всего это наблюдается в адыгейском языке. Ср. темирг. $\dot{y}Iagъэ$ ($< c\text{-}шIagъэ$) 'я сделал', $\dot{y}Iagъэ$ ($< mI\text{-}шIagъэ$) 'мы сделали', $\dot{y}agъэ$ ($< c\text{-}шъagъэ$) 'я вязал', $\dot{y}agъэ$ ($< m\text{-}шъagъэ$) 'мы вязали'. Ср. также каб. $\dot{d}ashъ$ ($< d\text{-}жъashъ$) 'мы расчесали', $\dot{y}ashъ$ ($< m\text{-}шъashъ$) 'мы вязали', $\dot{y}Iashъ$ ($< mI\text{-}шIashъ$) 'мы сделали'. Как правило, образование шипяще-свистящих аффрикат $\dot{d}z$, $\dot{y}$, $\dot{y}I$ в указанной позиции возможно при наличии начального корневого шипяще-свистящего спиранта ($жъ$, $шъ$, $шI$). На стыке личного аффикса и корня (или основы) в живой речи происходит образование и других позиционных слитных звукотипов. Ср. каб. $\dot{y}ashъ$

(< т-шашъ) 'мы везли', бжедуг. чъигъэ (< т-шигъэ) 'мы измерили'. Личный префикс с нулевой огласовкой сливается в единой звук с начальными консонантными группами. Ср. бжедуг. чъагъэ (< т-штагъэ) 'вы взяли', В живой речи подобные ассимилятивные процессы приводят к образованию омонимичных форм. Вр. бжедуг. чагъэ (< с-шъагъэ) 'я его повел', чъагъэ (< т-шъагъэ) 'мы его повели'.

Нет оснований полагать, что ассимиляция личных аффиксов перед начальными корневыми согласными, как и образование позиционных звуков типа аффрикат, относится к эпохе общеадыгского единства. Данные бжедугского и шапсугского диалектов свидетельствуют о том, что в разбираемых формах нулевая ступень огласовки личных аффиксов, обусловившая регрессивную ассимиляцию или фонетическое слияние двух согласных, могла быть образована в период самостоятельного развития адыгских языков и диалектов. В этих диалектах представлены личные аффиксы с полной огласовкой вместо личных аффиксов с нулевой огласовкой в других адыгских диалектах²²⁴. Ср. шапс. си-дижъин, темирг., абадз. з-дижъин 'зашью', шапс. ѱи-дижъин, темирг., абадз. б-дижъин 'зашьешь', шапс. ти-дижъин, темирг., абадз. д-дижъин 'зашьем', шапс. шъуи-дижъин, темирг., абадз. жъу-дижъин 'зашьете', бжедуг. си-дигъэ, темирг., абадз. з-дигъэ 'я сшил', бжедуг. ѱи-дигъэ, темирг., абадз. з-дигъэ 'я сшил', бжедуг. ѱи-дигъэ, темирг., абадз. б-дигъэ 'ты сшил', бжедуг. ти-дигъэ, темирг., абадз. д-дигъэ 'мы сшили', бжедуг. шъуи-дигъэ темирг., абадз. жъу-дигъэ 'вы сшили'. Вместе с тем в бжедугском диалекте наблюдается также как регрессивная, так и контактная ассимиляция в указанной позиции личных префиксов в силу того, что не во всех случаях сохраняется полная огласовка. Ср. бжедуг. н-шъагъэ вм. ѱи-шъагъэ 'ты повел его', нI-тIигъэ вм. ѱи-тIигъэ 'ты копал то', чъагъэ (< с-шъагъэ) 'я повез', чъигъэ (< с-шигъэ) 'я измерил' и др. Иными словами, бжедугский диалект, хотя и удерживает архаичную форму огласовки (что и исключает влияние последующего согласного на фонетический облик личного аффикса), постепенно втягивается в процесс фонетического выравнивания личных показателей путем ассимилятивных изменений их консонантных элементов.

Однако исходность личных аффиксов с огласовкой э, не испытывающих влияние начального корневого согласного, доказывается тем, что они сохраняют без изменений консонантные элементы личных местоимений, на основе которых сформировались глагольные префиксы лица. Отсюда явствует, что регрессивная ассимиляция согласных или их слияние в разбираемых личных формах глагола, хотя и охватывает большинство адыгских диалектов и говоров, относится к периоду истории самостоятельных адыгских языков и диалектов.

Как видно, рассматриваемые позиционные инновации, обусловленные не только регрессивной ассимиляцией, имеют до-

²²⁴ Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка, с. 46. Аутлев Н.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка, с.15.

вольно широкий ареал распространения. В диалектах проявляются тенденции более локального характера. В отношении фонетических процессов, связанных с личными аффиксами, обращает на себя внимание чередование $\ddot{y} : \text{б}$ в формах настоящего времени. Ср. каб. $\ddot{y}oxb : \text{boxb}$, адыг. $\ddot{y}exbi$ 'ты несешь', каб. $\ddot{y}oshI : \text{boшI}$, адыг. $\ddot{y}eshI$ 'ты делаешь', каб. $\ddot{y}olbaxbu :$ bolbaxbu , адыг. $\ddot{y}olbaxbu$ 'ты видишь', каб. $\ddot{y}otx : \text{botx}$, адыг. $\ddot{y}etxi$ 'ты пишешь'. Выше показано, что исходная форма личного префикса $\ddot{y}и-$ в адыгейских диалектах также изменяется в б , п , пI в положении перед начальными согласными корня или основы. В адыгейском языке этот фонетический процесс не распространяется на формы настоящего времени (включающие личный префикс с огласовкой), в то время как в кабардинском языке чередование $\ddot{y} : \text{б}$ по аналогии с другими формами охватило и формы настоящего времени. Чередование $\ddot{y} : \text{б}$ в формах настоящего времени – позднее кабардинское новообразование. На него накладываются не только стилистические ограничения (оно функционирует на уровне вариантов в разговорной речи), но и морфологические: чередование $\ddot{y} : \text{б}$ в формах настоящего времени возможно в том случае, если глагол переходный. Ср. каб. $\ddot{y}ov\ddot{e} : \text{bov\ddot{e}}$ 'ты пашешь что-то' (перех.), но $\ddot{y}ov\ddot{e}$ 'ты пашешь' (неперех.). Вариантное употребление (не говоря уже о стилистической маркированности) фонетических форм личного префикса 2 л. ед. ч. показывает, что мы имеем дело лишь с начальной стадией втягивания форм настоящего времени в фонетический процесс, происходящий на стыке морфем личных форм глагола.

К новообразованиям, возникшим в период после распада общеадыгского языка, должно быть отнесено озвончение личных аффиксов в интервокальном положении. Это явление наблюдается во всех кабардинских диалектах. Ср. каб. $\ddot{y}и-\text{з}-\text{o}-\text{xь}$, адыг. $\ddot{y}и-\text{сэ}-\text{xьи}$ 'я тебя несу', каб. $\text{си}-\text{в}-\text{o}-\text{xь}$, адыг. $\text{си}-\text{швуэ}-\text{xьи}$ 'вы меня несете', каб. $\ddot{y}и-\text{кьIи}-\text{з}-\text{o}-\text{xьэ}$, адыг. $\ddot{y}и-\text{ккьи}-\text{сэ}-\text{xэ}$ 'ты меня ждешь', каб. $\text{ди}-\text{в}-\text{o}-\text{xьэ}$, адыг. $\text{ти}-\text{швуэ}-\text{xэ}$ 'мы вас ждем'.

Наряду с озвончением личных аффиксов в кабардинском языке имеется другое новообразование – слияние префикса 2 л. ед. ч. с префиксом динамичности. Личный префикс и префикс динамичности переходят в гласный o . Ср. каб. $\text{си}-\text{n}-\text{o}-\text{xьэ}$, адыг. $\text{си}-\ddot{y}з-\text{xэ}$ 'я тебя жду', каб. $\text{кьI}-\text{o}-\text{xьэ}$, адыг. $\text{ккьи}-\ddot{y}з-\text{xэ}$ 'он тебя ждет'.

Выше отмечалось, что во многих случаях сонанты м , n , р в инлауте являются вторичными, возникшими в результате эпентетической ассимиляции в период самостоятельного существования адыгских языков. Широкое распространение эпентетических сонантов в современных адыгских языках и диалектах, по-видимому, отражает общую тенденцию, заложенную еще в общеадыгском языке. Однако, судя по всему, эпентетические сонанты в подавляющем большинстве случаев относятся к поздним диалектным инновациям. Чаще всего встречается эпентетический сонант n , причем последний, за небольшими исключениями, развивается в положении перед дентальными и альвеолярными смычными (см. с. 217). Следует

отметить, что действие эпентетической ассимиляции протекает по-разному в разных диалектах. Более интенсивно развивается в инлауте сонант *н* в темиргоевском и абадзехском диалектах. Ср. темирг. *зандэ* 'прямой', *лэгуанж* 'коллено', *ланлэ* 'слабый', 'нетугой', *шэндж* 'стог', *лванчэ* 'клен', *нэгруиндж* 'очки', *шхинлэ* 'ясли' и др. Западные диалекты адыгейского языка и кабардинский язык объединяются еще и тем, что в ряде случаев они продолжают общеадыгское состояние. Ср. шапс. *лачэ*, бжедуг. *лачэ*, каб. *лашэ* 'клен', шапс., бжедуг., каб. *лалэ* 'слабый', 'нетугой', шапс. *лэгуадж*, бжедуг. *лэгуаджэ*, каб. *лэгуажэ* 'коллено' и др. Однако в целом эпентетические сонанты в диалектах представляют собой перекрещивающиеся изоглоссы. Ср. шапс., бжедуг. *психлэ*, темирг. *психлэ*, каб. *психлэ* 'быстрый', 'легкий', бжедуг. *лэгуаб*, темирг. *лэгуамбэ* 'палец', бжедуг. *тхруибэ*, темирг. *тхруирбэ*, каб. *тхруирмбэ* 'пена' и др.

К изменениям общеадыгской структуры слова ведет также развитие других согласных в середине слова. Ср. общеадыг. *пичлэуис* > адыг. *пичлэуис* > каб. *пичлэуис* 'луг', 'лжец', каб. (resp. общеадыг.) *син* > адыг. *стин* 'гореть'.

В отличие от динамического, неустойчивого в фонетическом отношении конца слова начало слова характеризуется относительной стабильностью в диалектах. За редкими исключениями, современные адыгские языки продолжают общеадыгское состояние инициальных согласных. Могут быть отмечены лишь некоторые инновации, вызванные отпадением отдельных согласных в начальной позиции. При этом наблюдается упрощение исходных консонантных групп в начальной позиции путем отпадения *б*, *п*, *пI*. Ср. адыг. *бэибэ* > каб. *эибэ* 'проклятие', адыг. *пцели* > каб. *дэл* 'верба', 'ива', каб. *пичлэуэ* > беспл. *члэуэ* 'кузнечик'. Отсюда можно предположить, что каб. *члэуэ* 'копоть' восходит к **пичлэуэ*. Ср. адыг. *пичлэгуасэ* 'сажа', каб. *пичлэ* 'чердак'.

Для адыгских языков характерна делабиализация отдельных согласных. Чаще всего лабиализацию утрачивает среднеязычный спирант *гву*. Причем в отдельных словах делабиализация последнего отмечается в большинстве диалектов и говоров адыгских языков. Ср. шапс., бжедуг., арм., каб., мозд. *губгэ* < *губгвуэ* 'поле', бакс. *зэхгэчлэгэ* < *зэхгэчлэгвуэ* 'испытания', бжедуг., арм., мозд. *гэгу* < *гэгуэу* 'дорога'. Делабиализация *гву* получила большое распространение в шапсугском диалекте. Ср. шапс. *набгэ* < *набгвуэ* 'гнездо', *нибгэ* < *нибгвуэ* 'перепел', *пхэбгэ* < *пхэбгвуэ* 'доска', *шчуабгэ* < *шчуабгвуэ* 'широкий', *блэбгэ* < *блэбгвуэ* 'лопатка' и др.²²⁵ Конечный заднеязычный *кIу* делабиализуется в единичных словах в ряде диалектов и говоров: куб., мозд., к.-зеленч. *цIикI* < *цIикIу* 'маленький', *тIэкI* < *тIэкIу* 'немного'. Ср. также *хру* > *хэ* в разных позициях: мозд. *хрунIэ* < *хрунIэ* 'луг', *бихэ* < *бихру*, 'широкий', *мэхэ* < *мэхру* 'становится', *амхэ* < *амхру* 'если не то'²²⁶.

²²⁵ Керашева З.И. Указ. соч., с. 48

²²⁶ Куашева Т.Х. Указ. соч., с. 130.

Для адыгских языков менее характерна лабиализация согласных. Соответствие адыг. *гъу* : каб. *гъ* в продуктивном локальном превербе *бгъуэдэ-* : *бгъэдэ-* можно объяснить лабиализацией среднеязычного спиранта *гъ*. Ср. каб. *сиб-гъэдэташъ*, адыг. *сибгъэдэтигъ* 'я стоял рядом', каб. *сиб-гъэдэсашъ*, адыг. *сибгъуэдэсигъ* 'я сидел рядом'. Кабардинский язык и его диалекты сохраняют общеадыгскую форму разбираемого преверба, восходящего к именной основе *бгъэ* 'грудь'. Ср. также *гъ* > *гъу*: абазакт. *гъуитIкъIифIи* 'погасить', лит. *гъэуиичIифIи*²²⁷.

Наблюдается переход *гъу* > *у*. Ср. абадз. *гъуиуэу* < *гъуиуэгъу* 'сосед', *шIэжъуэу* < *шIэжъуэгъу* 'табун', *ашъиум* < *ашъи-гъуиум* 'тогда'. Ср. также *гу* < *у*: абадз. *шъау* < *шъагу* 'двор'.

Преобразования, имевшие место после распада общеадыгского языка в составе слова, нередко связаны с перестановкой отдельных согласных или слогов. В ряде случаев общеадыгское состояние продолжает адыгейский язык, а в других - кабардинский язык. Ср. адыг. (resp. общеадыг.) *мхъуулъэ*, бел. *мхълъэ*. каб. *малъхъэ* 'зять' (в кабардинском языке перестановка согласного в середине слова сопровождается делябилизацией: ср. абх. *мхъуи* 'зять'), адыг. *шIуиичI*, каб. *чIифI* 'темный', адыг. *нэб-бгъир(э)* 'человек', 'невестка', каб. *нэрибгэ* 'невестка', адыг. *ИэлъэчI*, каб. *нэпэИэлъэшI*, бел. *нэИэлъэчI* 'полотенце', адыг. *йэжъшъир*, бел. *йэжъшъ*, каб. *йэжъхъ* 'похожий', 'сходный', адыг. *IуиичIибэ*, бел. *чIиичIиуибэ*, мезд. *чIиIуиуибэ* 'замок' и др.

Комбинаторные фонетические изменения (ассимиляция, диссимиляция, метатеза, субституция и др.) действуют с разной степенью интенсивности в адыгских языках после распада праязыкового единства. Рассматриваемые фонетические процессы, хотя и обусловили значительные модификации общеадыгского строения слова, по своим последствиям не идут в сравнение с такими фундаментальными звуковыми процессами, как утрата общеадыгских шипящих аффрикат, образование на их базе новых подсистем согласных, переход заднеязычных смычных в переднеязычные аффрикаты, лабиализованных шипяще-свистящих спирантов в лабиальные спиранты, фарингальных смычных в ларингальные и др. Именно эти фонетические процессы, хотя они не завершены во всех диалектах и говорах, лежат в основе тех существенных изменений в области консонантизма, которые произошли в эпоху самостоятельного существования адыгских языков и их диалектов.

²²⁷ Багов П.М. Особенности кубано-зеленчукских говоров кабардино-черкесского языка, с. 55.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ: АБЛАУТ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Во всех современных западнокавказских языках отмечается чередование гласных фонем в составе морфа. Однако изменения гласных с грамматической точки зрения могут быть релевантными и иррелевантными. Так, чередование гласных *э:и* в морфах типа адыг., каб. *дэ-н* 'шить' (неперех.), *ди-н* 'шить что-нибудь' (перех.), адыг., каб. *кIуэ-н* (неперех.), *и-кIуи-н* 'пройти' (перех.), адыг. *шъи*, каб. *шъи* 'три', адыг. *шъэ* каб. *шъэ* 'трижды' является морфонологическим, т.е. имеет функциональное значение внутренней флексии. Напротив, чередование гласных *э, и* с нулем в словоформах типа адыг. *нэ* 'глаз', *и* 'его глаз', *ши* 'брат', *иш* 'его брат', каб. *гуи* 'сердце' *йигу* 'его сердце' относится к фонетическим явлениям, лишенным грамматической функции.

Как видно из приведенных примеров, изменения гласных в составе словоформы могут быть основными и сопутствующими. В словоформах типа адыг., каб. *дэ-н* 'шить' (неперех.), *ди-н* 'шить что-нибудь' (перех.), адыг., каб. *кIуэ-н* 'идти' (неперех.), *и-кIуи-н* 'пройти' (перех.), адыг. *шъи*, каб. *шъи* 'три', адыг. *шъэ*, каб. *шъэ* 'трижды' чередование по аблауту выступает в чистом виде, т.е. без сопутствующих явлений. В словоформах же типа адыг. *нэ* 'глаз', *и* 'его глаз', *ши* 'брат', *иш* 'его брат', каб. *гуи* 'сердце', *йигу* 'его сердце' чередование гласных с нулем является сопутствующим, т.е. сопровождается осложнением морфа другим морфом. Более того, редукция гласных до нуля в подобных случаях является результатом соединения двух морфов, что и создает новую акцентологическую модель, исключаящую вокалическую финаль.

Заметим, что сопутствующими оказываются как качественные, так и количественные изменения гласных. Так, фonoморфологические чередования гласных в глагольной системе преимущественно носят сопутствующий характер, сочетаясь с различными формами аффиксации. В этом отношении наибольшее распространение получили изменения гласных, служащих средством образования так называемых центростремительных и центробежных основ. Ср. адыг., каб. *дзи-н* 'бросить', но *хэ-дзи-н* 'бросить внутрь' - *хэ-дзэ-н* 'выбросить', *те-дзи-н* 'бросить с поверхности, с верхней части' - *те-дзэ-н* 'бросить на поверхность, на верхнюю часть'. Этот тип чередования гласных, функционально выполняющего основообразующую роль, исключительно является сопутствующим, т.е. всегда связано с чисто морфологическим явлением - сочетанием корневого морфа с префиксальным элементом. В роли последнего, как правило, выступают многочисленные локальные префиксы (превербы).

В чистом виде чередования по аблауту действуют как в системе словообразования (основообразования), так и в системе словоизменения. Однако здесь наблюдаются существен-

ные различия между системами словообразования и словоизменения. Чередования по аблауту *зи* 'один', *зэ* 'однажды', *адыг.* *шви*, *каб.* *шви* 'три', *адыг.* *швэ*, *каб.* *швэ* 'трижды' осуществляются без сопутствующих морфологических элементов. То же самое можно сказать о дифференциации транзитивных и интранзитивных основ типа *киуи-н* 'пройти' - *киуэ-н* 'идти'. Однако в отличие от аблаута в системе имени (где он выполняет основообразующую функцию (ср. *адыг.* *каб.* *зи* 'один', *зэ* 'однажды'), аблаут в системе глагола характеризуется довольно сложными схемами чередований. Если пары *киуи-н* 'пройти' (перех.) - *киуэ-н* 'идти' (неперех.), *тхи-н* 'писать' (перех.) - *тхэ-н* 'писать' (неперех.), *ди-н* 'шить' (перех.) - *дэ-н* 'шить' (неперех.), *адыг.* *лэжви-н*, *каб.* *лэжви-н*, *каб.* *лэжвэ-н* (перех.) - *адыг.* *лэжвэ-н*, *каб.* *лэжвэ-н* (неперех.) 'работать' дифференцируются только чередованием конечных гласных, то это не означает, что их противопоставление также последовательно реализуется указанным морфологическим средством (аблаутным чередованием) во всех парадигматических рядах. Противопоставление "транзитивные глаголы: интранзитивные глаголы" проводится по-разному в зависимости от формы глагола. Ср. *каб.* 1) *тхи-н* 'писать' (перех.) - *тхэ-н* 'писать' (неперех.) 2) *сотх* 'я пишу' (перех.) - *сотхэ* 'я пишу' (неперех.), 3) *сытхынш* 'я напишу' (перех.) - *сытхэнш* 'я напишу' (неперех.). Переходные и непереходные глаголы противопоставляются в первом случае с помощью чередования конечных гласных *и:э*, во втором случае - с помощью чередования гласного *э* с нулем, в третьем случае - с помощью комбинации чередований гласных, распространяемых как на корневые (исходные), так и на аффиксальные (личные префиксы) морфы.

В разных языках абхазско-адыгской группы аблаутные чередования действуют с разной степенью интенсивности и в разных формах. Однако общей чертой указанной группы языков является то, что аблаутные чередования играют важную роль в глагольной системе.

Как увидим ниже, аблаутные чередования сложились в результате разновременных и разнородных процессов. Выделяются чередования, характерные для всей группы абхазско-адыгских языков. Так, чередование *и:нуль* действует во всех абхазско-адыгских языках. Имеются качественные чередования гласных, являющиеся ареальными, т.е. свойственными тому или иному языку. Например, в убыхском языке наблюдается чередование гласных, связанных с противопоставлением форм числа в глаголе, т.е. чередование гласных в этом языке функционально эквивалентны личным аффиксам. Чередование гласных во многих случаях выступает как единственный признак разграничения форм числа в глаголе, ср. *акIв-ан* 'он идет' - *акIвдн* 'они идут', *абийан* 'они его видят' - *абийдн* 'они их видят', Ср. также чередования *и:а*, *нуль:а* как средства противопоставления форм ед. и мн. числа агенса (субъекта действия) в глаголе: *убых.* *си-й-бгьва-ни-йтIуи-н* 'он отнимает меня у тебя', но *си-й-бгьва-на-йтIуи-н* 'они отнимают меня у тебя', *йи-си-н-туй-н* 'он дает тебя мне', *йи-си-на-туй-н* 'они дают тебя мне'. Вообще

чередования гласных как способ противопоставления форм числа часто используются в убыхском. В этом отношении обращает на себя внимание функционально однотипное чередование конечного гласного с нулем в убыхском и адыгейском языках. В этих языках нулевая огласовка характеризует эргативный падеж ед. числа, огласовка *a* (убых.), *э* (адыг.) – эргативный падеж мн. числа. Ср. убых. *атитин*, адыг. *цIи-фим* 'человек' (эрг. п. ед. ч.), убых. *атитна*, адыг. *цIифмэ* 'люди' (эрг. п. мн. ч.). В системе словоизменения встречаются и другие адыгско-убыхские модели чередования.

Аблаутные чередования гласных характерны также для абхазского и абазинского глагола¹. Интересно отметить, что в абхазском и абазинском языках, как в адыгских языках, чередования гласных в основообразовании глагола связаны с противопоставлением иллативных и элативных форм. При этом отмечается функциональное тождество однотипных чередований гласных в абхазском, абазинском и адыгских языках. Ср., например, нормальная ступень огласовки в иллативных формах, а нулевая или редуцированная ступень огласовки в элативных формах: *a-та-ла-ра* 'входить внутрь', *a-та-цIа-ра* 'класть внутрь', но *a-ти-цI-ра* 'выходить изнутри', *a-ти-х-ра* 'вынести изнутри'².

Аблаут играет исключительно важную роль в словоизменной системе глагола. Разнообразие аблаутных чередований в глагольном словоизменении определяется полиперсонным спряжением. Субъектно-объектные формы глагола различаются не только чисто морфологическими средствами или порядком следования личных префиксальных элементов, но также системой чередований по аблауту. Аблаутные чередования занимают особое место в образовании грамматической категории переходности-непереходности, относящейся к важнейшим морфологическим явлениям адыгских языков. Аблаутные ступени варьируются в зависимости от переходности и непереходности глагольного действия. Как показал Г. В. Рогава, выбор типа чередования гласных определяется также конкретной личной формой глагола³. Мы не будем останавливаться на функциональной характеристике различных вариантов личных аффиксов⁴, но укажем на некоторые структурные отношения между корневыми и аффиксальными морфами глагола, обусловленные аблаутными чередованиями, а также рассмотрим их с точки зрения относительной хронологии.

¹ Ломтатидзе К. В. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. – ИКЯ, т. VI. Тбилиси, 1954.

² Кличев Р. Н. Глагольные суффиксы направления в абазинском языке. Черкесск, 1972, с. 5.

³ Рогава Г. В. О некоторых вопросах истории личных аффиксов в адыгских языках. – Сообщ. АН Груз. ССР. XXXIII, № 4, Тбилиси, 1959.

⁴ Этот вопрос подробно освещается в указанной статье Г. В. Рогава.

АБЛАУТ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПЕРЕХОДНЫХ И НЕПЕРЕХОДНЫХ ОСНОВ

Как средство выражения противопоставления переходных и непереходных глагольных форм различаются разные типы аблаутных чередований. Причем действуют как самостоятельные, так и комбинированные типы аблаутных чередований. Самостоятельные чередования характерны либо для гласных в абсолютном исходе основы, либо для гласных префиксальных морфем. При этом выделяются чередования гласных, восходящие как к общеадыгскому языковому единству, так и к периоду самостоятельного существования адыгских языков.

В специальной литературе наиболее часто отмечаются чередования конечных гласных, служащие средством разграничения переходных и непереходных глагольных форм. Речь идет о парных основах типа адыг. *шхи-н* 'есть, кушать' (перех.) — *штэ-н* 'есть, кушать' (неперех.), адыг. *бзи-н* 'кроить' (перех.) — *бзэ-н* 'кроить' (неперех.), адыг. *чэз-н*, каб. *жэ-н* 'бежать' (неперех.) — адыг. *чэи-н*, каб. *жи-н* 'пробежать' (перех.). Глагольные основы, относящиеся к этой группе, сравнительно малочисленны. Выше приводились общеадыгские основы этого типа: *ди-н* 'шить' (перех.) — *дэ-н* 'шить' (неперех.); *тхи-н* 'писать' (перех.) — *тхэ-н* 'писать' (неперех.), *кIуи-н* 'пройти' (перех.) — *кIуэ-н* 'идти' (неперех.), адыг. *лэжьи-н*, каб. *лэжьи-н* (перех.) — адыг. *лэжьэ-н*, каб. *лэжьэ-н* (неперех.) 'работать'. К ним можно добавить адыг. *тхвачи-н*, каб. *тхвэши-н*, каб. *тхвэши-н* 'мыть' (перех.) — адыг. *тхвачи-н*, каб. *тхвэши-н* 'мыть' (неперех.), каб. *хъэжи-н* 'молотить' (перех.) — *хъэжэ-н* 'молотить' (неперех.), *шъи-н* 'собирать' (перех.) — *шъиэ-н* 'собирать' (неперех.), *бжи-н* 'считать' (перех.) — *бжэ-н* 'считать' (неперех.) и др.

Указанное средство противопоставления переходных и непереходных глагольных основ, хотя и охватывает небольшое число глагольных лексем, является, по-видимому, довольно древним. Во всяком случае, большинство из этих глаголов (в том числе *шхи-н* — *штэ-н* 'есть, кушать', *бзи-н* — *бзэ-н* 'резать, кроить', *ди-н* — *дэ-н* 'шить' и др.) представлено во всех адыгских языках и диалектах, что исключает возможность отнесения их к поздним диалектным инновациям.

Конечные гласные, с помощью которых осуществляется противопоставление переходных и непереходных основ, удерживаются не во всех формах. Конечные гласные последовательно сохраняются в масдарной форме, где они служат единственным способом различения переходных и непереходных основ. Гораздо сложнее обстоит дело с другими глагольными формами.

В императиве 2 лица ед. числа (как и в масдарной форме) в разбираемой группе глагольных основ чередование конечных гласных также является единственным средством выражения противопоставления переходных и непереходных основ. Ср. адыг. *ди!* 'сшей!' (перех.) — *дэ!* 'сшей!' (неперех.), адыг. *шхи!* 'ешь!' (перех.) — *штэ!* 'ешь!' (неперех.), адыг. *тхи!* 'пиши!' (перех.) — *тхэ!* 'пиши!' (неперех.).

В императиве 2 лица мн. числа этимологический гласный *и* редуцируется до нуля в зависимости от слогового строения основы. Если основа имеет строение *CV*, *CCV* (где *V* означает гласный *э* или *и*), то конечный гласный, как правило, удерживается. Ср. каб. *вди!* 'сшейте!' (перех.) - *фидэ!* 'сшейте!' (неперех.) *фшхи!* 'ешьте!' (перех.) - *фшхэ!* 'ешьте!' (неперех.). В многосложных основах отпадает этимологический гласный *и*. Ср. каб. *фтхъэшI* 'мойте!' - *фитхъэшIэ!* 'мойте!' (неперех.). Осложнение императива одновременно префиксами лица и отрицания влечет за собой также редукцию конечного гласного *и* до нуля. Ср. каб. *фимишх!* 'не ешьте!' (перех.) - *фимишхэ!* 'не ешьте!' (неперех.).

В личных формах глагола между адыгскими языками имеются расхождения в оформлении чередования конечных гласных. Во многих случаях адыгейский язык сохраняет более архаичную форму основы, продолжая общеадыгское состояние с точки зрения особенности аблаутного чередования конечных гласных. Так, в личных формах чередование *э:и*, восходящее к эпохе общеадыгского единства, более последовательно проводится в адыгейском языке, тогда как в кабардинском языке конечные гласные нередко отпадают полностью под воздействием различных фонетических процессов. Ср., например, адыг. *сэтхи*, каб. *сотх* 'я пишу', адыг. *ўэтхи*, каб. *ўотх* 'ты пишешь', адыг. *йэтхи*, каб. *йэтх* 'он пишет'. Как видно, этимологический гласный *и* в кабардинском языке, в отличие от адыгейского, последовательно чередуется с нулем.

Вообще в личных формах схема чередований по аблауту очень многообразна. Здесь отмечаются различия как между адыгскими языками, так между разными парадигматическими рядами спряжения переходных и непереходных глаголов в пределах одного языка. При этом обнаруживаются наряду с явлениями, относящимися к эпохе общеадыгского языкового единства, явления более позднего характера, т.е. инновации, являющиеся продуктом самостоятельного развития адыгских языков после распада языка-основы.

Для личных форм характерно взаимодействие разных типов аблаутных чередований в парадигматических рядах переходных и непереходных глаголов. В адыгейском языке в формах перфекта 1 и 2 лица ед. и мн. числа корневой морф переходного значения имеет огласовку *и*, а аффикс субъекта - нулевую огласовку. Ср., адыг. *с-шхи-гъэ* 'я ел' (перех.), *и-шхи-гъэ* 'ты ел' (перех.), *т-шхи-гъэ* 'мы ели' (перех.), *шъу-шхи-гъэ* 'вы ели' (перех.). В этих же формах перфекта кабардинского языка как корневой морф, так и аффиксальный морф характеризуются нулевой огласовкой. Ср. *с-шх-а-шъ* 'я ел', *и-шх-а-шъ* 'ты ел', *т-шх-а-шъ* 'мы ели', *ф-шх-а-шъ* 'вы ели'. В данном случае адыгейский язык продолжает общеадыгское состояние в оформлении корневого морфа, в то время как кабардинский язык утратил исходную огласовку *и*. Что касается нулевой ступени огласовки аффиксального морфа в обоих языках, то она хронологически может быть приписана общеадыгскому состоянию.

В 1 и 2 лице ед. и мн. числа огласовка корневого морфа непереходного значения в адыгских языках оформляется по-разному: в адыгейском языке отмечается переход $\varepsilon > a$, в кабардинском языке – переход $\varepsilon > \text{нуль}$. В то же время аффикс субъекта сохраняет общеадыгскую огласовку $\varkappa$. Ср. адыг. *сѣ-шѣа-гъ*, (< **сѣ-шѣэ-гъэ*), каб. *сѣ-шѣ-а-шъ* (< **сѣ-шѣэ-гъэ*), 'я ел' (перех.), адыг. *ѣи-шѣа-гъ* (< **ѣи-шѣэ-гъэ*), каб. *ѣи-шѣ-а-шъ* 'ты ел' (неперех.). Утрата этимологического гласного корневого морфа непереходного значения в кабардинском языке и его переход в гласный a в адыгейском языке обусловлены фонетическими процессами на стыке двух морфов – корневого и суффиксального (показателя времени). Ср. **сѣ-шѣэ-гъэ* > *сѣ-шѣа-гъ* > *сѣ-шѣ-а-шъ* 'я ел' (неперех.). Общеадыгский конечный гласный отпал в результате передвигения ударения с конечного открытого слога на предшествующий слог, а перед спирантом *гъ* гласный ε (огласовка корневого морфа) изменился в a : **сѣ-шѣэ-гъэ* > адыг. *сѣ-шѣа-гъ* 'я ел' (неперех.). Ср. переход конечных гласных в гласный a в положении перед спирантом *гъ*: адыг., каб. *лѣагъ* 'высокий', но *лѣэгъагъ* 'высота', адыг. *ѣиѣи* > каб. *ѣиѣ* 'большой', но адыг., каб. *ѣиѣагъ* 'величина', каб. *шІэ* 'дно', но *шІагъ* 'внизу'. Нулевая огласовка корневого морфа – кабардинское новообразование. Оно вызвано слиянием конечного корневого гласного ε гласным a , восходящим к общеадыгскому суффиксу времени – *гъэ*.

Таким образом, в перфекте конечные этимологические гласные $\varkappa$, ε в корневом морфе как средство противопоставления переходных и непереходных парадигм утрачены, за исключением корневого морфа переходного значения в адыгейском языке (ср. адыг. *с-шѣи-гъэ* 'я ел что-то').

Характерно, что с точки зрения оформления чередований гласных более устойчивыми оказались личные парадигматические ряды имперфекта, плюсквамперфекта и будущего времени. Есть основания утверждать, что в указанных временных формах сохранились общеадыгские модели чередований по аблауту, причем это касается оформления чередования гласных как аффиксального морфа, так и корневого морфа. Чередования по аблауту в имперфекте, плюсквамперфекте и будущем оформляются единообразно в адыгских языках. Корневой морф переходного значения выступает с огласовкой $\varkappa$, аффикс субъекта имеет нулевую ступень огласовки, корневой морф непереходного значения выступает с огласовкой ε , а аффикс субъекта – с огласовкой $\varkappa$. Ср., адыг. *с-шѣи-шъти-гъэ*, каб. *с-шѣи-т* 'я ел' (перех.), адыг. *сѣ-шѣэ-шътигъ*, каб. *сѣ-шѣэ-т* 'я ел' (неперех.), адыг. *с-шѣи-гъагъэ*, каб. *с-шѣи-гъашъ* 'я ел тогда' (перех.), адыг. *сѣ-шѣэ-гъагъ*, каб. *сѣ-шѣэ-гъашъ* 'я ел тогда' (неперех.), адыг. *с-шѣи-н*, каб. *с-шѣи-н-шъ* 'я поем' (перех.), адыг. *с-шѣи-шът*, каб. *с-шѣи-ну-шъ* 'я поем' (перех.), адыг. *сѣ-шѣэ-н*, каб. *сѣ-шѣэ-н-шъ* 'я поем' (неперех.), адыг. *сѣ-шѣэ-шът*, каб. *сѣ-шѣэ-ну-шъ* 'я поем' (неперех.).

Мы до сих пор рассматривали типы чередований гласных корневого морфа и аффикса субъекта переходных и непереходных

ходных глаголов. При этом, как показывает анализ материала, адыгские языки, хотя и в неодинаковой мере, в ряде случаев унаследовали общеадыгские модели, сохраняя древнее оформление аблаутных чередований в корневом морфе и аффиксе субъекта. Следует заметить, что отнюдь не тождественно распределение разбираемых типов чередований в глагольной системе. В то время как чередование конечных гласных по аблауту охватывает сравнительно небольшой круг глагольных морфов (*шхи-н* - *шхэ-н* 'есть', *ди-н* - *дэ-н* 'шить', *бзи-н* - *бзэ-н* 'кроить, резать' и др.), разбираемое чередование гласных аффиксального морфа характерно для всех переходных и непереходных глаголов. Так, основы глаголов *шИи-н* 'делать', *хьи-н* 'нести', как и основы глаголов *шхи-н* 'есть', *ди-н* 'шить' являются переходными. Однако основы глаголов *шИи-н* 'делать', *хьи-н* 'нести' в отличие от глаголов *шхи-н* 'есть', *ди-н* 'шить' не могут быть преобразованы в основы непереходные путем чередования *и:э*. Основы глаголов *шИи-н* 'делать', *хьи-н* 'нести' остаются всегда переходными, хотя конечный гласный *и* в определенных случаях редуцируется до нуля. Ср. каб. *со-шI* 'я делаю', *со-хь* 'я несу'. Здесь чередование *и:нуль* имеет чисто фонетический статус: *шИи-*, *шI-*, как и *хьи-*, *хь-* являются лишь разными морфами одной морфемы. Вместе с тем в адыг. *с-шИи-гъэ*, каб. *с-шI-а-шь*, 'я сделал', адыг. *с-шИи-шьт*, каб. *с-шИи-ну-шь* 'я сделаю', адыг. *с-шИи-гъагъэ*, каб. 'я сделал тогда', адыг. *с-хьи-гъэ*, каб. *с-хь-а-шь* 'я нес', адыг. *с-хьи-шьт*, каб. *с-хьи-ну-шь* 'я понес', адыг. *с-хьи-гъагъэ*, каб. *с-хьи-гъа-шь* 'я носил тогда' аффикс субъекта совпадает по своему оформлению с аффиксом субъекта в глаголах *шхи-н* 'есть', *ди-н* 'шить'. Иными словами, из рассматриваемых аблаутных чередований, связанных с противопоставлением переходных и непереходных глаголов, чередование гласных корневого морфа является частным (в том смысле, что оно охватывает небольшое количество глагольных корневых морфов), тогда как чередование гласных аффиксального (субъектного) морфа является универсальным. Как увидим ниже, оба типа аблаутных чередований - частный и универсальный - относятся к общеадыгским явлениям.

В системе словоизменения аблаутные чередования нередко сопровождаются сочетанием основы с префиксальными элементами. Ср. каб. *мэ-гуипсисэ* 'он думает, размышляет' (неперех.), но *кьI-е-гуипсис* (< *кь-е-гуипсиси) 'он выдумывает, изобретает' (перех.), *мэ-псалъэ* 'он говорит, разговаривает' (неперех.), но *кьI-е-псалъ* (< *кь-е-псалъы) 'он говорит что-то' (перех.). Как видно, преобразование непереходной основы в переходную достигается не только чередованием конечных гласных, но и с помощью префикса *кьI-*, восходящего к направительному превербу. Заметим, что наряду с указанным способом транзитивации глагольной основы действует чисто префиксальный способ, выражающийся в том, что глагольная основа остается фонетически стабильной, т.е. огласовка остается тождественной в переходных и непереходных формах. Ср. каб. *мэ-лъи-*

хъуэ 'он ищет, занимается розыском' (неперех.) - кѳI-е-лѳхъуэ 'он ищет кого-что-либо' (перех.). Как видно, в основе лѳхъуэ огласовка э сохраняется при ее преобразовании в основу переходного глагола презентной формы с помощью префикса кѳI-. Иными словами, производная основа в одних случаях характеризуется разной огласовкой, в других - остается неизменной с фонологической точки зрения. Следует полагать, что в разбираемых образованиях имел место переход э > и > нуль.

АБЛАУТ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБЪЕКТНЫХ И БЕЗОБЪЕКТНЫХ ОСНОВ

В системе словоизменения аблаутные чередования используются для образования объектных форм глагола от неobjектных (одноличных) глаголов. Речь идет о преобразовании непереходных глаголов типа адыг., каб. плъэ-н 'смотреть', бэзэ-н 'бороться', бѳэ-н 'проклинать', лъэ-гуэ-н 'просить', хъуэнэ-н 'ругаться', нэцIэ-н 'зариться' и др. в двухличные непереходные глаголы. Ср. адыг., каб. йэ-плъи-н 'смотреть на кого-либо, на что-либо', йэ-лъэIуи-н 'просить кого-либо', йэ-бэзи-н 'бороться с кем-чем-либо', йэ-хъуэни-н 'ругать кого-либо', йэ-нэцIи-н 'зариться на кого-либо'. В презентной основе огласовка э характеризует все лица ед. и мн. числа. Ср. адыг. сеплъэ, каб. соплъэ 'я смотрю', адыг. ѳеплъэ 'ты смотришь', адыг., каб. миплъэ 'он смотрит'. В этих формах огласовка и, характеризующая основу двухличных непереходных глаголов, редуцируется до нуля в кабардинском языке. Ср. адыг. сеплъи, каб. соплъэ 'я смотрю на кого-что-либо', адыг. ѳеплъи, каб. ѳоплъэ 'ты смотришь на кого-что-либо', адыг. йэплъи, каб. йоплъэ 'он смотрит на кого-что-либо'. В префекте огласовка э не сохранилась в адыгских языках, а огласовка и удерживается только в адыгейском языке. Ср. адыг. сиплъагъ, каб. сиплъашъ 'я смотрел', адыг. сеплъагъ, каб. сеплъашъ 'я смотрел на кого-что-либо'. В имперфекте огласовка э сохранилась в адыгских языках, огласовка и заменилась нулевой ступенью в кабардинском языке. Ср. адыг. сиплъэшьтигъ, каб. сиплъэт 'я смотрел', адыг. сеплъышьтигъ, каб. сеплтэ 'я смотрел на кого-что-либо'. В будущем (как и в давнопрошедшем) времени чередование э:и реализуется более последовательно. Ср. адыг. сиплъэшьт, каб. сиплъэнушь 'я посмотрю', адыг. сеплъышьт, каб. сеплъынушь 'я посмотрю на кого-что-либо'.

Разбираемые типы чередования используются также для противопоставления адыг. лэжъэ-н, каб. лэжъэ-н 'работать вообще' (одноличный непереходный глагол) - адыг. йэ-лэжъи-н, каб. йэлэжъи-н 'работать, обрабатывать' (двухличный, непереходный глагол). Ср. адыг. йэ-лэжъи, каб. йолэжъэ 'он работает над чем-то', адыг. йэ-лэжъи-шьт, каб. йэ-лэжъи-нушь 'он будет работать над чем-то'. Однако в отличие от основ типа плъэ-н 'смотреть' - йэплъи-н 'смотреть на кого-что-либо', основы лэжъэ-н - йэ-лэжъи-н имеют и переходную форму. При этом огласовка и (или нуль)

характеризует как основу двухличного непереходного глагола, так и основу двухличного переходного глагола. В трехчленной оппозиции "одноличная непереходная основа - двухличная непереходная основа - двухличная переходная основа" два последних члена, хотя и совпадают по оформлению огласовки основы, входят в разные парадигматические ряды. Ср. каб. *мэ-лажъэ* 'он работает' - *й-о-лэжъ* 'он работает над чем-то' - *йэ-лэжъ* 'он делает что-то'. В рассматриваемых безобъектных и объектных основах исходной является огласовка *э*, характеризующая безобъектные основы. Это положение подтверждается данными внутренней реконструкции. Материалом внутренней реконструкции могут служить нейтральные основы с огласовой *э* как для одноличных (безобъектных) непереходных, так и для двухличных (объектных) непереходных глаголов. Ср. адыг., каб. *ма-ўэ* 'он бьет', адыг. *йэ-ўэ*, каб. *й-о-ўэ* 'он бьет кого-что-либо', адыг., каб. *ма-джэ* 'он зовет', адыг. *йэ-джэ*, каб. *й-о-джэ* 'он зовет его', адыг. *мэ-баккъуэ*, каб. *мэ-бакъIуэ* 'он шагает', адыг. *йэ-баккъуэ*, каб. *й-о-бакъIуэ* 'он шагает через кого-что-либо', адыг., каб. *мэ-заўэ* 'он воюет', адыг. *йэ-заўэ*, каб. *й-о-заўэ* 'он воюет с кем-чем-либо'. В указанных глаголах огласовка *э* оформляет основы объектные и безобъектные.

В этой связи обращают на себя внимание расхождения между адыгскими языками, свидетельствующие о незавершенности процесса стабилизации основ разбираемого типа путем чередования гласных. Ср. адыг., каб. *мэ-даIуэ* 'он слушает', но адыг. *йэ-дэIуи*, каб. *й-о-даIуэ* 'он слушает кого-что-либо'. Как видно, в адыгейском языке основы одноличного и двухличного (или безобъектного и объектного) глаголов стабилизировались с помощью аблаутного чередования гласных, тогда как в кабардинском языке в этих же глаголах основы остаются нейтральными (в кабардинском языке огласовка *э* функционально соответствует чередованию *э:и* в адыгейском языке). Между адыгскими языками отмечается и обратное явление: безобъектные и объектные глаголы в адыгейском языке образуются от нейтральных основ, а в кабардинском языке - от основ, стабилизированных с помощью чередования гласных. Ср. адыг. *мапшэ*, каб. *мапшъэ* 'он месит' (неперех.), но адыг. *йэ-пшэ*, каб. *йэ-пшъ* (< **йэ-пши*), 'он месит' (перех.), адыг. *мэ-гуи*, каб. *ма-гуэ* 'он толчет' (неперех.), адыг. *йэ-гуи*, каб. *йэ-гу* (< **йэ-гуи*) 'он толчет' (перех.). Стабилизация нейтральных основ обусловлена разными факторами, в том числе фонетическим строением производной основы и фонетическими особенностями слога. Иначе трудно объяснить, почему в одних случаях основа остается нейтральной в объектных и безобъектных глаголах (как и в переходных и непереходных глаголах), а в других происходит стабилизация основ путем чередования конечных гласных. При этом остается несомненным тот факт, что при дифференциации основ путем аблаутных чередований конечных гласных отмечается не только переход *э > и > нуль*, но и переход *и > э > нуль* (о чем см. ниже).

АБЛАУТ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИЛЛАТИВНЫХ И ЭЛАТИВНЫХ ОСНОВ

Аблаутные чередования, используемые для противопоставления иллативных и элативных основ, возможны лишь при наличии деривационной аффиксации. В этом заключается существенное отличие рассматриваемых аблаутных чередований от чередований гласных, служащих средством противопоставления переходных и непереходных основ или объектных и безобъектных основ. В образовании оппозиций "переходная основа - непереходная основа", "объектная основа - безобъектная основа" в ряде случаев аблаут сочетается также с аффиксацией⁵. Вместе с тем эти морфологические оппозиции возможны без деривационной аффиксации, чего нельзя сказать об оппозиции "иллативная основа - элативная основа".

Аблаутное чередование гласных и морфологическая аффиксация, участвующая в образовании иллативных и элативных основ, в функциональном отношении автономны: чередование гласных выполняет одну функцию, а деривационный аффикс - другую. Именно поэтому чередование гласных с грамматической точки зрения нельзя считать избыточным. Ср. адыг. *йи-швэ-н*, каб. *йи-шэ-н* 'вводить' - адыг. *йи-шви-н*, каб. *йи-ши-н* 'выводить' (адыг., каб. *йи* - основообразующий преверб в значении 'в', адыг. *шви-*, каб. *ши-* иллативная основа, адыг. *швэ-*, каб. *шэ-* элативная основа), адыг., каб. *те-оэи-ң* 'сбросить' - *те-оээ-н* 'брошить на что-то' (адыг., каб. *те* - основообразующий преверб в значении 'на', адыг., каб. *оэи-* иллативная основа, *оээ-* элативная основа). Как видно, в основе огласовка *и* выражает центростремительное значение, огласовка *э* - центробежное значение. При этом конечные гласные сохраняются не во всех парадигматических рядах. В результате в ряде случаев иллативные и элативные основы остаются немаркированными, точнее - фонетически тождественными. Ср. каб. *йи-с-ш-а-шэ* 'я ввел', *йи-с-ш-а-шэ* 'я вывел', но *йи-с-шэ-н-шэ* 'я буду вводить', *йи-с-ши-н-шэ* 'я выведу'.

Поведение конечных гласных в иллативных и элативных основах аналогично их поведению в переходных и непереходных основах. Иными словами, закономерности оформления аблаутных чередований конечных гласных фонетически оказываются общими, в то время как в функциональном плане аблаутные чередования конечных гласных многозначны (они участвуют в образовании разных типов морфологических оппозиций). Ср. адыг. *сэ-тхи*, каб. *с-о-тх* 'я пишу' (перех.), адыг. *йи-сэ-шви*, каб. *йи-з-о-ш* 'я вывожу', адыг. *сэ-тхэ*, каб. *с-о-тхэ* 'я пишу' (неперех.), адыг. *йи-сэ-швэ*, каб. *йи-з-о-шэ* 'я ввожу'.

⁵ Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 195-196, 264-265.

О СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЧЕРЕДОВАНИЙ ГЛАСНЫХ

Чередования гласных по аблауту, являясь важнейшими морфонологическими характеристиками слова, в значительной степени обусловлены синтагматическими признаками сочетаемости морфов в пределах словоформы. Отдельные типы чередований гласных определяются морфологическим строением словоформы. При этом синтагматические особенности сочетания морфов обуславливают как качественные, так и количественные чередования гласных. Наиболее существенной чертой синтагматической взаимосвязи разных типов чередований гласных является варьирование огласовки морфа в зависимости от характера его сочетания с другими морфами.

Для адыгских языков характерны разные аблаутные состояния, связанные с сочетанием морфов в пределах одной словоформы. Причем в этом отношении между адыгскими языками обнаруживаются структурные расхождения, свидетельствующие о сравнительно позднем происхождении отдельных типов чередований гласных. Так, в кабардинском языке универсальной закономерностью является редукция до нуля конечного гласного корневого морфа типа *CV*, *CCV* (где *V* означает гласный *и*) при сочетании с слоговым препозитивным морфом. При этом важно подчеркнуть, что указанное правило одинаково распространяется как на функциональные (аблаутные), так и на фонетически обусловленные чередования, лишённые морфологического значения, что в известной степени подтверждает их генетическую связь. Препозитивным членом, вызывающим рецессивное передвижное ударение могут быть как аффиксальные, так и корневые морфы. Ср. каб. *лъи* 'кровь', *џиль* 'твоя кровь' (*џи*- поссесивный префикс 2 лица ед. числа), *џилхуиль* 'людская (человеческая) кровь' (*џилху* 'человек'), *пси* 'вода, река', *дис* 'наша река, наша вода' (*ди*- поссесивный префикс 1 лица мн. числа), *кэс* 'слеза' (*к* *кэ* 'глаз' + *пси* 'вода'). Указанное синтагматическое правило охватывает именные и глагольные формы. Ср. *ти!* 'дай!', *раздай!*, *сот* 'я раздаю', *џот* 'ты раздаешь', *џэт* 'он раздает', *тхи!* 'пиши!', *сотх* 'я пишу', *џотх* 'мы пишем', *џэтх* 'он пишет', *Гэритх* 'рукопись', букв. 'рукой написанное' (*Гэ* 'рука'; *ри*- префикс инструменталиса). Корневые морфы (или основы) рассматриваемого типа характеризуются нормальной ступенью, если препозитивный член не составляет слогаобразующего элемента. Ср. *фти!* 'раздайте!', *фтих!* 'пишите!', *вдзи!* 'бросайте!', *филхи!* 'делайте!' (*ф*-, *в*-, *фи*- алломорфы поссесивной морфемы 2 лица мн. числа), но *фимит!* 'не раздавайте!', *фимитх!* 'не пишите!', *фимиш!* 'не делайте!', *фимидз!* 'не бросайте!'..

Из приведенных примеров видно, что в синтагматике морфы характеризуются разными типами чередований: а) корневой морф в нулевой ступени огласовки в сочетании с препозитивным членом (морфом, основой) в нормальной ступени огласовки (*џот-х* 'ты пишешь', *Гэри-х* 'рукопись'); б) корневой морф в нормальной ступени огласовки в сочетании с препозитивным морфом в нулевой ступени огласов-

ки (*ф-ти!* 'пишите!', *в-дзи* 'бросайте!'). Из этих двух сочетаний первое - новообразование, второе - общеадыгское явление. Ср. также чередование гласного *и* с нулем в адыгейском: *сиш* 'мой брат', *пиш* 'твой брат', но *иш* 'его брат', *аш* 'их брат', *сихуи* 'моя дочь', но, *иху* 'его дочь', *аху* 'их дочь'. Заметим, что отмеченные закономерности, хотя и действуют неравномерно в адыгских языках, прослеживаются также в основосложении, являющемся древнейшим и весьма распространенным типом образования слов. Ср. адыг. *атэш* (< **атэши*) 'дядя по линии отца', *анэш* (< **анэши*) 'дядя по линии матери', адыг., каб. *лѣхуиѣ* (< **лѣхуиѣи*) 'герой', каб. *лѣхѣ* (< **лѣхѣи*) 'старик'. В адыгейском языке происходит и чередование *э* с нулем в результате основосложения, обуславливающего оттяжку ударения: адыг. *псалъ* (< *псалъэ*) 'речь, слово', *псидз* (< *псидзэ*) 'наводнение' и др.

В адыгейском языке также отмечаются определенные закономерности огласовки глагольного морфа, связанные с его сочетаемостью с другими морфологическими элементами. Ср., например, адыг. *стигъэ* 'я написал', *птигъэ* 'ты написал', но *иттигъэ* 'он написал', где исходная (этимологическая) огласовка перфектного аффикса сохраняется при сочетании основы с префиксами 1 и 2 лица в нулевой степени огласовки, тогда как словообразующий префикс 3 лица *и* (фонетически *хи*) вызывает редукцию до нуля конечного гласного, что связано с действием рецессивного передвигного ударения. Обратное явление наблюдается в других парадигматических рядах. Ср., например, адыг. *ситхагъ* 'я писал', *ѣитхагъ* 'ты писал', но *тхагъэ* 'он писал', где конечный этимологический гласный удерживается лишь в 3 лице (поскольку к этой форме не присоединяется слогообразующий препозитивный морф), а в 1 и 2 лице конечный гласный чередуется с нулем, так как препозитивный морф (личный префикс) является слогообразующим. Здесь также исторически имеет место рецессивное передвигное ударение (оттяжка ударения с конечного открытого слога на предпоследний, ставший уже закрытым).

Как увидим ниже, чередования гласных, обусловленные синтагматическими особенностями сочетания (или сложения) морфов, характерны для других западнокавказских языков. Что касается значимых (аблаутных) чередований, то они в целом вписываются в общие правила акцентуационных моделей морфов в синтагматической цепи, действующие в исторически засвидетельствованных западнокавказских языках.

О ГЕНЕЗИСЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ АБЛАУТНЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ

Вопрос о происхождении аблаутных чередований остается в целом нерешенным в адыговедении, хотя об отдельных типах чередований гласных существуют разные мнения в литературе.

Анализ материала свидетельствует о хронологической и этимологической гетерогенности аблаутных чередований в

адыгских языках. Различны генетически и хронологически не только аблаутные чередования в аффиксальных и корневых морфемах, но неодинаковы в этом отношении аблаутные чередования конечных гласных. Вместе с тем аблаутные чередования, участвующие в словоизменении и словообразовании, могут иметь по происхождению гомогенную основу. Полифункциональность однотипных чередований может быть вторичной или связанной с их различным происхождением. Установление относительной хронологии некоторых типов аблаутных чередований не вызывает больших трудностей.

Так, очевиден тот факт, что в функционально различных оппозициях типа адыг. *сэ-шхи*, каб. *с-о-шх* 'я ем' (перех.) – адыг. *сэ-шхэ*, каб. *с-о-шхэ* 'я ем' (неперех.), адыг. *йи-сэ-дзи*, каб. *йи-з-о-дз* 'я выбрасываю' – адыг. *йи-сэ-дзэ*, каб. *йи-з-о-дзэ* 'я вбрасываю' чередование *и:э* – общеадыгское явление, а чередование *и:нуль* – кабардинское новообразование. Вместе с тем следует иметь в виду, что чередования гласных как средства противопоставления переходных основ непереходным основам, иллативных основ элативным основам, хотя и возводятся к общеадыгскому языку, являются живым морфонологическим процессом. Это означает, что далеко не во всех основах аблаутные чередования конечных гласных могут быть приписаны эпохе общеадыгского языкового единства. Круг глагольных основ данного типа расширяется за счет их стабилизации в современных адыгских языках и диалектах, хотя сами модели аблаутных чередований реконструируются без натяжек в общеадыгском языке.

Что касается огласовки личных аффиксов, то Г.В. Рогава полагает, "что для адыгских языков исторически было характерным наличие только двух видов аффиксов I и II лиц: без огласовки и с огласовкой *и*. Третий же вид аффиксов, т.е. с огласовкой *э* – более позднего образования"⁶. Не вызывает сомнения, что общеадыгское состояние отражает следующие модели аблаутных чередований: нулевая ступень огласовки личных аффиксов субъекта в прошедше-будущих временах (адыг. *с-тхи-гъэ*, каб. *с-тх-а-шъ* 'я написал что-то', адыг. *с-тхишът*, каб. *с-тхи-ну-шъ* 'я напишу'), нулевая ступень огласовки косвенного объекта перед словообразовательным префиксом (адыг. *с-ф-и-тхи-гъ*, каб. *с-ху-и-тх-а-шъ* 'он написал для меня'), нормальная ступень с огласовкой *и* аффикса субъекта в производных непереходных глаголах и в простых и производных глаголах в прошедше-будущих временах (адыг. *си-дэ-кIуэ*, каб. *си-д-о-кIуэ* 'я иду вместе с ними', адыг. *си-кIуа-гъ*, каб. *си-кIу-а-шъ* 'я ходил', адыг. *си-кIуэ-шът*, каб. *си-кIуэ-ну-шъ* 'я пойду'), нормальная ступень с огласовкой *и* аффикса прямого объекта при переходных глаголах (адыг. *си-йэ-хъи*, каб. *си-б-о-хъ* 'ты меня несешь'). Во всех указанных случаях современные адыгские языки в оформлении огласовки личных аффиксов продолжают общеадыгское состояние.

⁶ Рогава Г.В. Указ. соч., с. 502.

Труднее обстоит дело с решением вопроса об относительной хронологии личных аффиксов с огласовкой *э*, характерной для субъектного показателя презентных форм от простых непреходных основ (*сэ-кIуэ* 'я иду'), от простых и производных переходных основ (*сэ-хъи* 'я несу') в адыгейском языке и показателя косвенного объекта в адыгейском и кабардинском языках (адыг. *ккъи-сэ-йа-гъ*, каб. *къи-зэ-у-а-шъ* 'он бил меня'). То же самое следует сказать о нулевой огласовке субъектного показателя презентных форм от простых непреходных (динамических) основ и от простых и производных переходных основ в кабардинском языке (*с-о-кIуэ* 'я иду', *с-о-хъ* 'я несу', *ди-э-о-хъ* 'я несу вместе с ним'). В этих формах как аффиксы субъекта и косвенного объекта с огласовкой *э*, так и аффикс субъекта с нулевой огласовкой считаются новообразованиями, вызванными слиянием исходной огласовки либо с префиксом динамичности *йэ-*, либо с превербом *йэ-*: *сэ-кIуэ* < **с-йэ-кIуэ* < **си-йэ-кIуэ* 'я иду', *сэ-шъэ* < **с-йэ-шъэ* 'я его веду', *ккъи-сэ-жагъ* < **ккъи-с-йэ-жагъэ* 'тот ждал меня'⁷. На этом основании вместо *йэ-* также реконструируется *йи-* в 3 лице: *йэ-шъэ* < **й-йа-шъэ* < **йи-йэ-шъэ* 'тот ведет его'.

Отнесение префикса динамичности *о* < *йэ* к исходным формам остается дискуссионным. Трудности заключаются в том, что кабардинский язык с разбигаемой точки зрения является изолированным, т.е. в других западнокавказских языках, в том числе убыхском не представлен префикс динамичности. Отсутствие опоры на данные сравнительной (внешней) реконструкции, естественно, делает гипотетичным положение о наличии в истории адыгских языков префикса динамичности *йэ*. Кроме того, презентные формы кабардинского языка дефектны в отношении морфологического выражения динамичности: в 3 лице простых глаголов отсутствует префикс динамичности: *с-о-кIуэ* 'я иду', *й-о-кIуэ* 'ты идешь', но *ма-кIуэ* 'он идет', *с-о-шэ* 'я веду', *й-о-шэ* 'ты ведешь', но *йэ-шэ* 'он ведет'. Как видно, префикс динамичности не образует регулярных форм, т.е. не участвует в образовании формы 3 лица. Реконструкция же форм 3 лица **йэ-кIуэ* > *ма-кIуэ* 'он идет', **йэ-йэ-шъэ* > **й-йэ-шъэ* > *йэ-шъэ* 'тот ведет его', к сожалению, остается спорной из-за отсутствия материала. Во всяком случае, формы *ма-кIуэ* 'он идет', *йэ-шъэ* 'тот ведет его', представленные во всех современных адыгейских и кабардинских диалектах, могут быть приписаны общеадыгскому состоянию.

Мы уже писали в другом месте, что элемент *йэ-* в основах типа адыг., каб. *йэ-йэ-н* 'бить', адыг. *йэ-шъэлIэ-н*, каб. *йэ-шэлIэ-н* 'подвести, подвезти' и др. является не превербом, а префиксом косвенного объекта 3 лица, указывающим на лицо (или предмет), на которое направлено действие⁸. Исходя из этого, префиксы *сэ-* > *зэ-*, *йэ-*, *дэ-*,

⁷ Рогава Г.В. Указ. соч., с. 504.

⁸ Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Москва-Нальчик, 1964, с. 140-143.

фэ- > вэ-, йэ- включаются в группу, однопорядковых личных аффиксов в парадигматических рядах типа каб. *кѳи-э-н-шэ-лІ-а-шѳ* 'ты подвез ко мне', *ѳэ-с-шэлІ-а-шѳ* 'я подвез к тебе', *кѳи-дэ-ф-шэлІ-а-шѳ* 'вы подвезли к нам', *фэ-т-шэлІ-а-шѳ* 'мы подвезли к вам', *йэ-т-шэлІ-а-шѳ* 'мы подвезли к нему (или к чему-то)'. Элемент йэ- грамматически указывает на косвенный объект в личных формах *ѳ-йэ-с-т-а-шѳ* (> *ѳесташѳ*) 'тебя ему я отдал', *ѳ-йэ-з-гвэ-плѳ-а-шѳ* (> *ѳезгвэплѳашѳ*) 'тебя на кого-что-н. заставил я смотреть', *ѳ-йэ-з-гвэ-жѳ-а-шѳ* (> *ѳезгвэжѳашѳ*) 'тебя кого-что-н. заставил я ждать'. Поскольку в парадигматических рядах, образованных от довольно большой группы глаголов типа адыг., каб. *йэ-ѳэ-н* 'бить кого-н.', адыг. *йэ-шѳлІэ-н*, каб. *йэ-шэлІэ-н* 'подвести, подвезти кого-что к кому-чему-л.', адыг., каб. *йэ-ти-н* 'дать кому-н. кого-что-л.', адыг. *йэ-жэ-н*, каб. *йэ-жѳэ-н* 'ждать кого-что-л.', *йэ-плѳи-н* 'смотреть на кого-что-л.' и др. мы не выделяем другого префикса йэ- (кроме префикса косвенного объекта), аффиксы сэ- (> зэ-), ѳэ-, дэ-, фэ- (> вэ-), йэ- рассматриваются нами как общеадыгское явление. Огласовка э в аффиксе косвенного объекта не всегда сохраняется. Как и в других случаях, огласовка аффикса косвенного объекта зависит от строения личной формы, ее морфологического состава. Ср., например, в кабардинском языке переход *ѳэ* > о: *си-н-о-ѳ-а-шѳ* 'я бил тебя', *си-н-о-дѳ-а-шѳ* 'я звал тебя', *си-н-о-плѳ-а-шѳ* 'я смотрел на тебя'.

По разбираемому вопросу существуют и другие мнения. Как известно, Н.Ф. Яковлев включал префикс йэ- в некоторых глаголах разбираемого типа в состав основы, а Х.У. Эльбердов рассматривал тот же префикс как локальный преверб. Мнения этих ученых (и их сторонников) основаны на том, что морфемный анализ проводится изолированно, т.е. вне парадигматической системы (строение глагола рассматривается не во всей совокупности его словоформ, а в масдарной форме)⁹.

Более подробно историю префикса йэ-, его место и функцию в глаголе анализировал Г.В. Рогава. Префикс йэ-, по мнению Г.В. Рогава, является не показателем косвенного объекта, а префиксом косвенного отношения, сыгравшего важную роль в процессе трансформации огласовки личных префиксов косвенного объекта 1 и 2 лица ед. и мн. числа. Г.В. Рогава считает, что в словоформе *ѳи-кѳѳ-йэ-з-гвэ-жа-гѳ* (орф. *ѳѳезгвэжагѳ*) 'я заставил тебя ждать его' косвенный объект выражен нулевым аффиксом, а элемент йэ- является префиксом (превербом) косвенного отношения¹⁰. Префикс (преверб) косвенного отношения йэ- Г.В. Рогава реконструирует для личных форм глаголов: *кѳѳи-с-и-тигѳ* < **кѳѳэ-с-йэ-ѳи-тигѳэ* 'он дал мне то', *кѳѳи-ѳ-и-тигѳ* < **кѳѳэ-ѳ-йэ-ѳи-тигѳэ* 'он дал тебе то', *кѳѳи-т-и-*

⁹ Там же.

¹⁰ Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966, с. 157.

тыгъ < *къэ-т-йэ-йи-тыгъэ 'он дал нам то', ккѳи-шѳу-и-тыгъ < *къэ-шѳу-йэ-йи-тыгъэ 'он дал вам то'¹¹. Огласовка э в личных префиксах косвенного объекта 1 и 2 лица ед. и мн. числа, согласно Г.В. Рогава, обусловлена слиянием префикса (преверба) косвенного отношения йэ- с личными префиксами с исходной нулевой огласовкой: ккѳи-сэ-жагъ < *кѳи-с-йэ-жагъэ 'тот ждал меня', кѳи-йэ-жагъ < *кѳи-й-йэ-жагъэ 'тот ждал тебя', ккѳи-тэ-жагъ < *кѳи-т-йэ-жагъэ 'тот ждал нас', ккѳи-шѳуэ-жагъ < *кѳи-шѳу-йэ-жагъэ 'тот ждал вас'¹². Мы не отвергаем точку зрения Г.В. Рогава, реконструирующего префикс (преверб) косвенного отношения йэ- в личных формах типа *кѳи-с-йэ-жагъэ > ккѳисэжагъ 'тот ждал меня'. Интересны новые наблюдения П.М. Багова над префиксом йэ- (как и над префиксом р-) в адыгских языках¹³.

Но мы предлагаем также свое объяснение, согласно которому личные формы типа адыг. ккѳи-ситыгъ (орф. ккѳиситыгъ), каб. каб. кѳиизыташъ 'он дал мне', адыг. ккѳисэжагъ (орф. ккѳисэжагъ), каб. кѳиизэжашъ 'он ждал меня' не включают преверба косвенного отношения, а формы типа адыг. йэтин 'дать кому-н. что-л.', адыг. йэжэн, каб. йэжээн 'ждать кого-что-л.' включают не преверб косвенного отношения йэ-, а личный префикс косвенного объекта 3 лица йэ-, указывающего на лицо и на предмет. На наш взгляд, это положение подтверждается данными как внутренней, так и сравнительной реконструкции. В адыгейском языке формы й-йэ-сэ-ти 'тебя ему я даю' - й-йа-сэ-ти 'тебя им я даю' противопоставляются друг другу префиксами йэ- 'ему', йа- 'им'. Последние по своей функции и дистрибуции (месту в словоформе) никак нельзя отнести к превербам косвенного отношения, а являются префиксами косвенного объекта ед. и мн. числа. Ср. также абх. й-йи-с-тойтI 'тебя (кл. мужчин) ему (кл. мужчин) я отдаю', где префикс йи- также является показателем косвенного объекта 3 лица.

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, постулировать для эпохи общеадыгского единства разные варианты огласовки префикса косвенного объекта, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции. В соответствии с этим личные префиксы косвенного объекта как с нулевой огласовкой, так и с огласовкой э, на наш взгляд, отражают общеадыгское состояние.

Г.В. Рогава полагает, что в адыгских языках как огласовка и, характерная для аффиксов субъекта при переходном глаголе (адыг. си-кIуагъ, каб. си-кIуашъ 'я пошел') и прямого объекта при переходном глаголе (адыг. си-ккѳи-шѳагъ, каб. си-кѳиизашъ 'он привел меня сюда'), так и нулевая огласовка, характерная для аффиксов субъекта при

¹¹ Там же, с. 159.

¹² Рогава Г.В. Указ. соч., с. 504.

¹³ Багов П.М. Новые функции классных экспонентов е и р в адыгских языках. - Вопросы категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Тезисы докладов. Сухуми, 1977, с. 19.

переходном глаголе (адыг. *с-шьагъэ*, каб. *с-шашъ* 'я его повел') и косвенного объекта во всех глаголах (адыг. *с-фишьагъ*, каб. *с-хуишашъ* 'он повел его для меня') отражают "древнейший общий вид личных аффиксов 1 и 2 лица абхазско-адыгских языков"¹⁴. Фонетические процессы, обусловившие противопоставления личных аффиксов на морфологическом уровне, бесспорно, протекали в ранние эпохи истории адыгских языков. Вместе с тем представляется правомерным утверждать, что аблаутные чередования в системе личных аффиксов адыгских языков сложились в разные хронологические периоды. Отдельные типы аблаутных чередований, по-видимому, отражают эпоху существования западнокавказской языковой общности, хотя их архетипы могут быть реконструированы лишь очень приблизительно в связи со значительными изменениями самой системы спряжения в современных западнокавказских языках. Другие же типы аблаутных чередований в системе личных аффиксов относятся к более позднему хронологическим периодам.

Так, есть известные основания полагать, что форма с огласовкой *и* аффикса прямого объекта при переходных глаголах сложилась в эпоху, предшествовавшую образованию общеадыгского языкового единства. Тот факт, что форма с огласовкой *и* аффикса прямого объекта представлена во всех современных западнокавказских языках может свидетельствовать о том, что она относится к более глубоким хронологическим периодам, а не является общеадыгским (ареальным) образованием. Ср., например: адыг. *ѳи-сэ-лъэгъуи*, каб. *ѳи-з-о-лъа-гъу*, убых. *ѳи-з-бѳан*, абх. *ѳи-з-ботI*, абаз. *ѳи-з-батI* 'тебя я вижу'. Как видно, аффикс прямого объекта во всех западнокавказских языках представлен с огласовкой *и* (*ѳи-* 'тебя'). Если в подобной парадигме исключить возможность параллельного (независимого) развития огласовки аффикса *ѳи-* во всей группе языков (а подобный путь развития представляется весьма спорным и недоказуемым), то оформление огласовки разбираемого аффикса может быть отнесено к эпохе западнокавказской языковой общности.

Однако далеко не во всех случаях аффикс прямого объекта характеризуется одинаковой огласовкой в западнокавказских языках. Ср., например, адыг. *ѳи-пи-тэ-ѳипIчIи*, каб. *ѳи-пи-о-о-ѳипIшI*, убых. *ѳи-фа-шь-кѳиан*, абх. *ѳи-п-ахъ-кѳиойтI* 'мы тебя обрубаем, отрезаем'. Перед локальным превербом (адыг., каб. *пи-*, убых. *фа-*, абх. *п-*) исходная огласовка *и* аффикса прямого объекта сохраняется в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. Ср. также: адыг. *си-п-а-ѳипIчIи*, каб. *си-п-а-ѳипIшI*, убых. *си-фа-на-кѳиан*, абх. *с-пи-р-кѳиойтI* 'они меня обрубают, отрезают'. Очевидно, что чередование *и:нуль* в абхазском (и абазинском) в аффиксе прямого объекта перед локальным превербом - новообразование.

В приводившихся выше двухличных формах простого переходного глагола вероятной представляется исходность ну-

¹⁴ Рогава Г.В. Указ. соч., с. 506.

левой ступени аффикса субъекта *з- < с-*. В адыгских языках нулевая ступень восстанавливается в прошедших и будущих временах. Ср. адыг. *џи-с-лѳэ-гъуишъ*, каб. *џи-с-лѳэ-гъуашъ* 'тебя я видел', адыг. *џи-с-лѳэ-гъуиштъ*, каб. *џи-с-лѳагъуиштъ* 'тебя я увижу'. Иными словами, данные мнение Г.В. Рогава об исходности нулевой ступени аффикса субъекта переходных глаголов¹⁵. В то же время приходится признать, что в нашем распоряжении нет данных, указывающих на наличие в прошлом в убыхском, абхазском и абазинском языках между корнем и префиксом субъекта показателя динамичности, как это имеет место в современном кабардинском языке в презентной форме 1 и 2 лица. Ср. каб. *џи-з-о-лѳа-гъу* 'я тебя вижу'. Это заставляет признать префикс динамичности *о-* (< **-џэ*) локальным (адыгским) новообразованием.

В оформлении огласовки личных префиксов адыгские языки во многом объединяются с убыхским языком. Ср., например, префиксы субъекта и косвенного объекта многочисленных непереходных глаголов: адыг. *си-п-тѳэ-кІуэ* (< **си-џ-тѳэ-кІуэ*), каб. *си-п-т-о-кІуэ* (< **си-џ-т-о-кІуэ*), убых. *си-џ-бѳѳа-кІѳан* 'тебя я побеждаю', букв. 'над тобой я иду', адыг. *џи-ккѳи-с-тѳэ-кІуэ*, каб. *џи-кІѳи-с-т-о-кІуэ*, убых. *џи-з-бѳѳа-кІѳан* 'ты меня побеждаешь', адыг. *ти-шъу-тѳэ-кІуэ*, каб. *ди-ф-т-о-кІуэ*, убых. *шъи-хъу-бѳѳа-кІѳан* 'мы вас побеждаем'. В подобных случаях модели оформления префиксов субъекта и косвенного объекта могут быть возведены к адыгско-убыхскому уровню. Ср. абх. *с-џи-ку-хъа-џайтІ* 'я на тебя (кл. мужчин) падаю', *с-би-кухъа-џайтІ* 'я на тебя (кл. женщин) падаю', *с-џи-ку-хъа-џайтІ* 'я на него (кл. мужчин) падаю', *с-ди-ку-хъа-џайтІ* 'я на нее (кл. женщин) падаю'. Как видно, в приведенных примерах, абхазский язык демонстрирует иные модели оформления префиксов субъекта и косвенного объекта структурно однотипного глагола: префикс субъекта характеризуется нулевой ступенью, а префикс косвенного объекта перед локальным провербом – огласовкой *и*.

Адыгские языки сближаются также с убыхским в оформлении личных префиксов других типов глаголов. В этом отношении обращает на себя внимание оформление префиксов субъекта в статических глаголах. Ср., например, адыг. *си-цІи-ф*, каб. *си-цІиху-шъ*, убых. *си-тит* 'я человек', адыг. *џи-цІи-ф*, каб. *џи-цІиху-шъ*, убых. *џи-тит* 'ты человек', адыг. *ти-цІи-ф-х*, каб. *ди-цІиху-шъ*, убых. *шъи-ти-тин* 'мы люди', адыг. *шъуи-цІи-ф-х*, каб. *фи-цІиху-шъ*, убых. *шъуи-титин* 'вы люди'. Единая модель оформления префиксов субъекта 1 и 2 лица статических глаголов (с огласовкой *и*) сложилась не позже адыгско-убыхского хронологического уровня.

Иначе обстоит дело с генезисом и относительной хронологией аблаутных чередований конечных гласных. Выше отмечалось, что некоторые типы аблаутных чередований конеч-

¹⁵ Рогава Г.В. Указ. соч., с. 505-506.

ных гласных, используемых для создания морфологических оппозиций ("переходная основа - непереходная основа", "иллативная основа - элативная основа"), возводятся к эпохе общеадыгского языкового единства. Об этом свидетельствует наличие во всех современных адыгских диалектах продуктивной группы глагольных основ, образующих противопоставления с помощью аблаутных чередований конечных гласных. Однако много неясного в вопросе о механизме чередований конечных гласных, их генетическом соотношении, истории их становления и развития. Остается нерешенной и проблема взаимосвязи аблаутных чередований в адыгских и других западнокавказских языках.

Модели аблаутных чередований конечных гласных, служащие средством противопоставления переходных и непереходных глагольных основ, хотя и относятся к праязыковым моделям аблаутных чередований, образованы все же на адыгской почве, т.е. хронологически не идут глубже общеадыгского уровня. Не все переходные и непереходные основы, противопоставляющиеся путем чередования конечных гласных, могут быть приписаны общеадыгскому языку. Как увидим ниже, образование переходных и непереходных основ с помощью аблаутного чередования хронологически относится к разным периодам. Наряду с общеадыгскими парными основами отмечаются основы этого типа, относящиеся к более поздней эпохе, т.е. к периоду самостоятельного существования адыгских языков. Более того, образование парных основ с помощью чередования конечных гласных является живым процессом, т.е. дифференциация переходных и непереходных основ, характеризующихся разной степенью чередования, - живой морфонологический процесс в адыгских языках.

Данные внутренней и сравнительной реконструкции свидетельствуют о том, что анализируемые чередования имеют также гетерогенное происхождение. В одних случаях оппозитивные основы, различающиеся с помощью чередований гласных по признаку переходности и непереходности, восходят к стабильным (переходным или непереходным) основам, в других случаях - к лабиальным основам.

Не подлежит сомнению, что глагольные основы лабиальной конструкции типа адыг. *хъуэ-н*, каб. *вэ-н* 'пахать', адыг. *пIчIэ-н*, каб. *пIшIэ-н* 'полоть', адыг., каб. *Iуэ-н* 'молотить', адыг. *хи-н* 'жать', адыг., каб. *хъэ-н* 'вязать', адыг., каб. *шъэ-н* 'ткать' и др. унаследованы от общеадыгского состояния. Более того, есть основания полагать, что нейтральность некоторых основ восходит к более глубокому хронологическим эпохам. К ним относится, например, основа *шъэ* (адыг., каб.), *шъ(и)* - (бзыб.), *с(и)* - (абж.), *с-* (абаз.) в значении 'ткать'¹⁶. В западнокавказских языках нейтральны (лабиальны) многие глагольные основы, сложившиеся после распада языка-основы, т.е. в период их самостоятельного существования. При этом показателен тот факт, что глагольные основы, генетически

¹⁶ Куматов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., с. 208.

разные по своему происхождению, но тождественные по своей семантике, нередко оказываются лабильными по своей конструкции во всех западнокавказских языках. Ср. адыг. *сэ-хъэ*, каб. *с-о-хъэ*, абх. *с-пойтI* 'я вяжу, занимаюсь вязанием' (неперех.), адыг. *сэ-хъэ*, каб. *с-о-хъэ*, абх. *йи-с-пойтI* 'я вяжу что-то' (перех.)¹⁷.

Лабильные основы, в том числе общеадыгские, характеризуются разной огласовкой. В одних случаях лабильная основа представлена с огласовкой *э*, в других случаях — с огласовкой *и*. Глагольные основы типа адыг. *ма-жъуэ*, каб. *ма-вэ* 'он пашет' (неперех.), адыг. *йэ-жъуэ*, каб. *йэ-вэ* 'он пашет что-то' (перех.), адыг. *ма-пIчIэ*, каб. *ма-пIшIэ* 'он полет' (неперех.), адыг. *йэ-пIчIэ*, каб. *йэ-пIшIэ* 'он полет что-то' (перех.), адыг. *мэ-джи* 'он прыдет' (неперех.), *йэ-джи* 'он прыдет что-то' (перех.), *мэ-пхи* 'он чешет' (неперех.), *йэ-пхи* 'он чешет что-то' (перех.) отражают общеадыгские нормальные ступени огласовки *э*, *и*. Подобные простые лабильные основы немногочисленны в адыгских языках. Причем с точки зрения лабильности этих основ между адыгскими языками имеются расхождения, вызванные неравномерностью действия процесса их стабилизации с помощью чередования конечных гласных в адыгских языках (о чем см. ниже).

Однако в адыгских языках имеются вторичные (производные) лабильные основы, восходящие к языку-основе. Среди них наиболее продуктивна группа основ, образованных с помощью префикса *йи*¹⁸. Характерно, что образование лабильных основ от именных с помощью *йи* сопровождается переходом *э* > *и*. Ср. адыг. *ккъабзэ*, каб. *къIабзэ* 'чистый', адыг. *и-йиккъэбзи-шът*, каб. *йи-йикъIэбзи-нушъ* 'он почистит'. Кроме того, подобные глагольные основы остаются одинаково лабильными не во всех парадигматических рядах в адыгских языках. Так, в кабардинском языке вторичный (конечный) гласный *и* редуцируется до нуля в презентной основе. Ср. адыг. *мэ-йиккъэ-бзи*, каб. *мэ-йикъIэбз* 'тот чистится', адыг. *йэ-йиккъэбзи*, каб. *йэ-йикъIэбз* 'он чистит что-то'. Редукция *и* до нуля в подобных случаях — кабардинское новообразование. Но дело не в этом. Редукция *и* до нуля означает, что основы разбираемого типа остаются лабильными не во всех парадигматических рядах. Это касается вообще всех типов лабильных основ с конечным *и*. Как отмечалось выше, последний удерживается лишь в определенных парадигматических рядах. Отсюда и лабильность этих основ определяется конкретной формой глагола.

Отмечается стабилизация не только производных (вторич-

¹⁷ Аристава Ш.К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. — Труды Абхазского Ин-та языка, литературы и истории, вып. XXX, Сухуми, 1966. О семантических группах основ лабильной конструкции см.: Гишев Н.Т. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп, 1968, с. 60–64.

¹⁸ Кумахов М.А. Морфология адыгских языков, с. 158.

ных) лабильных основ, но и простых лабильных основ. В ряде случаев этот процесс иллюстрируется убедительным материалом современных адыгских языков. Так, простые основы лабильной конструкции адыгейского языка нередко преобразуются в основы стабильной конструкции в кабардинском языке. Ср. адыг. *ашь йэ-хи*, каб. *аби йэ-х* 'он жнет что-то' (перех.) - адыг. *ар мэ-хи*, каб. *ар ма-хэ* 'он жнет' (неперех.). Несомненно, что в подобных случаях произошла стабилизация основы лабильной конструкции: адыгейский язык продолжает общеадыгское состояние (в нем сохранились основы лабильной конструкции), кабардинский язык приобрел новые оппозитивные основы, различающиеся по признаку переходности и непереходности с помощью чередования гласных по аблауту. Причем обращает на себя внимание огласовка *и* в исходной (лабильной) основе. Этой огласовке соответствуют разные варианты в стабильных основах кабардинского языка. Ср. каб. *с-о-х* 'я жну что-то' (перех.), *с-о-хэ* 'я жну' (неперех.), *с-хи-нушь* 'я сожну что-то' (перех.), *си-хэ-нушь* 'я сожну' (неперех.).

Переходные и непереходные основы, различающиеся с помощью аблаутных чередований конечных гласных, сложились в результате действия разнотипных процессов. В отличие от вышеприведенных основ глаголов *хи-н* 'жать' (перех.) - *хэ-н* 'жать' (неперех.), производных от общеадыгской основы лабильной конструкции, основы глаголов *кIуэ-н* 'идти' (неперех.) - *кIуи-н* 'пройти' (неперех.) образованы от основы стабильной конструкции, что подтверждается данными сравнительной реконструкции. Ср. убых. *си-кIба-н* 'я иду', *йи-кIба!* 'иди!', *шъи-кIба-н!* 'идите!'. Для адыгско-убыхского уровня реконструируется корень непереходного значения **кIуа-*. В убыхском языке, в отличие от адыгских языков, от непереходной основы (корня) *кIба-* не образуется переходная основа путем чередования конечного гласного с *и*. В данном случае убыхский язык оказался более устойчивым, в то время как чередование *э:и* (*кIуэ-н* - *кIуи-н*) отражает явление, образованное на адыгской почве. Исходным членом оппозиции является также непереходная основа с огласовкой *и*. Так, в оппозитивных членах *бзи-н* (перех.) - *бзэ-н* (неперех.) 'резать, кроить', *ди-н* (перех.) - *дэ-н* (неперех.) 'шить', *ти-н* (перех.) - *тIэ-н* (неперех.) 'рыть, копать' и др. непереходные основы, по-видимому, образованы от основ переходных. К такому выводу заставляет прийти материал убыхского языка, где соответствующие основы представлены лишь в переходной форме, причем с огласовкой, аналогичной ее оформлению в адыгских языках. Ср. убых. *бзи-* 'резать на куски', *а-э-бзи-н* 'я режу (разрезаю) на куски', *дуй-* 'шить', *а-э-дуй-н* 'я шью', *ти-н* 'рыть, копать', *а-с-ти-н* 'я рою, копаю'.

Образование непреходных основ от стабильных переходных основ, как и образование переходных основ от стабильных непреходных основ, не позволяет присоединиться к распространённой точке зрения, согласно которой все глагольные основы, различающиеся по переходности и непреходности с помощью конечных гласных, возводятся к основам лабильной конструкции с огласовкой *э*¹⁹.

Итак, анализ материала показывает, что для основ, в том числе простых (непроизводных), создающих противопоставления по переходности и непреходности путем чередований конечных гласных, исходными оказываются не только основы лабильной конструкции (*хи-н* - *хэ-н* 'жать'), но и основы стабильной конструкции (*кIуэ-н* 'идти' - *кIуи-н* 'пройти'). При этом лабильная основа в исходном состоянии может выступать не только с огласовкой *э*, но и с огласовкой *и*, что подтверждается на материале самих адыгских и других западнокавказских языков. Так, исходность огласовки *и* в основе *хи-н* 'жать, косить' доказывается не только данными внутренней реконструкции; ср. адыг. *йэ-хи* (лабильная основа) - каб. *йэ-х* (стабильная переходная основа) 'он жнет что-то', адыг. *мэ-хи* (лабильная основа) - каб. *ма-хэ* (стабильная непреходная основа) 'он жнет что-то'. Исходность огласовки *и* в этой основе подтверждается материалом родственных языков. Ср. убух. *шви-*, абх. *абаз. хъ-* (< *хви-*) 'жать, косить'. Ср. также адыг. *йэ-гуи* (лабильная основа) - каб. *йэ-гу* (стабильная переходная основа) 'он толчет что-то', адыг. *мэ-гуи* (лабильная основа) - *ма-гуэ* (стабильная непреходная основа) 'он толчет'. Эта же основа в убухском является стабильной, переходной и представлена с исходной огласовкой *и*: *а-э-гуи-н* 'я толку зерна', ср. в том же языке *гуи* 'маленький, мелкий, тонкий'.

Число примеров, иллюстрирующих переход *и* > *э* как при стабилизации лабиальных основ, так и при дифференциации значения исходных стабильных основ типа *бзи-н* - *бзэ-н* 'резать', 'кроить' (ср. убух. *бзи-* 'резать на куски'), легко можно увеличить. Однако приведенных примеров вполне достаточно для обоснования двух положений: 1. Глагольные основы, различающиеся по переходности и непреходности путем чередований конечных гласных, восходят к лабильным и стабильным основам; 2. Исходные лабильные и стабильные основы характеризуются как огласовкой *э*, так и огласовкой *и*.

В связи с изложенным возникает вопрос о соотношении функционально разнотипных чередований в адыгских языках. В литературе высказано предположение, что в парах типа *ди-н* (перех.) - *дэ-н* 'шить' (неперех.) исходной формой является лабильная основа с огласовкой *э* (*дэ-н*), сохранившейся в сочетании с превербами: каб. *Iуе-дэ*, *чIэрэ-дэ* 'пришивает к чему-то', *йире-дэ* 'вшивает' и др.²⁰ Выше

¹⁹ Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957, с. 93.

²⁰ Там же.

отмечалось, что исходной формой в данном случае является не лабильная, а стабильная переходная основа с огласовкой *и*. В стабильных переходных основах с первербами огласовка *э* (*Гуедэ, чІэредэ, йиредэ, хедэ, шІедэ...*), на наш взгляд, возводится не к лабильной основе, а возникла в результате перегласовки, т.е. перехода *и* > *э*. Подобная перегласовка является отличительной чертой производных основ, включающих локальные превербы. Так, в отличие от адыг., каб. *ди-н* - *дэ-н* 'шить', основа переходного глагола адыг. *йиити-н*, каб. *йибиди-н* 'поймать, схватить' является непарной, т.е. не имеет соотносительной основы с огласовкой *э*. Тем не менее при сочетании не парной основы разбираемого переходного глагола с местными превербами отмечается переход *и* > *э*, ср. каб. *Гуиҕибидэ-н* 'поймать, схватить у чего-то', *дэҕибидэ-н* 'поймать, держать между чем-то', *йиҕибидэ-н*, *хэҕибидэ-н* 'поймать, держать, схватить в чем-то, внутри чего-то', *теҕибидэ-н* 'поймать, держать, схватить над чем-то'.

Переход *и* > *э* в производных (префиксальных) основах рассматриваемого типа создает каноническую форму, охватывающую однотипные образования. Ср. основы переходных и непереходных глаголов и их производные (префиксальные) формы: адыг., каб. *шІи-н* 'делать', но *тешІэ-н* 'делать над чем-то, на чем-то', *дэшІэ-н* 'делать между чем-то', *чІэришІэ-н* 'приделывать, привязать к чему-то', адыг. *уицуи-н*, каб. *уиэи-н* 'встать', но адыг. *теҕицуэ-н*, каб. *теҕиээ-н* 'стать, наступить на что-то', адыг. *дэҕицуэ-н*, каб. *дэҕиээ-н* 'стать между чем-то', адыг., каб. *гви-н* 'плакать', но адыг., каб. *тегвэ-н* 'оплакивать кого-что-л.' и др. К аналогичным образованиям следует отнести и формы типа *тхи-н* 'писать', *хэтхэ-н* 'вписать', *хетхэ* 'вписывает' и др. Иными словами, в префиксальных формах не сохраняется лабильная основа с огласовкой *э*, а происходит закономерный переход *и* > *э*. Как видно, переход *и* > *э* не влияет на переходность и непереходность основы: префиксальная форма сохраняет исходное значение (переходное или непереходное): *тхи-н* 'писать' (перех.), *хэтхэ-н* 'вписать' (перех.), *гви-н* 'плакать' (неперех.), *тегвэ-н* 'оплакивать' (неперех.). Факт этот наталкивает на мысль, что в данном случае переход *и* > *э* имеет скрытое иллативное (адитивное) значение, имплицитно выражающееся в том, что действие направлено к предмету. Производные формы типа *хэдэ-н* 'вшить, вшивать' (от основы *ди-н* 'шить'), *хэтхэ-н* 'вписать, вписывать' (от основы *тхи-н* 'писать'), *хэҕигвэ-н* 'держат в чем-то' (от основы *игви-н* 'держат') и др. тождественны производным формам типа *хэдзэ-н* 'вбросить, вбрасывать' (от основы *дзи-н* 'бросить'), *хэҕвэ-н* 'внести, вносить' (от основы *хви-н* 'нести') и др. Различия между ними проявляются в том, что иллативное, центростремительное значение проявляется более отчетливо в глаголах движения (*хэдзэ-н*, *хэҕвэ-н* и др.) и менее отчетливо в глаголах действия и состояния (*хэдэ-н*, *хэтхэ-н*, *хэҕигвэ-н* и др.). В том случае, если простая (непроизводная) основа имеет исходную огласовку

э, то иллативная префиксальная (производная) основа выступает с той же огласовкой. Ср. адыг. *йи-шэ-н*, каб. *йи-шэ-н* 'ввести, ввезти', адыг., каб. *йилэ-н* 'впрыгнуть, прыгнуть внутрь'. В элативных производных основах этимологический гласный э чередуется с и: адыг. *йишэ-н*, каб. *йиши-н* 'выводить, вывозить', *йилэ-н* 'выпрыгнуть'. Ср. в кабардинском э > и > нуль: *йирешэ* 'вводит, ввозит', *йиреши* > *йиреш* 'выводит, вывозит'.

Таким образом, префиксальные (превербные) основы выражают разные направления действия при помощи огласовки: огласовка э выражает иллативное направление, огласовка и (или нуль) – элативное направление. Вполне понятно, что подобное противопоставление более четко и последовательно обозначено в глаголах движения, тогда как в глаголах действия и состояния оно выражено в скрытой, имплицитной форме или дополнительными морфологическими средствами. Так, в каб. *хэдэ-н* 'вшить, вшивать' – *хэди-н* 'вышивать', *хэтхэ-н* 'вписать, вписывать' – *хэтхи-н* 'выписать, выписывать' для образования иллативной основы используется огласовка э, в то время как огласовка и оканчивается недостаточной для образования элативной основы и поэтому используется специальный суффикс -чи. Напротив, в парных основах типа каб. *йипшэ-н* 'выползти, выползть' – *йипшхэ-н* 'вползти, вползть' для образования элативной основы применяется огласовка и, а иллативная основа выражена с помощью суффикса -хэ.

В одной из последних работ Ж. Дюмезиль высказал предположение, что оппозиция типа адыг., каб. *тхи-н* 'писать' (перех.) – *тхэ-н* 'писать' (неперех.) возводится к оппозиции типа адыг. *хэшэ-н*, каб. *хэшэ-н* 'вести, везти' – адыг. *хэши-н*, каб. *хэши-н* 'вывести, вывести'. Ж. Дюмезиль полагает, что в выражении непереходного (недетерминированного) действия главным является субъект, в выражении же переходного (детерминированного) действия – внешний объект. <Если я говорю: "Я пишу письмо", очевидно, что действие исходит от меня, идет во внешний мир, соприкасаясь с бумагой, с адресатом и т.д. Преемственность в обратном смысле сохраняется гораздо труднее>²¹.

Соображения Ж. Дюмезиля заслуживают внимания, хотя они недостаточны для обоснования положения о взаимосвязи рассматриваемых оппозиций. Оставляя в стороне вопрос о генетическом отношении оппозиции "переходная основа – непереходная основа" к оппозиции "иллативная основа – элативная основа", следует указать на функциональную соотносительность конечных гласных, с помощью которых образуются указанные оппозиции. В парных основах огласовка и (или нуль) выражает иллативное направление или переходное значение, огласовка э выражает противоположные функции – элативное направление или непереходное значение. Трудно сказать, имеется ли функциональная взаимо-

²¹ Dumézil G. Le verbe Oubykh. – Institut de France. Mémoires de L'Académie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série, t. I, p. 31.

связь между иллативным направлением и переходностью глагола, с одной стороны, между элативным направлением и непереходностью глагола – с другой (Ж. Дюмезиль предполагает, что подобная функциональная преемственность существует между ними).

Другое дело – вопрос об относительной хронологии разбираемых оппозиций, в основе которых лежат чередования конечных гласных. Есть известные основания утверждать, что оппозиция "иллативная основа – элативная основа" древнее оппозиции "переходная основа – непереходная основа", образованной путем чередований гласных по аблауту. К такому выводу позволяет прийти материал других западнокавказских языков. В этом отношении особенно показательны данные абхазского и абазинского языков. В последних широко используются аблаутные чередования для противопоставления иллативных (аддитивных) и элативных (абитивных) основ²². Ср. абаз. *та-ца-ра* 'загнать туда, внутрь', абх., абаз. *а-т-ца-ра* 'выгнать оттуда (сюда)', абх., абаз. *а-цIа-шуа-ра* 'бросить туда, вниз', абх. *а-цI-шуа-ра* 'выбросить оттуда снизу сюда', абх., абаз. *а-та-шуа-ра* 'бросать туда', абх. *а-т-шуа-ра* 'выброситься оттуда сюда', абх., абаз. *а-цIа-га-ра* 'занести туда (в рот)', *а-цIа-га-ра* 'вынести оттуда (из рта сюда)'²³. Как показывают примеры, конкретная локализация (внутри, внизу...) выражена превербами, а противоположные направления – их огласовками. При этом характерно, что в абхазско-абазинских диалектах, как и в адыгских языках, нулевая огласовка (< и) указывает элативное направление, огласовка *а* по своей функции соответствует огласовке *э* в адыгских языках: указывает на иллативное направление.

Как показала К.В. Ломтатидзе, переход *а* > *и* > нуль отмечается не только в локальных превербах, но и в корневых морфах (корнесуффиксах)²⁴. При этом в корневых морфах, как и в локальных превербах, огласовка *а* характерна для иллативных форм, а нулевая огласовка (< и) – для элативных форм. Ср. абх. *а-та-цIа-ра* 'класть внутрь', *а-ти-цI-ра* 'выходить изнутри'. В абхазско-абазинских диалектах аблаутные чередования гласных, применяемые для противопоставления иллативных и элативных форм последовательно прослеживаются далеко не во всех типах производных основ. Кроме того, в этих же целях используются направительные суффиксы, причем сам механизм средств про-

²² Ломтатидзе К.В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944; Она же. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке. – ИКЯ, т. 4. Тбилиси, 1953; Кличев Р.Н. Глагольные суффиксы направления в абазинском языке. Черкесск, 1972; Керашева З.И., Чкадуа Л.П. Локативные превербы статических и динамических глаголов в абхазско-адыгских языках. – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. IV. Тбилиси, 1977.

²³ Примеры взяты из: Кличев Р.Н. Указ. соч., с. 164.

²⁴ Ломтатидзе К.В. К структуре сложносоставных глагольных основ...

тивопоставления иллативных и элативных глаголов в этих диалектах допускает целый ряд переходных, факультативных и комбинированных форм. Вместе с тем в адыгейском, кабардинском, абхазском и абазинском языках функциональное тождество огласовок (например, огласовка *и* или *нуль* указывает на элативную форму) и морфологическое строение иллативных и элативных форм (они возможны в производных образованиях, включающих локальные превербы) свидетельствуют о наличии в этих языках структурных общностей, связанных с выражением направления в глаголе. Трудно ответить на вопрос, относятся ли аблаутные чередования, служащие для противопоставления иллативных и элативных форм, к древним явлениям, восходящим к западнокавказскому состоянию. Однако представляется возможным согласиться с мнением, согласно которому в абхазском и абазинском языках морфонологический тип противопоставления иллативных и элативных форм предшествует морфологическому (суффиксальному) типу²⁵. Ср. абх. *а-т-шуа-ра* > абаз. *т-шу-т-ра* 'выброситься оттуда (сюда)', абаз. (тап.) *йи-гIуна-с-ца-д* > *йи-гIуна-с-ца-л-д* 'я то загнал туда' и др.

Как отмечалось выше, в абхазском и абазинском языках аблаутные чередования, участвующие в образовании иллативных и элативных основ, могут быть закреплены за локальными превербом и корневым морфом (основой), тогда как в адыгских языках они характерны лишь для корневого морфа (основы). Заметим, что для выражения направления действия вполне достаточно чередования гласных либо в корневом морфе, либо в локальном превербе, т.е. комбинация разных типов, по существу, избыточна. Из двух типов чередований более древним является, по-видимому, адыгский тип, т.е. чередование гласных в корневом морфе (основе). В пользу этого говорит не только избыточность комбинированного типа чередований гласных, представленного в абхазско-абазинском ареале, но и отсутствие каких-либо следов аблаутных чередований гласных в локальном превербе в адыгских языках в целях противопоставления иллативных и элативных основ.

В этой связи показателен и материал убыхского языка. По мнению Ж. Дюмезиля, в убыхском языке прослеживаются остаточные явления, отражающие древнее противопоставление иллативных и элативных основ с помощью чередований гласных в корневом морфе. Ж. Дюмезиль приводит пары корневых морфов - *тIу(и) : тIуа*, -*гъ(и) : гва*, различающиеся путем чередований гласных²⁶. Ср. убых. *си-гъи-тIуи-н* 'я выхожу (из огороженного места)', *си-гъуа-тIуи-н* 'я выхожу снаружи', *си-йа-тIуи-н* 'я выхожу (из массы, совокупности предметов)', но *а-тIуа-н* 'то свертывается (о молоке)', *си-цан с-чIа-гъ* 'мой меч висит на мне (на моем боку)', но *си-цан с-чIа-си-гва-н* 'я вешаю свой меч на себе (на своем боку)'²⁷. Представляется бесспорным, что в

²⁵ Там же.

²⁶ Dumézil G. Op. cit., p. 31.

²⁷ Там же, с. 32-33, 35.

производных образованиях типа *си-еви-тIуи-н*, *си-гъуа-тIуи-н*, *си-ѳа-тIуи-н* 'я выхожу из чего-то' превербы *гъи-*, *гъуа-*, *ѳа-* выражают конкретную локализацию, а корень с огласовой *и* — элативное направление. Примечательно в этой связи, что в убыхском языке, как и в других западнокавказских языках, огласовка *и* (> нуль) указывает на элативное направление. Если даже оставить в стороне вопрос о функциональной преемственности рассматриваемых оппозиций гласных в убыхском и адыгских языках (Ж. Дюмезиль предполагает наличие подобной преемственности), оппозиции *-тIу(и) :- тIуа*, *гъ(и) :- гъа* (при отсутствии альтернатив в локальных превербах) свидетельствуют о том, что в сопряженных основах "преверб + корень" именно последний член проявляет тенденцию к морфологическому противопоставлению путем чередований конечных гласных.

Итак, хотя нам не кажется бесспорным существование в западнокавказских языках исходной единой модели аблаутного чередования, в этих языках с большей или меньшей последовательностью наблюдается одно общее явление: использование чередований гласных для выражения направления в сопряженных (производных) основах типа "локальный преверб + корневой морф". Механизм аблаутных чередований конечных гласных с фонетической точки зрения во многом объясняется общими закономерностями конца слова. В западнокавказских языках с разной степенью регулярности и интенсивности действует закон, согласно которому присоединение к корню препозитивного слогаобразующего морфа обуславливает рецессивное передвижение ударения и редукцию гласного в абсолютном исходе. Этот древний фонетический закон распространяется в более поздний период (например, в эпоху существования отдельных адыгских языков и диалектов) на конечный *и*, участвующий в образовании морфологических оппозиций — переходных и непереходных основ, элативных и иллативных основ.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Как уже отмечалось в специальной литературе, фонологическая модель, отражающая древнейшую (реконструированную) общекартвельскую систему, находит ближайшую типологическую параллель в современных западнокавказских языках с их богатой и сложной консонантной системой и максимально упрощенной, простой системой вокализма²⁸. В этой связи заслуживают внимания типологические параллели в системе аблаута. На данном этапе изученности западнокавказских языков представляется возможным констатировать наличие ряда морфонологических явлений, типологически сближающих данную группу языков, в частности адыгских, с общекартвельским. Так, из вышеизложенного видно, что в западнокавказских языках, в особенности языках адыгской группы, как в общекартвельском, аблаут играет значительную роль именно в глаголе. Отмечается также функциональное тож-

²⁸ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965, с. 373, 440.

дество аблаутных чередований в адыгских языках и общекартвельском: роль морфологически значимых чередований гласных очень заметна в образовании переходных и непереходных парадигматических рядов. Типы морфонологических оппозиций, обусловленных аблаутными чередованиями гласных, нередко совпадают. Ср., например, противопоставление переходных и непереходных парадигм путем чередований гласных в корневых и аффиксальных морфах. При этом характерно, что выбор аблаутной ступени в общекартвельском и адыгских языках (геср. общеадыгском) зависит от формы глагола и переходности-непереходности основы. Имеются даже общие морфонологические правила, связанные с синтагматикой морфов и механизмом аблаутных чередований. Ср., например, в системе аблаута полная (или частичная) редукция гласного одного морфа, обусловленная полногласием другого морфа и др.

Глава VI

СТРУКТУРА КОРНЯ В ОБЩЕАДЫГСКОМ И ЗАПАДНОКАВКАЗСКОМ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопрос о структуре общеадыгского корня и его отношении к западнокавказскому корню по сути дела не ставился в специальной литературе, хотя существуют две диаметрально противоположные точки зрения по проблемам, связанным с оформлением корня в истории западнокавказских языков. Это объясняется тем существенным обстоятельством, что в сравнительно-исторических исследованиях по западнокавказским языкам не всегда разграничиваются разные хронологические уровни, в том числе общеадыгский и западнокавказский. Между тем невозможно построить теорию корня безотносительно к разным хронологическим периодам развития языка. Теория общеадыгского корня, имеющая кардинальное значение для сравнительной грамматики адыгских (да и вообще западнокавказских) языков, должна строиться на методике лингвистической процедуры, учитывающей различие между разными хронологическими уровнями. Как уже отмечалось выше, вопросом первостепенной важности при построении теории общеадыгского корня является учет того обстоятельства, что корень как единица онтологического уровня подвергается постоянным преобразованиям, что логически исключает возможность существования только одной единственной структурной модели корня в языке¹. На протяжении длительного развития и складывания общеадыгского языка корень не мог оставаться однотипным и неизменным. Иными словами, статическая теория корня должна быть ос-

¹ Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, с. 277.

тавлена и построена динамическая теория общеадыгского корня. Теоретически несостоятельна точка зрения, согласно которой для определенного хронологического периода развития языка постулируется наличие лишь одной модели корня или основы.

Статическая теория корня, господствовавшая долгое время в сравнительно-историческом языкознании, не отражает реальной картины развития языка. Наиболее распространенный вариант статической теории индоевропейского корня Э. Бенвениста, опирающегося на ларингальную теорию, был подвергнут основательной критике в поздних и новейших работах². Однако статическая теория корня, основанная на презумпции, что структура корня в языке может быть тождественной и однотипной, получила широкое распространение в языкознании. На статической теории базируются известные взгляды Н.Ф. Яковлева на древнее структурное оформление корня в адыгских языках.

ДРЕВНЯЯ СТРУКТУРА КОРНЯ В ПОНИМАНИИ Н. Ф. ЯКОВЛЕВА

В 1927 г. Н.Ф. Яковлев впервые поставил вопрос о структуре древнего корня в кабардинском языке³. В соответствии с теорией Н.Ф. Яковлева односложные слова типа "согласный + гласный" (нэ 'глаз', нэ 'нос', сэ 'я', дэ 'мы') демонстрируют структуру древнего корня в кабардинском языке. В последующих работах Н.Ф. Яковлева корень, его структура и происхождение занимают центральное место. Рассматривая корень в свете стадияльного развития языка, Н.Ф. Яковлев относит односложные корни открытого типа ("первичные слова - корни", в его терминологии) к определенной (аморфной) стадии языкового развития. Н.Ф. Яковлев пишет: "В современном адыгейском языке первичные слова-корни - продукт аморфной эпохи..."⁴ Далее: "Из слияния этих элементов (односложных слов открытого типа. - М.К.) и происходят все многосложные слова теперешних языков. В большинстве этих языков, однако, одноэлементные слова почти не встречаются или сохраняются лишь в крайне ограниченном числе случаев. Однако в адыгейском языке, как и в некоторых других языках, мы находим значительное количество - целый пласт одноэлементных слов. Следовательно, с точки зрения яфетической теории первичные односложные адыгейские слова-корни представляют собой остаток древнейшего типа одноэлементных слов"⁵. То же самое Н.Ф. Яковлев отмечает в отношении

² См. критику теории корня Э. Бенвениста: Макаев Э.А. Указ. соч., главы II, III. Он же. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977, с. 186.

³ Яковлев Н.Ф. Материалы для кабардинского словаря, вып. 1, Словарь односложных корневых слов и корней типа открытого слога. М., 1927.

⁴ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941, с. 216.

⁵ Там же, с. 211.

кабардинского (кабардино-черкесского) языка: "Односложные коренные слова в кабардино-черкесском языке представляют собой остаток слов того языка аморфного (так называемого бесформенного) строя, который исторически лежит в основе современного кабардино-черкесского языка и на котором говорили предки теперешних кабардинцев и черкес"⁶. Н.Ф. Яковлев был убежден в том, что аморфную стадию сравнительно недавно и в отдельности прошли и адыгейский язык, и кабардинский язык.

Мнение Н.Ф. Яковлева о недавней аморфности адыгских языков было подвергнуто справедливой критике и отвергнуто с полным основанием⁷. Мы возвращаемся к этому положению не для того, чтобы еще раз показать его очевидную несостоятельность. Следует, однако, подчеркнуть, что развивая теорию древнего корня адыгских языков, Н.Ф. Яковлев никогда не ставил вопроса об относительной хронологии и не оперировал понятием общеадыгского корня. Односложные корни открытого типа, по Н.Ф. Яковлеву, отражают структурный тип корня того типологического состояния, которое пройдено адыгскими языками сравнительно недавно. Между тем, если даже оставить в стороне положение о недавнем аморфном строе адыгских языков (оно не выдерживает критики в силу своего анахронизма), не подлежит сомнению тот факт, что односложные корни типа *кэ* 'глаз', *ктуэ* 'сын', *гуи* 'сердце' и др. не являются продуктом индивидуального развития адыгских языков. Корневые морфемы типа "согласный + гласный" относятся к разным хронологическим периодам развития западнокавказских языков. Однако оформление этого структурного типа корневой морфемы не может быть отнесено к периоду после распада общеадыгского языка.

Корневые морфемы рассматриваемого типа входят в общеадыгский корнеслов. Вместе с тем общеадыгские односложные корни открытого типа хронологически гетерогенны. Так, если *кэ* 'глаз' относится к общеадыгскому состоянию, то *ктуэ* 'сын', *гуи* 'сердце' можно отнести к адыгско-убыхскому состоянию, а *гуи* 'сердце' — к западнокавказскому состоянию. Не все общеадыгские односложные корни открытого типа имеют аналогичное структурное оформление в более ранние хронологические эпохи. Так, личные местоимения I и 2 лица ед. и мн. числа оформились по модели "согласный + гласный" в общеадыгскую эпоху. Ср. *сэ* < **сара* 'я', *уэ* < **уара* 'ты' (исходная форма сохраняется в абхазском и абазинском языках: абх. *сара* 'я', *уара* 'ты').

Что касается точки зрения, согласно которой корень в адыгских языках исторически является однотипным, структурно единообразным (открытым односложным), то она не отражает реальной картины развития языка, не согласуется

⁶ Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948, с. 229.

⁷ Рогава Г.В. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка (рец.). — Труды Кутаисского гос. пед. ин-та, т. IX. Кутаиси, 1949.

с тем фактом, что корень как историческая категория постоянно изменяется и подвергается структурным преобразованиям. Это обстоятельство, по существу, делает невозможным постулирование только одной модели структурного оформления корневой морфемы для праязыкового состояния, поскольку развитие праязыка осуществляется в рамках определенного (иногда довольно длительного) исторического периода.

КОНЦЕПЦИЯ Г.В. РОГАВА И ЕГО ШКОЛЫ

Новая теория корня (диаметрально противоположная теории Н.Ф. Яковлева) предложена Г.В. Рогава в монографии, посвященной вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских языках⁸. Как отмечалось выше, по мнению Г.В. Рогава, в адыгских языках корень был осложнен, с одной стороны, префиксом, служившим средством выражения грамматического класса (человека или вещи), а с другой - детерминативным суффиксом. В адыгских языках некогда живые и продуктивные морфологические элементы - классные показатели (префиксы) и детерминанты (суффиксы), как полагает Г.В. Рогава, отпали от корня или же превратились в окаменелый морфологический инвентарь, вычлняемый путем этимологического анализа. В соответствии с этим положением относительно односложных корней открытого типа в современных адыгских языках Г.В. Рогава приходит к выводу: "...то, что в этих языках в настоящее время представлено в простом виде, в виде односложных основ типа открытого слога (нэ 'глаз' нэ 'нос', Из 'рука' и т.д.), является результатом сложного процесса развития, приведшего к утрате ряда грамматических категорий и вместе с тем сильного изменения фонетического облика языка"⁹.

Итак, Г.В. Рогава считает, что корни типа нэ 'глаз', нэ 'нос', Из 'рука' являются вторичными в том смысле, что диахронически в самих адыгских языках они характеризовались другим структурным оформлением - префиксальным (классным) элементом и суффиксальным (детерминативным) элементом. Отсюда с точки зрения оформления слова Г.В. Рогава считает исходным многосложное образование (классный показатель + корень + детерминатив), тогда как Н.Ф. Яковлев в качестве начального исходного образования рассматривает односложный корень открытого типа. Точка зрения Г.В. Рогава и его школы на оформление структуры корня и основы как частей слова базируется на том, что в адыгских языках диахронически различались категории классов и детерминативов.

⁸ Рогава Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

⁹ Там же, с. 116.

ПОНЯТИЕ ПРОТОЧЕРКЕССКОГО КОРНЯ У А. КОЙПЕРСА

В своей работе "Словарь проточеркесских корней"¹⁰ А. Койперс делает попытку реконструировать общеадыгские корни, названные им проточеркесскими. Структура проточеркесских корней реконструируется А. Койперсом в основном на материале бжедугского диалекта и кабардинского языка. Словарь А. Койперса, включающий большое число общеадыгских корневых морфем, представляет несомненный интерес для исследования общеадыгской лексики. В разбираемом словаре предпринимается также попытка определить список проточеркесских сегментов с бжедугско-кабардинскими соответствиями. При этом под проточеркесскими сегментами понимаются как одноконсонантные, так и двух- и трехконсонантные фонетические единицы типа *nc*, *sh*, *ncst*, *ncskI*, *stsh* и др.

В список проточеркесских сегментов вошли 130 фонетических единиц. Вместе с тем понятие проточеркесского корня у голландского ученого остается весьма неопределенным и зыбким. Дело в том, что в список проточеркесских корней А. Койперс включает не только корневые морфемы, но также значительное число сложных и аффиксальных основ. Как огоривает сам автор, членимые основы "содержат уникальные компоненты, имеют неясное значение, демонстрируют употребление связанных форм и т.д."¹¹ На этом основании в списке проточеркесских корней оказываются основы *napz* 'лицо', *napIz* 'веко', *ncbzi* 'спинка носа', *shpva* 'волос', *chp* 'волосок', *lvapshz* 'голень', *lvakvuz* 'нога', *lvzgu* 'подошва ноги', *lvitshuz* 'артерия', *kvIablz* 'рука, предплечье', *kvIapshz* 'запястье', *kvIaguz(a)* 'ладонь', *shakIuz* 'охотник', *lvikIuz* 'вестник', *lakIuz* 'маляр', *guakIuz* 'приятный', *panshz* 'предводитель', *kvuashuz* 'пастух', *chashuz* 'табунщик', *chbzi* 'кобыла', *chshu* 'конь', *merin*, *shapIz* 'ножны', *bgishshz* 'горная вершина', *ncaplvi* 'заря', *shshuaplvi* 'красный, розовый', *shvzsh* 'пила', *shvafz* 'кора (дерева)', *shvzku* 'древесина', *kvIalshz* 'перчатка', *bgvashshuz* 'сокол', *gvibz* 'плач, погребальная песнь', *lvabz* 'метка на лапах домашних птиц', *shvzbz* (э) 'метка на ушах животных', *shvvlI* 'слуга', *shvbkvuz* 'брат мужа', *shvshshu* 'сестра мужа', *shvdbz* 'наводнение', *shkvIuanz* 'вторая жена', *shvshu* 'белоносый (о животных)', *shvplvi* 'красноносый', *shvshv* 'фляжка', *shvshshz* 'языческий бог', *shvshu* 'просо', *shvshz* 'низовье реки', *shvshkvIu* 'берег реки' и др. Нетрудно заметить, что все вышеприведенные основы (а число их легко можно увеличить) являются двуморфемными. Эти основы по своему морфологическому строению весьма прозрачны, причем они морфологически членимы не только на общеадыгском уровне, но и в современных адыгских языках. Разбираемые основы образованы способом сложения, причем каждая из них состоит из двух корневых морфем, обнаруживающих между собой доста-

¹⁰ Kuipers A. Dictionary of Proto-Circassian Roots. The Peter de Ridder Press, 1975.

¹¹ Там же, с. 3.

точно четкие семантические связи. В данном случае не может быть речи о процессах деэтимологизации ранее членимых основ, что необходимо для отнесения их к корневым морфемам, точнее — к опрошенным образованиям. Как на общеадыгском уровне, так и в современных адыгских языках все основы рассматриваемого типа не утратили этимологической мотивированности, являясь обычными сложными основами, образованными по модели "корень + корень".

Другая большая группа основ, включенных А. Койперсом в список проточеркесских корней, представляет собой производные формы, образованные с помощью различных основообразующих аффиксов. К ним относятся: *лѡакуэ* 'низкий', *цакуэ* 'неострый', 'тупой', *лѡапѡцѡэ* 'босой', *шѡхѡпѡцѡэ* 'без головного убора', *напѡцѡэ* 'острый', *плѡхѡхѡ* 'красный', *хуѡхѡ* 'белый', *гѡуѡхѡ* 'желтый', *бѡага* 'злой', *лѡага* 'низкий', *лѡэтэ* — 'лететь', *кѡуэтэ* — 'продвигаться', *бѡйтэ* — 'резать', *дѡйтэ* — 'стегать', *залэ* 'один вершок', *тѡкѡѡуалэ* 'два вершка', *насэ* 'ранний', *чѡасэ* 'поздний', *пѡѡагѡэ* 'число' и др.

В "Словарь проточеркесских корней" вошли также производные образования типа "аффикс + корень + аффикс" (*ѡѡбѡйтэ* — 'резать', *ѡѡпѡцѡэ* — 'резать, рубить'), субстантивированные формы (*стѡирэ* 'горячий', *сѡирэ* 'горький') и др.

Из приведенного материала видно, что под понятием проточеркесского корня у А. Койперса подводятся как непроизводные, нечленимые основы (корневые морфемы), так и производные, членимые основы (сложные и аффиксальные образования). Такое расширительное толкование проточеркесского корня, естественно, осложняет определение структурных особенностей корневой морфемы.

ОБЩЕАДЫГСКИЙ КОРЕНЬ, ЕГО СТРУКТУРНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Выше рассматривались вопросы грамматической категории классов и детерминативов в истории западнокавказских языков с точки зрения относительной хронологии (см. с. 11-16). В этой монографии развивается новая точка зрения, согласно которой категория грамматических классов и категория детерминативов элиминируются из общеадыгского состояния, что во многом определяет исходные позиции автора для построения новой теории общеадыгского корня. Кроме того, при построении теории общеадыгского корня учитывается то обстоятельство, что праязык является продуктом длительного развития, исключающего постулирование одной единственной и застывшей модели корневой морфемы или основы. Для общеадыгского праязыкового состояния, как и для любого языка, характерно переплетение элементов разных по своей глубине хронологических срезов — старых, унаследованных от западнокавказского праязыка, и новых, возникших на адыгской почве.

Вслед за Е. Куриловичем, Э.А. Макаевым и др. корень определяется нами как динамическое явление. Корнем считается та часть слова, которая не мотивирована живым

морфологическим процессом. В том случае, если утрачена связь между производящей и производной формой, то все образование рассматривается как корень. В соответствии с этим положением для общеадыгского языка постулируются разные модели корня – односложные и многосложные. Статус общеадыгского корня получают не только односложные (двухбуквенные и трехбуквенные) образования типа *ли* 'мясо', *пси* 'вода', но также многосложные образования.

К общеадыгскому состоянию могут быть возведены следующие типы корневых морфем¹²:

1. CV: общеадыг. *нэ* 'глаз', *пэ* 'нос', *чIэ* 'новый', *бэ* 'много', *сэ* 'я', *уэ* 'ты', *хьэ* 'собака', *дэ* 'орех', *шэ* 'сто', *шIэ* - 'знать', *дэ* - 'шить', *уэ* - 'бить', *лэ* - 'прыгать'.
2. CV₁: общеадыг. *лви* 'кровь', *гуи* 'сердце', *ци* 'шерсть', *ли* 'мясо', *лIи* 'мужчина', *зи* 'один', *хи* 'шесть', *йи* 'восемь', *хьи* - 'нести', *шIи* - 'делать', *ти* - 'дать'.
3. CCV: общеадыг. *псэ* 'душа', *шхьэ* 'голова', *пшэ* 'шея', *бгьэ* 'грудь', *бзэ* 'язык (речь)', *тхьэ* 'бог', *пхьэ* 'дерево', *блэ* 'змея', *плэ* - 'смотреть', *пхэ* - 'связать', *бгэ* - 'проклинать'.
4. CCV₁: общеадыг. *бги* 'талия, спина', *тхи* 'позвоночник, спинной хребет', *пхьуи* 'дочь', *бзи* 'самка', *пси* 'вода', *пIци* 'ложь', *пIли* 'четыре', *бли* 'семь', *бгьуи* 'девять', *шхи* - 'есть, кушать', *тхи* - 'писать', *бзи* - 'резать, кроить'.
5. CVCV: общеадыг. *хьэчIэ* 'гость', *хьэдэ* 'труп, покойник', *бэнэ* - 'бороться', *лэжьэ* - 'работать', *гэлэ* - 'упасть, падать'.
6. CV₁CV: общеадыг. *дишэ* 'золото', *мишэ* 'медведь', *михуэ* 'камень', *уйнэ* 'дом', *нибэ* 'живот', *шьинэ* - 'бояться'.
7. CV₂CV: общеадыг. *банэ* 'колючка', *ганэ* 'рубашка', *мазэ* 'луна', *махуэ* 'день', *макьэ* 'голос', *баджэ* 'лиса', *шгабэ* 'мягкий', *мачIэ* 'мало, малый'.
8. CVCV₁: общеадыг. *мэзи* 'лес', *мэшы* 'просо (на корню)', *шэхи* 'тайна', *гэгум* - 'играть'.
9. CV₁CV₁: общеадыг. *цихуи* 'человек', *бидзи* 'женская грудь', *сосок*, *мили* 'лед', *сиси* - 'качаться, шататься', *шьишьи* - 'ржать (о лошади)'.

Общеадыгские модели корня в подавляющем большинстве случаев сохранились в адыгских языках и диалектах. Однако некоторые модели оказались более устойчивыми, а другие – менее устойчивыми. Общеадыгские именные основы типа CVCV₁, CV₁CV₁ в кабардинском языке преобразованы в модели CVC, CV₁C. В этом отношении адыгейский язык, продолжая общеадыгское состояние, оказался зоной консервации. Ср. адыг. (геср. общеадыг.) *мэзи* > каб. *мэз* 'лес', адыг. (геср. общеадыг.) *мили* > каб. *мил* 'лед'. В отноше-

¹² C – согласный, V – гласный э, V₁ – гласный и, V₂ – гласный а.

нии же других общеадыгских моделей зоной консервации является кабардинский ареал. Ср. каб. (gesp. общеадыг.) *уанэ* > адыг. *уан* > 'седло'. Следует, однако, заметить, что в данном случае преобразование общеадыгской модели CV₂CV₁ в модель CV₂C является позиционным, т.е. связано с поведением конечного гласного в адыгейском языке (см. с. 83-86).

Вышеприведенные модели не исчерпывают всего разнообразия структурного оформления корня в общеадыгском языке. К общеадыгским могут быть отнесены также модели CCV₂CV (ср. адыг., каб. *пшъашъэ* 'девушка'), CCVCV (каб. *тхъэлэ* > адыг. *тхъалэ* 'душить'), CCVCV₁ (ср. адыг. *пчэчи* 'коза') и др.

Общеадыгские модели с начальными консонантными группами ограничены дистрибутивными возможностями согласных. Допустимые сочетания согласных в общеадыгском языке распределяются по определенным моделям (о чем см. ниже).

Разбираемые общеадыгские модели корневой морфемы являются односложными (двухбуквенными, трехбуквенными) и двухсложными (четырёхбуквенными, пятибуквенными) образованиями. Однако в общеадыгском языке в принципе возможны трехсложные корни (шестибуквенные и даже семибуквенные), хотя они в целом не характеризуют корень в языке. Так, есть основания для возведения к общеадыгскому состоянию адыг. *тижъыни* (каб. *дижъин*) 'серебро', если даже считать небесспорной его принадлежность к исконному лексическому фонду. Глагольные основы типа адыг., каб. *сисси* - 'качаться, шататься', адыг. *шъышъэ*, каб. *шъышъэ* - 'ржать (о лошади)', адыг., каб. *гъуэгъуэ* - 'греметь', хотя явно относятся к звукосемантическим образованиям, сложились как глагольные корни в общеадыгскую эпоху.

Постулируя структурно разнотипные корневые морфемы (односложные и многосложные) для общеадыгского состояния, мы исходим из вышеизложенного понимания корня как части слова, не мотивированной живым процессом деривации.

Отнесение многосложных образований типа *мышъэ* 'медведь', *дишъэ* 'золото', *шъхъэли* 'мельница', и др. к моделям общеадыгских корней основывается на том, что консонантные элементы *м*, *д*, *шъ* и др. включаются нами в состав корня. Сегментация многосложных образований разбираемого типа на две части - префикс и корень - невозможна на общеадыгском уровне: ни в одном диалекте адыгских языков, ни в других западнокавказских языках нет действующих моделей, основанных на оппозиции производящей и производной формы. Даже в том случае, если предположить членимость слов типа *мышъэ* 'медведь', *дишъэ* 'золото' и др. на составные части в более ранние хронологические эпохи, то следует признать, что они стали опрощенными, т.е. корневыми уже в общеадыгскую эпоху. Разумеется, гипотетически вполне правомерно допущение, согласно которому многие двухсложные (и даже односложные с начальными консонантными группами) были производными (сложными или

префиксальными) в отдаленные хронологические эпохи, предшествовавшие образованию общеадыгского языка. Однако подобное допущение означало бы лишь признание их морфологической неразложимости в общеадыгском языке вследствие фонетических и семантических модификаций.

Консонантные группы в корневой морфеме количественно ограничены. В консонантных группах корневых морфем в качестве первого члена, как правило, не выступают следующие фонемы: *г, гу, гъ, гъу, д, дж, джъ, дз, ж, жъ, жъу, з, к, ку, кIу, къ, къу, къI, къIу, л, лI, х, ху, хъ, ц, цу, шъу, шI, шIу, чI, чIъ, чI.*

Как видим, подавляющее большинство согласных фонем не встречается в начале корневой морфемы типа "согласный + согласный". Модели сочетания фонем в общеадыгском не отличаются большим разнообразием: как начальные элементы комплексов типа "согласный + согласный" чаще всего выступают лабиальные и дентальные смычные *б, п, пI, т, тI*. Каждый из этих смычных сочетается лишь с определенными согласными, образуя соответствующую группу комплексов. Так, в составе корневых морфем звонкий смычный *б* встречается в позиции перед звонкими *г, гъ, гъу, з, л* (ср. общеадыг. *бъи* 'спина', *бгъэ* 'грудь', *бгъум* 'девять', *бзэ* 'язык', *бли* 'семь'). Но в этой же позиции невозможен звонкий смычный *д* ни в корневых, ни в аффиксальных морфемах, хотя с фонологической точки зрения комплексы *дг, дгъ, дгъу, дл, дз, (д + з)* вполне допустимы. Глухой придыхательный *п* в корневых морфемах возможен в позиции перед глухими *лъ, с, х, хъ, шъ, шъ* (ср. общеадыг. *плъи* 'красный', *пси* 'вода', *пхэ-* 'связать', *пхъэ* 'дрова', *пшъэ* 'облако', *пшъэ* 'шея'), но невозможен в позиции перед глухими *к, т, ф, хъ*.

Наиболее характерны следующие общеадыгские консонантные группы корневой морфемы: группа *б*: *бг, бгъ, бгъу, бжъ, бжъ, бз, бл*; группа *п*: *пх, пхъ, пхъу, пшъ, пшъ, пс, плъ*; группа *пI*: *пIкъI, пIлI, пIцI, пIчI*; группа *т*: *тх, тху, тхъ, тхъу, тхъ, тхIу*; группа *ш*: *шх, шхъу, шт, шкI, шкIу*.

Для общеадыгского корня не характерны сочетания с начальным сонорным. В современных адыгских языках сочетания "м + согласный", "н + согласный", "р + согласный" как в корневых морфемах, так и в основах (непроизводных и производных) чаще всего оказываются результатом фонетического наращения *м, н, р*. Ср. адыг. *тхъанэ*, *каб. тьэмэ* 'лист', адыг. *пшъанI*, *каб. пшъамIэ* 'воротник', *каб. шэнт, шэт* 'стул', адыг. *шъхъант, каб. шъхъэнтэ* 'подушка', адыг. *йарээ, каб. хъэуазэ* 'солома'.

Сочетания согласных на границах между корнем и аффиксом также имеют особенности. Некоторые из указанных групп согласных сигнализируют о наличии границ морфем. Например, в сочетаниях *бл, бг, бдз, бж, бз, пш, плъ* первый член может быть личным аффиксом 2 лица ед. числа, а второй - начальным согласным корневой морфемы. При этом начальный *б* восходит к местоименному элементу *й(э)* 'ты'.

Однако переход *ʃ* > *б* в этой позиции имел место уже в общеадыгскую эпоху. Ср. адыг. (геср. абшеадыг.) *бдыгъэ* > каб. *бдышъ* 'ты бросил что-то'.

Имеются комплексы, возможные только на границах между корнем и другими значимыми элементами слова. В современных адыгских языках сочетание "согласный + *р*" допустимо на границе морфем. При этом первый член таких сочетаний принадлежит концу одной единицы, а второй – началу другой значимой единицы. Ср. каб. *куэдрэ* 'часто', *кIуэнрэ микIуэнрэ* 'пойдет или не пойдет'. В подобных случаях для общеадыгского языка допустимо сочетание "гласный + *р*": общеадыг. *куэдырэ* 'часто', *кIуэнырэ микIуэнырэ* 'пойдет или не пойдет'.

В общеадыгских корневых морфемах в позиции перед *м* не встречается согласная фонема. В современных же адыгских языках на границах морфем в пределах слова в этой позиции возможна любая согласная морфема. Это объясняется способностью морфемы условного наклонения *-мэ* сочетаться с глагольными и именными основами без соединительных элементов. Ср. каб. *ар Мухъэмэды* 'если он Магомед', *кIэпхъэмэ* 'если ты принесешь'. И в данном случае эта особенность фонетического строения морфемного шва связана с редукцией общеадыгского гласного. Иными словами, и в этой позиции вместо консонантного сочетания "согласный + *м*" в общеадыгском допустимо сочетание "гласный + *м*".

В общеадыгских корневых морфемах исключительно редко встречаются комплексы "*с* + согласный". На границах морфем этот комплекс широко распространен: возможны комплексы "*с* + любой глухой придыхательный согласный", "*с* + любой абруптивный согласный"; ср. *ску*, *скIу*, *скъI*, *скъIу*, *слъ*, *слI*, *стI*, *сх*, *сху*, *схъу*, *схъ*, *сц*, *сцу*, *сш*, *сшъ*, *сшI*, *сшIу*, *счIъ*, *счI* и др. В этих сочетаниях первый член представляет собой личный аффикс 1 лица ед. числа, а второй – начало корневой морфемы или основы. В этом отношении современные адыгские языки продолжают общеадыгское состояние. Но число консонантных групп в указанной позиции возросло за счет новообразований в современных адыгских языках и диалектах. Так, в этой же позиции возникли вторичные сочетания *сI*, *сIу*, *сф*, *сфI*, *скIъ*, *скъ*, *згъ* (< *сгъ*), *зв* (< *св*), отсутствовавшие в общеадыгском языке.

Таким образом, наличие в словоформе консонантных сочетаний, не характерных для корневой морфемы, сигнализирует о существовании морфемного шва в пределах слов.

КОРЕНЬ В ОБЩЕАДЫГСКОМ И ЗАПАДНОКАВКАЗСКОМ

В отношении фонетической структуры корня общеадыгский во многом продолжает западнокавказское состояние. Во всяком случае, наиболее древние фонетические модели корня представлены во всех западнокавказских языках. Это касается прежде всего моделей CV, CCV. При этом указанные модели характерны для общего западнокавказского корне-

слова, что свидетельствует об устойчивости традиций, восходящих к праязыковому состоянию. Ср., например, адг., каб., абаз. абх. *гум*, убух. *гъи* 'сердце', адг. *шгъуэ*, каб. *фэ*, абх., убух. *чуа*, абаз. *чуа* 'кожа', адг., каб. *пхъуи*, убух. *пхъва*, абх., абаз. *пхъа* 'дочь', адг., каб., убух. *плви*, абх., абаз. *пшви* 'красный' и др. В подобных случаях есть основания говорить об общих фонетических моделях корня, продолжающих состояние западнокавказского языкового единства.

С точки зрения соотношения фонетического строения корня в общеадгском и западнокавказском представляют значительный интерес консонантные группы. Многие общеадгские консонантные сочетания восходят к эпохе западнокавказского языкового единства. В этой связи К.В. Ломтатидзе отмечает, что сочетания с губными согласными типа *пс*, *пш*, *бж*, *бз*... сформировались в эпоху абхазско-адгского языкового единства¹³.

Показательно, что консонантные группы разбираемого типа свойственны корневым морфемам, входящим в общий материальный фонд западнокавказских языков. Ср. адг., каб. *псэ*, убух. *пса*, абх. абаз. *пси* 'душа', адг., каб. *плвэ-*, убух. *плва-*, абх., абаз. *пш-* 'смотреть', адг., каб. *бзэ*, абх., абаз. *бз(и)*, убух. *бжва* 'язык' (анат.), адг., каб. *бзи*, убух. *-бза*, абх., абаз. *-пс* 'самка', адг., каб. *бъи* 'спина, пояс, талия', абх., абаз. *бгва* 'спина', адг., каб., убух. *пІІІи*, абх. абаз. *пшв-* 'четыре'.

Наряду с консонантными группами, объединяющими все западнокавказские языки, имеются адгско-убухские консонантные группы в общем корнеслове. Ср. адг., каб. *пхъи-* 'разбрасывать, рассеивать (сыпучее, мелкое), сеять', убух. *пхъа-* 'разбрасывать, рассеивать, сеять', адг., каб. *пхэ*, убух. *пшва* 'зад', адг. *пІчІа-шъ*, каб. *пІшІа-шъэ* 'листа', убух. *пІчІа-па* 'лист (дерева или бумаги)', адг. *тфи*, каб. *тхуи*, убух. *шъи* 'пять', адг., каб. *бзи-* 'резать, кроить', убух. *бзи-* 'резать на куски', адг., каб. *тхъуэ* 'серый', убух. *тхъа* 'зола', убух. *шхъа* 'травя', адг. *шхъа-нтІэ*, каб. *шхъа-нтІэ* 'зеленый' и др.

В целом следует констатировать, что на протяжении западнокавказской языковой общности, охватывающей целую хронологическую эпоху, структурная модель корня не могла оставаться неизменной, что вполне естественно и логически обоснованно с точки зрения развития языка. Из этого очевидного положения следует, что западнокавказский корень не может характеризоваться одной единственной и застывшей моделью, а обладает, как и общеадгский корень, разными моделями своего структурного оформления и функционирования. Как показывает материал, общеадгский язык сохраняет некоторые модели западнокавказского корня, хо-

¹³ Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Тбилиси, 1976, с. 310.

тя эти разные лингвистические единицы, относящиеся к разным хронологическим периодам, не могут быть идентичны с рассматриваемой точки зрения.

Разумеется, признание и обоснование динамической теории корня в отношении западнокавказского языкового единства не означает, что решены все проблемы структурного строения и оформления корня праязыкового состояния. С учетом данных внутренней и сравнительной реконструкции, соблюдая лишь дозволенный порог гипотетичности (т.е. не пытаясь реконструировать *ad infinitum*), необходимо выяснить основные модели западнокавказского корня, тенденции его развития и последовательные трансформации в период после распада языка-основы и самостоятельного существования отдельных западнокавказских языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из предшествующего изложения явствует, что трансформация общеадыгской фонологической системы в системы отдельных адыгских языков и диалектов обусловлена значительными фонетическими изменениями. Последние касаются как вокализма, так и консонантизма. Однако наиболее существенными оказались фонетические процессы в области консонантизма.

Можно сказать, что современные адыгские языки и диалекты унаследовали от общеадыгского языка трехчленный вокализм. Вместе с тем в период после распада общеадыгского единства имели место интенсивные и разнообразные фонетические изменения гласных фонем. Наиболее характерными в этом отношении являются звуковые процессы, связанные с конечными гласными.

Тенденции развития конца слова восходят к разным хронологическим периодам и охватывают разные языковые ареалы. В адыгских языках и диалектах действуют закономерности конца слова, относящиеся не только к общеадыгскому единству, но и к более ранним хронологическим уровням. К ним могут быть причислены такие явления, как отпадение конечного гласного односложных слов при сочетании со слогаобразующими элементами (префиксальными и корневыми), обуславливающими оттяжку ударения. Ср. абх. *а-цү* < **а-цүи* 'вол' (родовая форма), убх. *а-цү* < **а-цүи* 'вол' (определенная форма), адыг. *йи-цү* < **йи-цүи* 'его вол' (посессивная форма).

В период самостоятельного существования западнокавказских языков тенденция к отпадению гласных в абсолютном исходе проявляется с разной степенью интенсивности, что обусловило расхождения между ними с точки зрения фонетической структуры слова. При этом поведение конечных гласных определяется действием как фонетических, так и грамматических факторов. Разнонаправленные тенденции развития конечных гласных в эпоху после распада общеадыгского языка привели к тому, что в современных адыгских языках и диалектах общеадыгские явления конца слова сосуществуют с новообразованиями. В одних случаях общеадыгское состояние продолжает адыгейский язык, а в других — кабардинский язык. Так, в словах типа адыг. *мэз(и)*, каб. *мэз* 'лес', адыг. *йин(и)*, каб. *йин* 'большой' в определенных позициях адыгейский язык сохраняет этимологический (общеадыгский) конечный гласный, чего нельзя сказать о

кабардинском языке, утратившем во всех позициях гласный и в абсолютном исходе. Напротив, в словах типа адыг. *ѣан(э)*, каб. *ѣанэ* 'седло', адыг. *джан(э)*, каб. *джанэ* 'рубашка' позиционная обусловленность конечного гласного э - адыгейское новообразование, тогда как кабардинский язык продолжает общеадыгское состояние, удерживая во всех позициях этимологический гласный э.

В отличие от конца слова, характеризующегося динамичностью в фонетическом отношении, начало слова оказалось устойчивым. Общеадыгское состояние, исключаящее вокалическое начало, продолжают все диалекты и говоры адыгских языков. В последних, как и в общеадыгском языке, в начальной позиции гласная фонема фонетически реализуется с ларингальной протезой. Ср. адыг. *а*, каб. *һэр* (орф. *ар*) 'он', адыг. *һинэр* (орф. *инэр*) 'его глаз'.

Общеадыгский консонантизм претерпел значительные изменения, хотя многие его отличительные признаки сохраняются в современных адыгских языках и диалектах. Существенные сдвиги коснулись наиболее многочисленных и сложных по своему составу подсистем консонантизма - смычных и спирантов.

Период самостоятельного развития адыгских языков характеризуется такими фонетическими процессами, как палатализация простых заднеязычных смычных, а затем их переход в переднеязычные аффрикаты, оглушение, озвончение, преруптивация, аспирация смычных (частично спирантов), утрата общеадыгских аффрикат и спирантов и др. Эти фонетические процессы, имевшие место в период после распада общеадыгского языкового единства, протекали (а некоторые из них еще не завершены) с разной степенью интенсивности. Хронологическая и пространственная неравномерность фонетических изменений согласных в адыгских диалектах и говорах создает благоприятные условия для реконструкции праязыкового (общеадыгского) состояния консонантизма.

Фонетические процессы, имевшие место в период после распада общеадыгского единства, протекали в различные эпохи. Одни из них завершены в адыгских языках и диалектах, а другие находятся на различных стадиях своего развития. В адыгских языках закончен переход общеадыгских фарингальных смычных *кʷI*, *кʷIy* в ларингальные смычные *I*, *Iy*, если не считать некоторых их следов в хакучинском говоре адыгейского языка. Полностью завершен переход адыгейских (resp. общеадыгских) лабиализованных спирантов *жʷy*, *шʷy*, *шʷIy*, *цʷy* в лабиальные спиранты *в*, *ф*, *фI* в кабардинском языке. Кабардинский (resp. общеадыгский) лабиализованный спирант *хʷy* изменился в лабиальный спирант *ф* в адыгейском языке (исключение составляют единичные случаи - *хʷy* в положении после шипящего спиранта *ш*).

Адыгские (адыгейские и кабардинские) диалекты значительно различаются по своему консонантизму. Расхождения между ними отчасти связаны с незавершенными фонетическими процессами, т.е. с теми звуковыми процессами, которые

протекают с разной степенью интенсивности в разных диалектах.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что адыгейские диалекты сохраняют не так уж много черт общеадыгского консонантизма, утраченных всеми кабардинскими диалектами. Вместе с тем адыгейские и кабардинские диалекты, если их взять в совокупности, дают богатый материал для реконструкции. Дело в том, что между адыгскими диалектами существуют перекрестные фонетические признаки, проливающие свет на историю диалектного членения и образования самостоятельных адыгских языков.

Фонетические изоглоссы объединяют диалекты не только одного языка (адыгейского или кабардинского), но и диалекты разных языков. Больше того, ряд важнейших фонетических изоглосс характерен для отдельных диалектов адыгейского и кабардинского языков. Так, абадзехский диалект адыгейского языка по целому ряду признаков консонантизма тесно сближается с некоторыми диалектами кабардинского языка. В то же время бесленеевский диалект объединяют многие фонетические изоглоссы с отдельными диалектами адыгейского языка. В этом плане показательно, что фонетические изоглоссы в области консонантизма нередко объединяют диалекты, географически между собой несвязанные. Примером могут служить шапсугский диалект адыгейского языка и кабардинские диалекты, обнаруживающие общие фонетические особенности, утраченные другими адыгейскими диалектами. Так, общеадыгские простые заднеязычные согласные фонемы *g*, *k*, *κI* утрачены в адыгских языках. Их следы обнаруживаются лишь в качестве свободных вариантов палатализованных *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* (а иногда и аффрикат *ɟʃ*, *ɟI*) или позиционных звуков в диалектах и говорах. Однако процесс аффрикатизации *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* протекает неравномерно в адыгских языках и диалектах. Палатализованные заднеязычные *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* представлены как в шапсугском диалекте, так и в большинстве кабардинских диалектов и говоров.

В адыгейском языке, за исключением шапсугского диалекта, переход *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* > *ɟʃ*, *ɟI* завершен (если не считать единичных случаев, обусловленных позиционными условиями). Палатализованные *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* прочно удерживаются в некоторых диалектах и говорах кабардинского языка. В то же время диалекты и говоры, объединяющиеся наличием архаичных *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ*, различаются с точки зрения их места в системе консонантизма. В одних диалектах палатализованные *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* устойчиво сохраняются во всех фонетических позициях, в других же они свободно чередуются с аффрикатами *ɟʃ*, *ɟI*, выступая лишь на уровне вариантов. В этом отношении не менее важно и то, что в пределах одного и того же диалекта наблюдаются существенные колебания и расхождения в функционировании архаизмов и новообразований. В разных бесленеевских говорах исходные *gʷ*, *kʷ*, *κIʷ* характеризуются разным статусом в силу не только неравномерности их перехода в аффрикаты *ɟʃ*, *ɟI*, но и территориальной разобщенности

их носителей, некогда составлявших более или менее единую и компактную группу адыгского населения. Ср., например: *гъ, къ, кIъ*, реализующиеся на фонологическом уровне в речи анатолийских бесленеевцев, *гъ, къ, кIъ* в качестве реликтового фонетического (но не фонологического) явления в речи бесленеевцев Карачаево-Черкесии и Краснодарского края.

Довольно пеструю картину в адыгских языках и диалектах представляют рефлексы общеадыгских шипящих аффрикат. Хотя в ряде диалектов сохраняются общеадыгские шипящие аффрикаты, наиболее архаичным в этом отношении следует признать бесленеевский диалект. Сам процесс перехода шипящих аффрикат в спиранты характеризуется разнообразным фонетическим варьированием. В то время как конечным результатом аффрикатизации *гъ, къ, кIъ* являются аффрикаты *дж, ч, чI*, спонантизация общеадыгских аффрикат дает переходные, промежуточные рефлексы, что в значительной степени способствовало дифференциации общеадыгского консонантизма и возрастанию удельного веса поздних диалектных инноваций. Ср. бесл. *джъ, дж* : каб. *ж* : темирг. *чъ* : бжедуг. *ччъ* : шапс. *чч* : абадз. *ш* (бесл. *джыг, джиг*, каб. *жиг*, темирг. *чыгы*, бжедуг. *ччыгы*, шапс. *ччыгы*, абадз. *шыгы* 'дерево'), бесл. *чъ* : шапс. *ч* : бжедуг. *шъ* : темирг., абадз., каб. лит. *ш* (бесл. *чыи*, шапс. *чи*, бжедуг. *шыи*, темирг., абадз., каб. лит. *ши* 'лошадь'), бесл. *чIъ, чI* : бжедуг., темирг. *чIъ* : шапс. *чI* : абадз. *шIъ* : каб. лит. *шI* : мозд. *цIэ, малк. шIъ* (бесл. *чIъэ, чIэ*, бжедуг., темирг. *чIъэ, шапс. чIэ*, абадз. *шIъэ*, каб. лит. *шIэ*, мозд. *цIэ*, малк. *шIъэ* 'дно').

Противопоставление шипящих аффрикат и спирантов по мягкости - твердости свойственно только бжедугскому и темиргоевскому диалектам адыгейского языка и некоторым кабардинским говорам (речи абзактцев и части бесленеевцев и т.д.). Нейтрализация противопоставления шипящих аффрикат в разных диалектах обусловлена разными причинами. В шапсугском диалекте твердые корреляты совпали с мягкими, причем аналогичным путем произошло снятие противопоставления по мягкости - твердости как шипящих аффрикат, так и шипящих спирантов.

То же самое следует сказать об анатолийском говоре бесленеевцев, не различающем шипящих аффрикат и спирантов по мягкости - твердости. Иначе обстоит дело в абадзехском диалекте и кабардинском языке (за исключением говоров бесленеевцев, абзактцев и некоторых черкесов).

Отличительной чертой абадзехского диалекта является то, что в результате спонантизации шипящих аффрикат сложилась новая трехчленная система шипящих спирантов, несвойственная другим адыгским диалектам (и вообще западнокавказским языкам). Общеадыгские абруптивные аффрикаты *чI, чIъ* в абадзехском диалекте перешли в специфические спиранты *шIъ, шIъ*, а аффрикаты *дж, джъ, ч, чъ* - в спиранты *хъ, х, шъ, ш*, что и привело к образованию трехчленных шипящих спирантов, противопоставляющихся по мяг-

кости - твердости: *xb-sh-shIb*, *x-sh-shIb*. В абадзехском диалекте, как и в шапсугском диалекте, представлены лишь мягкие шипящие аффрикаты.

Однако между этими двумя адыгейскими диалектами имеются существенные различия с точки зрения их отношения к системе общеадыгских шипящих аффрикат. Наличие одного ряда шипящих аффрикат в абадзехском диалекте объясняется полной утратой старых аффрикат, в результате чего остались лишь вторичные аффрикаты *дж*, *ч*, *чи*, восходящие к *gb*, *kb*, *kiIb*. В шапсугском диалекте *gb*, *kb*, *kiIb* еще не перешли в *дж*, *ч*, *чи*, но старые твердые аффрикаты совпали с мягкими: *джь*, *ччь*, *киь* > *дж*, *чч*, *чи*.

С абадзехским диалектом объединяются те кабардинские диалекты, в которых завершен процесс спирализации шипящих аффрикат, хотя рефлексy старых аффрикат по-разному распределяются по диалектам. Ср. абадз. *шIьмаф* < **чиIьмаф*, каб. *шIьмахуз* < **чиIьмахуз* 'зима', абадз. *гьуишIьм* < **гьуишIьм*, каб. *гьуишI* < **гьуишI* < **гьуишIьм* 'железо'. Новые спиранты аффрикатного происхождения имеют неодинаковую историю становления в разных диалектах. Если абадз. *шIь*, каб. *шI* в первом примере восходят к общеадыгской аффрикате *чи* (**чиIьмахуз* 'зима'), то абадз. *шIь*, каб. *шI* во втором примере непосредственно возводятся к разным источникам: абадз. *шIь* непосредственно получено из общеадыгского *чиь*, тогда как каб. *шI* восходит к общеадыгскому *чиь* через переходную ступень - мягкую аффрикату *чи*. Ср. также темирг. *чьиь* > абадз. *шиь*, бел. *джьиь* > *жиь* > каб. *жиь* 'дерево', темирг. *чьм* > абадз. *шьм*, бел. *джьм* > каб. *жм* 'корова'. В подобных случаях для вторичного спиранта абадзехского диалекта прямым источником служит темиргоевский диалект, для вторичного спиранта кабардинского языка - беленеувский диалект, продолжающий общеадыгское состояние.

Общеадыгские шипящие аффрикаты изменяются не только в спиранты. Переход общеадыгских аффрикат *чи*, *чиь* в мягкий ларингал *Iь* имеет место в абадзехском диалекте. Ларинализации чаще всего подвергается мягкая абруптивная аффриката *чи*. Ср. бжедуг., темирг., шапс. *чиалэ* > абадз. *Iьялэ* 'молодой человек', бжедуг., темирг., шапс. *хьачIэ* > абадз. *хьаIьэ* 'гость'. Хотя ларингал *Iь* относится к редким и уникальным диалектальным явлениям, этот согласный функционирует лишь на фонетическом уровне, являясь вариантом нового спиранта *шIь* и - реже - *шIь*.

В целом эволюция общеадыгского консонантизма в истории адыгских языков и диалектов характеризуется неравномерностью действия фонетических процессов, охватывающих разные хронологические уровни и разные языковые ареалы. Различия, наблюдающиеся между адыгскими языками и диалектами в области консонантизма, в какой-то мере отражают общие тенденции, заложенные в праязыковом состоянии. Адыгские языки наследовали из общеадыгского языка многие явления, гетерогенные по своей природе. Общеадыгский консонантизм невозможно представить как систему, сложившуюся в результате гомогенных фонологических единиц. Од-

на и та же общеадыгская согласная фонема по происхождению нередко возводится к разным источникам и разным хронологическим периодам. Степень гетерогенности подсистем консонантизма, естественно, возрастает в эпоху диалектного членения и образования самостоятельных адыгских языков.

Что касается морфонологических явлений, в том числе аблаутных чередований, то они характеризуются как хронологической, так этимологической гетерогенностью. Отдельные типы аблаутных чередований унаследованы общеадыгским языком от более ранних праязыковых состояний, другие сложились на общеадыгской почве. Имеются типы аблаутных чередований, относящиеся к периоду индивидуального развития адыгских языков. Аблаутные чередования в словоизменении и словообразовании глагола являются живым и действующим морфонологическим процессом, неравномерно протекающим в современных адыгских языках и диалектах, что иногда приводит к существенным расхождениям между ними в их синхронном состоянии (ср, например, простые основы лабильной конструкции в адыгейском языке и их соотносительные формы, преобразованные в основы стабильные с помощью чередования гласных в кабардинском языке). Важно также отметить, что исходным членом оппозиции может быть глагольная основа как с огласовкой *э*, так с огласовкой *и*, а оппозитивные переходные и непереходные основы восходят как к лабиальным, так и к стабильным формам, что подтверждается данными сравнительной реконструкции.

Материал внутренней реконструкции позволяет установить функциональную взаимосвязь между оппозитивными образованиями "переходная основа - непереходная основа", "иллативная основа - элативная основа", сложившимися в результате чередований гласных по аблауту. При этом оппозиция "иллативная основа - элативная основа" хронологически предшествует оппозиции "переходная основа - непереходная основа", возникшей на общеадыгской почве.

Показательно также функциональное тождество как аблаутных чередований гласных (*и* или нуль указывает на элативную форму), так и морфонологического строения иллативных и элативных основ (они возможны в провербных образованиях) в адыгейском, кабардинском, абхазском и абазинском. Вместе с тем комбинация разных типов чередований гласных (в корневом морфе и провербе), что характерно для абхазско-абазинского ареала, является, по-видимому, инновацией, а адыгский тип (чередование гласных только в корневом морфе) отражает более древнее состояние формы выражения ориентации с помощью аблаута.

Обращает на себя внимание тот факт, что в адыгских языках механизм аблаутных чередований гласных, выбор аблаутной ступени, ее связь с синтагматикой морфов обнаруживают широкие типологические параллели во многих языках - дагестанских, картвельских, индоевропейских и др.

В отношении строения корня современные адыгские языки продолжают многие черты его структурного оформления, восходящие к общеадыгскому и более ранним хронологическим уровням. Для общеадыгского состояния характерно разнообразие структуры корня, а не единственная модель CV, как это принято считать в специальной литературе для раннего периода развития адыгских языков. Во всяком случае, анализ материала с точки зрения морфологической членимости слова и его частей позволяет постулировать для общеадыгского уровня модели корня CV, CCV, CVCV, CCVCV и др., что вполне согласуется с динамической теорией реконструкции. Что касается общеадыгских консонантных групп, то они отличаются стабильностью своих структурных признаков. Этим объясняется относительное тождество структурных ограничений консонантных групп во всех западнокавказских языках, во многом продолжающих праязыковое состояние канонических групп согласных.

В целом общеадыгский язык сохранил многие черты вокализма, консонантизма и морфонологической системы, восходящие к более ранним хронологическим периодам — адыгско-убыхскому и западнокавказскому. Вместе с тем обособлению общеадыгского языка от родственных праязыковых состояний — праубыхского и праабхазско-абазинского — способствовала не только консервация, но и зарождение на протяжении очень длительного исторического периода явлений, определивших своеобразие фонетической, фонологической и морфонологической структуры общеадыгского языкового единства как в эпоху его самостоятельного существования, так и в последующее время индивидуального развития адыгских языков и диалектов.

SUMMARY

The present work is the phonetical part of the book on the comparative-historical study of the phonetics and morphology of the Adyghe (Circassian) languages. But the phonetical and morphological material is divided into two books whose methods, choice of material and chronological limits are identical.

This book is the first attempt to create a comparative-historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages. The work is based on the author's own observations, the achievements of the West-Caucasian comparative studies and the large linguistic material (first of all dialect material) published in the Soviet Union and abroad during the previous decades.

The first chapter of the book deals with the historical division of the West-Caucasian languages. The problems of phonetics and grammar are treated in this chapter too. According to the author's conception the Proto-Abhasian became an independent unit after the disintegration of the prelinguistic unity while the Adyghe-Oubykh linguistic unity lasted during a certain period of time in the history of these languages. The Adyghe-Oubykh linguistic unity is the result of the joint development of the dialect group during a certain period of time from the epoch of the disintegration of the West-Caucasian language unity up to the formation of the two independent areals - Adyghe and Oubykh. The content of the notion "the Proto-Adyghe (Proto-Circassian) language", its attitude to the earlier proto-linguistic stages of development is determined according to the new treatment of the problems of the historical differentiation of the West-Caucasian studies; it is important for the level reconstruction and the elaboration of the principles of the relative chronology.

The problems of the present state and the tasks of the comparative-historical studies of the phonetics of the Adyghe languages, the author's conception of the content of the comparative-historical phonetics and the principles of its construction are discussed in the second chapter.

The third and the fourth chapters being the main chapters of the book deal with the studies of the vocal and consonant sounds and the tendencies in the development of these sounds during the period of existence of

Adyghe languages and dialects that have singled out and isolated.

The Proto-Adyghe phonetic system postulated by the author differs greatly from the earlier attempts of other scholars to reconstruct the Proto-Adyghe consonantism and vocalism. The author did not include the so-called preruptive (non aspirated) stop consonants, voiced laryngeals, simple and labialized sibilant affricates etc. in the Proto-Adyghe.

The well-known monovocalic theory is discussed from the point of view of the West-Caucasian linguistic data as the linguistic facts of this language group are more often used for the typological verification of the monovocalic systems (including the Indo-European vocalism).

Special attention is paid in the book to the morphological analysis. The whole chapter is devoted to the ablaut, its origin and relative chronology. The genetic identity is established between the ablaut interchange in the process of the formation of the oppositions "transitivity - intransitivity" and "illative - elative". The system of the ablaut interchange in the Proto-Adyghe reveals wide typological parallels in many languages - Daghestan, Cartvel, Indo-European and others. But the laws of the word end which were given the detailed analysis in connection with the vocalic characteristics and the stem structure in the Proto-Adyghe and the West-Caucasian languages are closely related with the morphological phenomena (the fourth chapter). Different models of the stem (CV, CCV, CVCV etc.) are postulated for the Proto-Adyghe language.

There are short conclusions about the comparative-historical analysis of the sound structure of the Adyghe languages at the end of the book.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

абадз.	- абадзехский	перс.	- персидский
абаз.	- абазинский	рут.	- рутульский
абж.	- абжуйский	скр.	- санскрит
абх.	- абхазский	сван.	- сванский
авар.	- аварский	таб.	- табасаранский
ав.	- авестийский	тапант.	- тапантский
адыг.	- адыгейский	темирг.	- темиргоевский
анг.	- английский	тур.	- турецкий
араб.	- арабский	тюрк.	- тюркский
арм.	- армянский	убых.	- убыхский
арч.	- арчинский	хакуч.	- хакучинский
ашх.	- ашхарский	хет.	- хеттский
бакс.	- баксанский	цах.	- цахурский
балк.	- балкарский	чан.	- чанский
бацб.	- бацбийский	черк.	- черкесский
бесл.	- бесленеевский	чеч.	- чеченский
бжедуг.	- бжедугский	шапс.	- шапсугский
бзыб.	- бзыбский	АБНИИ	- Абхазский научно-исследовательский институт
гот.	- готский		
греч.	- греческий		
груз.	- грузинский	АГПИ	- Адыгейский государственный педагогический институт
дарг.	- даргинский		
др.-инд.	- древнеиндийский	АНИИ	- Адыгейский научно-исследовательский институт
занск.	- занский		
инг.	- ингушский		
и.е.	- индоевропейский		
каб.	- кабардинский	КБГПИ	- Кабардино-Балкарский государственный педагогический институт
кар.-балк.	- карачаево-балкарский		
куб.	- кубанский		
к.-зеленч.	- кубано-зеленчукский	КБГУ	- Кабардино-Балкарский государственный университет
кумык.	- кумыкский		
лак.	- лакский		
лат.	- латинский	КБНИИ	- Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
леск.	- лескенский		
лезг.	- лезгинский		
лит.	- литовский	СМОМПК	- Сборник для описания местностей и племен Кавказа
малк.	- малкинский		
мегр.	- мегрельский		
монг.	- монгольский		
мозд.	- моздокский		
русск.	- русский		
общадыг.	- общеадыгский		
осет.	- осетинский		

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958; т. II. Л., 1973.
- Абазинско-русский словарь. Под ред. В.Б. Тугова. М., 1967.
- Адыгейско-русский словарь. Под ред. Ж.А. Шаова. Майкоп, 1975.
- Амицба С.А. Лексика тапантского диалекта по сравнению с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов абхазского языка. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1969.
- Аристава Ш.К. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. - Труды Абхазского ин-та языка, лит-ры и истории, т. 30. Сухуми, 1959.
- Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. Нальчик, 1973.
- Абдоков А.И. К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик, 1976.
- Абрегов А.Н. Заметки по адыгейской этимологии. - Адыгейская филология, вып. VI. Ростов н/Д., 1974.
- Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. Автореф. канд. дис. Майкоп, 1966.
- Аутлев К.Л. Фонетические особенности бжедугского диалекта адыгейского языка. - Учен. зап. АГПИ, вып. 3, 1963.
- Аутлев К.Л. Полуабруптивные смычные бжедугского диалекта. - Учен. зап. АНИИ, т. XII. Майкоп, 1971.
- Апажев М.Л. К вопросу о степени фонематичности звуков в заимствуемых словах. - Вестн. КБНИИ, вып. 5. Нальчик, 1972.
- Аштамаф Д.А. Краткий обзор адыгейских диалектов. Майкоп, 1939.
- Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1968.
- Багов П.М. Вокализм в кубано-зеленчукских говорах. - Сб. научных работ аспирантов КБГУ, вып. I. 1965.
- Багов П.М. Звук и контекст. - Вестн. КБНИИ, вып. 7. Нальчик, 1973.
- Багов П.М. К вопросу об адыгской (кабардинской) орфографии. (На кабард. языке). Нальчик, газ. "Ленин гъуэгъ" от 1 и 4 апреля 1962.
- Багов П.М. К генезису аффикса множественного числа -хэ в адыгских языках. - Вестн. КБНИИ, вып. 4, Нальчик, 1970.
- Багов П.М. Шипящие аффрикаты и спиранты в черкесской речи жителей аулов Абзакта и Псоуче-Даха Карачаево-Черкесской автономной области. - Учен. зап. КБНИИ, т. XX. Нальчик, 1964.
- Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959.
- Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик, 1965..

- Балкаров Б.Х. История некоторых кабардинских согласных. - Учен. зап. КБНИИ, т. XX. Нальчик 1964.
- Балкаров Б.Х. История свистящих согласных в кабардинском языке. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, № 5, 1964.
- Балкаров Б.Х. История некоторых согласных и гласных адыгских языков. Нальчик, 1967.
- Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков (Синхронно-диахронное исследование). Нальчик, 1970.
- Балкаров Б.Х. Происхождение латеральных в адыгских языках. - Учен. зап. КБНИИ, т. XII. Майкоп, 1971.
- Бгажба Х.С. Взыбский диалект абхазского языка. Сухуми, 1964.
- Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Берсиров Б.М. О некоторых случаях десемантизации компонентов сложных глаголов в адыгейском языке. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, I. Тбилиси, 1974.
- Блягоз З.У. О фонетическом и грамматическом освоении адыгских слов, используемых в русском языке. - Адыгейская филология, вып. 2. Краснодар, 1967.
- Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932.
- Водождоков Х.Д. О звуковом составе адыгейского языка. - Адыгейская правда, 1954, 25 авг.
- Гайдаров Р.И. К вопросу о т.н. "геминантах" в лезгинском языке. - Учен. зап. Дагестанского гос. ун-та, вып. I. Махачкала, 1967.
- Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.
- Генко А.Н. О языке убухов. - Изв. АН СССР, сер. VII, № 3. Л., 1927.
- Генко А.Н. Абазинский язык. М., 1955.
- Генко А.Н. Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков. - Труды Абхазского ин-та языка, лит-ры и истории, т. XXVII. Сухуми., 1957.
- Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
- Гишев Н.Т. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп, 1968.
- Грамматика абхазского языка. Сухуми, 1968.
- Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957.
- Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1970.
- Гудава Т.Е. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964.
- Гудава Т.Е. Из истории корреляции "сильный - слабый" в аварско-андийско-дидойских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I. Тбилиси, 1974.
- Дауров Х.Б., Керашева З.И., Паранук И.И. Учебник адыгейского языка для 5-6 классов. Майкоп, 1971.
- Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.
- Джанашиа С.Н. Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи. - Изв. ИЯИМК, т. XII. Тбилиси, 1942.
- Джанашиа С.Н. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. - Сообщ. АН ГССР, т. I. Тбилиси, 1940.
- Джанашиа Б.П. Абхазско-грузинский словарь. Тбилиси, 1954.
- Дзасежев Х.Э. Современный

- кабардино-черкесский язык Черкесск, 1964 (на кабард.-черк. яз.).
- Журавлев В.К. Группофонема как основная фонологическая единица. - Исследования по фонологии. М., 1966.
- Зекох У.С. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969.
- Зекох У.С. Из истории адыгейской фонетико-грамматической литературы. - Учен. зап. АНИИ, т. XIV. Майкоп, 1972.
- Зиндер Л.Р. Фонематическая сущность долгого палатализованного [s':] в русском языке. - Филологические науки, № 2, 1963.
- Исследования по фонологии. М., 1966.
- Имнашвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.
- Кабардинско-русский словарь. Под общей ред. Б.М. Карданова М., 1957.
- Керашева З.И. Краткий грамматический очерк. Приложение к "Русско-адыгейскому словарю". М., 1960.
- Керашева З.И. Несколько слов относительно адыгейского литературного языка (на адыг. языке). - Социалистическэ Адыгей, 1958, 28 ноября.
- Керашева З.И., Хатапов А.А. По поводу статьи Х. Воджидова "О звуковом составе адыгейского языка". - Адыгейская правда, 1954, 25 дек.
- Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного анализа арчинского языка, т. I. Лексика, фонетика. М., 1977.
- Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов Г.А. Абхазо-адыгско-картвельские лексические параллели. - Этимология. М., 1969.
- Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. I - Этимология. М., 1965.
- Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. II - Этимология. М., 1968.
- Кличев Р.Н. Глагольные суффиксы направления в абхазском и абхазском языках. Черкесск, 1972.
- Коков Дж.Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимики. Нальчик, 1973.
- Коков Дж.Н. Адыгская (черкесская) топонимика. Нальчик, 1974.
- Кумахов М.А. К вопросу о классификации адыгских диалектов. - Учен. зап. КБГУ, вып. 2. Нальчик, 1957.
- Кумахов М.А. Адыгейский язык. - В кн.: Младописменные языки народов СССР. М.-Л., 1958.
- Кумахов М.А. К вопросу об аффрикатизации заднеязычных согласных адыгских языков. - Учен. зап. КБГУ, вып. 4. Нальчик, 1958.
- Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.-Нальчик, 1964.
- Кумахов М.А. Убыкский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. IV. М., 1967.
- Кумахов М.А. К истории категории числа в абхазо-адыгских языках. - Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969.
- Кумахов М.А. К проблеме аблаута в абхазо-адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. I. Тбилиси, 1974.
- Кумахов М.А. Отраслевая лексика с корнями řā 'ячень', řē| x'iz 'просо' в адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского язы-

- кознания, т. II. Тбилиси, 1975.
- Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М., 1971.
- Кумахов М.А., Шагиров А.К. Сравнительно-историческое изучение абхазско-адыгских языков. - В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.-Л., 1959.
- Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки. - ВЯ, 1973, № 6.
- Кумахов М.А. Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. - ВЯ, 1976, № 3.
- Кумахов М.А. Сравнительно-историческое изучение западнокавказских языков. Состояние и задачи. - Изв. АН СССР, ОЛЯ, № 3, 1980.
- Кумахова З.Ю. Некоторые вопросы нормы кабардино-черкесского литературного языка. - Учен. зап. КБНИИ, т. XXIV. Нальчик, 1967.
- Кумахова З.Ю. Адыгские языки. - В кн.: Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969.
- Кумахова З.Ю. К фонологической интерпретации консонантизма в адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. I. Тбилиси, 1974.
- Кумахова З.Ю. Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. Нальчик, 1972.
- Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972.
- Ломтатидзе К.В. Категория переходности в абхазском глаголе. - Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, т. XII. Тбилиси, 1941.
- Ломтатидзе К.В. Об одной фонетической закономерности в абхазско-абазинских диалектах. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 8. Тбилиси, 1942.
- Ломтатидзе К.В. Грамматический обзор тапантаского диалекта абхазского языка. Тбилиси, 1944.
- Ломтатидзе К.В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954.
- Ломтатидзе К.В. К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках. - Доклады и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, № 4, 1954.
- Ломтатидзе К.В. К звукосоотношению $\gamma//r$ в абхазско-адыгских языках. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. XXI, № 5. Тбилиси, 1958.
- Ломтатидзе К.В. Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазско-адыгских языков. - 25 Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
- Ломтатидзе К.В. К вопросу об исходных видах слов "рука" и "нога" в абхазско-адыгских языках и анализ некоторых картвельских основ. - ИКЯ, т. XV. Тбилиси, 1966.
- Ломтатидзе К.В. К истории свистяще-шипящих сибилантов в протоадыгском. - Сообщ. АН Груз. ССР, т. III, № 9. Тбилиси, 1967.
- Ломтатидзе К.В. Абазинский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. IV. М., 1967.
- Ломтатидзе К.В. Абхазский язык. - Там же.
- Ломтатидзе К.В. К вопросу об изменениях исходных консонантных комплексов tq tq^0 в абхазско-адыгской группе языков. - Тезисы докладов 26 научной сессии Ин-та языкознания АН Груз. ССР. Тбилиси, 1970.
- Ломтатидзе К.В. Об основе глагола "знать" в абхазско-адыгских языках. - Труды ТГУ, в. 3(142), 1972.
- Ломтатидзе К.В. К генезису фонемы γ в тапантаском диалекте. - ИКЯ, т. XVIII. Тбилиси, 1973.

- Ломтатидзе К.В. Влияние адыгских языков на абазинский язык. - Пятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. (Проблемы языковых контактов на Кавказе.) Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1973.
- Ломтатидзе К.В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси, 1976.
- Лопатинский Л.Г. Заметки о фонетических особенностях хакучинского и абадзехского говоров кяхского наречия. - СМОМПК, вып. XXI, отд. II. Тифлис, 1896.
- Лопатинский Л.Г. Заметки о кяхском наречии адыгейского языка, собственно бжедугском его говоре, на основании текста "Бзиекская битва". - СМОМПК, вып. XII, отд. I. Тифлис, 1891.
- Лопатинский Л.Г. Адыгские (черкесские) тексты. - СМОМПК, вып. XXI, отд. II. Тифлис, 1896.
- Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. - СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.
- Лопатинский Л.Г. Русско-кабардинский словарь с указателем. - СМОМПК, вып. XII, отд. II. Тифлис, 1891.
- Любве Л.Я. Словарь русско-черкесский или адыгский с краткою грамматикой сего последнего. Одесса, 1846.
- Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Мамрешев К.Т. Баксанский диалект. - В кн.: Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.
- Марр Н.Я. Абхазско-русский словарь. Л., 1926.
- Меретуков К.Х. Из топонимии и гидронимии Адыгеи. - Учен. зап. АНИИ, т. XII. Майкоп, 1971.
- Меретуков К.Х. О некоторых лексических встречах грузинского и абхазского языков с адыгейским языком. - Учен. зап. АНИИ, т. XIX. Майкоп, 1974.
- Милевский Т. Предпосылки типологического языкознания. - В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963.
- Набокова Н.М. Фонетические особенности армавирского говора адыгейского языка. - Учен. зап. КБНИИ, т. XX. Нальчик, 1964.
- Ногма Ш.Б. Филологические труды. т. I. Нальчик, 1956.
- Ногма Ш.Б. Филологические труды. т. II. Нальчик, 1959.
- Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.
- Рогава Г.В. Абхазско-адыгские языки. - В кн.: Языки народов СССР. т. IV. М., 1967.
- Рогава Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп, 1966.
- Рогава Г.В. Звонкий фарингальный спирант γ' в адыгейских языках. - Изв. ИЯИМК, т. X. Тбилиси, 1941.
- Рогава Г.В. Имена органической принадлежности в абхазско-адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. II. Тбилиси, 1975.
- Рогава Г.В. Кабардинский язык. - БСЭ, т. 19. М., 1953.
- Рогава Г.В. К вопросу об истории полиперсонализма в иберийско-кавказских языках. - ИКЯ, Тбилиси, 1962.
- Рогава Г.В. К вопросу об озвончении личных префиксов с и ф в кабардинском языке. - Учен. зап. КБНИИ, т. XXIV. Нальчик, 1966.
- Рогава Г.В. К вопросу об эр-

- гативе в абхазско-адыгских языках. - ИКЯ, т. XIV. Тбилиси, 1964.
- Рогова Г.В. К вопросу о звуковых соответствиях в абхазско-адыгских языках. - ИКЯ, т. XVIII. Тбилиси, 1973.
- Рогова Г.В. К вопросу о переходе классного спряжения в личное спряжение в иберийско-кавказских языках. - Сообщ. АН Груз.ССР, т. XIV, № 7. Тбилиси, 1953.
- Рогова Г.В. К вопросу о позиционном переходе гласного э в иррациональный гласный и в адыгских языках. - Труды ТГУ. вып. 1, (138), 1971.
- Рогова Г.В. К вопросу о рядах фарингальных взрывных в картвельских и адыгейских языках. - ИКЯ, т. I. Тбилиси, 1946.
- Рогова Г.В. К вопросу о спiranте һ в кабардинском языке. - Труды ТГУ, вып. 3, 1972.
- Рогова Г.В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.
- Рогова Г.В. К истории абруптивного смычного р в адыгских языках. - ИКЯ, т. VII. Тбилиси, 1955.
- Рогова Г.В. К истории шипящих спирантов в кабардинском языке. - Сообщ. АН Груз.ССР, т. XX, № 5. Тбилиси, 1958.
- Рогова Г.В. К словарной форме имени в адыгейском языке. - Учен. зап. АНИИ, т. 2. Майкоп, 1963.
- Рогова Г.В. К составу основы кабардинского глагола жиГэ-и 'говорить'. - Учен. зап. КБНИИ, т. XVI. Нальчик, 1959.
- Рогова Г.В. Некоторые вопросы звуковых соотношений между картвельскими и адыгскими языками. IV (XII) научная сессия 10 и 11 июня. Тбилиси, 1955. Тезисы докладов.
- Рогова Г.В. Об одном случае аффрикатизации глухого шипящего спиранта в нижеадыгейском и грузинском языках. - ИКЯ, т. 2. Тбилиси, 1948.
- Рогова Г.В. Основные фонетические процессы в адыгских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. I. Тбилиси, 1974.
- Рогова Г.В. О четвертичной системе взрывных в кавказских языках. - Сообщ. АН Груз.ССР, т. IV, № 3. Тбилиси, 1943.
- Рогова Г.В. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка (рец.). - Труды Кутаисского ГПИ, IX. Кутаиси, 1949.
- Рогова Г.В. Четвертичная система смычных в адыгейских языках. - Сообщ. АН Груз.ССР, т. IV, № 3, 1943.
- Рогова Г.В. Шипящие аффрикаты в нижеадыгейском языке. - Изв. ИЯИМК, т. XII, 1942.
- Рогова Г.В. О некоторых вопросах статических глаголов и именных предложений в абхазско-адыгских и картвельских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. IV. Тбилиси, 1977.
- Русско-адыгейский словарь. Под ред. Х.Д. Водождокова. М., 1960.
- Русско-абазинский словарь. Отв. ред. Х.Д. Жиров, Н.Б. Экба. М., 1956.
- Русско-абхазский словарь. Гл. ред. Х.С. Бгажба. Сухуми, 1964.
- Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Сравнительная грамматика германских языков. II. Фонология. М., 1962.
- Талибов Б.Б. О некоторых фонетических процессах в лезгинском языке. - Учен. зап. Ин-та истории, язы-

- ка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, т. XI. Махачкала, 1962.
- Талибов В.В.* О процессе оглушения звонких согласных в лезгинских языках. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. IV. Тбилиси, 1977.
- Темирова Р.Х.* Лексические особенности речи черкесов. Черкесск, 1975.
- Топуриа Г.В.* Об одной закономерности в системе преруптивов лезгинского языка. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, т. I, 1974.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Турчанинов Г.Ф.* О некоторых фонетических явлениях в кабардинском языке первой половины XIX в. - Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. 2, 1949.
- Турчанинов Г.Ф., Цагов М.* Грамматика кабардинского языка. М.-Л., 1940.
- Турчанинов Г.Ф.* Материалы по диалекту моздокских кабардинцев. - Учен. зап. КНИИ, т. I. Нальчик, 1946.
- Турчанинов Г.Ф.* О кабардинской грамматике Ш.Б. Ногма (Ш.Б. Ногма. Филологические труды, т. 2. Нальчик, 1959).
- Уджуху Т.Ш.* Преруптивные смычные согласные западных диалектов адыгейского языка. - В кн.: Строение предложения в адыгейском языке. Майкоп, 1976.
- Тхаркахо Ю.А.* Особенности чечмугуйского диалекта адыгейского языка. - Учен. зап. АНИИ, т. II. Майкоп, 1963.
- Тхаркахо Ю.А.* Об одной фонетической закономерности в адыгских языках. - Учен. зап. АНИИ, т. XII. Майкоп, 1971.
- Урусов Х.Ш.* Слог и ударение. - Материалы научно-исследовательской конференции преподавателей русского, кабардинского, балкарского языков и литературы. Нальчик, 1963.
- Урусов Х.Ш.* История кабардинского литературного языка. Нальчик, 1968 (на кабард.-черк. яз.).
- Услар П.К.* Абхазский язык. Этнография Кавказа. Тифлис, 1887.
- Хатапов А.А., Керашева З.И.* Толковый словарь адыгейского языка. Майкоп. 1960.
- Ципленкова Л.Х.* Спорные вопросы адыгейской фонологии. - Учен. зап. АНИИ, т. XIX. Майкоп, 1974.
- Чарая П.* Об отношении абхазского языка к яфетическим. С.-Пб., 1912.
- Чикобава А.С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Тбилиси, 1948.
- Чикобава А.С.* Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. П. Тбилиси, 1961.
- Чикобава А.С.* Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков. - Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, I. Тбилиси, 1974.
- Шагиров А.К.* Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962.
- Шагиров А.К.* Малкинский говор. - В кн.: Очерки кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик, 1969.
- Шагиров А.К.* Вопросы сравнительно-исторического и этимологического исследования лексики адыгских языков. Нальчик, 1971.
- Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.
- Шенгелия В.Г.* Конечные консонантные группы в адыгейском литературном языке. - Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных работников Ин-та языкознания АН Груз.ССР, 20-21 апреля 1970. Тбилиси, 1970.
- Шенгелия В.Г.* Начальные кон-

- сонантные группы в адыгейском литературном языке. - Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных работников Ин-та языкознания АН Груз. ССР, 14-15 апреля 1969. Тбилиси, 1969.
- Шенгелиа В.Г. Об одном случае позиционного образования латерального согласного в адыгских языках (на груз. яз.) - 27 научная сессия, 23-24 декабря 1971. Тбилиси, 1971.
- Шмидт К.Х. Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков. - ВЯ, 1972, № 4.
- Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М., 1970.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.-Л., 1941.
- Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948.
- Яковлев Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгских) наречий и языков. - Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ, т. I. Ростов н/Д., 1928.
- Яковлев Н.Ф. Материалы для кабардинского словаря. Вып. I. Словарь односложных коренных слов и корневой типа открытого слога. М., 1927.
- Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка. Краснодар, 1930.
- Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории). - В кн.: Культура и письменность Востока, кн. I. М., 1928.
- Allen W.S. On One-Vowel Systems. - Lingua, 1965, v. 13, N 2.
- Alparslan O., Dumézil G. Le parler besney de Zennun köyü, I.-Journal Asiatique, 1963 et II.-Journal Asiatique, 1964.
- Dumézil G. La langue des Oubykhs. Paris, 1931.
- Dumézil G., Namitok A. Racines oubykhs et tcherkesses a u-prefixe. - BSL, XXXIX, 1939.
- Dumézil G. Notes sur le verbe du tcherkesse occidental. - Revue des Etudes Islamiques, I-II, 1940, 1941.
- Dumézil G., Namitok A. Le système des sons l'oubykh. - BSL, L, 1954, f. 1.
- Dumézil G. Les gutturales de l'oubykh. - BSL, LI, 1955.
- Dumézil G. Etudes Oubykhs. Paris, 1959.
- Dumézil G. Documents Anato-liens sur les langues et les traditions du Caucase. I, Paris, 1960.
- Dumézil G. Documents Anato-liens sur les langues et les traditions du Caucase. II, Paris, 1962.
- Dumézil G. Documents Anato-liens sur les langues et les traditions du Caucase. III, Paris, 1965.
- Dumézil G. Documents Anato-liens sur les langues et les traditions du Caucase. V., Paris, 1967.
- Dumézil G. Le verbe oubykh. Paris, 1975.
- Halle M. Is kabardian a vowel-less language? - Foundations of language. v. 6, N 1, 1970.
- Kuipers A.H. The Nord-West Caucasian Languages. - Analecta Slavica. 1955, I.
- Kuipers A.H. Phoneme and Morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe), 's-Gravenhage, 1960.
- Kuipers A.H. The Circassian Nominal Paradigm: A Contribution to Case-Theory. - Lingua, XI, 1962.
- Kuipers A.H. Proto-Circassian Phonology: An Essay in Reconstruction. - Studia Caucasica, I, 1963.

- Kuipers A.H.* Unique Types and Typological Universals. - In: Pravidanām: Indian, Iranian and Indo-European Studies Presented to F.B.J. Kuiper. The Hague, 1968.
- Kuipers A.H.* Remarks on the Structure of Kabardian. - La Linguistique, 2, 1966.
- Kuipers A.H.* Typologically salient features of some North-West Caucasian languages. - Studia caucasica, III, The Petter de Piddler Press, 1976.
- Lafon R.* Les problèmes concernant les consonnes latérales dans les langues caucasiennes. - Bedi Kartlisa, 15-16, N 43-44, 1963.
- Meszaros J.* Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934.
- Kurylowicz J.* Probleme der indogermanischen Lautlehre. - II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962.
- Paris C.* Textes besney. - Journal Asiatique. t. CCLVI, N 1, 1968.
- Paris C.* Système phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler besney de Zennun köyü (tcherkesse oriental). Paris, 1974.
- Paris C.* Les occlusives "fortes" dans le parler chapsough de Cemilbey (tcherkesse occidental). - BSL, t. LXVII, f. 1, 1972.
- Polak V.* La position linguistique des langues caucasiennes. - Studia Linguistica, IV, 1-12, 1950.
- Schebeck B.* The Structure of Kabardian. - La Linguistique, I, 1965.
- Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861.
- Szemerényi O.* Structuralism and substratum Indo-Europeans and Aryans in the ancient Near East. - Lingua, v. 13, N 1, 1964.
- Szemerényi O.* The new look of Indo-European: Reconstruction and typology. - Phonetica, v. 17, N 2, 1967.
- Saussure F.* de Memoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes. Paris, 1879.
- Schmidt G.* Abchasische Lehnwortstudien. - Studia Orientalia, XIV, 4, Helsinki, 1950.
- Trubetzkoy N.* Les consonnes latérales des langues caucasiennes septentrionales. - BSL, 1922, t. XXIII, fasc. 3 (N 70).
- Trubetzkoy N.* Nordkaukasische Wortgleichungen. - Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXXVII, H. 1-2, Wien, 1930.
- Jakobson P.* Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics. - In: Proceedings of the Eighth international Congress of Linguists. Oslo, 1958.
- Vogt H.* Dictionnaire de la langue Obykh. Oslo, 1963.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Предисловие</u>	3
Глава I	
<u>Вопросы членения западнокавказских языков</u>	7
Глава II	
<u>Сравнительно-историческое изучение фонетики адыгских языков: состояние и задачи.</u>	21
Глава III	
<u>Вокализм.</u>	39
Общие замечания.	39
Из истории изучения адыгского вокализма.	40
Общеадыгский вокализм.	43
Соотношение общеадыгского и западнокавказского вокализма.	46
О гетерогенной основе общеадыгского вокализма.	48
Общезападнокавказские явления.	49
Общеадыгско-убыхские явления	51
Общеадыгские явления	52
Адыгские инновации	56
Проблема долгих гласных.	61
Проблема носовых гласных	69
Явления конца слова.	72
Предварительные замечания	72
Отпадение конечного и	75
Развитие конечного и	81
Отпадение конечного э	83
Развитие конечного э.	87
Относительная хронология законов конца слова.	87
Теория моновокализма в свете данных западнокавказских языков.	89
Глава IV	
<u>Консонантизм.</u>	107
Общие замечания.	107
Консонантные системы адыгских языков	108
Проблема преруптивов	121
Состав и ареал распространения преруптивов.	121
Происхождение преруптивов	129
Вопрос о глухих придыхательных согласных	141
О лабиализованных согласных.	149
Вопрос о ларингальных согласных.	153
Общеадыгский консонантизм.	157
Общая характеристика.	157
Смычные,	163
Спиранты.	194
Сонанты	215
Позиционные фонетические изменения	223

Глава V

<u>Чередование гласных: аблаут</u>	229
Предварительные замечания.	229
Аблаут как средство дифференциации переходных и непереходных основ	232
Аблаут как средство дифференциации объектных и безобъектных основ	236
Аблаут как средство дифференциации иллативных и элативных основ	238
О синтагматической взаимосвязи чередований гласных	239
О генезисе и относительной хронологии аблаутных че- редований.	240

Глава VI

<u>Структура корня в общеадыгском и западнокавказском.</u>	256
Предварительные замечания.	256
Древняя структура корня в понимании Н.Ф. Яковлева.	257
Концепция Г.В. Рогава и его школы.	259
Понятие проточеркесского корня у А. Койперса	260
Общеадыгский корень, его структурное оформление.	261
Корень в общеадыгском и западнокавказском.	265
<u>Заключение.</u>	268
<u>Summary</u>	275
<u>Принятые сокращения названий языков, диалектов и гово- ров</u>	277
<u>Библиография.</u>	278

Мухадин Абубекирович К у м а х о в СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА АДЫГСКИХ (ЧЕРКЕССКИХ) ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *А.И. Кучинская*
Художественный редактор *Т.И. Алексеева*
Технические редакторы *Н.М. Петракова, Н.М. Бурова*

ИБ № 22216

Подписано к печати 08.09.81. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.печ.л. 18,0. Уч.-изд.л. 20,1. Тираж 1250 экз.
Тип. зак. 434. Цена 3 р. 40 к.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука",
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

